

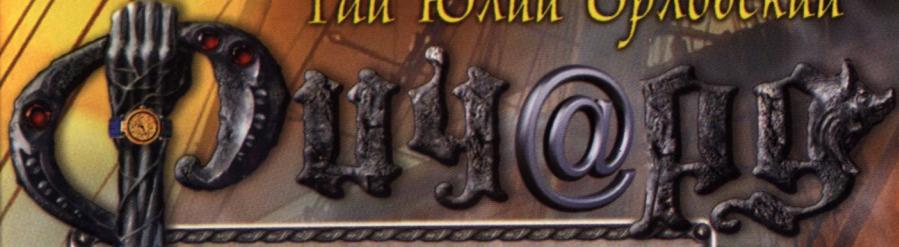
Гай Юлий
Орловский

—
Длинные Руки —
корни

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
корни

Принцесса
любой
ценои!

Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Ричард Длинные Руки

Ричард Длинные Руки — боец Господа

Ричард Длинные Руки — паладин Господа

Ричард Длинные Руки — сеньор

Ричард де Амальфи

Ричард Длинные Руки —
властелин трех замков

Ричард Длинные Руки — виконт

Ричард Длинные Руки — барон

Ричард Длинные Руки — ярл

Ричард Длинные Руки — граф

Ричард Длинные Руки — бургграф

Ричард Длинные Руки — ландлорд

Ричард Длинные Руки — пфальцграф

Ричард Длинные Руки — оверлорд

Ричард Длинные Руки — коннетабль

Ричард Длинные Руки — маркиз

Ричард Длинные Руки — гроссграф

Ричард Длинные Руки — лорд-протектор

Ричард Длинные Руки — майордом

Ричард Длинные Руки — маркграф

Ричард Длинные Руки — гауграф

Ричард Длинные Руки — фрайграф

Ричард Длинные Руки — вильдграф

Ричард Длинные Руки — рауграф

Ричард Длинные Руки —
конунг

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

ЭКСМО
Москва
2010

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

О-66 **Орловский Г. Ю.**
 Ричард Длинные Руки — конунг : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2010. — 512 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-42249-4

Лорды все настойчивее подталкивают сэра Ричарда к женитьбе. Целесообразность этого шага наконец понимает и сам майордом. И хотя рыцарское войско уже вторглось в Гандерстейм, Ричард находит время для свадебной церемонии!

Правда, соперников чересчур, от простых рыцарей до герцогов, но все один за другим падают под тяжелыми ударами двуручного меча Ричарда!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-42249-4

© Орловский Г. Ю., 2010
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2010

Христианами становятся, а не рождаются.

Тертуллиан (ок. 160 — после 220 гг.)

Часть 1

Глава 1

На меня смотрели требовательно и с ожиданием, как мои лорды, так и кардинал с прелатами. Я медленно разжал кулаки, сердце барабанит по ребрам, но сдержался и мазнул взглядом по внимательным лицам гостей из Ватикана, эти ждут чего-то поумнее, чем разъяренный вопль уязвленного феодала.

Я перевел дыхание, заставил мышцы лица перестроить гримасу ярости в примирительную улыбку.

— Оскорбление? Я не вижу никакого оскорблени.

Рыцари зашумели, послышалось злое сопение и бряцание клинков. Граф Ришар, выражая общее мнение армландцев, напомнил гневно:

— Король Кейдан пожаловал вам оскорбительно малый титул!.. И землю... какую? Это не оскорбление?

Я покачал головой.

— Нет. Давайте отнесемся к этому скромному дару со всем христианским пониманием.

Сэр Раster прорычал:

— А что тут понимать?

— Каждый дает столько, — ответил я и улыбнулся как можно более кротко, — сколько может. Зачем гневаться? Можно только пожалеть такого короля.

Я улыбался, хотя внутри кипит от злости, хлопнул по плечу Раsterа, толкнул барона Альбрехта, и

на лицах одного-двух рассерженных лордов начали пропасть проблески понимания. Любой дар при нужной изворотливости можно повернуть против дарителя. Кейдан теперь сам выглядит оплеванным, любой властелин прежде всего восхваляется соратниками, подданными и бардами за щедрые дары. Скупость всегда выглядит отвратительной, но особенно порицаема, если в ней замечены венценосные особы.

Кардинал неожиданно улыбнулся, поднялся, все такой же худой и тщедушный, но теперь в нем ощутимо величие, в каждом движении проступает сила, которую я раньше не замечал. Прелаты торопливо воздели себя вслед за его высокопреосвященством.

Кардинал сказал мягко:

- Не провожайте нас, сэр Ричард. Отец Дитрих?
- Почту за честь, — ответил отец Дитрих.

Габриэль Хорст, высокий и такой же худой, как и кардинал, чуть ли не впервые выпрямил спину, взгляд прям и честен, а в лице нет хитрости.

— У вас своих забот хватает, — пояснил он без особой надобности. — А мы... мы тоже путешествуем быстро.

Он чуть улыбнулся, давая понять, что знает о моем Зайчике больше меня самого, кивнул и вышел вслед за кардиналом и отцом Раймоном.

Мои разъяренные лорды даже не заметили исчезновения проклятых ватиканцев, что отравляли жизнь все это время. Только барон Альбрехт сдержан, даже улыбается, но благородный человек не выражает низменных чувств, если может их удержать.

Я сказал успокаивающее:

— Друзья, прошу всех сесть. От великого до смешного, как вы знаете, один шаг, но от смешного уже нет пути к великому. Так что король Кейдан...

Сэр Раster сказал грубое слово, но, к счастью, дам вблизи нет, а барон Альбрехт спросил настойчиво:

- Но как-то отреагировать надо?

Я кивнул.

— Прямо здесь решим, как реагировать. Я предлагаю просто не обращать внимания.

Усаживались с неохотой, стоя легче выкрикивать угрозы в адрес короля. Звякает железо, граф Ришар снова заговорил первым, голос его звучал все еще с гневом, но теперь я услышал и тревогу:

— А не потому ли Его Величество решился пожаловать вам такой оскорбительно малый титул, что узнал про гауграфа?

Рыцари зашумели, заговорили кто растерянно, кто с ожесточением, постепенно всех перекрыл негодующий голос сэра Ульриха:

— ...а что не так с гауграфом? Возможно, благородный и достопочтеннейший сэр Ришар не знает, нам не подарили, мы силой захватили самый неприступный замок в королевстве Турнедо! Я сам вел крохотный отряд рыцарей через чужое королевство, рискуя каждую минуту быть замеченным. Это подвиг, о котором еще сложат баллады!.. Титул гауграфа — это вынужденное признание враждебным нам королем права владения вырванным из его королевства клочком земли!.. Все ли понимают, что сэр Ричард захватил земли чужого королевства?

Он разошелся не на шутку, глаза сверкают, лицо налилось кровью, я никогда не видел всегда сдержанного сэра Ульриха таким возбужденным.

Рыцари слушали, утихомиривались, наконец граф Ришар сказал угрюмо:

— Доблестный сэр Ульрих, никто не сомневается, титул получен без ущерба для чести Армландии, для всего нашего крестоносного воинства и лично сэра Ричарда. Но возникает вопрос, как сумел Его Величество сразу узнать такие подробности и моментально принять решение... Отряд под рукой благородного сэра Клавдия — Господь, прими его душу с миром, — прибыл совсем недавно!

— ...и как гонец оказался здесь так быстро, — добавил сэр Паладий до жути трезвым голосом.

— Это тоже, — согласился барон Альбрехт.

Я поднялся, похлопал ладонью по столу.

— Благородные лорды, успокойтесь! Если уж быть точными, нас многое оскорбляет в этой жизни, но на одни вещи оскорбляемся, другие игнорируем. Иначе будет не жизнь, а сплошной ад. Отнеситесь к этому дару короля как к пролетевшей над головой птичке, что накакала вам на шляпу. Поморщились и продолжаем заниматься своими делами дальше.

Граф Ришар поинтересовался:

— Значит, не ринетесь обустраивать Землю Дьявола?

Я посмотрел в упор.

— Граф, вы меня удивляете.

Он усмехнулся.

— Это была шутка, сэр Ричард.

Сэр Растер прогудел по-медвежьи мощно и раскатисто:

— А что?.. Лучший ответ — оставить без ответа. Пренебречь.

— А объяснить всем, — сказал барон Альбрехт, — что заботимся о репутации Его Величества. Когда ему случается брякнуть какую-то глупость, как вот в этот раз, деликатно делаем вид, что не слышали вовсе.

Сэр Альвар развеселился, хохотнул:

— Хитрый вы жук, сэр Альбрехт!.. Так все повернуть!

Барон кивком указал в мою сторону:

— Никто сэра Ричарда не пережучит. Это такой жук, жучище, даже жучара, всем жукам жук...»

Я сказал властно:

— Обстоятельства переменились, дорогие друзья. Пусть там Зайчика пока расседлают. И Бобику передадут мои извинения. Граф Ришар уже намекал достаточно настойчиво, что перед отправкой в Гандергейм нужно кое в чем подстраховаться. Все-таки Его Величество может на-

грянути ве́сьма неожида́нно, а это со́здаёт добавочны́е трудно́сти...

— Особено, — прогудел Ра́стер обеспокоено, — еслi буде́те в Гандерсгейме.

— И все там будем, — трезво сказа́л Ульрих.

— Тогда сдела́ем так, — сказа́л я. — Все пока свободны. Не в смы́ле свободны твори́ть вся́кие непотребства, а от меня пока свободны, но работу все равно спрошу! По́сле обеда встрети́мся в главном зале. Я оглашу задачи теку́щего дня.

Они торопливо расступи́лись, почтительно кланя́ясь, я двину́лся к выходу твердыми шагами. Ляжки подрагива́ют от желания пуститься бегом, но я застави́л себя идти властно и степенно.

Лорды начали покида́ть стены этого гостевого домика, когда я был уже на полпути к главному зданию.

Солнце в небе вы́соко, хоть и не в зените, но еще утро, а я уже с луком за плечами, арбалетом в мешке и в до́рожной одежде, дурак, мечтал немедленно покинуть столицу, где так достали эти папские легаты, и умчаться в Гандерсгейм...

Дорожки в саду еще в тени, но широкие мраморные ступени дворца полыхают небесным огнем, неистово сверкают колонны, и только в глубине портика лежит еще почти ночная тень.

Передо мной двери распахиваются словно сами по се́бе, это у стражей отработано до автоматизма, ни одного лишнего движения, потому их и не замечаем, и только во внутренних покоях, где залы переходят один в другой широкими арками без всяких дверей, почти нет стражей, а только видно изредка проскальзывающих, как тени, шу́стрых слуг.

Со стен вы́сокомерно смотрят мордатые короли, в нишах мраморные фигуры закованных в латы рыцарей.

Только у входа две бронзовые статуи воинов в древних доспехах выбиваются из художественного образа, да еще у обоих в руках копья больше похожи на пики простолюдинов...

Я шел быстро, но чуткие уши уловили озабоченный голос за ближайшим углом:

— А его светлость сегодня гневен...

— Да не гневен, — возразил другой голос, — это он так озабочен. Это лорд Ришар гневен, когда вот так брови, а когда сэр Ричард в гневе, то у него желваки сразу, как греческие орехи размером!.. И пальцы стискивает.

Я сбавил шаг, потом остановился. Судя по голосам, разговаривают дворцовые стражи. С одной стороны — подслушивать нехорошо, но с другой — подслушивают бабки-сплетницы, а государственные мужи собирают полезную информацию.

— Да, — согласился третий голос, — я видел, пальцы аж белеют, когда вот так давит подлокотники.

— И я видел. Вот-вот дерево покрошится...

— А еще он губы стискивает, — поделился информацией первый голос. — Не слишком, но у него губы, как у младенца, а когда стискивает, то уже как у старца — прямые и бескровные...

Господи, мелькнула мысль, неужто я так легко читаю? А ведь стараюсь, слежу за своим рылом и телом. Ни глазом не моргну, ни пальцем не двину, но все-таки видят меня насквозь, опытные гады. Слишком уж распустился в бесхитростном и прямодушном мире Армландии.

— Зато, — продолжал рассудительный голос, — когда доволен, глаза сияют. Его Величество раньше в таких случаях наклонял голову или приспускал ресницы, а потом научился смотреть так, что по нему ничего никогда не поймешь...

— А скажите, — спросил третий голос суетливо, — а когда у сэра Ричарда раздуваются ноздри, это к добру или

к худу?.. Я вот никак не пойму! Иногда так, другой раз эдак...

— Это заинтересованность, — предположил первый. — Голову даю на отрез! А к добру или худу... все зависит...

Я отошел на пару шагов назад, затопал на месте, голова сразу умолкли, я прошел мимо застывших часовых, морды каменные, глаза выпучены, во всем облике зверское рвение тащить и не пущать.

Барон Торрекс Эйц, начальник дворцовой стражи, откозырял красиво и почтительно, на лице готовность выполнить любой приказ, я улыбнулся вельможно и продолжил путь к своему кабинету. Из соседнего помещения вышел с хронометрической точностью сэр Жерар Макдугал, угрюмый и молчаливый рыцарь, очень расчетливый в каждом слове и жесте, мой личный секретарь.

— Сэр Жерар, — сказал я в ответ на его поклон, — кардинал уехал, все поют... но теперь вас беру за глотки я!

Он вздрогнул.

— Ой, сэр Ричард! Лучше уж кардиналы...

— Это чего вдруг?

— Они совсем ягнята рядом с вами. У вас такая хватка...

— А вы думали? — возразил я с веселой угрозой. — Все запляшут!.. Меня всего распирает, видите? Столько работы!.. И как накинемся!

На его лице было написано, охотнее бы кинулся в другую сторону, но растянул губы в улыбке и сказал почтительно:

— Да-да, сэр Ричард, а как же! Вот прямо так и накиннемся.

— Я сейчас в монастырь, — сказал я.

Он живо перекрестился.

— Славу Господу! Наконец-то...

Я пояснил злобным голосом:

— И не мечтайте! Посмотрю, как начали делать паровой котел... там умники уже ломают головы, как приспо-

собить для откачивания воды из шахт. Еще для камнедробилок...

Он прервал:

— Сэр Ричард, прошу прощения за непомерную дерзость, но как бы вам напомнить со всей почтительностью и не схлопотать, что вы еще и его светлость? Может быть, сами вспомните? А это значит, вам сегодня принимать послов из Турнедо от короля Гиллеберда как бы лично, но неофициально, герцога Ульриха из Ундерлендов, делегацию купцов Тараскона, а также рассмотреть совместную петицию от местных лордов...

Я поморщился, мелькнула трусливая мыслишка переложить на Ришара и прочих военачальников, но это уж слишком, и так передаю чересчур много ключевых дел, такое чревато боком.

— Ладно, — ответил я, — послов, герцога, петицию... да, это должен рассматривать майордом. Но хотя бы делегацию купцов... Эх, этих тоже нельзя. Обидятся. Не просто подданные! Я их бургграф, не гусь из мясной лавки. Хорошо, организуйте, но только в темпе!.. Как можно быстрее, а саму церемонию покороче, покороче.

Он поклонился.

— Да-да, как можно быстрее, но не слишком. Это покажет им, что на ваших плечах много не менее важных дел, это вы хорошо придумали. Правда, нужно точно вычислить время, чтобы не было умаления их достоинства...

— Ну да, — согласился я кисло, — следи за балансом.

Он раскрыл передо мной дверь, опередив лакея, я вошел с поднятой головой, скоро разучусь сам это делать, за мной негромко стукнуло.

На столе кипа бумаг, словно у клерка. У крупного деятеля поверхность стола должна была чиста, даже чернильницу подаст слуга, когда она вдруг зачем-то понадобится.

Выбиваюсь из образа, мелькнула мысль, в работе крупного политика не должно быть мелочей.

Едва я рухнул в кресло, дверь приоткрылась, в щелочку проскользнул, как самый робкий из чучундр, Куно, шляпа в откинутой наотмашь руке, заискивающе улыбнулся.

— Ваша светлость...

— Куно, — сказал я с досадой, — не переигрывай. Ты же сам явился и предложил свои услуги! Для такого поступка нужны не только ум и умение ориентироваться в ситуации, но и отвага. А сейчас зайчиком прикидываешься!

Он сдержанно улыбнулся:

— Зато у меня нет врагов, ваша светлость. Даже завистники не очень... уверены, стоит ли мне завидовать.

— Стоит ли? — спросил я. — Ладно, дело твое. Но учти, я тебя насквозь вижу. Давай, что там с рудниками? Кстати, мне принадлежат богатейшие рудники в королевстве Шателлен. Я так и не добрался до них, но сейчас самое время напомнить, что это мое-мое-мое... видишь, какой я загребущий?

Он сдержанно улыбнулся.

— Что-то мне кажется, будь там рудники по добыче золота, вы бы не так загребывали...

— Спасибо, — сказал я. — Наверное, шутишь, но мне в самом деле железо дороже. Если, конечно, много и недорого. Не забудь подобрать толкового человека, пошлешь управителем.

Он спросил опасливо:

— А они в самом деле ваши?

— Точно, — заверил я. — Местный лорд был счастлив, что я предпочел рудники, а не принцессу. Теперь, наверняка, жалеет, но благородный человек от слова не отступится.

Он посмотрел на меня с недоверием.

— У него был выбор: принцессу или рудник?

— Представь себе.

— И он выбрал принцессу?

Я кивнул.

— Да, вот такой чудак.

— Это вообще сумасшедший, — сказал он с убеждением. — Как можно! Цена рудника только растет, а вот принцесса с каждым годом... гм... как бы сказать поделикатнее...

Я великодушно отмахнулся.

— Не надо. Мы в таких делах понимаем друг друга с полуслова.

Он спросил тихонько:

— Он на ней еще и женился?

Я с удовлетворением потер руки.

— Ну как, ловкий я гад?

Он покачал головой.

— Где такие непуганые королевства? Эх, мне бы туда... Я с вами играть не сяду. Кстати, а что предпримете насчет пожалования вам раутрафа?

Я посмотрел на него с высокомерным удивлением.

— Я? Предприму?

— Ну... да...

— А я должен?

Он развел руками.

— Согласно дипломатическому протоколу отреагировать как-то надо.

— Составьте ответ, — велел я, — в самых витиеватых выражениях со словами благодарности и признательности. Постройте фразы так, чтобы никто не мог придраться и усмотреть неуважение или неблагодарность. Пусть все будет на высшем уровне! Копию наверняка отошлют императору. А сами пусть поломают голову, что это могло бы означать... А я займусь тем, чем и собирался. Помимо похода в Гандерстейм отремонтирую порт, дострою башни у входа в бухту, а там рукой подать до закладки флота океанских кораблей... Если Кейдан ждет, что ринусь благоустраивать Землю Дьявола, что ж, пусть ждет, мне ничуть не жалко.

Куно покачал головой.

— Возможно, как раз ждет взрыва возмущения. Вообще-то вы должны, как считают все рыцари, отказаться в самых резких выражениях.

Я вскинул брови и посмотрел на него, как дитя на скелет.

— От великого, — напомнил я, — до смешного один шаг. Когда император пожаловал меня титулом маркграфа, это одно, но когда вслед за ним Кейдан, как созданная дьяволом в подражание Господу обезьяна, присваивает мне титул рауграфа... это уже нелепо. И не стоит гневаться благородным лордам. Гневаются на равных, а над клоунами смеются. Потому посмеялись и... снова вернемся к нашим баранам. Я имею в виду наши проблемы и заботы.

Он смотрел сосредоточенно, все схватывает на лету, анализирует, чтобы тут же деликатно возразить, если нужно, прокомментировать или выразить восторг, что мне нравится, конечно, больше.

— Что-то еще? — спросил я.

Он поклонился.

— Да, совсем уж мелочь... Поступили сведения о проведенной вчера черной мессе... Я постарался выяснить через челядь, чем там занимались на самом деле...

— ...И?

— Я бы не сказал, — произнес он осторожно, — что это заговорщики. Скорее, глупая бравада. Показывают, что новую власть вот нисколечки не боятся. Это не еретики, а просто дураки. Молодые дураки, что совсем понятно.

Я спросил рассерженно:

— Что вы хотите сказать? Можно обойтись простой поркой?

Куно с неловкостью развел руками.

— Если бы можно было так! Но это отпрыски слишком знатных семейств. Их пороть нельзя.

— А казнить?

Он ответил со вздохом:

— Казнить можно. Но только позолоченным мечом.

— А топором?

— Оскорбите все рыцарство, — предупредил он. — Топором лишают головы только за мелкие проступки.

— Хорошо, — сказал я нетерпеливо. — Если это для них так важно, то пусть палач даже целует каждого в зад, перед тем как срубить голову. Я прагматик. Оставим это дело местной полиции, наши лорды руководят ею неплохо и с рвением. А нам надо заниматься важными вопросами... Кстати, Куно, деликатная ситуация. Возвращается король, я не буду гневаться, если перебежишь к нему. Но хотелось бы, чтоб предупредил заранее.

Он помялся, вздохнул.

— Ваша светлость, не примите за лесть, хотя очень похоже... но при Его Величестве никогда не было такого строительства, такого движения в королевстве! Мне с вами работать не просто нравится больше, а я... счастлив. У вас размах, дерзость, проекты... Вы взялись за строительство большого порта, впервые за всю историю королевства взялись! Такое осуществить невероятно трудно, но я почему-то уверен, у вас получится. Даже несмотря на тот печальный пиратский рейд... Мне нравится моя нынешняя работа, ваша светлость! А с вами у меня столько дел, на небо взглянуть некогда.

— Трудоголик, — сказал я с удовлетворением. — Побольше бы таких чокнутых.

— Спасибо, ваша светлость...

Я милостиво наклонил голову.

— Хорошо, действуй в том же направлении. Я скоро отбуду в Гандергейм, не к кому будет бегать за разрешениями. Понял? Сам себе разрешать будешь. И запрещать тоже.

Он даже вздрогнул, глаза расширились.

— А граф Ришар?

— Он и поведет войска в Гандерсгейм, — сообщил я. — Это специализация графа — уметь вести крупные массы войск даже туда, куда идти не хотят. А я — майор-дом! На моей шее не только Гандерсгейм.

Он поклонился.

— Все понял, ваша светлость.

— Кстати, — сказал я, — чуть не забыл... объяви мой новый указ... или повеление. Словом, сам придумай, как это подать. Я изволю собрать все разряженные амулеты, которые обычно выбрасывают за ненадобностью, дабы классифицировать и занести в реестр. А то и в регистр. Объяви за это денежную награду, а то бесплатно никто ради Отечества и пальцем не шелохнет. Небольшую, конечно. Ровно столько, чтобы человек не выбросил, а все-таки принес и сдал.

Он поклонился, пряча настороженный блеск глаз.

— Будет сделано. Вы сами будете... классифицировать?

Я удивился:

— А ты на что?

— Я?

— У тебя помощников не хватает? — спросил я. — Так заведи еще.

— Хорошо, — ответил он. — Будет сделано.

— Иди, — разрешил я. — Вижу, руки чешутся что-то ломать.

Он отступил к двери.

— Сэр Ричард, я счастлив, что служу именно вам.

— Это у тебя такая шуточка? Ну, Куно, наконец-то обживаешься.

Когда за ним закрылась дверь, я довольно потер руки. Все-таки Куно своим искусством подхалимажем поднял настроение. Одно дело, когда тебя признают отважным, другое — умным. Пусть даже хитрым. Все равно приятно.

Но надо будет придумать насчет амулетов объяснение получше. Куно не дурак, да и остальные, зная меня как

ревностного крестоносца, не поймут внезапный интерес к языческим штучкам.

Это потом, когда христианство разгромило язычество целиком и полностью, сами католические священники начали собирать остатки примитивных культур, записывать легенды, охранять от уничтожения последние уцелевшие храмы, куда уже никто не ходил. Но сейчас, когда до разгрома далеко, могут заподозрить в тайных связях с Врагом...

Глава 2

Укорачивающаяся свеча похожа на рукоять, откуда торчит узкий оранжевый клинок, длинный и настолько острый в верхней части, что края просто исчезают из видимости. Свет почти солнечный, такой же теплый и оранжевый, перо искрится в нем, словно покрыто мельчайшими алмазиками, свет падает на лист бумаги привычно слева, я скрипел пером по ней быстро, в конце привычно посыпал мелким песком и, не сворачивая, протянул Жерару.

Он принял с поклоном, брови взлетели в вопросительном жесте.

— Передайте Куно, — велел я.

— Будет сделано, ваша светлость, — ответил он с новым поклоном.

— А затем с его подписью, — добавил я, — галопом в Тараскон!

Он спросил недовольно:

— А без его подписи нельзя?

— А это, — объяснил я, — чтоб и он отвечал за стройку. Сэр Жерар, не ревнуйте! Короли обычно стараются сосредоточить всю власть в своих руках, за что обычно и платятся головами, но я мудер и щедр! Позволяю пахать и пахать, чтоб морда в мыле, зато вы все при деле, не до фронды.

Он подумал, сказал с сомнением:

— Вам виднее, ваша светлость...

Он отступил за дверь, а я подумал, что многие склонны путать два понятия: «Отечество» и «Ваше светлость». А уж когда доходит до «Вашего Величества», так выше... Впрочем, все правильно, и крылатая фраза «Государство — это я» кажется курьезом только тем, кто жил при других формациях.

А так все верно, государство — это я, так считают все мои феодалы, воины и даже простолюдины. Особенно этой идеи придерживается рыцарство. Оно связано со мной клятвой верности и ревниво следит, чтобы нигде не было умаления моей чести и достоинства, потому что это умаление чести Армландии, армландской и вообще всего нашего воинства.

Ревниво блюдут мои интересы даже там, где я сам не вижу умаления их достоинства. Мы равны, как я постоянно подчеркиваю, мы же рыцари, мы одна семья, они с этим радостно соглашаются, хотя деликатно напоминают, что даже в самой дружной и лучшей семье кто-то из братьев обязательно старший, но сейчас вот сходятся в главный зал, чтобы выстроиться вдоль прохода и демонстрировать всем прочим смиренным видом, насколько я силен, велик и ужасен. Вот уж действительно, короля играет свита.

Бумаг куча, пересмотрел только часть, снова появился Жерар, во взгляде укоризна.

— Ваша светлость, обед подан.

— Тащи сюда, — велел я.

Он не сдвинулся с места, надменный и величавый, только выше вздернул подбородок.

— Ваша светлость?

— Что не так? — спросил я.

— Обед, — напомнил он. — Вы желаете обедать в одиночестве?

— Ну да, — сказал я нервно, — изволю. А чё? Пожрать

по-быстрому, вон сколько дел! Могу слюнявчик повязать, чтобы циркуляры не испачкать.

Он не сводил с меня укоризненного взгляда.

— Ваша светлость... это может быть истолковано...

— Как?

Он повел плечами.

— Не так.

— А как?

Он снова пожал плечами.

— Не так, как нужно. Обедать необходимо со своими людьми. Муж обедает с женой и детьми, а лорд с соратниками. Так не просто принято. Так... нужно.

Я поморщился.

— Да знаю-знаю. Обед — тоже работа. Хорошо, вели подавать в малый зал.

Он наклонил голову.

— Уже подают.

За длинным королевским столом сидят и чинно ведут беседы лорды из моего ближайшего окружения, что весьма зыбкое по границам. Как будто бы и не ждут, когда же наконец подадут горячее, чтоб начать обжираловку.

При моем появлении встали, слуги тут же начали засыпать блюда. Сэр Альвар повертел головой и сказал озабоченно:

— Ох, сэр Ричард...

— Что случилось? — спросил я.

— А где же леди Розамунда?

Я поинтересовался недовольно:

— А что, она член военного совета?.. Да вы ешьте-ешиште!

Он беспомощно развел руками.

— Нет, но мы как-то ожидали... Прекрасная и благородная леди, это же такое украшение... И все лорды не против, еще как не против...

Я опустился в свое венценосное кресло, на меня смотрят в ожидании мудрых слов и поступков, я указал слугам, что мне положить, а что убрать, сердито покачал головой.

— Нет. Эту красивую декорацию используем только для приемов. Чтоб не затрепалась. Еще можно на больших пирах-зрелищах, а сейчас зачем? Мы в тесном кругу единомышленников.

По лицам жующих лордов видно, что еще как бы зачем, но смолчали, только Альвар проронил:

— Даже обычный обед в присутствии красивой женщины превращается в пир.

— Благородные мужчины, — возразил я, — все равно, что красивые женщины. Удовольствуемся этим!

— Не родись красивой, — бухнул сэр Раster, — а родись мужчиной! Сэр Ричард прав, женщины даже пить не умеют. Что им за нашим столом делать? Только хихикать?

— Так это же замечательно, — сказал сэр Альвар с энтузиазмом. — А то все такие серьезные... Кстати, с герцогом Ульрихом прибыла его жена, благородная леди Кларенсия. Надеюсь, леди Розамунда сумеет достойно принять благородную герцогиню. Сэр Ричард умно поступил, избрав самую красивую женщину себе в... гм... спутницы.

Граф Ришар сказал с некотором сомнением:

— Но леди Розамунда не жена сэру Ричарду, в то время как леди Кларенсия...

Жерар прервал с самым почтительным поклоном:

— Благороднейший сэр Ришар, осмелюсь напомнить, леди Розамунда происходит из знатнейшего и древнейшего рода Меровингов! Даже у Его Величества Кейдана, не говоря уже о герцоге Ульрихе, нет таких знатных предков.

Граф Ришар кивнул.

— Я тоже надеюсь, знатная родословная смягчит известие, что она не жена сэру Ричарду.

Я помалкивал, пусть сражаются и выясняют всякое такое поверх моей головы. Дальше обед проходил в мол-

чании, когда слышится только треск раскалываемых на зубах костей, да сэр Раster мощно колотил берцовой kostью о край стола, выбивая костный мозг, потом плескалось вино в кубках и чашах, все по ритуалу...

Сэр Раster наклонился ко мне ирыкнул тихонько:

— А сами вы что думаете, сэр Ричард?

— Как поставить паровой котел, — ответил я кротко, вставая.

Он посмотрел оторопело и на всякий случай отодвинулся вместе с креслом. Сам он расположился за столом, как в осажденной крепости, которую никогда не сдаст, но рыцари поднялись следом за мной, и он неохотно встал, хотя еще не все выпито, а это как бы и не сидели вовсе.

— Государство зовет, — сказал я со вздохом. — Все в приемный зал, будете играть короля...

— Короля? — переспросил барон Альбрехт.

— Мою светлость, — поправился я нехотя. — Что с вашим чувством юмора, барон? Короля играет свита! Поясняю, чем у вас серьезнее лица, тем серьезнее принимают мое майордомство. И нашу власть.

Барон Альбрехт по дороге к залу для торжественных приемов выглянул в окно, присвистнул.

— Поглядите-ка... Герцог Ундерлендов Ульрих никак уже прибыл? Это же его свита въезжает во двор?

Альвар Зольмс посмотрел через его плечо, охнулся.

— А кто эта красотка рядом с ним?

— Жена, — ответил барон..

— Да быть такого не может! Сэр Ричард, взгляните?

Из окна видно, как из коляски перед парадным входом дворца легко выпорхнула очаровательная женщина, настолько легкая и по-детски живая, что я пробормотал:

— В самом деле жена? Что-то молодая слишком... Эликсир молодости отыскала?

Барон Альбрехт удивился:

— Какой эликсир? Что-то вы, сэр Ричард, просто помешаны на всякой чертовщине!

Я покосился на него с неудовольствием.

— Я помешан?

— Ну да, — сказал он с укором, — чего вдруг везде искасть козни чернокнижников? А то скоро и нас потащите на костры. Просто это уже третья жена его светлости.

— Развелся?

Он посмотрел с удивлением.

— Что?.. Как это?.. Просто первая жена обладала своим нравом характером и настояла, чтобы муж брал ее с собой на охоту. Герцог был молод и согласился. На первой же охоте ее конь понес, молодая герцогиня выпала из седла и убилась головой о дерево. Он горевал долго, но время шло, женился на благородной леди из рода Керовингов. У нее характер оказался тоже не сахар: однажды во время длительной отлучки мужа пошла, заскучав, купаться на озеро, взяв с собой всего двух служанок. Эти дуры вообще не умели плавать, и когда леди, заплыв на середину озера, вдруг начала барабанить и кричать, только бегали по берегу и вопили... Потом врали, что их госпожу утащило подводное чудовище.

Я сказал с сочувствием:

— Да, не повезло герцогу...

— Это как сказать, — заметил Альвар. — Молодая жена лучше старой, ха-ха!.. И красивая.

— Повезло, — возразил Альбрехт, — или не повезло, пока сказать трудно. Эта красавица... гм... просто огонь. Сидела бы дома, но настояла, чтобы взял с собой.

— Значит, — рассудил я, — герцог сам предпочитает женщин, а не баб. Хотя с женщинами управляться труднее, зато...

Граф Ришар молча наблюдал за гарциющим на коне бравым герцогом, на лице пропустило озабоченное выражение.

— Сэр Ричард, — бросил он вполголоса, — знает, что говорит.

— Да-да, — согласился Альбрехт лицемерно кротко, — потому даже леди Розамунду держит на дистанции.

— Служанки проще, — согласился Альвар. — А что у них наравне с конюхами... то сэр Ричард на это внимания не обращает.

Я нахмурился, шуточки задеваю, но стараюсь улыбаться беспечно и великодушно.

— Сен-Мари побольше Ундерлендов, дорогие друзья. А в чем, сэр Альвар, видите разницу между леди и служанкой, просто не понимаю. Их оборки на платьях сравниваете? А если платья снять, отличия отыщете?

Рыцари ржали, сэр Альвар хмурился, ответил с достоинством:

— Благородная леди может уладить благородной беседой...

Я ответил грубо и по-солдатски под дружный хохот:

— Я в постель к ним прыгаю не беседовать!.. Ладно, хватит. Понимаю, мне самому интереснее торчать у окна... но кому-то и государствовать надо?

Они затопали вслед, сытые и довольные, как кони. Я шел через залы и держал на лице довольную улыбку, я же теперь не столько человек, как олицетворение правления, посматривал на кланяющихся с довольной улыбкой. Все кажутся веселыми и одинаковыми, но даже вот сейчас могу сказать, что партия немедленного вторжения в Ундерленды держится несколько отдельно, партия конкисты на Юг — отдельно, а еще здесь присутствует и довольно сплоченная партия сторонников короля. Одни из-за властной преданности, другие страшатся лишиться вольностей, тяжесть моей длани уже ощутили...

До чего же раньше все было легче и проще! Существовала только одна партия: преданных мне лично, остальные — присоединившиеся, да и те постепенно пополняли эту единственную партию.

И все эти группы руководствуются чувствами, и ни одна — умом. Глупо вторгаться в Ундерленды, король

вот-вот сам прибудет в Геннегау, еще глупее кричать на счет крестового похода на Юг, через океан вплавь? Разве что сторонников Кейдана понять можно, это самые осторожные и тщательно продумывающие каждый шагок. Но даже они глупят: ясно же, что власть уже не выпущу. И подлизываться правильнее к новому правителю. Дураки, даже это понимают не все.

В зале для приемов пахнет горячим воском, женскими притираниями, мужским потом, что почти неотличим от конского, народу чуть ли не битком. Впереди пошли сэр Жерар и двое пышно одетых стражей, парни из Армландии, надежные и преданные, можно сказать — влюбленные в своего майордома, образовался достаточно широкий проход.

Мужчины сорвали шляпы и склонили головы, женщины мило присели в позе покорности.

Когда я подходил к невысокому помосту, где два кресла с высокими спинками, из двери, что за на этой стороне, вышла блистающая леди Розамунда, прекрасная, сверкающая белозубой улыбкой и жемчужинами, что и на ее графской короне, и вплетены в волосы, и осыпают платье от воротника до низа подола.

Мужчины ее встретили восторженным гулом, женщины кислыми улыбками и завистливыми взглядами. Близкая и гордая, с гибким станом, она грациозно поднялась по двум ступенькам со своей стороны, я прошел прямо к моему креслу, сели одновременно, одарив поданных милостивыми улыбками.

Леди Розамунда продолжала улыбаться красиво и победно, а я воссел на трон, руки на подлокотниках, и уставился прямо перед собой, как египетский фараон. Спину приходится держать неестественно прямо, как и взгляд, никто ничего не должен прочесть на моем лице, а то такое прочтут...

— Ваша светлость, сэр Ричард, послы из Турнедо!

Отворились широкие парадные двери, загремели тру-

бы. В зал вошли двое вельмож, оба красивые, осанистые и величественные, всем видом выказывая довольство — прибыли из страны богатой и могущественной, заулыбались почтительно и приветливо.

Церемониймейстер провозгласил громко:

— Лорд Кьюрдик, граф Иорпекский, полномочный посол Его Величества короля Гиллеберда, и граф Гердер, его поверенный в делах, к его светлости майордому сэру Ричарду!

Лорд Кьюрдик первым сорвал с головы шляпу и, красиво взмахнув ею, словно разгонял запахи, ловко преклонил колено и сам склонился, глядя в пол. Граф Гердер чуть-чуть замешкался, всматриваясь в меня намного внимательнее, чем коллега, но тоже склонился в таком же поклоне.

— Добро пожаловать, — сказал я, стараясь не двигать лицом, но держать его неизменно слегка приветливым, — в королевство Сен-Мари. Вам будет оказан самый радушный прием, предоставлены лучшие покои, как самым дорогим гостям.

Сэр Кьюрдик поклонился, бросил быстрый взгляд на блестательную женщину рядом со мной.

— Мы растроганы, ваша светлость...

— Уверен, — закончил я, — ваши усилия в переговорах приведут к взаимовыгодному сотрудничеству и скрепят наш все крепнущий и крепнущий союз.

Оба слушают внимательно, я видел, как блестят их глаза, схватывая цепко любое мое движение, как запоминают интонации, жесты, выражение лица, движение губ и бровей и хотя периодически кланяются, но не упускают ни единого нюанса из сказанного и увиденного.

— Если понадобится уточнить какие-то детали, — закончил я заранее заготовленной фразой, — мы готовы обсудить их в приватной беседе.

Выслушав, граф Кьюрдик сказал с поклоном:

— Ваша светлость, сэр Ричард...

Я сделал небрежное движение пальцами, они с опущенными головами пятались до самой двери, я ждал, что хотя бы там синхронно повернутся и выйдут, но в такой сверхпочтительной позе, что должно бы мне льстить безмерно, и переступили порог.

Стражи молча сомкнули обе половинки двери, отрезая предбанник от нашего торжественно-праздничного собрища.

Церемониймейстер объявил громко:

— Сэр Гаргвик, владетельный лорд поместья Шелдонка, барон Яренгейта, Елаубинга и Кровавой Долины!

Я не моргнул и глазом, хотя сразу вспомнил это имя среди тех, кто поддержал герцога Джонатана Меерлинга, ныне заключенного под стражу.

Мои лорды заговорили между собой, голоса грозные, обрекающие, а те, что стоят от меня справа и слева, еще и засопели, как драконы, готовые изрыгнуть огонь.

Двери распахнулись, из зала ожидающих вошли, согнувшись, двое пышно одетых дюжих слуг, в руках тяжелый сундук. Кого боятся, тому приносят дары, чтобы задобрить более сильного и свирепого, знаем, проходили.

За ними топает с самым смиренным видом невысокий плотный мужчина в скромном камзоле, потертых штанах и видавших виды сапогах. На почтительном расстоянии от трона он преклонил колено, слуги откинули крышку сундука и отступили на шаг со склоненными головами.

Мои рыцари вытягивали шеи, по рядам прокатился завистливый вздох. По самую крышку сундук наполнен золотыми монетами, драгоценными перстнями с камешками, золотыми кубками, торчит край полуzasыпанного подноса, естественно, золотого и украшенного дивной росписью.

Леди Розамунда прошептала восторженно:

— Какая красота!.. Я таких еще не видела.

Я сделал вид, что даже не услышал, нечего меня подталкивать к тому или иному выводу, женщинам не место среди лиц, принимающих решения.

Поймав мой взгляд, сэр Гаргвик произнес смиленно:

— Мой дар майордому сэру Ричарду с заверениями в полнейшей покорности и готовности выполнить любое повеление!

Я помолчал, давая всем время насладиться моментом, затем сказал громко:

— Спасибо, сэр Гаргвик, за щедрый дар. Я ценю его по достоинству. Принимаю вашу клятву верности. В свою очередь обещаю защищать ваши владения, ваши интересы и вашу честь. А мое повеление таково: возвращайтесь в свои владения и постарайтесь, чтобы ваши подданные жили счастливо, в довольстве, чтобы крестьяне собирали обильный урожай, а овцы давали хороший приплод!

Сэр Гаргвик поклонился и с чувством явного облегчения отступил. Мои слуги подхватили сундук с дарами и унесли, но за ними пошел один из помощников сэра Жерара.

Я был доволен своей речью, пока не услышал, как барон Альбрехт пробормотал задумчиво:

— Чтоб овцы давали двойной приплод... Что наш сюзерен имел в виду?

Растер наклонился к его уху и что-то сказал, после чего грубо заржал, на лицах других рыцарей появились улыбки.

Я метнул сердитый взгляд, мало ли их сюзерен оговорился, я же стараюсь сделать речь образнее и цветистее, чтобы они хоть что-то да поняли, так что не фига ловить на слове.

— Леди Беренгентия, урожденная Клауносская с просьбой к его светлости!

Вперед вышла, обеими руками придерживая с двух сторон подол платья, молодая девушка с чистым трога-

тельным лицом обиженного ребенка, пухлыми губами и невинным взглядом.

Мои рыцари сразу оживились, задвигались, выпрямляя спины и раздвигая плечи. Кое-кто подкрутил усы, Альвар Зольмс выпятил грудь, а Палант громко вздохнул, только улыбка леди Розамунды стала чуть напряженнее.

Леди Беренгентия присела в поклоне и осталась так в ожидании. Я оценивающе посмотрел в ее низкий вырез платья, этого все от меня ждут, я должен быть предсказуемым в определенных пределах, подобное действует успокаивающе на подданных, к тому же леди Беренгентия ощущала себя увереннее, не зря же старалась делать декольте пошире и глубже.

Я тихонько поинтересовался у сэра Жерара:

— Это кто?

Он не стал повторять, кто она, сказал на ухо горячим щепотом, все равно леди Розамунда слушает очень внимательно и ревниво:

— Ее опекун очень уж вольно обращается с ее владениями. Так говорят во дворце.

— А на самом деле?

Он метнул взгляд на леди Розамунду, пожал плечами.

— Вообще-то, если честно, я не увидел особых нарушений. Там все было до его опекунства так запущено и загажено, что я бы сам сперва что-то почистил, от чего-то избавился, одних бы выгнал в шею, других взял...

Я кивнул и заговорил громко:

— Леди Беренгентия! Как я понял, вы сирота, а это у всех вызывает участие. В чем заключается ваша просьба?

Не поднималась, она прошептала:

— Мой опекун тиранит меня.

Я нахмурился, еще раз скользнул якобы внимательным взглядом по нежным округлостям, выпирающим из декольте. Щечки леди сразу же начали медленно розоветь, она подняла на меня молящий взор, в котором я

достаточно отчетливо увидел ее нагую и жаркую в постели, в то же время ощутил, как справа от меня накаляется, продолжая милостиво улыбаться, леди Розамунда.

— Это нехорошо, — сказал я важно и с полнейшим участием в голосе. — Мы во всем разберемся. При посвящении в рыцари все даем клятву защищать Господа, женщин и детей, помогать сиротам. Сегодня же мой секретарь лично займется вашим делом.

Она улыбнулась мне стыдливо и обещающе, поднялась и отступила в ряды придворных.

Сэр Жерар прошептал:

— Да там нечем заниматься...

— Знаю, — ответил я тоже шепотом. — Девица весьма блудливая и хитренькая, заметили? Скорее всего, хочет поскорее освободиться от опекунства и пуститься во все тяжкие... Оставьте все, как есть.

Леди Розамунда не сумела удержать вздох удовлетворения, а сэр Жерар кивнул.

— Очень мудро, мой лорд!

— Кто там дальше?

— Сэр Парберг, — провозгласил он громко, — барон Авлатьера и земель Иргиндии!

Девять из десяти встреч здесь и заканчивается, я подтверждаю свое доброе отношение, чьи-то права и вольности, большинству лордов этого достаточно, дескать, не начинаю требовать чего еще, но для остальных, как многие это понимают, прием продолжается уже в моем кабинете.

Сэр Жерар следил за ходом приема очень внимательно, руководил очередностью, а когда пошли совсем уж пустяковые дела, провозгласил громко и властно:

— Прием окончен. Остальные дела рассмотрю я сам, прошения и жалобы передайте моим помощникам.

Все склонили головы, а дамы присели, когда я поднялся, величественный и внушительный, вроде бы получается. Мои лорды, играя короля, держатся крайне почти-

тельно, я спустился со ступенек и, обойдя все сооружение с двумя креслами на возвышении, скрылся за дверью позади трона.

Это помещение в пятнадцатье меньшё, хотя обставлено с достаточной пышностью, я ничего не менял, Кейдан, надо отдать должное, все хорошо продумал. Хотя, конечно, это не его заслуга, так было и до него, просто мало что испортил.

Сэр Жерар вошел следом, в глазах некоторое беспокойство. Оглянулся на закрывшуюся за нами дверь.

Я спросил:

— Что-то тревожит?

Он пожал плечами.

— Нет, но...

— Что-то не нравится?

Он сказал негромко:

— Стоило ли оставлять в тронном зале леди Розамунду?

— А что она может, — спросил я, — кроме как улыбаться?

Он нахмурился.

— Как раз такие меня и беспокоят. Только улыбаться могут, но, прости, мой лорд, они еще и рот открывают...

— Там остались наши друзья, — заверил я. — Думаете, граф Ришар постесняется поправить или возразить, если не то брякнет или не тому улыбнется?.. Ладно, не морочьте голову своему сюзерену, сэр Жерар. Запускайте, кто там у нас? Нет, сперва послов от Гиллеберда. По их хитрым мордам видно, у них что-то в кармане.

— И за пазухой, — предостерег он. — Вы сядьте, мой лорд, примите небрежную позу. Нельзя, чтобы видели молодого да раннего, кем вы, без сомнения, и являетесь.

Я поспешил сел, уел меня этот гад, в самом деле иногда туплю и веду себя соответственно возрасту, а не положению.

Сэр Жерар лично распахнул дверь.

Глава 3

Лорд Кьюрдик, граф Иорпекский и полномочный посол Его Величества короля Гиллеберда, вошел уже совсем другой походкой, умен, признаю, прекрасно понимает, одно дело на публике, другое — здесь в привате.

Граф Гердер ориентируется слабее, хотя Кьюрдик явно предупредил, как держаться, кланяется чаще, ждет приглашения, хотя Кьюрдик уже удобно расположился в мягким кресле.

На низком столике широкие блюда с гроздьями винограда, золотые кубки с драгоценными камнями в основании и по всему верхнему ободку. Пить из таких неудобно, зато статусно.

Я тоже в кресле, хоть оно и повыше, а спинка прямее, кивнул на кубки.

— Вина?

Кьюрдик отмахнулся.

— Потом. Сперва дела. Дорогой граф, вы сядете, на конец?

Граф Гердер поспешил плюхнуться в кресло и, чтобы занять себя чем-то, со смущенным видом ухватил обеими руками кубок.

Кьюрдик лишь покосился на него с укором, а мне сказал деловито:

— Нас при отправке в это длинное путешествие заверили насчет самого благоприятного приема, но действительность превзошла наши ожидания.

Я наклонил голову.

— Я доволен.

Его губы пошли в стороны.

— А как мы довольны!

— Его Величество Гиллеберда, — проговорил я медленно и важно, так требует этикет приватного приема, — и меня связывает старая дружба. Он по своему добному характеру подарил мне прекрасный укрепленный замок

по свою сторону границы и прилегающие к нему земли, так что я в какой-то мере и турнедец, ха-ха!..

Они даже не переглянулись, хотя по их мордам прохоженных царедворцев вижу, знают, мерзавцы, все нюансы, как я получил тот замок и те земли.

Как только я закончил речь, сэр Гердер сказал с почтительным восторгом:

— Какой мудрый шаг со стороны Его Величества! Наш король всегда отличался великой предусмотрительностью.

Кьюрдик кисло улыбнулся, помощник опередил с громкой похвалой их сюзерену.

— Да-да, — сказал он дежурным голосом, — он эта... мудер.

— Со своей стороны, — сказал я, — в порядке жеста дружбы я даровал право беспошлинной торговли всем турнедцам на весьма некое количество лет и зим. Сейчас вот подтверждаю еще раз с великим удовольствием майдома и лорд-протектора. Знаете ли, приятно, оказывается, подтверждать хорошее.

— Восхитительно! — воскликнул Кьюрдик.

— Я тоже так думаю, — сказал я скромно.

— Мы даже по дороге, — продолжил он, — успели увидеть, где нашим товарам будет хороший прием...

— Рад это слышать.

— А еще мы нашли, — продолжал он, — немало местных вещей, что у нас вырвут из рук, как только привезем в Турнедо.

Сэр Гердер, слушавший молча, кашлянул и проговорил чуть другим тоном, несколько выпадая из общего русла:

— Ваша светлость, у Его Величества Гиллеберда Фруссара подрастает дочь...

— Поздравляю, — сказал я.

Он поклонился, взглянул на Кьюрдика. Тот кивнул, лицо стало строгим и деловым.

— Спасибо, ваша светлость. Его Величеству уже поступили предложения из ряда королевств насчет ее замужества. Однако Его Величество пока никому не ответил положительно. Я имею в виду, что рука единственной дочери Его Величества пока свободна.

Я закрыл рот, подумал весьма поспешно, такое предложение для меня новость, это не напасть и захватить, как слышу по сто раз на день, раздвинул губы в довольной улыбке.

— Да? Интересно... Сколько ей лет? Его Величество уже в преклонном возрасте, не слишком ли его дочь... гм... взрослая, ну вы понимаете...

Они переглянулись, а перед моими глазами всплыло ощущение струящегося серебра, когда впервые увидел Гиллеберда. Серебряные волосы ниспадают на плечи, усы не только пышные, но и настолько длинные, что вливаясь в водопад бороды, достигая пояса. Но еще больше, чем седина, возраст выдает длинный крючковатый нос, насколько я знаю, у всех у нас эта штука растет всю жизнь, а у Гиллеберда нависает над верхней губой, подобно могучему наросту на коре дуба.

Сэр Кьюрдик ответил с затаенной усмешкой:

— Нет-нет, ваша светлость, не слишком.

Граф Гердер отвел глаза, но на губах играла затаенная улыбка.

Я спросил напрямик:

— Надеюсь, не будет бес tactностью, если спрошу о ее возрасте? Все-таки не только из простого любопытства...

Кьюрдик ответил с предельным смирением:

— Ей уже пять лет. Вполне может повторить клятву обручения.

Я невольно охнул:

— Пять? Пять лет?.. Ну, поздравляю Его Величество!

Он поклонился.

— Обязательно передам его величеству. От себя добавлю, видя ваше добroе настроение, что принцесса Из-

гельда значительно моложе его внуков и ровесница двум его правнукам.

Сэр Гердер внимательно поглядел на меня.

— Ваша светлость, — уточнил он, — речь идет лишь о такой формальности, как помолвка. Конечно, вам обоим предстоит подождать с браком, пока принцессе Изагельде исполнится хотя бы шестнадцать лет. Вообще-то нужно семнадцать, но для лиц королевской крови делается исключение.

— А-а-а-а, — протянул я, стараясь, чтобы не видели моего облегчения, — это все упрощает...

Кьюрдик поклонился и добавил с самым смиренным видом:

— Еще как упрощает, ваша светлость. Помолвку можно и разорвать, если подворачивается удобный случай или возникает непреодолимое препятствие...

Гердер тут же вставил:

— Однако же, будучи помолвленными, вы скрепляете более прочными узами два королевства. А это, как понимаете лучше нас, служит миру и процветанию.

— Меньше подозрений, — добавил Кьюрдик, — меньше напряжения в отношениях. Купцы закладывают в цену товара меньшую надбавку за риск, что опять же служит лучшему распределению товаров сразу в обоих королевствах.

— Мы живем в таком мире, — сказал Гердер, — когда никакая ниточка, укрепляющая мир и дружбу, не бывает лишней.

Они говорили, сменяя друг друга, но в унисон, словно повторяли давно заученное, что, по сути, так и было, на верняка перебирали эти доводы по дороге сюда и до блеска отшлифовывали уже здесь.

— Благодарю вас, — сказал я. — Вы очень хорошо все объяснили. Передайте мои поздравления Его Величеству с его умелым подбором дипломатов. Сэр Жерар...

Я только взглянул на личного секретаря, как оба по-

сла, все схватывая на лету, поднялись, разом поклонились.

— Ваша светлость...

— Сэр Кьюрдик, — произнес я, — сэр Гердер...

Едва они исчезли за дверью, сэр Жерар взглянул на меня с вопросом в очень серьезных глазах.

— Готовы?

— Давай, — сказал я нетерпеливо. — Стану великим майордомом, их будет куда больше.

— Великих майордомов не бывает, — буркнул он. — Выпрямьте спину, сэр Ричард.

Он исчез за дверью, а буквально через мгновение появился и сказал громко:

— Его светлость герцог Ульрих к его светлости майордому!

Двери распахнулись, на пороге возникла мощная фигура герцога, все в том же дорогом рыцарском доспехе, элитная сталь с синеватым оттенком, буквально ювелирная подгонка частей, но без шлема, снова бросились в глаза тяжелый массивный подбородок, высокие скулы и хорошо защищенные толстыми надбровными дугами глаза.

— Сэр Ричард, — сказал он, как равный равному, — я в доспехах, потому что ваши люди, как говорят, в них и спать ложатся?

Он сделал шаг вперед, двери за его спиной бесшумно закрылись, а он шагнул еще и слегка склонил голову, глаза его всматривались в меня с живейшим любопытством.

Я встал, голову наклонил чуть-чуть, это называется «милостивое наклонение сюзерена», хотя на мой испорченный слух звучит двусмысленно. Вообще-то мне лучше совсем не кланяться, нужно сразу дать понять всевластному герцогу, что здесь не Ундерленды, но вбитая с детства вежливость по отношению к старшим по возрасту заставила и поклониться, и даже выйти из-за стола.

Он по-своему истолковал мое молчание и после затянувшейся паузы проговорил со странной интонацией:

— Ваша светлость, сэр Ричард, лорд-протектор и майордом королевства...

Я сделал шаг навстречу и сказал учтиво:

— Ваша светлость, сэр Ульрих, герцог удивительной страны Ундерленды... Прошу вас, сэр Ульрих, Располагайтесь в этом кресле как вам удобнее. Сейчас принесут вина.

Он ответил с поклоном:

— Спасибо, сэр Ричард. Вы предельно заботливы о своих гостях.

Он сел, а я тайком перевел дух, все еще трушу, Ульрих слишком долго привык чувствовать себя единоличным хозяином, и хотя здесь не Ундерленды, но и я не король.

— Ваша светлость, — заговорил я без преамбулы, быстро и четко, как государственный деятель, у которого масса дел, — думаю, вам пора активизировать работу ордена Марешаля.

— И возрождения Арндского королевства, — добавил он словно бы в продолжение моих слов, но незаметно перехватывая инициативу, — это наша главная задача.

— Задача ордена Марешаля? — уточнил я.

— Да.

Я сказал осторожно:

— В целом совпадает с нашими планами... Мне лично слово Арндт нравится больше, чем Орифламме... От последнего духами пахнет. А вот «Арнд» — звучит, как «крепость».

Он заметил с легкой улыбкой:

— У вас прекрасное чувство языка. На древнем это и означало «цитадель». Значит, мы начинаем действовать открыто...

Я сказал спешно:

— Только учитывайте реалии. Во-первых, во всем советуйтесь с отцом Дитрихом. Это Великий Инквизитор.

Вы стремитесь возродить угасающий, на ваш взгляд, дух рыцарства, самопожертвования, чести и благородства, а мы пришли из королевств, где эти качества еще в самом расцвете... Так что, уверен, найдете общий язык, хотя у нас роль церкви намного сильнее, чем у вас было раньше.

На его лице отразилось некоторое неудовольствие.

— Церковь, — возразил он, — способствовала, на наш взгляд, внедрению в общество чрезмерной мягкости, все-прощенчества и потаканию слабостям. Она косвенно виновата, что дух рыцарства почти угас!

— Виновата не церковь, — поправил его я, — а церковники.

— Но...

— Церковь от Бога, — объяснил я, — а церковники всего лишь люди. Они могут в каких-то случаях неверно понимать слова Великого Завета. В Ундерлендах проявили слабость...

Он прервал:

— Я говорю о всем королевстве.

— И в нем проявили непростительную слабость, — согласился я. — Но пришли мы, молодые и сильные. И с нами такая же церковь. Молодая, сильная и злая. А насколько всепрощенческая, видно по тем кострам, что сразу же запылали по всему королевству.

Голос мой звучал уверенно и непреклонно, все-таки трушу, герцог просто излучает властность, но я заставлял себя смотреть ему в глаза весело и дружелюбно, как человек, полностью уверенный, что его доводы примут, как свои.

Герцог проговорил с неохотой:

— Хорошо, будем сотрудничать с церковью... в большей мере, если она действительно усиливает, а не ослабляет дух рыцарства.

— Спасибо, ваша светлость, — сказал я. — А так как деятельность ордена теперь будет распространена на все королевство, то я рассчитываю, что и служителям церкви

будет оказан в Ундерлендах теплый прием, а также всяческая помощь и поддержка.

При первых словах его лицо посветлело, затем помрачнело, но быстро взвесил плюсы и минусы, кивнул.

— Да, конечно...

— Кроме того, — сказал я торжественно, — ввиду того, что у нас такие грандиозные планы, я просил бы вас внести свою лепту в установление арндской.

Он взглянул вопросительно:

— Ваша светлость?

— У вас неплохая армия, — напомнил я. — Небольшая, но прекрасно обученная. И у ваших вассалов хорошие дружины. Компактные, вооруженные до зубов... Что и понятно, постоянно воюют... Я предлагаю присоединиться к большому крестовому походу на безбожный и варварский Гандерсгейм! К слову сказать, все рыцари вашего друга герцога Готфрида Брабантского сразу же примкнули к нам, помогли освободить Сен-Мари от захватчиков, а теперь готовы вместе с нами окончательно решить проблему Гандерсгейма.

На его лице сперва отразился резкий протест, слишком долго привыкли жить в изоляции, затем глубокое сомнение.

— Слишком далеко, — произнес он мрачно, — это же на другом конце королевства...

— Все королевство можно перепрыгнуть, — сказал я, — с разбегу, конечно. Я видел и побольше, сэр Ульрих. Значит, вы не хотите, чтобы арндская распостранилась и на Гандерсгейм? Или хотите, чтобы это свершилось чужими руками?

На эту нарочитую резкость он должен обидеться, так и случилось, потемнел лицом, откинулся на спинку кресла и смотрел на меня хмуро и со злостью.

— А как, — процедил он сквозь зубы, — мне провести армию через Землю Дьявола? Как ни защищайся, гарпии

малые отряды истребляют целиком, а из больших вырывают не меньше чем по трети.

Я сказал мрачно:

— Так как ту землю Его Величество пожаловал от великих щедрот и неслыханной доброты мне, то я и обеспечу безопасный проход.

Он смотрел неверяще.

— Как?

Я огрызнулся:

— Только в Сен-Мари не знают другой тактики, кроме защиты!.. А вот по ту сторону Великого Хребта умеют и нападать, сэр Ульрих. Я подумаю насчет этой проблемы. Уверен, она решаема. Понимаю, сепаратистам эти гарпии только на руку. Но пора положить конец этим центробежным силам. Разделение функций и обязанностей с провинциями ничего не имеет общего с суверенитетами.

Он хмурился, морщился, кусал губы. Я исподтишка наблюдал за борьбой, никому не хочется терять самостоятельность своей земли, но с другой стороны — заманчивая возможность распространить влияние ордена Марешаля на все королевство...

— А что, — поинтересовался он слишком уж нейтральным голосом, — с землями Гандергейма?

— Поделим на участки, — ответил я, — и вместе с покоренным населением раздадим наиболее отличившимся рыцарям нашего войска. Как вы понимаете, львиную долю предпочел бы дать рыцарям Ундерлендов. И догадываетесь, почему...

Он кивнул с кислым видом.

— Да-да, вырвать из изоляции, переманить на свою сторону, показать другим, что под вашим знаменем идти еще и выгодно...

— Значит, — сказал я, — понимаете, ундерлендцы могут быть вознаграждены щедро. И все это станет вашей заслугой, если призовете своих рыцарей в священный крестовый поход и возглавите ундерлендское крыло войска!

Он все еще раздумывал, но я уже видел, главное дос-
тигнуто, а торговаться герцог будет только по мелочам.

Дверь приоткрылась, в щели показалось лицо сэра
Жерара.

— Сэр Ричард, — сказал он виноватым тоном и ско-
роговоркой, — прибыли граф Ришар и ваши лорды. Нуж-
но срочно ваше решение по Гандерсгейму...

Я прервал:

— Дайте нам еще пять минут и зовите сюда... Как ви-
дите, дорогой герцог, здесь работы выше головы.

Герцог все понял правильно, поднялся, в глазах доса-
да, но на лице любезная улыбка.

— Да, — проговорил он тем же любезным голосом, —
такова участь правителя. Спасибо за очень дружескую и
плодотворную беседу, сэр Ричард!

Я наклонил голову.

— Ваша светлость...

Он вышел, сэр Жерар заглянул снова. Я спросил ше-
потом:

— Ну, где там Ришар?

Он покачал головой и ответил почти шепотом:

— Никаких Ришаров. Ваша беседа опасно затягива-
лась, это умаление авторитета майордома.

— Ага, — сказал я чуточку обалдело, — ну да, а как
же... Спасибо, сэр Жерар!

— Не за что, сэр Ричард. Это моя работа.

Глава 4

Ночью грезилась какая-то хрень, а потом, конечно, толстые голые бабы, как на картинах художников эпохи Возрождения. Я, понятно, занимался с ними всяkim приятным непотребством, проснулся с сожалением, отполз от мокрого пятна на простыне на другой край кровати, но досмотреть сон не сумел, в голову полезли мысли, а их

растолкала одна злая насчет того, что в самом деле был такой откат, время преподлейшего торжества самой тупой и косной части общества, когда устали строить Царство Небесное на земле и возжелали вернуться, как было высокопарно заявлено, к античной культуре. Вернуть ее самобытность, что значит — раскованность в половой сфере, гомосексуализм, оргии, жертвоприношения, рабство, поклонения местным богам... Апологеты той эпохи назвали ее эпохой Возрождения, именно эти сволочи клеймили Средние века как темные и невежественные, а людей обвиняли в религиозном фанатизме.

На самом же деле это и был единственно золотой век человечества, становление и расцвет культурных и христианских ценностей, примат духа над телом, время рыцарского достоинства, верности, чести, благородства. Средневековье определило направление развития человечества с тех времен и навеки. Именно в эти века были заложены все вехи и ориентиры, по которым еще идти и идти до самого Последнего Дня.

Сейчас у меня уникальный шанс не допустить этого дурацкого Возрождения, когда быдло берет верх и с криками «Не хочу учиться, а хочу жениться!» требует хлеба и плотских зрелищ. Именно в античную эпоху, когда души у человека не было, появилась только с христианством, — плоть была не только в центре внимания, но и вообще всем. А каждый из нас slab, всегда готов поспать дольше, увильнуть от учебы и работы, почревоугодничать, приударить за чужой женой...

А когда появляется некто и объявляет это не пороком, а достоинством, а под слабости подводит теоретическую базу, мол, это не лень и скотство, а возврат к античным традициям сексуальных и прочих свобод, возрождение высокой, даже высочайшей античной культуры, то как не поддаться, когда нас только подтолкни, дай нам правдоподобное оправдание?

Нет уж, мне плевать, кем меня назовут, но без всякой

жалости вытопчу ростки этого гнилого и смердящего Возрождения. Ну, конечно, не плевать, обидно будет, еще как обидно, однако дело надо делать, как бы и что бы о нас ни сказали.

В спальне сопят, чешутся, вздыхают, слышно, как по-зевывают с волчьим подыванием. Я откинул раздраженно полог балдахина и спустил ноги на пол. Куча народа, пара незнакомых лиц, как-то сумели продвинуться по служебной лестнице и уже допущены к утреннему туалету майордома. Именно майордома, здесь только те, кто признает меня им, а те, кто упорно величает маркграфом, остались в своих родовых гнездах. В лучшем случае, толпятся в общем зале.

— Ваша светлость, — учтиво, но твердо сказал граф Валгергорт, — камзол сегодня придется надеть темный с золотым шитьем, брюки с широким поясом, а туфли с узкими носами.

— А почему такие туфли?

— Вошли в моду, — объяснил он терпеливо. — Широконосые были в прошлом сезоне.

— А ноги у меня с прошлого сезона, — напомнил я. Он развел руками.

— Чтобы быть красивым, надо страдать.

— Не буду, — ответил я твердо. — Майордом выше моды. Подать мне широконосые! К тому же это будет расценено, как верность старым добрым обычаям.

— Ваша светлость, — сказал Валгергорт со вздохом, — вы... политик.

— У вас это звучит, как ругательство.

— Наверное, — предположил он, — трудно быть таким?

— Мудрым?

— Гм... ну да, вот таким мудрым.

— Надо, — сказал я твердо. — Это да, я такой! Вот и сейчас думаю, что бы еще намудрить.

— Ох, сэр Ричард, — сказал он с беспокойством, — чувствую, хлебнем мы с вами... счастья.

— Полной лопатой, — заверил я.

В комнату вошли Альбрехт, Альвар, Растер. Вельможи на них косились с неприязнью и завистью: им можно появляться всегда перед мои очи. Альбрехт сразу направился ко мне, чем-то рассерженный настолько, что даже челюсти сцепил так, будто поймал меня за палец, когда я пересчитывал ему зубы.

— Что случилось? — поинтересовался я.

— Наши войска сосредотачиваются в Брабанте, — напомнил он сухо. — А вы столько сил тратите на строительство дороги в Армландию... а тут еще и этот флот... Не лучше ли прибыть на границу с Гандерсгеймом? И заняться конкретным делом, а не этими... э-э... непонятными?

Альвар и Растер тоже смотрели серьезно и требовательно. Я развел руками.

— Дорогой барон, я сам сухопутник. То есть мое королевство, как и Армландия, не имело выхода к морю. Так что я понимаю ваши чувства... В смысле, неприязнь к мокрому. Но войска будут собираться в Брабанте еще пару недель. Потом туда выедет граф Ришар, сейчас он заканчивает, как вы хорошо знаете, разрабатывать стратегический план захвата и удержания Гандерсгейма. Или отдельно взятых зон. А я на своей быстрой лошаденке догоню, когда войска уже выступят из Брабанта.

Он рассматривал меня в упор, словно стараясь понять, где же соврал, зато Альвар тут же учтиво поклонился.

— Сэр Ричард, вы всегда объясняете настолько подробно, что мне становится неловко.

— За меня? — спросил я с подозрением.

Он затряс головой.

— За нашу назойливость.

Я вздохнул с облегчением.

— А-а-а, я уже подумал, и вы обзовете занудой.

Он встрепенулся.

— А что, уже кто-то называл?

Я устало отмахнулся.

— Идите, сэр Альвар. С вами кем только не станешь.

— Там вас Куно дожидается, — напомнил он.

— Так почему не входит?

— Не по рангу.

— Эх, — сказал я с досадой, — умные люди, а все играют...

Куно перехватил меня, когда я уже одетый с головы до ног, майордом и маркграф, сразу видно, шел в сопровождении свиты к своему кабинету.

— Иди за мной, — велел я.

Когда за нами захлопнулись двери, я сказал с досадой:

— Что-то такое, что не для чужих ушей? Да ты садись, садись. Никто не видит, что какие-то церемонии пропущены.

Он присел на край сиденья робко, на лице испуг, сказал совсем тихо:

— Поговаривают, что собираетесь пожаловать леди Розамунде поместье Оаклендов с его богатыми землями. Там старинный замок Белой Кости и очень разросшиеся деревни.

Я удивился:

— Так говорят?

— Да, ваша светлость.

Я пожал плечами.

— Не знаю, зачем и кто пустил такой слух.

Он сказал почтительно:

— Возможно, вас пытаются натолкнуть на эту мысль?

— Пожаловать леди Розамунде замок Белой Кости?

Он предположил осторожно:

— Его или что-то другое... Просто так как бы принято...

Я посмотрел на него с удивлением:

— Правда?.. Странные обычаи. Я понимаю, пожаловать это сэру Курнанделю, он привел под мою руку пятьсот тяжелых конников, две тысячи пеших ратников и три тысячи лучников. Но леди Розамунде?.. Вы что, тоже считаете, что их услуги... назовем это так... сопоставимы?

Он чуточку смешался, развел руками.

— Лично я так не считаю, но так принято... Заведено... в порядке вещей... Король раздает своим фавориткам богатые земли и замки, а их мужьям жалует титулы. Или родителям, если леди еще не замужем...

Я сказал решительно:

— Куно, я не скупой, но я не стану за такую хрень платить так высоко. Вообще не стану платить!.. И не делай такие глазки, а то вылезут. У нас в таких делах вообще равноправие. В некоторых случаях это я должен бы получать плату, тут целое королевство неотесанных дур, дурех и дурищ!.. Но я щедрый и плату брать не буду.

Он поклонился, старательно пряча изумление на лице.

— Да, ваша светлость, я приму к сведению новое определение щедрости. А теперь вот сводки о финансовом положении королевства...

Мы занимались ими около часа. Сам черт ногу сломит в законах и обычаях раздробленного королевства, где почти каждый крупный лорд имеет особые привилегии, права, сам устанавливает пошлины в пределах своего хозяйства и нещадно обирает транзитных купцов.

Сэр Жерар осторожно заглянул, поколебался, но вошел и прикрыл за собой дверь.

— Ваша светлость, — произнес он очень церемонно, — к вам отец Удодерий, если позволите.

Я спросил с подозрением:

— А что за тайны?

Он ответил так же негромко:

— Да есть какие-то моменты...

Куно торопливо подхватился.

— Спасибо, ваша светлость, мы уже все практически

решили! Остальное я подчищу сам и зайду к вам попозже для утверждения.

Я милостиво наклонил голову, разрешая удалиться, а сэру Жерару кивнул.

— Давайте отца Удодерия немедля.

Священник вошел быстро, но с достоинством, оба мы — служим одному Господину, поклонился еще от порога, рослый, с крупным лошадиным лицом, глаза упрятаны под надбровные дуги, но лоб мощный, хотя не так заметный из-за не менее мощной нижней челюсти.

— Ваша светлость...

— Отец Удодерий, — ответил я. — Проходите, располагайтесь. Что у вас?

Он сел без всякого смущения и подобострастия, даже не поотнекивался, взгляд прям, а голос прозвучал сухо и деловито.

— Отец Дитрих направляет меня руководить работами, — сказал он, сделал паузу и добавил значительно: — В Тоннеле.

— Понял, — ответил я. — А отец Цеденбал?

— Он продолжит заниматься хозяйством, — пояснил он. — Заготовкой леса, шпал, инструмента, подбором бригад...

— Хорошо, — прервал я. — Пока что вот главное, отец Удодерий. Дорогу и дальше делайте по возможности прямую. Не устаю повторять, это очень важно, уверяю вас!.. Никаких зигзагов. Если пойдет по низине — делайте насыпь. Если через возвышенность — выгоднее прорыть хоть ущелье, но чтобы дорога шла не только прямо, но и примерно на одной высоте.

Он пробормотал ошарашенно:

— Да, конечно, как скажете... Но насколько это важно? Такая дорога обойдется неимоверно дорого.

— Все окупится, — заверил я. — Но если поскучимся и сделаем проще и подешевле, то из Геннегау до Тоннеля придется добираться целые сутки.

Он охнулся:

— Ваша светлость, это вы так шутите? Сейчас на это уходит неделя!

— По прямой домчимся за час, — пообещал я.

Он смотрел обалдело, а когда понял, что не шучу, нижняя челюсть отвисла до пояса. Я даже не ухмыльнулся, привык видеть это сперва льстящее мне выражение, а теперь уже раздражающее.

— Вы из монастыря святого Цистерия?

Он поклонился.

— Да, я там был и остаюсь настоятелем.

— Спасибо отцу Дитриху, — сказал я с чувством.

— Простите...

— Я просил прислать лучшего, — пояснил я. — Значит, отец Дитрих ценит вас выше всех остальных. Да это и понятно, слава монастыря Цистерия гремит...

Он покачал головой.

— Не так уж и гремит... Но, как я понял, там работы подходят к концу?

— Работы непочатый край, — заверил я, — но лично для вас, святой отец, особое задание. Отправляйтесь немедленно к Тоннелю. Там уже готов крохотный участок дороги со шпалами. Пришло время укладывать рельсы... Это и будет вашей работой. Правда, сперва я сам покажу, но раз вы цистерианец, то, как я слышал, цистерианцы все схватывают моментально.

Он начал вставать, поклонился, но остановился в полусогнутом положении.

— Кстати, ваша светлость... Осмелюсь сообщить, что я краем уха слышал про условие герцога Ульриха.

Я спросил настороженно:

— Это какое же?.. Да вы присядьте, святой отец.

Он снова опустился на сиденье, но не развалился, как отыкающий гость, а остался на самом краешке, готовый немедленно встать и действовать по обстоятельствам.

— Гарпии, — напомнил он. — Гарпии, что изрядно

досаждают и нам, монахам, когда мы пытаемся связаться с нашими братьями в Ундерлендах. Мы уже кое-что предпринимаем...

Я спросил заинтересованно:

— Что именно? Вот на ловца и зверь бежит!

— Спешу заверить, — произнес он с достоинством, — дело трудное, но вовсе не безнадежное, как может показаться. Наши братья-монахи могут помочь.

Я спросил жадно:

— Это как же? Святой отец, не томите!

— Абсолютно не желая того, — сказал он осторожно, — создали некую горючую смолу... случайно, конечно. Собирались створить нечто другое, но получилась вот такая гадость.

— Да не извиняйтесь, — прервал я, — в науке такое бывает чаще всего. А все придуманное прежде всего используем для военных действий. А потом присобачиваем для мирного труда. Если удастся.

— К сожалению, вы правы.

— Предлагаете эту штуку забрасывать в гнезда гарпий? — спросил я.

Он кивнул.

— Вы удивительно проницательны, ваша светлость.

— Здесь не надо быть проницательным, — возразил я. — Но... как?

— На гору подняться очень трудно, вы правы, но можно спуститься на веревках, а затем выжечь все эти гнезда.

— А вы видели тех гарпий? — спросил я. — Сотни и сотни только нор. А из каждой вылетают десятки этих тварей. Разорвут всех, кто рискнет спуститься. Нет, нужно придумать что-то другое.

— Разорвут не всех, — возразил он почтительно. — Зато жертва будет не напрасна! Там останется такой запах, ничто живое в тех норах больше не поселится.

Я покачал головой.

— Отправить людей на смерть могу, не такая уж я нежная барышня. Но лишь в случае, если нет другого выхода. А так я всего лишь лишусь поддержки герцога.

— У него большое войско, — напомнил он. — И хорошо обученное. Они там внутри все воюют один с другим, закалены, к трудностям приучены. Да и не нужна вам такая армия в тылу.

Я посмотрел на него внимательно. Отец Удодерий не прост, если говорит о таких делах, что явно не входят в круг обязанностей настоятеля монастыря.

— Спасибо, — ответил я. — Вижу, радеете об отечестве.

— Вы радеете, — ответил он с поклоном. Посмотрел на меня исподлобья и уточнил: — В самом деле радеете.

— Спасибо, — повторил я, — но...

— Ваша светлость, — прервал он. — Братья нашего монастыря помогут. Мы издавна опекаем одно полудикое племя... Сперва спасли их от истребления, раз они сразу приняли веру Христа, потом научили их жить трудом, а не разбоями. Так вот они славятся удивительным искусством лазить по скалам. По самым отвесным поднимаются, как вот мы на пологий холм!.. Мы с вашего позволения можем послать их на очищение тех ужасных каменных стен от гарпий.

— Погибнут, — сказал я.

— Не все, — ответил он с заминкой. — Но всякий, кто отдаст жизнь за торжество веры, попадет в рай без всяких задержек.

Я сказал с неловкостью:

— Хорошо. Действуйте, святой отец. Я вообще-то тоже подумаю, чем смогу помочь, но... не обещаю.

Отец Дитрих издал энциклику, прямо папа какой-то, дескать, дорога до Тоннеля строится по Божьему повелению под надзором всемогущей и всемилостивейшей, а кто попытается утащить хотя бы гайку, тому в аду черти будут отрубать руки и выкальывать глаза.

После отбытия папских посланников он получает отовсюду поздравления начет особого доверия Ватикана, нунций — это почти сам папа на местах, но на самом отце Дитрихе повышение в чине отразилось лишь тем, что работать стал еще больше.

Впрочем, думаю, на это и рассчитывал хитроумный Ватикан. Облеченный высоким доверием, отец Дитрих теперь рассыпает указы, всякие и разные, но два из них очень важны, хотя большинству и не совсем понятны. Один касается железной дороги, другой — строительства флота.

При дворе оживленно судачили, как и по городу. Вообще дорога везде вызывает массу слухов, а стража уже захватила и приволокла парочку алармистов, предупреждающих, что по этой дороге прибудет сам Антихрист.

Теперь оба болтаются на виселице, а дощечка над их головами гласит, что это слуги Антихриста. Я не стал ломать голову, подыскивая обвинения, иногда на «дурак» лучше всего ответить «сам дурак!».

Куно снова зашел с продолжением ежедневного утреннего доклада, я слушал вполуха, наконец прервал нетерпеливо:

— Это все мелочи, разгребешь сам... Что с армией?

— Половина уже в Брабанте, — доложил он. — Это те отряды, что стояли в городах ближе к нему. Остальные на марше. Припасы собраны, погружены и в составе трех больших обозов готовы отправиться в направлении Брабанта.

— Только готовы? Я был уверен...

Он сказал поспешно:

— Часть отправили сразу же, но самое важное грузят только сейчас. Без походных кузниц по ремонту доспехов и оружия никакое войско не сможет продвигаться успешно.

— Финансирование?

Он поморщился.

— Войны обходятся дорого... особенно на первом эта-

пе. Потом, если все удачно, война начинает кормить сама себя. Правда, в Гандерсгейме, по вашим же словам, мало чем поживимся, а города не хотите отдавать на разграбление.

— Которые выкажут неповиновение, — сказал я, — разграбить дотла! Которые неповиновения оказывать не будут, однако и сотрудничать не восхотят, как надлежит добрым христианам, лишатся нашей защиты, а также сбережений.

Он кивнул, лицо прояснилось.

— Если так, нам не придется повышать налоги. А на сбор и оснащение войска достаточно и тех средств, что получены из имущества поклонявшихся черным мессам. Ну и... прочих, замешанных.

Я подумал, кивнул.

— Если средств будет катастрофически не хватать, положите мне на стол список с прочими... близкими к черномессианцам. Или слишком уж явных противников благородных спасителей от варваров.

В дверь торопливо заглянул сэр Жерар.

— Простите, что прерываю, — сказал он торопливо, — но, сэр Ричард, к вам идет леди Бабетта.

Я сказал с невовкостью:

— Да-да, знаю, она не признает наших правил. Не препятствуйте.

Он прижался к косяку, пропуская гостью, леди Бабетта вошла светлая и сияющая, сказала укоризненно:

— Что значит не признаю правил? Обижаете, сэр Ричард! Женщины вообще вне правил!.. Мы просто не можем их запомнить, разве не понятно?

Куно поднялся, торопливо поклонился.

— Сэр Ричард, я ваши ценные, даже драгоценные указания понял, запомнил и бегу исполнять!

Он исчез, леди Бабетта сказала ему вслед одобрительно:

— Какой откровенный подхалим! Люблю таких.

Сэр Жерар вышел и плотно захлопнул за собой дверь. Бабетта села напротив, ногу закинула на ногу, немыслимая вольность для современных дам, и хотя пышное платье в несколько слоев все равно скрывает ноги, однако верхняя обнажилась до середины голени, а это уже ого-го...

Глаза Бабетты сияют, на губах улыбка, а милые ямочки на щеках стали глубже.

— Милый Ричард, — проворковала она, — что за странную дорогу вы делаете? Как по ней смогут ездить, если постоянно перегораживаете деревянными колодами?

Я ответил лениво:

— Милая Бабетта, я на вас удивляюсь. Вам описали так странно?

— А вам трудно поверить, — ответила вопросом на вопрос, — что мне восхотелось бы интересные вещи увидеть своими глазами?

Я спросил ошалело:

— Вы и там побывали?

Она мило улыбнулась.

— Женщины любопытны, милый Ричард.

— Гм... в отношении платьев — понимаю. Но железная дорога...

— Железная? Она железная?

Я покрутил пальцем в воздухе.

— Бывает же у человека железная воля? Или холодный взгляд?.. Техника — это так скучно и не по-женски... Расскажите, какие фижмочки в моде, какие оборочки, какие пуговицы...

Она лукаво улыбнулась.

— Милый Ричард, не увиливайте. Все равно такое в тайне не удержать, как ни старайтесь.

— Да я и не стараюсь.

— Вам удалось отыскать что-то из вещей Древних?

Я ухмыльнулся.

— Вы же знаете мое отношение к этим штукам.

— Знаю, — согласилась она. — Но все же пользуетесь?
Не увиливайте, сэр Ричард.

— Лучше я, — ответил я, — чем другие.

— Значит?

— Не угадали, — сказал я, — все делаем сами. Насыпь, кюветы, шпалы, штопки, костили, накладки... В монастырских мастерских вовсю клепают части для паровоза.

— Паровоза?

— Да, парового ваза, — пояснил я. — Впереди век пара, милая леди!.. Паровых мельниц, паровых молотов, паровых колес, паровых... еще чего-нить. Даже детей будут зачинять с помощью пара и света.

— Это... как?

— Заходит в комнату пара, — объяснил я, — гасят свет...
А дальше, как обычно.

Она расхохоталась, лямки соскользнули с обоих плеч, приглашая к более вольной беседе, но взгляд все такой же острый, голосок звучит как убаюкивающий ручеек, скачущий по камешкам, но я не замечаю ни одного слова, бьющего мимо цели.

— Ах, милый Ричард... Уверены, что ваша затея не провалится?

— Пока не проваливались, — ответил я самоуверенно.

Она покачала головой.

— Вы просто о них забываете. Чем закончился поход к замку мятежного рыцаря Сулливана, а ныне барона с вашей легкой руки?.. Было совсем недавно, а вы уже и не помните! Счастливый человек. Другой бы себя загрыз... Согласна, баланс побед и поражений пока в вашу пользу. Но дорогу строите совсем уж нелепую...

— На Юге таких нет? — спросил я с любопытством. — Ну да, там либо дикость, либо остатки очень высоких технологий, не отличимых от волшебства, уразуметь которые никто и не пытается. А здесь именно то, что можно понять, повторить, сделать самим, даже усовершенствовать.

Леди Бабетта, вы так ничего и не рассказываете о Юге! Это не по-дружески.

Она ответила с небрежностью:

— А что вам интересно? Например, Юг просто безумно силен...

— Не так уж и, — возразил я. — После Войны Магов в недрах уцелели кое-какие защитные механизмы. Потому Юг в защите силен, но слаб в нападении.

— Вы так думаете?

— Это бесспорно, — ответил я. — Иначе Юг уже покорил бы Север.

Она мило улыбнулась.

— А если Югу это неинтересно? Что можно взять у дикарей?

Я покачал головой.

— На Юге люди не такие уж и... цивилизованные. Они бы с удовольствием завоевали Север, если бы смогли.

Она всматривалась в меня с интересом.

— Вы говорите так уверенно...

— У меня есть на то основания, — ответил я загадочно.

Она широко распахнула глаза.

— Как здорово!.. И даже в постели не проговоритесь про источник информации?

— Попытайтесь, — предложил я скромно.

Она подумала, сказала задумчиво:

— Можно бы попытаться, однако... как бы это вы сами меня не раскололи в постели... Я такая слабая, податливая, незащищенная, наивная, уступчивая, доверчивая... Мне можно будет съездить посмотреть, как эта дорога выглядит?

— Вы уже все посмотрели, — ответил я с небрежностью в голосе. — Но рабочие ничего не знают, а на монахов ваши чары не подействовали, верно?

— Да я и не старалась, — ответила она и наморщила нос. — А вы лично поведете войска в Гандерсгейм?

— Повинуясь приказу императора, — ответил я.

Она дерзко улыбнулась.

— А если бы это не совпадало с вашими замыслами?

— А зачем мне Гандерсгейм?

— Постоянная угроза, — напомнила она. — А вы не тот человек, который смирится с таким положением. Из тех, кто дает сдачи... заранее?

— Я постарался бы договориться с гандерсгеймцами, — пояснил я. — Не люблю воевать.

— Не любите? А кто...

Я прервал:

— Люблю побеждать, а это другое. Для победы не обязательно бить противника по голове, хотя, кто спорит, это помогает. В смысле, упрощает путь к победе. Хотя...

— Что «хотя»?

— Хотя делает ее не такой прочной.

Она чарующе улыбнулась.

— Милый Ричард, меня вы завоевали прочно.

— А уж вы меня... — ответил я ей в тон.

Мы с улыбками смотрели друг на друга и даже не чувствовали смущения, что брешем так бесстыже. Когда каждый из нас понимает, что брешет не только он, но и ему, это несколько затрудняет общение, но сильно облегчает совесть.

— Леди Бабетта, — сказал я, — у меня куча дел. Но если хотите, продолжим нашу деловую беседу в постели. Вы, как я уже заметил, не брыкаетесь во сне и не стягиваете одеяло. Это самое главное для женщины, чтобы считаться очаровательной.

— А хрアップю? — осведомилась она с беспокойством.

— Не заметил, — признался я.

— Слава богу, — сказала она с облегчением. — А то вы не упомянули в перечне моих несомненных и ярко выраженных достоинств.

— Я только начал перечислять, — сказал я галантно. — Но могу и продолжить...

— Не надо, — прервала она, — это продлится до утра, я же знаю, что замечательная. Мне бы тоже хотелось продолжить в таком уютном месте, но... тоже куча дел. И, не поверите, тоже интересных.

Сэр Жерар, как будто все слышал, хотя почему нет, приоткрыл дверь и спросил торопливо:

— Вас дожидаются лорды, вы их вызвали...

Я вздохнул.

— Вот видите, Бабетта, я тоже, как загнанная лошадь. Даже как загнанный конь.

Она прервала:

— Тогда я воспользуюсь вот этой вашей потайной дверью? Не делайте большие глазки! Или вы о ней не знали?

Она исчезла, сэр Жерар выждал нужное время и сказал тихо:

— Я решил, что...

— Лордов опять придумали?

Он кивнул.

— Мне показалось...

— Правильно показалось, — прервал я. — Похоже, мне в самом деле нужно отлучиться на денек-другой.

Он спросил с заминкой:

— Позволено ли мне узнать...

— К Тоннелю, — прервал я. — Так и отвечайте. Ваш лорд держит его под неусыпным контролем, бдит и бдит. При малейшей попытке захватить... имею в виду серьезные попытки, предпочтет обрушить гору сверху, на этот раз перекрыв дорогу намертво! Так пусть и знают все, кто начал забывать.

Он кивнул, лицо остается бесстрастным, ни одобрения, ни неудовольствия, настоящий дипломат, мне бы так.

— Хорошо, ваша светлость. Вы правы, такое нельзя упускать из рук.

— Еще бы!

— Древние были сильны, — проговорил он со вздохом. — Я прошел по Тоннелю со всей нашей армией и дивился больше всего месту, где Тоннель...

Я переспросил:

— А что там особенного?

— Никогда бы, — пояснил он, — не стал искать его там!.. Хребет где-то шире, где-то уже, и разумнее пробить в самом узком месте. Но Древним все равно, пробили вблизи того места, где у них уже имелась дорога. Это говорит о их не измеримой нашими мерками мощи.

— Эта мощь в наших руках, — ответил я бодро, но вспомнил, что двери в складские помещения открываются только перед Бобиком, добавил: — И мы эту мощь не упустим.

Глава 5

От разговора с леди Бабеттой впервые остался недобрый осадок. К Тоннелю отношусь ревниво, слишком разные формации по обе стороны, и если контроль над ним захватит кто-то другой...

На рассвете, свистнув прихвостню на кухне, я на Зайчике выметнулся за ворота Геннегау.

Воздух свежий и такой прозрачный, словно его нет вовсе, в город уже двигаются повозки и навьюченные животные, щелкают кнуты погонщиков скота, резкими голосами кричат овцы, мычят коровы, покачиваются корзины с сыром, кувшины с молоком — все это навьючено на лошадей и осликов.

Я свернул в сторону от дороги, не стоит пугать народ и животных бешено скачущим всадником на огромном черном коне, которого сопровождает Адский Пес, мысли вёрнулись к моей особой дороге.

Под надзором монахов ее строят спешными темпами от самого Геннегау. Хорошо бы начать еще и по ту сторо-

ну Хребта, но слишком рискованно. В Армландии как ни-где сильны традиции удельных лордов, а мой авторитет не настолько велик, чтобы мог не считаться с правами феодалов, по чьим землям пройдет дорога, и не получить сдачи.

То ли дело здесь, в покоренной стране, где сразу без всякой жалости истребил всякое сопротивление, а остальным показал, что и впредь буду вести себя как тиран, так как, знаете ли, сейчас военное положение. А вот когда перейдем на мирное, тогда и получите право голоса и некоторые послабления.

Мы мчались параллельно дороге, но на почтительном расстоянии, чтобы не пугать рабочих. Последние миль пять на насыпи уже уложены шпалы, отесанные и обмазанные смолой, чтоб не гнили, а последнюю милю перед Тоннелем не просто уложены, но и возле каждой высятся аккуратные горки мелкого щебня или ракушек.

Я остановил коня, Бобик благовоспитанно сел, даже не запыхался, зверюка. В нашу сторону рабочие повернули головы, к нам заспешил рослый монах.

Бобик не сдвинулся, но монах на всякий случай зашел с другой стороны, смиленно поклонился.

— Ваша светлость?

— Бригада по укладке рельс собрана? — спросил я.

Он ответил несколько смущенно:

— Все сделано, как вы велели. И молотобойцев уже созвали из всех ближайших деревень...

— А костили изготоили?

Он переспросил опасливо:

— Это те странные гвозди... такие толстые и четырехгранные?

— Да.

— Все готово, ваша светлость... Только не знаю, как это все...

— Узнаешь, — оборвал я. — Собери монахов, кото-

рым можно доверять. И с десяток дюжих мужиков. Не слишком пугливых, конечно.

Он перекрестился, спросил тише:

— Что нас ждет?

— Скоро привезут длинные такие стальные полосы, — объяснил я, — мужики будут укладывать ровными рядами, а вы приговаривать, что во славу Господа. Я не хочу ни слухов, ни волнений.

Он поднял голову и бесстрашно посмотрел мне в глаза.

— А это в самом деле во славу Господа?

— Я паладин, — напомнил я сурово. — Мы строим Царство Небесное, а не просто коптим небо!

— Слушаюсь, ваша светлость.

Я тронул коленом Зайчика, мы понеслись к Тоннелю, а монах торопливо крестился сам и крестил на всякий случай меня, во избежание, так сказать. Доброму христианину только на пользу, а нечисть сразу закричит дурным голосом и превратится в смрад и дым.

Монастырь святого Квинтилия, вспомнил я. Эти менее продвинуты, чем цистерианцы. Те хватают на «ура» все технические новинки, спешно и с наслаждением приспосабливают к работе и даже не приговаривают «Во имя Господа», это и так понятно, вся техника, облегчающая работу, только от Господа, а как иначе, это Он сам подсказывает светлые идеи.

Справа по извилистой дороге в сторону темного зева Тоннеля тянутся тяжело нагруженные телеги, идут карауны обвешанных тюками коней, осликов, мулов и даже верблюдов. Все с недоумением посматривают на прямую насыпь, что идет от Тоннеля: вроде бы дорога, но обтесанные и перемазанные дегтем бревна зачем-то уложены поперек на расстоянии шага одно от другого.

По бокам насыпи канавы, но это всем понятно, для отвода воды, а то размоет насыпь.

Я все сбавлял скорость, а когда впереди показался и начал стремительно вырастать лагерь строителей, пустил

Зайчика легкой рысью, а Бобику велел держаться смирно сзади.

Возле шалашей и наскоро построенных бараков горят костры, в котлах на треногах варится похлебка, ветерок донес аромат мясного супа. На веревках сушится выстиранное белье, монах одиноко ходит, тяжело прихрамывая и опираясь на посох, все остальные суетятся на дороге.

Мы двигались вдоль кювета, нас заметили, но работы не остановились, только монахи начали всматриваться с подозрением, а один, высокий и плечистый, решительно направился в нашу сторону.

Улыбаясь, я вскинул руку.

— Приветствую, отец Удодерий!.. Как продвигается работа?

Он мгновение всматривался в меня, затем низко поклонился.

— Ваша светлость, сэр Ричард!.. — произнес он звучным и неторопливым голосом. — Простите, мы вас не ждали... так быстро. А работа идет...

— В сроки укладываетесь?

— Даже опережаем, — заверил он, — хотя многие даже не понимают, что делают.

— Скоро поймут, — пообещал я. — Когда увидят своими глазами. Отец Удодерий, вы и тут старший по части механики?

Он с достоинством поклонился.

— У нас весь монастырь ею занимается, — ответил он спокойно. — Это угодно Господу. Он сам был Первым Механиком и нам завещал сие богоугодное дело...

— Прекрасно сказано, — восхитился я. — Не зря отец Дитрих доверил вам такое дело! Итак, подберите надежных монахов. Крепких и не болтливых.

— Сколько человек?

— Полдюжины должно хватить, — сказал я. — Но можно и дюжину. Больше не надо. Чем больше людей, тем скорее пойдет утеря секретной информации, а слухи

так вообще. Направляйте в Тоннель. Если не встречу по крайней занятости лично, вас встретит вон эта Божья сбачка.

Он взглянул на Божье создание, содрогнулся, но ответил лишь чуть-чуть осевшим голосом:

— Значит, пришло время?

— Да, — ответил я. — Да узрят неверующие знаки внимания Господа нашего!

Я повернул коня в сторону черного зева Тоннеля, отец Удодерий сказал вдогонку:

— Ваша светлость!.. Я вообще-то как раз отправил группу монахов в Тоннель... Их повел отец Силеверстиус.

— Вы просто чуete, — сказал я пораженно, — что и как надо!.. Мне бы таких министров. Ладно, я пойду догонять, а вы будьте наготове. Начинается главная работа.

Он взмахом руки подозвал двух монахов, больше похожих на молотобойцев, бросил пару слов и почти бегом заторопился в сторону черного зева, куда нескончаемым потоком тянутся и тянутся нагруженные телеги и навьюченные животные.

Я быстро оглядел лагерь строителей, все наспех, однако работа делается быстро и добротно, монахи хоть и не все своими руками, но ревностно следят, чтобы рабочие не халтурили.

— Одобряю, — сказал я наконец. — Бобик, к Тоннелю! Далеко не убегать!

Отец Удодерий вскарабкивался на мула, Зайчик весело ржал и, обогнав его, пошел красивым галопом в стороне от основного пути, нам бездорожье не помеха, только у самого входа пришлось сбросить скорость.

Нагруженные телеги двигаются непрерывным потоком в обе стороны. Купцы нередко идут рядом, лошадям и так тяжело, их обгоняют всадники на легких быстрых конях, эти больше похожи на приказчиков, которым велено спешно вызнать, что и почем в новых землях. Вооб-

ше купцы всегда были теми авантюристами, что открывают страны и народы...

Перед нами поспешно расступались, прижимаясь к стенам, почтительно кланялись. Польстило, что во взглядах больше почтения к удачливому суперторговцу, сумевшему завладеть такой уникальной дорогой, теперь берет плату за ее топтание, чем к непонятной и далекой власти майордома.

— Счастья вам, ваша светлость!

— Здоровья, лорд!

— Долгой жизни!

Я улыбался и помахал рукой в воздухе. Думаю,ожелания счастья и долгой жизни искренние, все-таки я для них кое-какие перспективы открыл.

Бобик все-таки унесся вперед далековато, там паника, крики, наконец все утихло, а когда мы добрались до нужного места, большая группа монахов сбилась в кучку, Бобик сидит неподвижно у стены, как изваяние, только красный язык высунут на локоть из жуткой пасти и постоянно дергается.

— Слава Господу, — сказал я громогласно и соскочил с коня. — Собака — Божье создание, не зря же всех собак Господь берет в рай. Отец Силеверстиус?

Один из монахов, крупный и чем-то похожий на отца Удодерия, поклонился смиренно, но и с чувством достоинства.

— Ваша светлость...

— Отец Силеверстиус, — сказал я. — Ведите братьев!..
Бобик, открывай дверь служителям Творца!

Адский Пес пробежал вдоль стены, нюхая землю, монахи поспешно отпрыгивали и провожали его тревожными глазами. В сплошной стене с легким треском переломленного прутика возникла вертикальная трещина, тут же в стене образовался широкий проход, будто только что здесь была дверь.... и вдруг исчезла.

Монахи крестились и бормотали молитвы. Бобик вскочил в образовавшийся проем, оглянулся.

Я махнул рукой.

— Господь доверяет тебе, — сказал я громко, — так что иди первым. Братья, пришел ваш час послужить великому делу строительства Царства Небесного на земле! За мной... а можете за этой милой собачкой.

Отец Силеверстиус крякнул, как огромный селезень, перед ним расступились, он шагнул вперед, бросил на меня взгляд, я кивнул, и он первым вошел в проем.

Я сказал громко:

— Здесь много соблазнов, братья мои!.. Потому ничего не трогать, не щупать, стен не касаться. Особенно, где всякие знаки... Помните, мы еще далеки от идеала, каким замыслил нас Господь, потому он постоянно испытывает нас, грешных.

Отец Силеверстиус перекрестился.

— Кому доверяет, того испытывает строже.

— Золотые слова, — одобрил я. — Вы избранные...

Господом.

— Не подведем, — пробормотал он. — Во всяком случае, постараемся с Божьей помощью.

Один из монахов пробормотал:

— Да уж... ваша светлость, вы только не забывайте говорить, что нам делать.

— Пока только идти следом, — велел я. — Главное, ничего не трогать!

Они медленно двигались по проходу, сбившись в тесную группу, как овцы, что прижимаются так тесно друг к другу, что уже и не стадо, а нечто вроде огромного животного с множеством ног.

В конце этого служебного коридора еще дверь перед Бобиком распахнулась, монахи охнули и снова начали креститься и бормотать молитвы.

Бобик влетел в помещение склада огромными прыжками, я сказал торопливо:

— Бобик, ко мне!

Пришлось подождать, пока все монахи войдут первыми, косятся удивленными глазами, но не объяснять же, что дверь открывается не передо мной, а перед этой собачкой. Авторитет Бобика взлетит, а вот мой...

Первым вошел отец Силеверстиус, за ним остальные, вид ошелелый, но я все равно восхитился их выдержанкой. Другие бы в панику, но эти понимают, что все созданное руками человека ничто перед созданным Господом, и осматриваются с великим изумлением, все-таки ангар чудовищно велик, это же сколько камня нужно выгрызти в толще горы и вывезти, но без страха.

Кое-кто сжимает крестики, у многих шевелятся губы, но молитвы — это чисто инстинктивное, что дает уверенность в защите, а глаза уже жадно шарят по всем этим чудовищным механизмам, странным и необычным.

Тусклый свет медленно охватывал все помещение, давая глазам привыкнуть, набрал силу, наконец стало светло, как в солнечный день. Впереди в идеальном порядке застыли на рельсах десятки платформ, на том же месте те два вагона, на которые я положил глаз еще в прошлый раз.

— Братья, — сказал я торжественно, — Господь уничтожил погрязший в грехах народ, но сохранил для нас, грешных, это вот место. Мы хоть и грешные, но в сравнении с теми прошлыми — просто праведники. Потому он и доверил нам взять это и пользоваться на благо церкви.

Отец Силеверстиус проговорил осевшим голосом:

— Но... как?

Остальные не двигались, бледные и вздрагивающие, постоянно крестились, все сбились в кучку, никто ни на шаг в сторону, прекрасно, но нет панического страха, все в руках Господа.

Я восхитился стойкостью, сам перекрестился демонстративно широко и даже пробормотал начальные строки молитвы, чем явно укрепил к себе доверие.

— Вот эти длинные стальные полосы, — объяснил я, — называются рельсами. По ним и пойдет во славу Господа паровоз, который спешно делают ваши братья в монастыре святого Цистерия. А вам предстоит погрузить их вот на эту платформу.

Отец Силеверстиус приблизился с крайне озабоченным лицом и тревожными глазами.

— А затем?

— Поздравляю, — сказал я.

— За что?

— Вы молча спросили меня, — объяснил я, — как доставим их к тем шпалам, что вы уложили... Грузите! Я все покажу.

Монахи все так же молча, вот уж где дисциплина, брались за рельсы, краснели и багровели, к ним подключались собратья, и наконец опытным путем определили, сколько человек нужно, чтобы поднять один рельс и уложить на платформу.

Отец Силеверстиус тоже хватался за блестящий металл, напрягал мускулы так, что на красном от напряжения лице вздувались вены.

Бобик поднял морду и начал прислушиваться, затем ринулся к проходу обратно.

— Продолжайте, — велел я монахам. — Отец Силеверстиус, следите за порядком.

— А вы?

— Сейчас вернусь.

Бобик пронесся по тоннелю с ячеистым потолком, дверь раздвинулась в Большой Тоннель. Караваны все так же идут в обе стороны, мы увидели удаляющуюся фигуру отца Удодерия с отсапывающимся мулом в поводу и двух монахов могучего сложения.

Я закричал, замахал руками. Они обернулись, на лице отца Удодерия отразилось изумление и облегчение.

— Ваша светлость! А мы поспешили вовсю и нашим братьям...

Один из монахов пробасил:

— И не могли понять, куда все делись...

— Не тревожьтесь, — успокоил я. — Идите вот сюда.

Проходящие мимо торговцы опасливо заглядывали в новый проход, мы поспешили пропустили отца Удодерия и монахов вперед, дверь за нами захлопнулась.

Все трое громко ахнули, когда открылась исполинская пещера, но взгляды зацепились за фигуры работающих монахов под руководством отца Силеверстиуса.

— Отец Удодерий, — сказал я торжественно, — вы старший, берите бразды в свои руки.

— Что нужно делать?

— Всего-то погрузить на вот ту телегу вон те штуки, — объяснил я. — Телегу называют платформой, а те длинные стальные полосы — рельсами. Братья уже грузят, все правильно, но все равно следите. Мы такие, что-то да напорим с наущения Врага рода людского.

Монахи продолжали трудиться, я посматривал опасливо, а когда платформу погрузили до половины, вскинул руку.

— Стоп!.. Для первого раза — хватит. Потом посмотрим. А сейчас давайте выкатим в Тоннель...

Отец Удодерий распоряжался быстро и уверенно, он раньше других ухватил идею поворотного круга, и когда платформу выкатили в Тоннель, размахивал руками и кричал, чтобы толкали только одну сторону, еще, еще... стоп, совпало!

Купеческий народ шарахался в испуге, лишь присутствие монахов удержало от паники. Торопливо прижимались к стенам, а когда монахи уперлись в платформу, а та стронулась с места, хоть и с великой неохотой, купцы закрывали глаза и шептали молитвы, отгоняющие нечистую силу.

Платформа сперва шла тяжело, потом разогналась настолько легко, что одни на ходу крестились, другие бормотали молитвы, а один из молодых ухитрился запрыг-

нуть наверх на груду рельсов и широко улыбался, счастливый от собственной безумной отваги.

Впереди несся Бобик, разгоняя народ. Платформа грохочет, монахи кричат, подбадривая друг друга, купцы едва успевают отпрыгивать, убирать коней, кого-то все-таки задели, сзади был крик и жалобное ржание, но впереди блеснул свет, начал приближаться и расширяться.

Я закричал предостерегающе, отец Удодерий заорал еще громче, в платформу вцепились, как муравьи в крупного жука, убегающего со всех ног, кое-как остановили у самого выхода.

Отец Силеверстиус покачал головой, перекрестился.

— Я сперва не понял, — сказал он чистосердечно, — зачем надо было остановиться! Совсем дураком стал.

Отец Удодерий пробормотал озабоченно:

— Если бы эта повозка соскочила...

— Ничего, — ответил я бодро, — вагами поставили бы на рельсы, не так уж и трудно, хотя попотели бы изрядно. И опыт сын ошибок трудных... Зато запомнили бы. Да-айте прослежу, как будете укладывать. Расстояние между рельсами знаете, просто выдерживайте в точности, как лежат в Тоннеле. А вот костылями прикреплять я вас поучу...

Отец Удодерий смотрел в великом изумлении.

— Вы?

— А что? — ответил я бодро. — У нас это работа для благородного сословия! За честь забивать костили в шпаги идет борьба, отбор жесткий! Это доверяется только членам королевской фамилии, детям герцогов и графов, в редких случаях допускают баронов, а то и виконтов, если совсем уж на безбароньи, но это если уж очень надо срочно, а объем работы большой.

Две рельсы уложили, между ними мерная доска, рабочие сгрудились, а я, взяв молот, лихо замахнулся. Отец Удодерий лично держит в клещах с длинными ручками железный костыль.

Первым ударом я вогнал чуть-чуть, намечая место, затем тремя забил так, что тот коснулся шляпкой основания рельса, а последним прижал плотно.

— Вот так, — объяснил я, — с обеих сторон каждой рельсы. Или каждого рельса, кто как хочет.

— А как правильно? — спросил отец Силеверстиус. Я отмахнулся.

— Как начнете говорить, так и войдет в норму. Отец Удодерий, я жду второй костыль...

Укрепив рельсу на одной шпале, я передал кувалду рабочему, который внимательнее всех следил за моими движениями, и, оказалось, не ошибся. Тот сумел забить костыль, затратив на один удар меньше меня.

Я похлопал его по плечу.

— Еще не барон?

Он покачал головой.

— Нет, ваша светлость...

— Будешь, — пообещал я. — Труд — это дело чести, дело славы, дело доблести и геройства. Так сказал дядя Джо, а он знал, что говорит, когда принял королевство с деревянной сохой, а оставил... Отец Удодерий, если рельсы здесь сгрузят, я смогу с вами еще разок смотаться за новой порцией!

На второй раз платформу загрузили втрое больше, а чтобы столкнуть с места, пришлось воспользоваться рычагами, но потом снова все пошло настолько легко, что опять разогнали чересчур, а затем тормозили так, что из-под подошв повалил дым.

Отец Удодерий сказал устало, но со счастливой улыбкой:

— Ваша светлость, по таким штукам даже без паровоза перевозить легко!

— Сперва можно на конской тяге, — согласился я. — У нас тоже так было. Называлось конкой. Зато когда поставим паровоз...

— Что будет? — спросил он с опасливыми восторгом.

— Увидите не только тягловую мощь, — заверил я, — но и скорость!

Отец Удодерий, как истый цистернанец, прошелся вдоль уложенных рельсов и тщательно промерил заготовленной меркой, похожей на швабру с длинными концами, расстояние между ними.

Лицо его становилось все задумчивее.

— Вас что-то тревожит? — спросил я любезно.

Он мотнул головой.

— Нет-нет... Просто подумал...

— Что?

— Если расстояние между рельсами сделать шире, — проговорил он с неуверенностью, — тележки можно будет делать просторнее... А это значит, груза повезут вчетверо больше.

— Думаете верно, — ответил я.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Вы взяли это расстояние наугад? Или были какие-то основания?

Я вздохнул, не зная, как объяснить, что вообще-то нет единого стандарта для ширины железнодорожной колеи. На Западе взяли размер между колесами обычной телеги, но когда к русскому царю пришли наши инженеры с вопросом, какой принять стандарт в России, вот, дескать, на Западе принята стефенсоновская колея, но вообще-то узковата для России, не сделать ли шире... Шире, удивился резонно Его Величество, на хрен! И потому теперь в России железнодорожная колея на девять сантиметров шире международной.

— Основания веского не было, — ответил я, — но у нас редко когда что-то создается... заново, что ли. Расстояние между рельсами — это расстояние между колесами, что пойдут по ним. А между этими колесами абсолютно то же самое, что у привычных нам телег. Так что особенно не придется перестраивать промышленность. На

рельсы поставим те же телеги с той же привычной тележной осью. У колес только чуть-чуть изменим краешек.

Он посмотрел на меня несколько странно, где восторг и сомнение перемешались, покачал головой.

— Ох, ваша светлость, — произнес он с тяжким вздохом, — вам бы к нам в монастырь... Такая светлая голова, а пропадает всего лишь на королевском троне!

— Не пропаду, — пообещал я. — Я почти монах, даже обет безбрачия блюду. Ну, служанки и прачки не в счет, как вы понимаете.

Он отмахнулся.

— Да кто обращает внимания на такие пустяки? О них даже в исповеди не упоминают. Ладно, будем придерживаться строго этого стандарта. Я о рельсах, как вы понимаете.

— Да-да, — согласился я. — Я тоже подумал именно о рельсах. Духовные люди, не какие-нибудь все прочие!

Глава 6

К нам подбежал суетливо невысокий, но крепкий монашек, поклонился, но без всякого смирения, глаза блестят от любопытства, весь дергается от жажды одновременно быть там, здесь и еще где-нибудь.

— Ваша светлость, заканчивается смесь из ракушек!

— Забивайте под шпалы гальку, — распорядился я. — Мелкие камешки и вообще все, что не гниет и не размывается дождями.

Он поклонился.

— Все понял. Будет сделано!

Отец Удодерий посмотрел ему вслед.

— Горят рвением... Но дело全新оное, будут ошибки.

— Будут, — согласился я. — Но все-таки старайтесь, чтобы тележка не соскакивала с рельсов. Поднимать не-

просто, особенно груженую. И следите особо, чтобы не размыло дорогу

— Да, ваша светлость...

Вторую партию рельсов сгружали уже не монахи, а рабочие, а я вернулся в хитро скрытый склад, пересчитал рельсы. Увы, до Геннегау не хватит. В этом отсеке запас только для ремонта. Кроме рельс, два ящика с костылями, накладками для соединения рельс, прочей необходимой мелочью, но все именно ремонтное, для экстренной помощи, а выплавляют металл и делают рельсы в другом месте... которого теперь нет. Как и того места, где изготавливали паровозы, как их ни назови.

За два захода вывезли оставшиеся рельсы, костыли и накладки. Тележку сумели провезти по только что уложенным рельсам, что вызвало бурю восторгов.

Однако отец Удодерий и отец Силеверстиус рассматривали рельсы с самым озабоченным выражением.

— Ваша светлость, — сказал осторожно отец Удодерий, — вы думаете то же самое?

— Вы о том, что мало? — спросил я.

Он кивнул.

— Хватит на довольно большой участок, но насчет Геннегау нечего и думать. Однако меня тревожит другое...

— Как сделать еще?

— Да, — ответил он со вздохом. — Если собрать всех кузнецов города, откуют одну за неделю-другую. Но, боюсь, качество будет намного ниже.

Отец Силеверстиус проговорил глухо:

— И не в жисть не выдержать такие формы...

Я помолчал, оба выглядят подавленными техническим совершенством вообще-то обыкновенных рельс. Те в самом деле такие, не отличить одну от другой, товар совсем не штучный, а как их делать — непонятно.

— Вы недооцениваете своих собратьев, — сказал я. — И себя. Цистерианцы всегда были лучшими в мире технолями. А сейчас у вас есть зримая задача и образец, кото-

рый можно пощупать. Оставляю вас, отцы, на неопределенное время. Как вы знаете, хотя у человека нет ничего, кроме души, но почему-то приходится заниматься и такой хренью, как завоевание территорий или общение со знатными дураками!..

Они перекрестили меня вдогонку, божья собачка помахала им хвостом, и мы втроем понеслись в сторону Ген-негау.

Я зарылся мордой в гриву и терпеливо пережидал бешеную скачку, как называю из-за неимения других терминов, но это не скачка в привычном смысле, когда при каждом прыжке подбрасывает, потряхивает, бьет снизу в задницу...

Ветер дует со стороны города, Зайчик сбросил скорость, как только я увидел высокие белые стены и ощутил смердящий запах жареной рыбы на оливковом масле, ее готовят на больших сковородах чуть ли не на каждом углу. В воротах толчея груженых повозок, камни уже нагреты солнцем, стражи прикрывают глаза козырьком ладони, всматриваются в каждого въезжающего, передо мной стукнули копьями в землю.

— Ваша светлость!

Я помахал рукой.

— Бдите, бдите...

Перед королевским дворцом оруженосцы укрывают ярко-красной попоной коня графа Ришара, затем вскинули ему на спину тяжелое рыцарское седло с высокой спинкой, а сам граф довольно бодро спустился по ступенькам, уже в блестящих доспехах, только шлем гордый доверием паж преданно несет сзади.

— Ваша светлость, — сказал он церемонно.

— Граф, — ответил я с поклоном, мы же на людях, церемонии неизбежны. — На прогулку или охоту?

Он растянул губы в хищной усмешке.

— То и другое, ваша светлость. Пора в Брабант. Надо

осмотреть войско, распределить, кому что и как, а еще и зачем. Неразберихи в таких делах много. Вас когда ждать?

— Как только подтянутся последние обозы.

Он кивнул.

— Да-да, мои дивные кони, которыми я так бахвалился, сильно уступают вашему черту, а еще коню сэра Ульриха. Ладно, догоните, когда вам будет удобнее.

Я соскочил на землю, мы обнялись, от графа уже заранее пахнет дорожной пылью и удалью приключений.

— Не завидуйте, — сказал он серьезно. — Постарайтесь переложить побольше дел на плечи помощников.

— Да где их взять?

— Это трудно, — согласился он. — Но как иначе?

— Граф, вы же справляетесь?

Он усмехнулся.

— Один? Не-е-ет, я ищу и нахожу тех, кто умеет некоторые вещи делать лучше меня. Но, конечно, общее руководство не упускаю.

Я открыл и закрыл рот.

— Да-а, как-то я даже не подумал. Мне казалось, граф, вы только на поле сражения... Но вообще-то большой разницы нет, у нас сраженья каждый день и час.

Ему подвели коня, он вставил ногу в стремя, оруженосцы дружно помогли ему подняться в седло. Граф весьма довольный, все еще обходится без седального камня, многие молодые и полные сил без него не могут, быстро разобрал повод и вскинул свободную руку.

— До встречи в Гандергейме!

— Успеха, граф! — сказал я. — Когда все будет готово, выводите войска. Я могу догнать уже и там!

Он кивнул, ничуть не удивившись, первые дни в Гандергейме пройдут вообще без стычек, на буферной территории даже трава растет неохотно, так что пройти придется немало миль, пока произойдет серьезная проба сил...

Копыта его коня простучали бодро и даже весело, но я смотрел вслед, чувствуя, как политик берет верх над

удалым рыцарством. Снова эти постоянные и нескончаемые войны... Феодалы боятся друг с другом, а сообща свергают королей, но если королю удается удержать власть и подавить смуту, он тут же нападает на соседей. Одновременно бастарды предъявляют претензии на королевский трон, могучие кланы и семьи выдвигают своих лидеров, готовых управлять королевством...

И это бесконечно из года в год, из века в век и даже из тысячелетия в тысячелетие. Кажется, нет силы остановить это бесконечное кровопролитие, эти войны, эту резню везде и всюду, эту кровавую бессмыслицу, когда все режут друг друга за справедливость, за воцарение законного короля, за восхождение на трон законного наследника, что десятки лет где-то жил в лесной хижине, понятия не имел, чей он сын, но его уже готовы посадить на трон, щас он науправляет!

Тысячи умов все века ломали головы, где найти силу, чтобы та остановила эти войны. Только единицы прозревают, что так жить нельзя, это неправильно, нельзя затевать кровавые перевороты и всеобщую гражданскую войну только ради того, чтобы сместь с трона одного короля и посадить другого. И что нельзя нападать на соседнее королевство только для того, чтобы расширить свое, при этом обрекая на нищету, голод и вымирание свой же народ.

И все-таки те немногие, что прозрели, сумели вызвать к жизни христианство, которое в самом деле может покончить с этим безумием. И дело не в его миролюбии, а в том, что впервые удалось создать силу выше королевской и даже императорской! И раз так, то разрозненные и вечно враждующие и воюющие королевства подчиняются больше церкви, чем королям, и если церковь укрепилась достаточно, к примеру, в двух королевствах, то не позволит им воевать друг с другом.

Если, конечно, церковь будет прочно стоять на зад-

них конечностях и грозить королям не только пальчиком, но и тяжелой дубиной.

Моя задача — укрепить ее настолько, чтобы не только порицала войны и старалась запретить луки и арбалеты, но и могла это сделать.

Меня суетливо приветствовали, коня ухватили под уздцы, а Бобик уже исчез, держа нос по ветру, справа и слева пошли богато одетые люди, кланялись и что-то говорили угодливыми голосами, но в моей голове стучало неотвязно: что воля одного человека? Она в состоянии не только завоевать мир, но и на некоторое время удерживать громадные империи в одном кулаке. Но погиб Александр Македонский, и рассыпалась его исполинская империя. Умер Чингис, погиб Аттила, и ничего не осталось от их завоеваний.

Зато церковь вечна. По крайней мере, в сравнении с человеческой жизнью. Не знаю, так ли замышлял создатель христианства Павел, но только она способна удерживать государства воедино вне зависимости, какие короли там сменяются, какие интриги плетут и какой из бастардов добивается трона.

Похоже, только я один понимаю, какое великое дело церковь может совершить, если не мешать ей укрепляться. А лучше устраниТЬ всяческих мешателей. Хотя бы самых активных.

В честь возвращения майордома — целый день отсутствовал! — устроили праздничный ужин. На стол подавали целиком запеченных кабанов, оленей, вино лилось рекой, музыканты дудели и били в бубны, а в завершение устроили танцы, чинные и неторопливые, когда фигуры сходятся и расходятся, как в старинных часах.

Я насыщался, не глядя, в голове рой идей, с отбытием ватиканцев как будто плотину прорвало, даже руки дрожат от нетерпения переделать все и сразу.

В толпе я увидел странный диссонанс: человек в черных доспехах, забрало поднято, можно рассмотреть смуглое лицо, хищный нос и широкие черные брови. Он не двигался, только взгляд перебегал по танцующим.

Я поглядывал на него с беспокойством, за спиной раздался веселый голос:

— Кого рассматривает с таким вниманием мой лорд?

— Да так, — пробормотал я.

Арчибалд Въеннуанский, веселый и белозубый, единственный сын могущественного лорда Чарльза Фуланда, встал рядом, веселый и пропахший вином настолько, словно искупался в нем.

Я медленно отхлебывал из чаши, вино потеряло всякую сладость. Арчибалд проследил за моим взглядом, потом посмотрел на мое лицо, охнул.

— Да что случилось?

— Пока ничего, — ответил я тихо. — Кто вот тот в черном?

Он повертел головой.

— Где?.. Сэр Мелантип?

— Прямо смотрите, — сказал я и показал взглядом. — Вон тот.

Он медленно начал трезветь, лицо побледнело, а голос дрогнул.

— А каков он?

— В черных доспехах, — сказал я. — Ростом с меня. Лицо злое, брови черные...

— В доспехах? — переспросил он. — Здесь? Это невозможно...

— В доспехах, — подтвердил я мрачно. — И почему на него не обращают внимания?

— А глаза? — спросил он быстро. — Какого цвета?

— Отсюда не видно.

Он сказал поникшим голосом:

— Да это и неважно. И так понятно...

— Кто это?

— Черный Гость, — ответил он. — Вы уже поняли, мой лорд, его видите только вы. Боюсь, это предвещает большие неприятности.

— Для него?

Он покачал головой.

— Для того, кто его видит. Это очень нехорошая примета. Второй раз покажется, когда придет забирать вашу душу. Увы, это будет скоро.

— Уверен?

— Всегда так было.

Я со стуком опустил кубок на столешницу.

— Он кто, языческий божок? Еще не знает, что мы разорвали эту цепь бесконечного круговорота?.. Ладно, пусть появляется. Раз я не язычник, на меня его власть не распространяется.

Арчибалд промолчал, во взгляде глубокое соболезнование, как-то ощущил, что, несмотря на мою браваду, мне страшно и одиноко.

— Что прикажете, мой лорд?

Я поднялся, суровый и собранный, ответил жестким мужественным голосом, в котором даже сам почти не заметил дрожи:

— Ничего. Всем отдыхать, но с утра — за работу. У благородных рыцарей, сэр Арчибалд, тоже есть обязанности и полезные для общества нагрузки. А я на время покину вас...

— На время пира?

Я поморщился, сделал неопределенный жест и вышел из зала. За мной увязались несколько человек, но я шел очень быстро и целеустремленно, никого не замечая, и все постепенно отстали.

Из здания я вышел один, за время пира небо выгнулось высоким звездным сводом, верхушки домов серебрятся легким туманом, деревья окутаны легким призрачным светом. На западе догорают последние угли небесного пожара, а когда погасли, над миром простерлась ночь.

Ко мне поспешили испуганные слуги, я велел резко:

— Седлать Зайчика!

— Ваша светлость, — вскрикнул кто-то, — на ночь глядя?

— Ночь, — ответил я, — хорошее время.

Сам понял, что брякнул не то, она хороша больше всего для воров и для тех, кто ходит к чужим женам, но слуги послушно ринулись к конюшне.

Примчался Бобик, в ночи глаза горят страшным красивым пламенем, и сам как сгусток первородной тьмы, но всем помахал хвостом, на меня уставился в ожидании: куда?

— Далеко, — ответил я. — Как ты и любишь.

От дворца хлынул яркий свет, это распахнулись двери, по широким ступенькам быстро сбежали барон Альбрехт, сэр Палант и начальник дворцовой стражи. За их спинами выглядывало встревоженное лицо Куно.

— Сэр Ричард! — вскрикнул Торрекс. — Вам нельзя ехать ночью!

— Почему?

— Мы не успеем собрать отряд сопровождения!

Я сделал отмеченный жест.

— Сэр Торрекс, пора привыкнуть, что я не нуждаюсь в свите.

Барон Альбрехт рассматривал меня внимательно, сам он готов выступить в долгую дорогу хоть сейчас, но ему кроме Гандерсгейма ничего не придет в голову, а Палант спросил почтительно:

— В Брабант?.. Вы обгоните графа Ришара на полпути...

— Нет, — возразил я, — чем в Брабанте заниматься две недели?

— Тогда...

— В Тараксон, — пояснил я.

Палант разинул рот в удивлении, Альбрехт поинтересовался:

— Корабли?

— Пока только порт, — сказал я. — И, конечно, башни на входе в бухту. А потом и флот построим...

Зайчик выметнулся из конюшни черный и блестящий, как отлитый из черной смолы, радостно заржал, раздувая огненные ноздри. Роскошная черная грива метнулась из стороны в сторону, он потряхивал головой, как пес, но у того лишь звучно хлопают уши, а у этого черная, как ночное небо, грива вздымается красиво до мурашек по коже.

Двое конюхов висели на его удилах, улыбки вымученные, Зайчик вскидывает голову, и ноги обоих отрываются от земли, но делают вид, что все нормально, все под контролем.

— Я люблю тебя, — сказал я ему с чувством. Бобик тут же ревниво вклинился между нами, стараясь оттеснить меня от его соперника. — И тебя люблю, чудовище... В самом деле люблю, правда-правда!

Подошли еще рыцари, я отдавал последние распоряжения, Бобик испрыгнулся в жутком нетерпении, чуя дальнее путешествие, обожает их почти так же, как вылазки на кухню, но из здания выбежал сэр Жерар и заспешил ко мне с крайне озабоченным выражением лица.

— Ваша светлость, — заговорил он с ходу, я сразу насторожился, ибо «сэр Ричард» — это у нас как бы указывает на принадлежность к общему рыцарскому братству, а «ваша светлость» звучит как напоминание о моих обязанностях сюзерена. — Ваша светлость, перед отбытием... гм... может быть, укажете, какие меры предпринять против Ночного Охотника?

Я спросил настороженно:

— Что за?..

Он развел руками.

— Никто не знает. Никто не видел. Но уже третий день... вернее, ночь, на улицах города остаются по два

зверски изуродованных трупа. Похоже, это не человек, даже одержимый безумием, а некий зверь.

Я спросил раздраженно:

— А куда смотрит городская стража?

Он ответил с поклоном:

— Вчера ночью как раз и погибли. Двое, они всегда ходят по двое... Обоих утром и нашли. Внутренности разворочены, будто в них что-то искали. Исчезли сердца и печень.

— Съедены? — спросил я.

Сердце заныло, словно и к нему уже протянулись из ночи страшные лапы.

Сэр Жерар наклонил голову.

— Скорее всего. Крови целые лужи, даже на стенах. Ночной зверь, похоже, ушел невредим. Горожане в панике. Если и этой ночью на улицах будет такое же, уже не только горожане, но и ночная стража устрешится выходить.

— Удвойте, — велел я. — Пусть ходят по четверо. Для начала. Если у зверя рацион всего двое в сутки, оставшиеся хотя бы увидят, с чем имеем дело. А животных жрет?

— Только людей.

— Гурман... Хорошо, срочно соберите рыцарей, кто еще способен взобраться в седло. И принесите план города.

— Сюда?

Я ответил со вздохом:

— В кабинет. Похоже, эту ночь проведу в Геннегау.

Глава 7

В комнате воздух уплотнился от запаха растопленного воска. Свечи горят все, люблю яркий свет, на столе карта города, над которой нависли головы моих лордов.

Слуга принес сладости и легкое вино. Я ощущил по

сильному чувству голода, что уже долго прикидываем, как нам понять, с чем или кем имеем дело.

Сэр Раster распустил ремень на животе, проворчал:

— И что решим?

— Если не удается справиться ночной страже, — сказал я наконец, — придется выйти нам.

Он спросил с недоумением:

— Рыцарское ли это дело?

— Защищать народ? — переспросил я.

— Нет, — проворчал он, — делать то, что должна делать городская стража. Все-таки мы... к нам и требования повыше!

— Да, — согласился я, — мы на меньшее, чем драконы, не размениваемся, однако... что делать, если помочь простым стражам больше некому?

Растер проворчал:

— Ладно... Хотя и недостойно рыцарям делать работу простого люда. Допьем и пойдем?

Я кивнул.

— Кстати, у многих есть амулеты на крайний случай... Полагаю, он пришел. Нам не нужна паника в столице на радость нашим врагам... Сэр Палант!

Молодой рыцарь вскочил, трепеща от усердия и счастья, что допущен на совещание военачальников столь высокого ранга.

— Ваша светлость!

Я протянул ему блестящий камешек на тонкой серебряной цепочке.

— Вы это помните?

Он поклонился.

— Такой же камешек был у сэра Клавдия.

— Это он и есть, — сообщил я.

Палант пробормотал:

— Но заключенный в нем демон выполнил задание, теперь это просто камешек...

— Да, — подтвердил я. — Всех нас выручил... даже

спас, можно сказать, заключенный в нем демон. Берите, теперь вы его владелец. И он все так же с демоном. Тем или другим, не знаю. Используйте без колебаний, когда придет нужда. Думаю, тот вихревой демон сумеет справиться и с Ночным Охотником.

Палант протянул руку, но тут же отдернул.

— Ваша светлость... у сэра Клавдия остались наследники.

— Они унаследуют его земли, — прервал я нетерпеливо. — Личные же вещи переходят к его близким друзьям.

Он переступил с ноги на ногу.

— Да, я был его лучшим другом. Однако неловко...

— Берите, — сказал я властно.

Палант без необходимости преклонил колено, принимая столь ценный дар, поцеловал мою руку и скромно отступил в задние ряды.

— Сэр Арчибалд, — подозвал я, — этот амулет, как мне объяснили знатоки, может вызвать сильный ветер... на некоторое время. Не знаю, как и где это может пригодиться, но вы человек умный и продумывающий все вперед, сумеете им распорядиться не впустую.

Арчибалд, очень польщенный, принял амулет с выражением глубочайшей благодарности. Я кивком подозвал барона Торрекса.

— Вам жалую вот этот амулет. Он вызывает снег в любое время года, может заморозить воздух и даже крупного зверя превратить в сосульку.

Альбрехт наклонился к моему уху и шепнул:

— Откуда у вас столько чудесных вещей?

— В Гандерсгейме ими завалили, — ответил я с аристократической небрежностью. — Там их, как камней при дорогах. Для вас тоже кое-что припас...

— Что?

— Этот камешек увеличивает скорость любого коня под вами втрое.

Он улыбнулся.

— Не забываете, что я еще и лошадник?

— Хороший правитель, — напомнил я, — должен все помнить о своих соратниках. Дорогие друзья, вот еще куча амулетов, но так как я вас не привлекаю в обязательном порядке идти со мной и ловить этого Ночного Охотника, то разбирайте сами. Это военная добыча, так что все законно. Не украл, не подобрал, а честно убил и взял.

Стараясь не выказывать жадной заинтересованности, они приблизились к столу и рассматривали амулеты.

Сэр Жерар поинтересовался осторожно:

— Ваша светлость, большинство из них вижу впервые! Какой обладает каким умением?

— Если бы я знал, — ответил я честно. — В Гандерсгейме, возможно, свои разновидности демонов. Как я понял, здесь сегрегация просто чудовищная. Берите, берите! Сэр Раster, не хапайте кучу, у вас ладонь загребущая, знаю. Пусть и другим останется. Словом, мы вооружены так, что должны справиться с любым монстром! Не так ли?

Барон Альбрехт сказал предостерегающе:

— Погодите-погодите!.. Откуда он вдруг появился? То не было, а то вдруг?.. Именно когда мы здесь?

Арчибальд первым понял, на что намекает барон, сказал посурковевшим голосом:

— Боюсь, вы правы, барон. Скорее всего, монстр появился не сам по себе.

Сэр Раster прогудел досадливо:

— Да какая разница? Надо быстрее выйти, ночь же на дворе, встретить и убить.

— Погодите, сэр Раster, — сказал я. — Если это дело рук сторонников короля Кейдана, то будут пакости и дальше. С другой стороны, если вычислить вызывателя, можно будет заставить вернуть это чудище в ад.

— А если не согласится? — спросил наивно Палант.

Барон Альбрехт посмотрел с симпатией на его чистое юное лицо.

— Здесь глубокие темницы, — сообщил он мрачно. — И весьма умелые палачи.

— Не разбежались? — спросил сэр Арчибалд.

— Совсем наоборот, — ответил барон. — Понимают, с нами без работы не останутся.

Я выехал на Зайчике, барон Альбрехт на быстром скакуне, сэр Арчибалд и Альвар на таких же поджарых лошадях, даже барон Торрекс оставил охрану дворца на эту ночь.

— Езжайте на площадь, — сказал я, — догоню.

За высоким каменным забором слышны звонкие шелчки тетив по кожаным рукавичкам, довольные или огорченные вскрики, быстрый и напористый голос Асмера.

Я одолел соблазн направить коня прямо через забор, мы чинно въехали в ворота. При свете факелов десятка два лучников усердно упражняются, держа тяжелые луки на вытянутых руках, а пятеро стреляют в широкие мишени на дальнем конце.

Асмер весело покрикивает, передвигается с одного конца стрельбища на другой с удивительной скоростью, лицо живое, выражение постоянно меняется, словно сам не в состоянии зафиксировать какое-то одно.

Я засмотрелся, он редко бывает не в духе. Сейчас, как и обычно, полон жизни.

— Асмер!

Он оглянулся, заулыбался широко и довольно, исчез на том конце и оказался передо мной, а между этими двумя Асмерами лишь осталась быстро растаявшая полоска тумана.

— Ого, какие гости!

Я соскочил на землю, мы обнялись, я спросил:

— Ты как?

Он ответил счастливо:

— Скучаю по Зорру. Это хотел спросить? Но никуда

отсюда не поеду. Почему-то так нравится этих дураков учить... Я даже не знал, что мне такая блажь понравится.

— Почему ночью?

— И ночью тоже, — поправил он. — Ночью вообще-то не так жарко. Днем гоняю до седьмого пота, а ночью...

— Только до пятого?

— Угадал.

— Как новые луки? — спросил я.

— Бесподобны, — заверил он. — Весят прилично, стрелы для них трехфутовые, новички сперва обливались потом, поднимая их и накладывая стрелу, но зато теперь... Где ты их берешь?

— Поставляют из Армландии, — сказал я, — и моего далекого Амальфи. Да, есть у меня такой замок. Первый из... А как сами лучники?

Он сказал с усмешкой:

— Здесь, можно сказать, выпускники. А новички вон там...

На той стороне большая группа молодых парней упражнялась с камнями, большая часть держит их в растопыренных руках и выпучивает глаза от усилия продержаться как можно дольше.

— У тебя стофунтовый лук, — сказал я. — Совсем ошалел?

Он расхохотался.

— Пятидесятифунтовые, как ты заказал, — самое лучшее. Стофунтовый вообще мало кто натянет.

— Разве что Одиссей, — согласился я. — Асмер, не хочешь прогуляться вот прямо сейчас? Ночью?

Он разом посерезнел, лицо неуловимо быстро стало строгим.

— Никак лично изволите искать Ночного Охотника, ваша светлость?

— Асмер, — сказал я мрачно, — если иронизируешь, пошел в задницу. Если всерьез, в ней и сиди. Я для тебя и старых друзей не «ваша светлость», а Ричард. Даже без «сэр». Так ты едешь?

Он кивнул, не сводя с меня серьезного взгляда.

— Мои стрелы догонят любого, — ответил он кратко. — Ночной он, дневной или вечерний.

Уже вдвоем мы догнали наш маленький отряд, на Ас-мера покосились ревниво, не рыцарь даже, а дружит с их лордом, но через несколько минут уже все общались на равных, а я вертел головой, высматривая в ночи опасность, прислушиваясь и принюхиваясь.

Прямо перед нами харчевня, двери распахнуты, окна светятся и в цирюльнях, по дороге попались пара лавочек, что торгуют и ночью, а еще на улицах то и дело встречаются выставленные из домов столы, за которыми мужчины играют, пьют, горланят песни, здесь душно от запаха жареного мяса, свежих лепешек, на широких жаровнях жарят рыбу, овощи...

Арчибалльд проводил непонимающим взглядом водоноса, что, сгибаясь под тяжестью двух полных ведер, выкрикивает хвалу холодной чистой воде, что снимет ночной жар и даст ясность голове.

— Я б не сказал, — проговорил он в недоумении, — что город в такой уж панике.

— Безумной, — напомнил барон Альбрехт. — Так нам сказали.

— Да-да, именно безумной!

— Сэр Жерар всегда... слегка преувеличивает, — сказал Растер. — Чтобы мы побыстрее садились на коней.

Сэр Торрекс посматривал по сторонам настороженно, повод натянул, ладонь все время скользит над рукоятью меча.

— Похоже, — пробормотал он, — эти не страшатся Ночного Охотника. Но народу, конечно, стало поменьше. Заметили, совсем исчезли балаганы и танцоры?..

Раster буркнул:

— Там самый трусливый народ.

— Может быть, — предположил Арчибалльд, — остались как раз те, у кого защитные амулеты на такой случай?

— Или сумасшедшие, — сказал Альвар хладнокровно. — Отважных везде хватает.

— Дураков, — поправил Асмер. — Отважные — это те, кто успеет сразиться с Ночным Зверем. А дураки погибнут, даже не успев понять, что случилось.

— Здесь хватает тех и других, — вставил Альбрехт. — Но как их отличить друг от друга?

— А зачем? — спросил Растер.

Альбрехт пожал плечами.

— Действительно, нам не все равно? Лишь бы налоги платили, как говорит наш сюзерен.

Мне почудилась насмешка, но рыцари посматривают весело, если и подтрунивают, то с уважением.

В темном звездном небе вспыхнула пурпурная точка, все вскинули головы, на лицах ни страха, ни удивления, проводили взглядом, как она понеслась вниз.

Падающая звезда, что удивительного, я тоже смотрел почти равнодушно, хвост звезды все расширяется, это понятно, грамотные, наконец звезда исчезла, коснувшись вершины одного из холмов за городом.

Я вздрогнул, там вспыхнуло яростное пламя, взметнулись красные брызги, затем осталась быстро остывающая красная лужа. Обычно болиды сгорают в воздухе, а этот смотри как... То-то иногда попадаются всякие штуки из метеоритного железа.

Впрочем, это могло упасть нечто с багера. Или мегабагера, что движется выше обычных багеров. Упало... или было сброшено...

— Сэр Ричард! — вскрикнул Асмер. — В той части города крики!

Кони под нами рванулись раньше, чем мы успели ухватиться за поводья. Простучали копыта, все выметнулись на небольшую площадь, впереди сэр Торрекс несетя с обнаженным мечом в руке, сэр Арчибалд взял копье на изготовку, а наши армландцы опустили забрала, прикры-

ли левую сторону щитами и держат мечи острием вперед, высунув по-парфянски из-за щита на третью.

Я вылетел на площадь первым, за мной простучали копыта коней Арчибальда и Паланта. Еще сэр Торрекс не успел остановиться так же быстро, как я, вылетел на середину площади и оглядывается с глупым видом.

Массовая драка, красильщики и плотники что-то не поделили, схватка идет артель на артель, вопли, ругань, крики, кто-то уже ползает в крови, собирая выбитые зубы.

Сэр Арчибалд брезгливо наморщил аристократический нос.

— Пьяное быдло...

— Это наше быдло, — заметил сэр Торрекс желчно. — И, как видите, доверяет нам защиту.

— Да, — кисло согласился Арчибалд, — это комплимент.

— Поехали отсюда, — предложил барон Альбрехт. — А то меня тошнит.

Драка приостановилась, но едва мы покинули площадь, за нашими спинами вопли разразились с новой силой.

— Мы как ангелы-предохранители, — проворчал Торрекс. — Все гуляют, презрев опасность, только мы черт-те чем занимаемся.

Арчибалд поглядывал по сторонам, наконец пробурчал разраженно:

— Мы их охраняем, а они нас побаиваются! Почему? Я им всем улыбаюсь так приветливо...

— Попробуйте поднять забрало, — посоветовал Палант.

Глава 8

Я остановил Зайчика, откуда-то издалека доносится еще крик, потом такой же совсем с другой стороны. Рыцари настороженно прислушивались, руки то и дело дергаются в рукоятях мечей.

Я сказал неохотно:

— Придется разделиться. Мы не сможем охватить весь город, а этот Ночной Охотник не обязательно появится в центре.

Рыцари переглянулись, Раster прогудел:

— Хорошая мысль. Нам даже не надо ездить по двое. О мои доспехи любой Ночной Охотник сломает зубы.

Железа на нем хватило бы на доспехи трем рыцарям, однако носит эту тяжесть с легкостью, будто родная кожа. Из оружия у седла наготове боевой топор, что разумно, им куда проще раскалывать стальные панцири и крушить шлемы, чем красивым мечом, но для охоты на Ночного Охотника... даже не знаю, может быть, стрелы Асмера надежнее.

Или лука Арианта. Хотя болты моего арбалета тоже могут решить проблему... если, конечно, удастся поймать этого Охотника в прицел.

Время от времени мы слышали звонкий цокот стальных подков о булыжники, поспешно поворачивали коней в другую сторону, чтобы не собираться в одном месте, оголяя другие участки. Вообще-то все слишком хаотично, надо бы сперва разбить город на районы, чтобы каждый охранял свой и не залезал в чужие огороды...

Я бдил, Зайчик тоже настороженно шевелил ушами, только Бобика нет, последний раз его видели на кухне в обнимку с огромным окороком ветчины.

На востоке сперва чуть посветлело, наконец начало розоветь, словно щечки юной девушки, услышавшей шуточки сэра Раstера. Из дальнего переулка выехал мрачный сэр Арчибалд Виеннуанский, слишком красиво одетый для ночного дозора, хотя всегда одевается ярко и пышно.

— Ваша светлость? — крикнул он.

— Я покачал головой.

— Ничего.

— А у других?

— Везде тихо, — ответил я. — Значит, пусто. Думаю, можно возвращать наших героев.

Он вскинул к губам боевой рог, трижды протрубил коротко и требовательно. Вскоре из улиц и переулков начали появляться сумрачные рыцари. Кони под ними всхрапывали и роняли желтую пену, словно всю ночь мчались вверх по холмам, рыцари переглядывались, мотали головами с кислым видом.

— Мы что-то сделали, — спросил у всех Арчибалд, — или нет?

— Вроде бы жертв сегодня не было, — ответил барон Альбрехт. — А так вообще не знаю...

— Или были? — прогудел Растер. — Возвращаемся... Возвращаемся, сэр Ричард?

Я кивнул.

— Да. Хотя бы узнаем, не зря ли всю ночь ездили по улицам или же Ночной Охотник все же решился... Он мог сам стать добычей! Возможно, эта тварь поняла больше, чем мы думаем.

Барон Торрекс стегнул коня и понесся галопом к дворцу. Когда мы подъехали к воротам, навстречу выбежали сонные слуги, разобрали коней, а сэр Жерар на правах личного секретаря пригласил всех в мой малый зал, куда уже заносят еду и напитки.

Все мрачно насыщались, разговоры текли вяло, говорить вообще-то не о чем: всю ночь ездили взад-вперед и кругами, пугали одиноких охотников до чужих жен и мелкое ворье, не очень-то достойное занятие для благородных рыцарей...

Снизу донесся испуганный крик, вопила женщина, тут же заорали и другие, уже и мужчины.

Я вскочил, хватаясь за меч, рыцари отшвыривали стулья и с оружием в руках бросились к выходу.

Дверь распахнулась, показалась толстая задница Бо-

бика. Он тащил нечто, натужно упираясь лапами, его добыча застряла было в проходе, но он рванул на себя, и в комнате оказалась туша вдвое больше Адского Пса с беспомощно волочащимися лапами с длинными, алмазно острыми когтями.

Рыцари с мечами в руках окружили, глаза неверящие, а Бобик наконец разжал челюсти и сел. Хриплое дыхание наполнило комнату, грудь ходит ходуном, на холке две глубокие кровавые раны с запекшейся кровью, глаза все еще горят адском огнем.

— Бог мой, — вырвалось у Арчибальда. — Это же...

Он умолк, не решаясь выговорить, сэр Раster мрачно бухнул:

— Ночной Охотник. Голову даю...

Я присел к Бобику, обнял, а сам с содроганием рассматривал задушенного зверя. Рыцари побледнели, крестились, шептали молитвы. Ничего похожего на земле не существует: сплошные зубы, а ноги, как у гигантского кузнечика или жука-прыгуня, что скачет за счет мгновенного повышения кровяного давления.

Даже сейчас видно по тугим продолговатым мускулам, что невероятно быстр, непропорционально скор, словно и при таких размерах сохранил подвижность муравья.

— Проделки магов, — обронил барон Альбрехт холодно и перекрестился. — На земле такого нет.

— Откуда знаете? — спросил сэр Арчибальд.

— Видно же, — резонно сказал барон. — Это не зверь, а проделка дьявола! Или чернокнижников. Не всех, видать, сожгли. Больно добрый у нас сюзерен.

Я промолчал, меня начало слегка знобить, все смотрели то на чудовище, то на Адского Пса, а сэр Раster осторожно прикоснулся к его массивной голове.

— Сэр Бобик, — сказал он с чувством, — я сам принесу вам из кухни самое лакомое, на что укажете! Ваша светлость, нельзя ли ему пожаловать рыцарское звание?

— И сразу барона, — поддержал Арчибалд, и было непонятно по голосу, острит или всерьез.

— Или хотя бы виконта, — предложил Палант с надеждой в голосе.

— Я, конечно, немножко калигулист, — ответил я, — но пока еще не настолько, да. Тот все-таки был императором... Потому пусть пока побудет просто Бобиком. Это даже выше, если посмотреть с правильной стороны. Баронов у нас хоть лопатой выгребай, а Бобик — один!

Сэр Жерар сказал деловито:

— Я распоряжусь насчет шкуры? Пусть сделают чучело, поставим где-нибудь в зале.

— И скажем, — добавил барон Альбрехт ехидно, — это мы завалили.

Бобик лизнул меня в лицо, я с облегчением видел, как угасает огонь в глазах, а дыхание приходит в норму. На месте ран уже толстая кровавая корка, исхудал за ночь от большой потери крови, наверстает сегодня же на кухне.

Рыцари обсуждали задушенного зверя, а я закрыл глаза и так сидел несколько минут. Даже собака разуверилась во мне и сама отправилась защищать наш город, хотя это я должен был найти и убить подлую тварь.

— Во что превращаемся? — спросил я со стыдом. — Приемы, пиры, танцы, еще какая-то хрень... А подвиги, стыдно сказать, совершают домашняя собачка!

Сэр Жерар сочувствуяще кивал, как и все, но едва я закончил, спросил деловитым голосом:

— Кстати, ваша светлость, что намерены делать с похалованной вам Землей Дьявола?

Я поморщился:

— А я должен?

Он несколько смешался, пробормотал виновато:

— Ну, раз уж вы приняли титул рауграфа...

— И что? Я просто не стал отказываться, вот и все. Пренебрег. Пусть и рауграф, мне что, жалко?..

— Так, значит...

Я чувствовал, что нарождающаяся злость не даст мне провалиться в депрессию, вообще-то мне совсем не свойственную.

— Сэр Жерар, — произнес я холодно и трезво, — я вижу, как судьба через множество людей и мелких событий старается связать мне руки. Ну, как преуспели лилипуты с Гулливером! Все это множество мелких и мало к чему обязывающих званий и титулов — те же нити, веревки и канаты. И вот утону в этих разновидностях графов, в смысле — повешу все титулы на грудь, как звезды, и буду ходить, выпячивая пузо. Там, кстати, тоже есть место. И вот успокоюсь и разжирею, сытый и довольный...

Он смотрел внимательно, запоминая и стараясь вникнуть в мою логику, все-таки личный секретарь должен на ходу угадывать пожелания хозяина, но со мной получается трудновато, я как норовистый конь, сам не знаю, в какую сторону лягну через мгновение.

— А вот хренушки, — закончил я. — Я злой, и память у меня хорошая. Уже старость скоро, а я что успел сделать? Александр Македонский ого-го что успел, даже Цезарь в моем возрасте уже во всю рубиконил... Жребий брошен! Звучит... Так что таскание бабс в постель — это не для меня. Если уж кого поиметь, то соседнее королевство.

Он скромно усмехнулся.

— Да, это как раз ваше... Но вам надо задержаться еще. В Таракон пока рановато.

Я отрезал:

— Нет! Я уже отправлен этими миазмами! И вообще всей этой жизнью. Если задержусь еще хоть чуть, черви начнут жрать меня заживо. В Таракон!.. К морю. Окей-ану!..

— Флота еще нет, — сказал он холодно. — Его даже не начали строить, если вам это неизвестно.

— Начали, — возразил я. — Со всего королевства в Таракон везут лес, пеньку, канаты и все-все, что заказал

Ордоньес. А я посмотрю там, как возводят сторожевые башни. Армия еще пару недель будет собираться в Брабанте, потом еще сколько ждать обозы! Нам тащить с собой все необходимое, пока не захватим достаточно крупные города с их обширной продуктовой базой.

Арчибалд заметил:

— Когда вторгнемся в сам Гандерсгейм, первые дни пройдут без всяких боев...

Барон Альбрехт кисло усмехнулся.

— Ну да, это понятно. В такой зоне никто не селится.

— Точно, барон, — сказал я. — Никто не хочет, чтобы по его селению пронеслась конница в пару тысяч человек... Неважно, в какую сторону. Потому лично у меня есть приличный запас времени, чтобы не думать о Гандерсгейме. А вот строительством порта, охранных башен и закладкой больших кораблей можно и нужно заниматься немедленно!

Он с укором покачал головой.

— Стараетесь везде успеть?

— Барон, — сказал я, — посидите с мое в этом дворце, аки соловей в золотой клетке! А я еще тот соловей. Каркну, самому тошно.

Я посматривал уже в нетерпении, сами догадаются разойтись, все-таки ночь без сна и в седлах, или велеть им оставить сюзерена, как сэр Жерар, поглядывая несколько смущенно, сказал почти просительно:

— Сэр Ричард, в кабинете Куно произошли перестановки. Правда, на самом низком уровне, но все-таки...

Я спросил раздраженно:

— И что? Это такой важный вопрос, что нужно докладывать мне? А Куно сам не разберется, что он и кого переставляет?

Сэр Жерар отвел взгляд в сторону, рыцари умолкли и заинтересованно слушали.

— Это не Куно переставил, — ответил он с заминкой.

— А кто? — спросил я непонимающе.

Он по-прежнему смотрел мимо меня, ответил так же деревянным голосом:

— Леди Розамунда.

Я охнул:

— Что?.. Да какое она имеет отношение?..

Он позволил себе чуть-чуть шевельнуть плечом.

— Вам виднее, сэр Ричард. Но именно она распоряжалась убрать одного мелкого помощника и заменить другим. Это было три дня тому. Можно бы списать на случайность, но сегодня по ее слову взяли в его команду еще одного человека.

— А что Куно?

— Терпит, — ответил он. — Что он может?

Я сказал зло:

— Он многое может! Мерзавец, нарочито терпит, чтобы дошло до абсурда! Спасибо, сэр Жерар. Думаю, она действует с чьей-то подсказки. Ну не может женщина сама... Или может? Тогда это вообще не женщина. А я — полный дурак!.. Думал, если не таскаю ее в постель... Эх, что не даю по моей воле, добирает по своей!.. Черт, как все сложно и спрятано. А я уже почти привык жить честно.

Он проговорил, двигая одними губами:

— У Куно все останется без изменений?

— Надо напомнить Куно, — сказал я, — леди Розамунда существует для интерьера. Только! Она должна сидеть рядом и улыбаться. И еще чирикать. Щебетать. На приемах! Да, она очень неглупая особа и подобрала наверняка умнейшего человека, но этот умнейший может работать и на противника! Так что... я сам с этим разберусь.

Я говорил все раздраженнее, рыцари начали подниматься из кресел, я понял, что просто сильно устали, а сэр Растер помалкивает потому, что уже спит, запрокинув голову и бесстыдно распахнув широкогубую пасть.

Арчибалд задержался у двери, вид смущенный и чуточку недовольный, все-таки леди Розамунда — орифламмка, блюдет интересы своего королевства.

— Сэр Ричард, — пробормотал он с неловкостью, — ее уже начали принимать, как вашу королеву...

Я прервал:

— Сэр Арчибалд, леди Розамунда не моя — это раз, и не королева — это два.

Он пробормотал, смешавшись:

— Но когда все видят, что сидит рядом с вами...

Я сказал с досадой:

— Что я за дурак, что поддался на уговоры? Представляю, какие вокруг нас уже слухи... Нет, это дело надо прекратить.

Барон Альбрехт тоже остановился у двери и сказал бархатным голосом:

— Прекратить нельзя. Неразумно. Леди Розамунда прекрасно выполняет свою роль.

— Но слухи? — огрызнулся я.

Он вскинул бровь.

— А вам что? За репутацию печетесь?

— Репутация правителя, — сказал я, — стоит дорого. Да и не в этом дело. Я думал, что если между нами будет дистанция, то это... эх, дурак я, дурак. Пусть между нами и нет ничего, однако ей никто не мешает уже сейчас вмешиваться в пока еще мелкие вопросы, пользоваться якобы влиянием на меня... в это наверняка верят.

Он вздохнул.

— Принимайте это как неизбежное зло. Пойдемте, сэр Арчибалд.

— Не хочу принимать, — процедил я сквозь зубы.

— А есть варианты?

Я сказал раздраженно:

— Найду.

Я поднялся, злой и униженный, волком посмотрел на барона.

— Пойдемте, сэр Альбрехт?

Он, морщась, повел плечами.

— Будете принимать жалобы? Мне кажется, не королевское это дело.

— Но и я не король, — возразил я. — К тому же опасно все передоверять вам, чистым душам. Кто-то дров наломает от излишней святости, кто-то воровать начнет без меры.

Он тяжело вздохнул.

— Нет идеальных решений.

Сэр Жерар закрыл за нами двери, подумал и пошел следом, почтительно приотстав на пару шагов.

Придворные торопливо расступались, образовав широкий проход, склоняли головы, мужчины поспешно срывали шляпы с голов и прижимали их к груди. Женщины грациозно приседали. Одни скромно опускали глазки и даже краснели, другие ловили мой взгляд и что-то пытались сообщить в ответ.

Барон скользил по ним заинтересованным взглядом, я смотрел прямо перед собой, слишком раздраженный этими веерами, наконец он спросил легким голосом, чесноком легким и непринужденным:

— Леди Розамунда теряет место рядом с вами? Кого-то присмотрели взамен?

— Пока нет.

Он сказал с укором:

— Всегда нужно предусматривать все заранее...

— Мало ли что нужно, — буркнул я. — А вот удается ли?

Он проговорил медленно:

— А как вам леди Клеансия? Вы ее видели, она часто бывает с леди Розалиндо.

Он смотрел в ожидании похвалы, очень уж заинтересованно, я ответил как можно спокойнее:

— Не думаю, что могла бы мне понравиться. Разве что на плоту в открытом море? Да и то, если есть будет абсолютно нечего.

Он принужденно хохотнул, сказал с некоторой нату-
гой:

— Да она такая аппетитненькая, что... даже и не
знаю... окажись на плоту в открытом море, я бы начал
есть в первый же день! А то вдруг спасут раньше.

Мы прошли зал, рослые стражи быстро и без лишних
движений распахнули перед нами двери. Я коротко взгля-
нул в их молодые и блестящие восторгом, горящие пре-
данностью и верностью лица. Преданность и верность,
мелькнула мысль. Без преданности и верности человек
превращается в зверя. Даже если он умен, красив и обучен
галантным манерам...

Глава 9

Ломал голову день, вечер, затем наступила ночь, а я
то погружался в мягкое кресло, словно в теплое болото, то
вскакивал и метался по клетке кабинета. И посоветовать-
ся не с кем: каждый уверен, что я должен вот прямо щас
жениться и тем самым снять кучу проблем.

Вообще-то правы, но я еще не настоящий правитель,
что не может по любви, в этом я еще простолюдин, хоть и
стыдливо помалкиваю. Рыцари, вечные романтики, про-
возглашают дамами сердца прекрасных и недоступных, а
женятся на покладистых и с хорошим приданым.

В конце концов усталая мысль забрела, как водится, в
дикие дебри, я начал мыслить глобально, это легче всего,
бездельники это умеют и любят, даже самые-самые тупые
глубокомысленно рассуждают, как нужно поступить пра-
вильно в масштабах страны и планеты, и что в правительях
одни дураки и мошенники...

Похоже, я погорячился и насчет запретов на турниры.
Конечно, гибель сэра Клавдия выглядит нелепой: не дол-
жен благородный герой многих сражений, из которых вы-
шел невредимым, погибать в простом турнире, однако

жизнь вообще несправедлива. Сколько гибнет под упавшим деревом, сорвавшимся со скалы камнем, перепив на пиру, свалившись в колодец?

Конечно, я не должен умножать эти случайности, однако же не всегда даже церковь делает то, что задумал Господь. Она милосердна, что хорошо и понятно, однако Господь не только милосерден и справедлив, но еще и целесообразен. Правило «выживает сильнейший» все еще действует, а как только прекратит свой благодатный отсев, род человеческий загниет и постепенно выродится, уступив арену другим видам.

Когда в поединке, смертельном или нет — неважно, сходятся два бойца, победить должен сильнейший. Не обязательно по мышцам, победит умом — прекрасно. Для вида главное, чтобы потомство шло от победителя. Поэтому турниры прекрасно справляются с отсевом. Слабые, робкие, неумелые, больные — либо проигрывают, либо вообще не участвуют в соревнованиях.

Победители же, забирая коней и все вооружение с доспехами противника, становятся и богаче, и вообще значительнее во мнении общества. Их рейтинг повышается, у них больше шансов взять в жены лучшую из женщин, наплодить кучу детей и обеспечить лучший уход и образование.

Потому я, запрещая турниры, иду против эволюции, хотя церковь и обрадовал своим решением. Но, увы, хоть церковь все больше склоняется к милосердию, но я-то знаю, в каком все еще дерьме наш мир! И в каком окажется.

Я подпрыгнул на постели, вот такие зигзаги, или, как говорят интеллектуалы, зигзуги, приводят иногда к решению совсем других задач...

— Какой же я молодец, — пробормотал я ошарашенно. — Знал же, что умница и красавец, но даже не предполагал, насколько!

За окнами прокричали третью петухи, а я так и не

сомкнул глаз, ну да ладно, у меня потребность во сне минимальна, вылез из постели и торопливо оделся до того, как начали приходить первые из допущенных к этому важному действу.

Чтобы отец Дитрих не обиделся, что ему сообщили последним, я послал к нему гонца с известием о моем решении, а сам вышел в приемную и широким взмахом пригласил к себе моих военачальников.

— Дорогие друзья, — сказал я вдохновенно, — ко мне ночью явился светлый ангел.

Сэр Раsterахнулся:

— Снова? Что-то зачастали к вам...

— Что значит «снова»? — спросил я с подозрением. — Всего один раз ко мне прилетало... На что вы намекаете, сэр Раster?

Он сказал довольно:

— Ни на что, сэр Ричард! Как будто я умею это самое... намекивать! Я сразу по рогам... Наоборот, это значит, у вас есть некая святость. Ангелы не только к самым закоренелым грешникам являются... думаю.

Я сказал твердо:

— Не так уж и важно, что вы думаете, сэр Раster, караван все равно идет. А с ангелом мы проговорили всю ночь, так что к леди Розамунде я так и не сходил, если вы на это намекиваете.

Арчибалльд воскликнул пламенно:

— Ну еще бы! То ангел, а то женщина!

Палант вздохнулся:

— Да, то ангел, а то такая женщина...

Глазки его стали мечтательно масляными. Раster толкнул его в бок и поинтересовался деловито:

— И что он повелел?

— Повелений не принимаю, — отрубил я. — Даже от Господа Бога не приму. Мы, рыцари, его соратники, а не слуги! Идем под его стягом добровольно, а не по принуж-

дению... В общем, говорили долго, он меня убедил. Я такой, меня убедить просто.

Барон Альбрехт пробормотал:

— Тогда это точно ангел. Вас в чем-то убедить...

Арчибалд спросил жадно:

— Что он хотел?

— Доказывал, что в некоторых отдельных случаях турниры нужны и даже полезны.

Их лица разом посветлели, словно в комнату заглянуло солнце и осветило всех разом.

Сэр Растер деловито прогудел:

— Это надо отметить... Пиром в честь турнира, затем сам турнир, а потом пир в его честь.

— Хорошая идея, — согласился барон Альбрехт и посмотрел на меня. — Так, сэр Ричард? А то сэр Растер изнемогает.

— Так, — согласился я. — Большой турнир. И еще одну штуку подсказал мне светлый ангел.

Они обратились в слух, лица обращены ко мне, уши заметно начали удлиняться.

— Победитель, — сказал я торжественно, — выберет королеву турнира!

Снова все застыли, сэр Арчибалд очнулся первым:

— Это... как?

— Просто подъедет к оградке, — объяснил я, — и укажет концом копья, принесшего ему победу, на самую красивую, по его мнению, леди. Ее увенчают лавровым венком... нет, лучше золотой короной! Я велю ювелирам изготавливать немедленно. Чтоб не путали с коронами другого ранга, сделаем что-то особое... ну, что-нибудь придумаем. Эта леди будет сидеть рядом со мной и улыбаться. В смысле, расточать. И обаяивать.

— Обаять? — переспросил сэр Арчибалд.

— Да, — подтвердил я. — Только не разок, а все время. Такой выбор королевы турнира покажет высшее проявление демократичности устройства нашего правления.

Выбираю не я, а любой из рыцарей, кто победит на турнире!.. Тем самым мы лишний раз подтверждаем... хотя не понимаю, почему «лишний», все рыцари равны перед Творцом!

Они слушали с серьезными лицами, глаза разгораются постепенно, сэр Арчибалд уточнил:

— Но на следующем турнире королева будет другая?

— Та же, — пояснил я. — А вот после него...

— Простите, оговорился.

— Но если победит тот же герой, — сказал я, — и если останется верен все той же даме сердца, то, конечно, останется прежняя. Хотя больше шансов, что королева будет другая.

Барон Альбрехт поинтересовался настороженно:

— Ее обязанности?

Я отмахнулся.

— Все то же. Сидеть по правую руку сюзерена и помогать ему принимать гостей... до следующего большого праздника, турнира или всенародного события... Сэр Жерар, составьте перечень таких празднеств.

Сэр Арчибалд добавил поспешно:

— Только список побольше, побольше!

— Чтобы королевы менялись чаще, — разжевал для непонятливых сэр Палант и облизнулся.

Арчибалд, воспитанный в старых традициях, хоть и бунтующий против них, сказал быстро:

— Сперва нужен список знатных семейств, из числа которых можно отбирать королеву турнира!

Сэр Раster прогудел недовольно:

— Ну, сэр Арчибалд... благородные рыцари и так не выберут простолюдинку или из семьи, прости Господи за бранное слово, купцов и или еще хуже — торговцев. А девочек в благородных семьях с детства учат вести себя пристойно и сидеть прямо. К тому же сэр Ричард, как я понимаю, предложил весьма мудрый ход. К королеве турнира

никто не предъявит тех же требований, как к настоящей королеве. Так что некоторые шероховатости пройдут.

Барон Альбрехт встал, поклонился.

— Скажу без лести, наш сюзерен сделал ход... весьма, весьма. Рядом с ним всегда будет красота и женское очарование, а это поможет вести переговоры в хорошей, скажем так, обстановке. И даже позволит, замечу кстати, выторговывать некоторые добавочные льготы. Все-таки в присутствии красивой женщины все мы становимся мягче и податливее...

Сэр Жерар напомнил:

— Это все относится... относилось и к леди Розамунде. Кстати, что будет с нею?

Я посмотрел на него в упор.

— А что с нею?

Он пробормотал:

— Но она же...

— Что? — спросил я. — Вы говорите, сэр Жерар, так, будто о моей жене, что помогает править королевством!.. Не беспокойтесь за нее. За то недолгое время, пока сидела за мной рядом, сенмарины успели преподнести ей ряд богатых и весьма щедрых подарков. Просто так!.. За красивые глаза. Хотя глаза у нее все те же.

Барон Альбрехт рискнул проводить меня до выхода из зала, лицо очень задумчивое, посматривает украдкой.

— Кажется, я понимаю, — произнес он, — почему вы вдруг решили разрешить турниры.

— Глупости, — заявил я твердо, отвергая заранее любые домыслы. — Турниры необходимы для воспитания здорового поколения.

— В здоровом теле здоровый дух?

— Точно!

— А королева красоты?

— Ее выберут рыцари! — отрезал я.

— Почему не вы сами?

— А у нас полная, — заявил я, — демократичность ин-

ститутов, предельная и прозрачная выборность!.. Не все зависит от воли сюзерена, как могут говорить злопыхатели. Пусть увидят, что я бессилен перед народным рыцарским гласом, не в состоянии помешать или повлиять на выбор рыцарского населения!

Барон Альбрехт кивнул, лицо очень серьезное.

— Да, это очень большое ограничение власти правительства.

— Конечно, большое, — сказал я сердито. — И не надо, сэр Альбрехт, не надо!.. Я вижу вашу улыбочку под неулыбочкой!.. Все мы ближе к сердцу принимаем ущемления в личной нашей, с позволения сказать, жизни, хотя что это за жизнь?.. Но я вот принимаю!

Он кивнул.

— Да-да, сэр Ричард, никаких улыбочек. Я в восторге от вашего хода.

Я посмотрел с недоверием.

— Правда, что ль?

— Точно, — заверил он. — Всегда можете сказать женщине, что вам ее навязали, потому пусть сама подлизывается, чтобы понравиться. А вы будете капризничать и отказываться.

— Ну, — сказал я, — особенно отбиваться, может быть, и не буду, когда полезет ко мне в постель... Но, может быть, и буду. Посмотрим по обстоятельствам.

— Я как раз об этом и говорю. Мудрый ход!

Мы прошли по анфиладе залов, придворные почти тельно склоняют головы, но не слишком, уже знают: низко склоняться надо, когда присутствуют иностранные послы, это для них, а мне самому эти знаки внимания почему-то даже неприятны, что любого сбивает с толку, а мне придает ореол загадочности.

— Граф Ришар отбыл, — напомнил я. — Барон, вам придется работать больше. Скоро я тоже отъеду в Гандерсгейм... тут кто-то должен оставаться тверд и непоколебим на страже наших идеалов.

Он посмотрел долгим прямым взглядом.

— Я?

— Больше некому, — ответил я искренне. — Вам нужно продержаться, барон, до нашего победного возвращения!

Он поморщился.

— Если вас не занесут черти куда-то еще по дороге.

— Барон, — воскликнул я с упреком. — Как можно говорить такое! Меня могут занести куда-нибудь к чертям только ангелы, я же паладин!

Он криво усмехнулся, отвесил церемонный поклон и остался на пороге, а я бодро и с прямой спиной сбежал по ступенькам навстречу солнцу.

Глава 10

Конюхи вывели под уздцы Зайчика, огромный и черный, словно из застывшей смолы, он грозно раздувал красные ноздри и потряхивал головой, перебрасывая пышную гриву с одной стороны на другую. Глаза блещут грозным весельем, чует дальнюю дорогу.

— Оседлать, — велел я.

— Надолго, ваша светлость?

— Никаких запасов, — распорядился я.

Бобик выметнулся с такой быстротой, словно уверял, что уже ожил и снова готов драться хоть с драконом. Я принял его лапы на грудь, позволил лизнуть в щеку, сам чмокнул в нос.

Арчибалд вышел следом, крикнул:

— Сэр Ричард, мне кажется, вам не стоит отлучаться!

— Почему? — спросил я.

Он сбежал вслед за Бобиком и сказал доверительно страшным шепотом:

— Мне снилась женщина...

Я отмахнулся.

— А что еще могло вам присниться?

Он сказал обидчиво:

— Нет, вы не то думаете! Женщины вообще-то к беде, а мне пригрезилась вообще не простая женщина...

— Ну да, конечно. С вот такими...

Он вскрикнул:

— Я серьезно! Это волшебница наверняка! Она спустилась на белых крыльях...

— Сны все врут, — сказал я убежденно.

Он вскрикнул:

— А как же вещие?

— Не бывает.

— Но разве Господь не посыпает такие сны?

Я покачал головой.

— И что? Сатана влезает в них и так запутывает и разбавляет ложью, что лучше такой сон выбросить в помойку целиком.

— Жалко! — вскрикнул он. — Там такая женщина...

В нашу сторону заспешил, громыхая железом, как шагающая башня, довольный сэр Растер. Лицо сияет, в глазах азарт, идет хвастаться, как быстро и споро идет подготовка к турниру.

Я сказал поспешно:

— Берите пример с сэра Растера! Высокоинтеллектуальная и высокодуховная личность, но не выпячивает напоказ свои глубоко, очень глубоко упрятанные ценности. Потому и немногословен, как всякий мудрец, умеет говорить по-мужски кратко. Поинтересуйтесь его мнением по вашей проблеме.

И, подтолкнув его к довольно улыбающемуся Растеру, сам широко улыбнулся им и, вскочив на Зайчика, сказал быстро:

— Вперед! Не задерживаемся, не задерживаемся...

Перед воротами монастыря в самом деле оказались почти моментально, правда, он сразу за городом. Здесь денно и нощно строят, сообразно моим корявым черте-

жам, паровые котлы. Конструкция куда уж проще, монахи не перестают удивляться, как сами не додумались, всякий же видел, как подпрыгивает крышка над закипающей похлебкой. Даже послушники, которым нужно запоминать молитвы и блюсти строгий устав, зачарованно сбегаются к мастерским.

Отборная группа из инженеров, ремесленников, оружейников и кузнецов в самом спешном порядке строит паровоз. Собственно, паровоз — это тот же паровой котел на тележке, вся хитрость в том, чтобы силу пара передать на колеса и заставить их двигаться.

В прошлый раз я нарисовал криво и косо, поясняя сам принцип рычагов и кривошипов, а инженеры, быстро ухватив суть, сделали уже настоящие чертежи, уточнили размеры, и в мастерских с того дня вовсю кипит работа. Один из дежурящих священников периодически обходит работающих и окропляет святой водой детали будущего механического монстра. Не для монастырских, эти всегда за любые технические новинки, а ради приходящих рабочих. Для разговоров о нечистой силе лучше всего просто не оставлять почвы.

Монахи перехватили повод Зайчика, Бобика несколько раз перекрестили и на всякий случай побрызгали водой, но особо не страшатся, все в руке Божьей, а когда он, вскинув нос и понюхав воздух, сразу же вычислил, где тут кухня, монахи и вовсе перестали его побаиваться.

Ко мне вышел настоятель, отец Тибериус, настоящий цистерцианец, глаза умные, взгляд цепкий, приветствовал легким поклоном.

— Ваша светлость...

— Отец Тибериус, — ответил я.

Он перекрестил меня, я благочестиво приложился к его мозолистой руке, здесь даже отец-настоятель любит сам поработать кузнецким молотом, ибо угодно Господу, а еще разгоняет застывающую в молитвах кровь.

— Пришли взглянуть, — спросил он, — как идут работы?

— И это...

— А что еще? Новую головоломку нам принесли?

Я подумал, признался:

— Вообще-то да, принес.

Он весь вспыхнул, словно стог соломы, глаза заискрились, спросил жадно:

— Что?

— Да так, — сказал я, — пустячок. Вы же знаете водяные мельницы...

Он кивнул, сделал приглашающий жест, мы пригнулись, чтобы не стукнуться о низкую притолоку, сделана такой нарочито, чтобы всякий склонял голову, входя, впереди протянулся длинный пустынный коридор, с обеих сторон множество дверей.

— Кто их не знает! — сообщил он запоздало. — На здешних реках трудятся испокон веков.

— И никто не считает, — спросил я, — что колеса крутит дьявол?

Он усмехнулся.

— Почему? Находятся... Сказки придумывают, легенды. Сам слышал о чертовой мельнице. В полночь собираются черти и до рассвета играют в кости. Но с такими болтунами даже бороться не стоит. Господь дал нам свободу воли.

Я поморщился.

— Бог, который нас создал без нас, не может спасти нас без нас. Мешает все та же свобода воли, о которой вы упомянули. Потому люди, которые говорят, что все в руке Божьей, лицемерят. Все в наших руках... таково было желание Господа.

— К сожалению, — произнес он со вздохом.

— Почему? — спросил я. Подумал, поморщился: — Вообще-то да. У нас такие руки, что...

Он вздохнул еще тяжелее, но голову вскинул и посмотрел на меня бесстрашными глазами.

— С другой стороны, есть и повод для гордости. Мы не рабы и не слуги Господа, а хозяева этого мира! Правда, хозяева неважные, но зато все, что сделаем хорошего, — наша заслуга.

— Но и все плохое, — уточнил я. — Что ж, приходится винить себя, а не Господа. Вообще-то ветряных мельниц побольше, чем водяных, а это такой источник энергии, без которого металлургию не развить. Сейчас мехи качает человек, но если поручить водной мельнице, чугун выплавлять можно будет в больших количествах...

Он остановился посреди коридора, лицо стало очень серьезным.

— Вы говорили о ветряной, а сейчас перепрыгнули на водяную...

— Если бы ветер дул всегда, — ответил я с досадой, — когда нужно! Потому да, водяные... они всегда, как бриллианты. Железное литье не получит ни распространения, ни развития, пока мехи качает человек, верно? Но пока никто еще не догадался соединить мехи с давно существующими водяными мельницами!

Он подумал, кивнул, по ставшему сразу отстраненным лицу видно, какая гигантская работа закипела в мозгу. Я прислушался, за дверью сперва слышался шум, потом стало тихо, как зимой в горах, затем часто-часто затопали ноги.

— Да-а-а, — проговорил он сразу осевшим голосом. — Вообще-то я не уверен, что получится... но вы правы хотя бы в том, что никому такое и в голову не приходило.

— Получится, — заверил я. — У вас такие умельцы!.. Легкоплавкие руды здесь в изобилии на поверхности, для кузнецов и оружейников больше и не надо, но нам с вами придется заняться и тугоплавкими, отец Тибериус! А для

этого придется зарываться глубоко. Кроме того, очень важно повысить температуру плавления.

— Штукофены? — спросил он.

Я кивнул. В Сен-Мари на окраине каждого города высятся эти штуки, прабабушки доменных печей. Чтобы повысить температуру плавки, местные умельцы делают их все выше, а я когда увидел в первый раз, принял за огромные термитники.

— Пока штукофены, — сказал я. — Потом придумаем и кое-что получше.

— А что, — спросил он жадно, — может быть лучше?

Насколько помню, для плавки металлов во все возрастающих масштабах были сведены леса в Европе. Первой облысела Англия, пришлось древесный уголь покупать на материке и привозить на кораблях, что дорого и трудоемко, пока Додлей не попытался применить в плавке каменный уголь.

Потом была долгая и упорная борьба за очищение каменного угля от серы, она портит железо, но прижатый к стене человек все преодолевает, и в конце концов доменные печи начали выпускать не только чугун, но и переделывать его в сталь.

— Многое, — ответил я, — вы сами очень скоро придумаете... Лед тронулся! Давайте поглядим, что братья сейчас делают.

Он встрепенулся.

— Ваша светлость! У нас есть, чем похвалиться... прости Господи за недостойную похвальбу... но ведь в самом деле есть!.. Простите, что задержал... прошу вас вот сюда!

Он постучал в дверь, там распахнули, будто уже ждали нас. Комната большая, монахи выстроились в два ряда и, смиренно сложив руки на животе, склонили головы.

Я кивнул, но смотрел на столы, где разложены инструменты, начиная от грубых кузнецких и заканчивая мелкими ювелирными, и множество всяких железных штук.

Все мне знакомо, это я с первого же визита в этот мо-

настырь принялся учить их делать то, что могут легко понять и повторить. Например, даже такую сложную вещь, как карманные или наручные механические часы, легко понять, сняв крышку и понаблюдав за работой. Ленточная пружинка, распрямляясь, торкает рычажок, тот пихает зубчатое колесико, то еще одно, а то — третье, последнее уже со штырьком, на котором закреплена стрелка. Всего-то и нужно, что периодически поворачивать внешний винт, заново натягивая распрямляющуюся пружину.

А уж часы-ходики с гирькой, что тянет вниз и поворачивает колесико, — проще простого!

Или такая вещь, как линзы. Ими пользовались еще в Древнем Египте, вытаскивая из прозрачного кварца. Зажиточные люди с плохим зрением всегда имели их в домах, но прошла уйма столетий, пока некто догадался взять две линзы и посмотреть в одну через другую. Все века этого никто не делал, потому что и одна искажает предмет, а две искажат до неузнаваемости, что на самом деле и происходит, если не подобрать очень точно расстояние между ними. А когда это открытие случилось, тогда уже сразу додумались вставить одну трубу в другую, на конце одной приклеить одну линзу, на конце другой — другую, а затем, медленно сближая или раздвигая трубы, ловили момент четкого изображения, увеличенного во много-много раз.

Так были созданы сразу телескопы и микроскопы. Хотя могли быть созданы на тысячу лет раньше. Точно так же сейчас можно создать те простейшие вещи, которым суждено родиться намного позже. Но мы, христиане, отвергаем само понятие «суждено», так что паровой котел будет создан уже вот-вот, а потом на его основе как можно больше из того, что можно: насос, паровоз, пароход...

Я говорил вслух, отец Тибериус посмотрел на меня диким взором.

— Сэр Ричард!.. Какой пароход?

— Все увидите, — пообещал я. — А пока, не вытирая

пот, за работу! Отечеству нужнее стойкие, а не размагниченно страдающие.

Монахи смотрели на меня сияющими глазами. Господь велел беречь и украшать созданный им мир уже нам, а разве паровой котел не лучшее из украшений?

Я обошел все столы, странное чувство близости к этим людям, страстно приближающим будущее, но оставшимся в памяти людской, как разжиревшие мракобесы, которые только и знали, что пили, жрали и баб щупали.

— Не хочется уходить, — признался я. — Если бы я знал, в какую западню лезу с этими высокими титулами!

На обратном пути встретил пышный эскорт из наиболее знатных вельмож, это начальник дворцовой стражи велел сопровождать меня, дабы не умалился мой титул и... чтобы ничего худого не вышло.

— Все-все, — заверил я. — Инспекция проведена, виновные повешены, невиновные утоплены. Жизнь идет, возвращаемся.

— Как повелите, — бодро ответил вельможа на укрытом двумя роскошными попонами коне. — Перестроиться!

Рядом с ним рыцарь в полных доспехах, только забрали поднято, я узнал Жерара де Брюса, при первой встрече он командовал ландскнехтами барона де Пусе, сейчас уже барон, хозяин немалого куска плодородных земель с крестьянами, но, похоже, разводить розы или овец не намерен пока что.

Я кивнул ему, как старому знакомому.

— Барон, вы же знаете меня...

Он буркнул:

— Знаю. Но здесь командую не я.

— А вы чаще берите командование на себя, — посоветовал я. — Ведь барон Пусе и послал вас шпионить за мной лишь потому, что умеете принимать самостоятельные решения.

Зайчик, уловив движение колена, ринулся вскачь, Бобик с готовностью обогнал, но я придерживал обоих —

незачем врываться в город на такой скорости — и услышал, как за спиной вельможа на коне с двумя попонами что-то сказал, а потом воскликнул с отвращением:

— Что я за дурак? Спрашиваю совета у человека в таком камзоле!

Я повернул голову, что там за такой уж особый камзол, но все одинаково яркие, хоть и разных фасонов, однако один из молодых лордов, орифламец, начал озадаченно оглядывать себя, а вельможа с двумя попонами повернулся к соседу.

— Сэр Кубирпис, а как вы полагаете?

Тот спросил обеспокоенно:

— А мой камзол в порядке?

— Получше, чем у сэра Ньюбергера!

— Но все-таки хорош недостаточно?

— Можно бы, — сказал знающие вельможа с двумя попонами, — вот здесь выточки с загибами, а здесь швы потолще, они придают мужественности...

Сэр Кубирпис сказал с подозрением:

— Вы назвали меня недостаточно мужественным? Это оскорбление!.. Сэр Тангерлд, я требую удовлетворения.

Вельможа с двумя попонами поморщился, драк не любит, но не ответить на вызов — потерять честь, ответил с надменностью, достойной императора:

— Если настаиваете.

— Настаиваю! — ответил сэр Кубирпис запальчиво.

— Тогда называйте время и место.

— На закате солнца, — твердо сказал Кубирпис.

— Смею предположить прямо сейчас, — возразил вельможа с двумя попонами капризно-утомленным голосом. — Ненавижу это новомодные штучки. Может быть, еще и секундантов возжелаете?

Кубирпис ответил холодно:

— Зачем же? Мы благородные люди, доверяем друг другу. А если секунданты так уж необходимы, то вы будете моим секундантом, а я вашим.

— Великолепно, — согласился Тангерлд.

Пока они договаривались, мы подъехали к дворцу. Он соскочил на землю и с неприятным лязгом вытащил из ножен меч, перевязь с тяжелыми ножнами снял и красиво отбросил в сторону. Кубирпис со вздохом спешился, вытащил меч, встал в позицию. Тангерлд с азартом ринулся вперед, быстро и умело нанося короткие прощупывающие удары.

Кроме спешившихся вельмож из моего эскорта, тут же появились еще зрители, начали подбадривать обоих, азартно вскрикивать, хлопать в ладони, нахваливать за особо красивые удары, выпады. Нашлись знатоки, что вспомнили известных бойцов, начали находить некое сходство.

За спинами толпы я не видел лиц дуэлянтов, но чувствовалось по движениям, что слышат и стараются соответствовать высоким образцам.

Я передал Зайчика в руки конюхов, Бобик раньше меня взбежал по ступенькам, перед ним распахнули двери, словно это он майордом, а я так, что-то мелкое из его свиты.

Барон Торрекс встретил в холле по ту сторону двери, я с укором в глазах покачал головой.

— Зачем мне эти напыщенные дураки? Двое вон уже подрались! И это, невзирая на мою священную... ну почти священную особу!

Он развел руками.

— Дело чести — святое дело. Даже король не в силах запретить или помешать. А послал потому, что... мы в захваченной стране, не забыли?

— Они поймут, — заявил я самоуверенно, — что под нашей властью им будет лучше.

— Ну, когда это будет... Кстати, к вам отец Дитрих.

— Где он?

— Ждет возле вашего кабинета.

Я сказал сердито:

— Я же велел пускать его в любое время! Даже если меня нет!

Он покачал головой.

— Сожалею. Перед этикетом склоняют головы даже императоры.

Я махнул рукой.

— Что у меня за жизнь?

Глава 11

Отец Дитрих поднялся навстречу, но я пошел быстрее и успел преклонить колено и поцеловать ему руку.

— Благословите, святой отец... Прошу ко мне!

В кабинете он утомленно погрузился в кресло, лицо серое от усталости, глаза запали.

— Сегодня отправлял наших братьев... Священников недостает, да и здесь нужны, так что дал все полномочия братьям из монастырей...

Я спросил быстро:

— В Гандерсгейм?

Он кивнул.

— Да. Догадываюсь, там работы не меньше, чем оказалось здесь.

— Больше, — сказал я, — но мне очень стыдно, отец Дитрих, что умные люди оторваны от настоящего дела!

Он с укором в глазах покачал головой.

— Сын мой, я понимаю твое нетерпение... Сам был таким. Доходило до того, что злился, когда приходило время спать или даже трапезовать — столько времени пропадает зря!

Я ухмыльнулся.

— Мне и сейчас так кажется.

— Увы, — сказал он невесело, — это в Царстве Божьем будем избавлены от плотских нужд. А пока живем в грешном теле, приходится с ними считаться... И в грех-

ном мире! Распространить веру Христа и власть церкви важнее, чем сделать лучше жизнь людей в отдельном королевстве. Ибо придут голодные и злые соседи, всех убьют, ограбят, сожгут из злобы и зависти.

— Понимаю, — буркнул я. — Это так... бурчу на неустроенность жизни.

Он слабо улыбнулся.

— Обустраивать некому, кроме нас. А хорошо бы, чтобы кто-то обустроил, а мы жили на готовеньком?

— Хорошо бы, — согласился я. — И пусть ему вся слава. А мне просто пряники.

— Увы, сын мой, сперва нужно делать черную работу, а уже потом чистую. Нельзя выскабливать одно место до блеска среди моря грязи.

Дверь чуть приоткрылась, осторожно заглянул сэр Жерар.

— Простите, сэр Ричард, простите, святой отец... но там прямо перед ступенями двое израненных рыцарей. Уже истекают кровью, но рубятся... Это же из вашей свиты!

Я ответил сердито:

— Долг чести, сэр Жерар! Я не стал бы вмешиваться, даже если бы мог.

Он исчез, я перевел взгляд на отца Дитриха, он развел руками.

— В человеке всегда сидит зверь, — сказал он невесело. — Церковь столько веков загоняет его вглубь, а он все рычит и отбивается... Даже не знаю, сумеем ли в этом поколении построить Царство Небесное на земле...

Я посмотрел с недоверием, показалось, что шутит, однако Великий Инквизитор смотрит чистыми добрыми глазами невинного младенца.

— Со зверем бороться трудно, — согласился я, — только те двое не звери, а напыщенные... гордецы. Что, наверное, еще хуже. Мы еще и зверя не задавили, а уже

пришли новые дурости. Не на смену, а так, в добавку. Чтоб нам не скучать.

— Гордыня, — напомнил он смиренно, — смертный грех.

Я возразил:

— Гордыню само христианство и родило! До него были только отдельные всплески, все-таки язычество держит человека в рабстве, а христианство поставило на такую высоту, что любой прямо лопается от гордости! И душу дал сам Господь, вдохнув в наши тела часть себя, и освободил перед неизбежностью судьбы... Как не загордиться?

Он вздохнул.

— Если не разорвать кольцо судьбы, жизнь так и шла бы по кругу, повторяясь и повторяясь. Даже боги не могли что-то сделать. Но Господь сломал старый порядок, освободил человека и распахнул перед ним будущее. На фоне этого свершения все остальное выглядит мелким. Справимся и с гордыней. А пока, что делать, обоим рыцарям окажут помочь... Насколько я знаю, вы все еще паладин?

Я покачал головой.

— И не уговаривайте.

— Почему? Разве милосердие не входит в число ваших добродетелей? Ну тогда полечите хотя бы как соратников.

— И подать дурной пример остальным? — огрызнулся я. — Не-е-ет, пусть полежат, помучаются. Хорошо бы, чтоб у обоих началась от воспаления ран лихорадка или что-то похуже. Умереть я им, наверное, не дам, хоть и надо бы, а вот за дурости хоть немножко, но пусть расплачиваются. Спасибо, отец Дитрих, за священников и монахов. Мне, право, неловко отрывать их от действительно нужных дел.

Он поднялся, перекрестил меня.

— Сын мой, — голос его был невеселым, — это хорошо, когда нужным делом занимаемся хотя бы час в сутки.

Едва он вышел, сэр Жерар пропустил в кабинет барона Альбрехта. Тот не чинился, сразу принял чашку кофе и выпил с жадностью. Вид у барона на удивление помятый, даже усталый, таким не видел даже после жарких сражений.

— Проблемы? — спросил я с сочувствием.

— Рабочих согнали, — сообщил он, — со всех прилегающих к дороге земель. Хотя и с трудностями.

— Лорды?

— И лордики.

— И как разрулили?

— Пришлось намекнуть, что их имена тоже в списках не то участвующих в черных мессах, не то сочувствующих. Словом, раз на подозрении, то желательно загладить свою прошлую жизнь усердным сотрудничеством с новыми властями.

Я сказал с чувством:

— Барон, вы всегда найдете самый прямой выход!

— Спасибо, ваша светлость. Глядя на вас, каким только нехорошествам не научишься.

Я возразил:

— А мне кажется, это я у вас учусь чесать правой рукой левое ухо! Но это неважно. Главное, дорога строится.

Он кивнул.

— С самого начала начали строить, как вы и велели, как можно более прямую, благо здесь почти до самого Хребта равнина...

Он умолк, я спросил настороженно:

— А дальше?

— Есть прямо на пути болото, — угрюмо сказал он. — Огромное, глубокое, зловонное.

— Засыпать, — напомнил я. — Здесь других вариантов нет.

Он отшатнулся.

— Да слышал я, но поверить не могу! Это же сколько лишней работы!

— Не лишняя, — сказал я тоскливо. — Гигантская и вроде бы лишняя окупится, клянусь! Зато по прямой павловоз будет тащить с такой скоростью платформы, никакой конь не угонится. Ладно-ладно, потом поверите... А еще он не знает усталости и будет мчаться до тех пор, пока в топку подбрасывают дровишки. Кстати, заготовить вдоль дороги нужно березовые, буковые или любые другие, что дают большой жар. Кто попробует пропихнуть сосновые — сечь нещадно, а при повторном проступке — вешать без замены штрафом... Что-то еще?

Он сказал нехотя:

— Я запустил среди простого народа несколько рискованный слушок...

— Что именно?

— Якобы умельцы выкопали древний самокат, созданный до Войны Магов. На нем будут возить всех бесплатно в любой конец королевства. Церковь возражает, но ничего сделать не может против воли лордов и самого майордома, все вельможные люди хотят пользоваться такой штукой...

— Что сказал отец Дитрих?

Он взглянул на меня исподлобья.

— Я не стал рисковать, а вдруг и правда будет против? Я вздохнул.

— Понятно... Народ с удвоенным энтузиазмом строит дорогу, чтоб еще и утереть нос церковникам?

Он криво улыбнулся.

— Вроде того.

— Странная получается коллaborация, — сказал я, — монахи строят во имя Господа, мужики ехидно улыбаются и помалкивают. Ладно, лишь бы шло...

Он принял из моих рук вторую чашку, эту пил уже мелкими глотками, наслаждаясь вкусом.

— Дорога, — проговорил с затаенной усмешкой, — это что... А вот веера... это запомнят. И будут вспоминать о великом Ричарде, что придумал и ввел в моду веера...

Я зажмурился от нахлынувшего стыда. Блин, да что же я такое? На прошлом балу, когда от жара сотен свечей по спине бежали ручьи пота, я взял широкую тонкую дощечку, на которой старший из музыкантов рисовал свои непонятные закорючки, и стал обмахиваться. Любопытным объяснил, что в моем срединном королевстве, откуда я родом, так принято в высшем обществе, а веера у нас складные, делаются из тонких дощечек, скрепленных тонкими веревочками.

И вот уже в залах появились вельможи, что обмахиваются при любой температуре, а веера делают как из дощечек, так из слоновой кости и еще более дорогих и экзотичных материалов.

Вот так, железной дороги еще нет, а дамские веера уже... Еще, не приведи Господи, мое достойное, как я считаю, имя свяжут только с ними, как утверждает ехидный барон, бабьими опахалками. Мечтаю обрести славу основателя университета, а то и академии, а тут уже говорят с восторгом, что я придумал такие изумительные и такие необходимые в жизни штуки.

Я шел быстро, барон едва поспевает, его короткие, в сравнении с моими, ножки мелькают, как спицы в колесе, но я с некоторым злорадством еще наддал, срываю дурное настроение. По обе стороны придворные поспешно кланяются, с обеих сторон слышу эти «ваша светлость», «ваша светлость», где больше подобострастия к сильному и злому, чем уважения к достойному правителю.

Среди них то и дело попадаются люди, которых я не видел в первые дни, что вроде бы и понятно, но с другой стороны, этот предостерегающий холодок, накатывающийся волнами... То, что большинство меня не любят и боятся, понятно, но холодок идет от тех, кого должен бояться я сам.

Я выхватывал их взглядом почти безошибочно, что-то есть недоброде в осанке этих людей, манере держаться, разговаривать, бросать в мою сторону косые взгляды, хотя

если я прохожу близко, тоже склоняются в поклоне, однако от них опасностью веет еще больше.

Ближе к парадному залу, где предстоит разбирать жалобы, таких стало появляться больше. Я чувствовал себя, словно голый иду по снегу под ледяным встречным ветром. Барон что-то рассказывает, я не рискнул перейти на запаховое, нет времени, несколько раз быстро и глубоко вздохнул, нагнетая кислород в кровь, ускорил метаболизм и реакции, руки начало трясти, а зубы пришлось сцепить, и в это время боковым зрением увидел, как с обеих сторон ко мне ринулись молодые мужчины.

В их руках засияли ножи, глаза выпучены, поднялся крик:

- Смерть узурпатору!
- Убить врага!
- Бей!

Я крутнулся, смертельно жалея, что во дворце не носил меча, ударил кулаком, но тут же бок ожгло резкой болью. Я вертелся, как выон, бил во все стороны, дважды услышал хруст ломаемых костей, выдернул из одной руки нож и сам начал бить как можно быстрее.

Со всех сторон нарастил крик, шум. Затопали тяжелые сапоги, в зал ворвались гвардейцы.

Я прокричал:

- Брать живыми!..

Передо мной оставались только двое, молодые и с отчаянными глазами. Оба дышат так же тяжело, как я, гвардейцы набежали и успели схватить одного, второму я дал под дых рукоятью с такой силой, что он согнулся и не мог вздохнуть.

Им скрутили руки, примчался барон Торрекс, начальник охраны дворца, бледный и трепещущий, проговорил с болью в голосе:

— Простите, ваша светлость... Но я же настаивал, чтобы ограничить доступ во дворец!

— Придется, — буркнул я.

Он, видя, что я не велю его сразу на плаху, с облегчением перевел дух.

— Но, ваша светлость... их было пять человек!..

— И что?

Он кивнул на гвардейцев, те грубо переворачивали распостретых в крови остальных троих.

— Один точно не выживет... двое... посмотрим. Вы их всех изрезали так, что и одежда сваливается.

— Хороший нож попался, — сказал я сварливо. — Ладно, разбирайтесь! Меня ждут.

— Вас ранили!

— Мои лекари посмотрят, — пообещал я.

— Надеюсь, армландские?

— Конечно, сэр Торрекс, конечно.

Глава 12

С моим обостренным слухом я уловил, как Куно Крумпфельф проговорил деревянным голосом, словно повторял заученный урок:

— Как он терпит... вы видели его рану?

Барон Альбрехт поддержал в той же интонации:

— Ужасно! Гниющее мясо, где вот так сразу появились черви... Даже странно, обычно они на третий-четвертый день, а тут уже сегодня... Вот так заживо гнить, перенося такие ужасные, просто жуткие мучения? Я бы лучше бросился на меч.

— И я бы, — согласился Арчибалд гордо.

Только сэр Растер прорычал гневно:

— С ума посходили? Господь не одобряет самоубийство.

— Запрещает, — уточнил Арчибалд.

Барон Альбрехт возразил:

— Нет, я беседовал с отцом Дитрихом, он сказал, что

самоубийство — грех, даже смертный грех. Но в особых случаях человек имеет право лишить себя жизни.

— В каких? — полюбопытствовал Арчибалд.

Барон пробормотал с осторожностью:

— Отец Дитрих объяснял сложно, хотя старался для меня упростить. Я понял только, что честь даже для церкви дороже жизни. Ведь выходили же первые христиане на арену Колизея, чтобы их растерзали львы? Хотя можно было просто отречься от Христа и жить, как прочие язычники!

— Да, — сказал сэр Раster с облегчением. — Это хорошо, что можно.

— Верно, — сказал и Палант. — Что жизнь без чести?

— Честь — это все, — подтвердил барон Альбрехт со значением. — Для христианина честь даже больше, чем для язычника. У языческих богов чести не было.

Я неслышно отошел в сторону.

Вечером за одной панелью послышался тихий стук. Я сказал громко «Можно», тайная дверь приоткрылась, сэр Жерар пропустил мимо себя барона Альбрехта. Я кивнул, сэр Жерар поклонился и отступил за дверь.

Я сказал барону нетерпеливо:

— Докладывайте.

Он спросил взглядом разрешения сесть, расправил фалды сен-маринского кафтана, переходящего в дублет, опустился осторожно, словно на гнездо с перепелиными яйцами.

— Как вы и предположили, — сказал он тихо, — все сразу зашевелились. Пока явных признаков действия нет, сейчас период бурных консультаций. Все спешно прикидывают, что случится, как только яд сведет вас в могилу.

— А уверены все?

Он кивнул.

— Вы очень хорошо сыграли, сэр Ричард. Если лишились майордомства, можете подрабатывать в труппе бродячих актеров. Все уверены, что доживаете последние

дни. И уже спешно высчитывают на пальцах, кто падет, кто усилится, к кому нужно быть поближе, а кого толкнуть...

Я поморщился.

— Это их игры. Что насчет более серьезного выступления? Кто-то намерен возглавить священную войну против поработителей и угнетателей?

Он спросил озадаченно:

— Против кого?

— Против нас, — пояснил я нетерпеливо. — Барон, вы меня удивляете!.. То орел, что даже мух ловит, то просто... барон.

— Это вы, — огрызнулся он, — слишком распрыгались, как блоха какая! Майордом мог бы вести себя и посолиднее. Я за вашей ускакивальной мыслью не успеваю, я человек с весом, хоть и поменьше вас по габаритам. Думаю, через два-три дня начнут сколачивать союзы, тогда можно и накрыть...

— Если друг против друга, — сказал я, — пусть сколачивают. Если же кого-то выдвигают возглавить борьбу против коварных Темных Сил Зла... это мы, барон, не ахайте... меры надо быстрые и без всякой сентиментальности. Дабы из искры не возгорелось пламя.

— Да, — согласился он, — нам только пламени недостает. А дым уже идет.

Я сказал, морщась:

— Дорогой барон, хоть расшибитесь, но найдите компромат. Сволочи они, развратники, детей насиливали, от Кейдана рассчитывали... а то и получали горы золота?

Он вздохнул, в глазах сочувствие, развел руками.

— Увы...

— Что удалось собрать?

— Ничего, — ответил он. — Чисты, как рыба в горном ручье. Не богаты, но у них все есть, чтобы не ходить с протянутой рукой. Прекрасные ребята, а по молодости

честны и преданы сюзерену больше, чем нужно. Это они вас, ваша светлость, не за блага какие-то, а... порыв души.

Я сказал желчно:

— Борцы за справедливость?

— Именно. Борьба с узурпатором.

Я поморщился.

— Сочувствую, но все равно ликвидировать их просто необходимо. Я не могу оставить таких вот в живых! Милосердие поощрит прочих дураков. Просто мерзавцев казнить было бы проще, кто спорит, а вот этих...

Он подумал, покачал головой.

— Может, их вывезти в мешках через Тоннель на ту сторону? Оттуда уже точно не вернутся. А здесь можно объявить, что удавили грязной веревкой в застенке. И что хрипели и брыкались в процессе удавливания. И глаза полопались...

Я вздохнул.

— Да, что-то придумать надо. А пока объявите, что идут приготовления к жестокой и мучительной казни. Чтобы их последователи присмирили.

Он безучастно кивнул, по лицу видно, что думает о другом, поморщился, наконец сказал твердо:

— И вообще... сэр Ричард, мы уже не в походе!

— Да, — ответил я, — и что?

Он сказал, повышая голос, словно это он сюзерен, а я так сиволапый из захолустья:

— Там мы всегда знали, что справа, слева и сзади — друзья, а враги — спереди! Теперь мы в стране завоеванных, а это значит, что враги всюду...

— Со всех четырех сторон, — согласился я. — Это вроде бы не такая уж новость, чтобы сообщать мне с таким важным видом.

— С сегодняшнего дня, — заявил он, — я сам подаю вам ужин...

Я запротестовал:

— Барон! Я вас слишком уважаю, чтобы...

Он прервал резко, совсем не в своей лисьей манере:

— Это традиция! Так заведено, за обедом и ужином в особо торжественных случаях одно из блюд подает тот, кто ближе всех по званию. Тем самым подчеркивается его готовность служить сюзерену.

— Ближе всех граф Ришар, — вставил я.

— Он на пути к Брабанту, — возразил он. — Так что его заменю и здесь. Не беспокойтесь, у меня зоркий глаз и верная рука.

— То есть, — уточнил я, — не промахнетесь?

— Нет, — ответил он, посмотрел на меня исподлобья, поморщился. — Все шутите, ваша светлость?

— Что остается...

Он сказал непреклонно:

— Рядом с вами всегда будет кто-то из армландцев. Кроме того, барон Торрекс уже выставил дополнительную охрану, и никто не проникнет во дворец так легко, как было раньше. Сейчас подозревать нужно всех.

Я промолчал, колеблясь. Вообще-то подавать сюзерену еду или чашу для омовения рук всегда привилегия наиболее знатных и родовитых. Слуга в таких случаях вносит в зал блюдо, передает графу или герцогу, а тот уже ставит перед правителем, а сам все это время находится рядом, слышит все разговоры, наблюдает и таким образом не случайно считается доверенным лицом.

Так что да, унижения никакого нет, если рассматривать с сегодняшних реалий. Барон Альбрехт сочтет только справедливым и правильным, если будет неподвижно стоять с пустым подносом в руках за моей спиной, а другие тоже не увидят ничего того, что вижу я, еще и будут завидовать.

— Хорошо, — сказал я. — Делайте, как правильно. Я тоже не хочу, чтобы точный удар ножа оборвал наше общее дело!

Барон Альбрехт пустил слух, что сюзерена сумели ранить только благодаря предательству в своих рядах. Сэр Раster, которого не посвятили в подробности, негодовал и громко заявлял, что такого не может быть, потому что не может быть никогда.

Барон Торрекс объявил, что погоня догнала и взяла под стражу графа Ришара с его свитой. Недалек день, когда все переменится... Больше он ничего не говорил, но Геннегау забурлил, начались спешные подвижки, к моим военачальникам начали искать ходы.

Я слушал подробности, криво усмехался. Даже самые великолепные интриги пасуют, когда дело касается лордов Армландии, а также их рыцарей. Услышав от кого-то местного, что некий лорд отозвался о них оскорбительно, они вместо того, чтобы затевать сложную интригу, призванную стереть в пыль обидчика, тут же простодушно бросаются к нему выяснить отношения. Там сразу выясняется, что тот ни сном ни духом, и тогда уже вдвоем находят пустившего слушок и вершат над ним справу короткую и решительную, заставляя морщить нос или ужасаться, это на выбор, дикарскими нравами людей с той стороны Великого Хребта.

Все попытки склонить на свою сторону или перевербовать быстро засекались бароном Альбрехтом, а Торрекс Эйц моментально принимал нужные меры.

Чтобы не спугнуть противника раньше времени, я заился в кабинете и никого из посторонних не принимал, несмотря на самые отчаянные попытки прорваться ко мне и удостовериться, в самом ли деле я уже на последнем издохании.

Мои лорды и наиболее отличившиеся рыцари являлись по зову, я запускал ладонь в ящик стола и выгребал амулеты. Элеоноре отдал только драгоценные камешки, частью талисманов уже наградил верных мне, остальное решил раздать сейчас, у Жакериуса их оказалось на несколько дюжин человек.

Дверь потихоньку приоткрылась, сэр Жерар спросил тихо:

- Отец Дитрих...
- Через тайную дверь, — велел я негромко.
- Конечно, ваша светлость...

Через пару минут он снова открыл дверь уже шире, отец Дитрих переступил порог, быстро огляделся. Свет чуть приглушен, вдоль стен подсвечники в рост человека, каждый с тремя чашками, сейчас заняты только по одной, на столе толстые приземистые свечи горят через одну, пламя вытянуто узкими клинышками, на золотых кубках и чашах играют ярко и празднично.

Середину стола занимает карта, а края придавлены пустыми чашками из-под кофе. Сэр Жерар услужливо проводил Великого Инквизитора до кресла, поклонился и сказал виновато:

— Простите, ваша святость, у нас здесь пока что нет даже распятия... Но мы, клянусь, самые что ни есть благочестивые христиане!

Отец Дитрих со вздохом опустился в кресло, на сэра Жерара посмотрел усталыми мудрыми глазами.

— Сын мой, — произнес он кротко, — скажи мне честно, молишься ли ты, когда у тебя все хорошо? И я скажу, насколько ты благочестив.

Сэр Жерар прикусил язык и поспешно отступил за дверь. Отец Дитрих обратил на меня взор внимательных глаз.

— Да-да, я знаю, — сказал он, — чем все это вызвано... Не надо, не объясняй, сын мой. Я просто зашел удостовериться, что мои догадки верны. А в уединении как раз и приходят глубокие мудрые мысли.

Я покачал головой.

— Ох, отец Дитрих... Мне такая дурь лезет в голову! Даже не знаю, то ли я дурак, то ли голова мне от дурака досталась. Собор уже работает?

— Да, службы уже ведутся. В главном зале. Остальные

еще спешно доделывают. По моей просьбе прибыло еще семьдесят священников!.. Ватикан нам ни в чем не отказывает.

Я довольно потер ладони.

— Тогда можно нажать, кое-что ускорить!

Он посмотрел на меня грустными глазами, из груди вырвался тяжелый вздох, проговорил медленно:

— Церковь понимает, какую грандиозную задачу взялась решать, сын мой... потому приступила к ней со всей осторожностью, зато претворяет в жизнь высокие идеалы хоть и медленно, зато неотступно.

Я возразил в азарте:

— А почему бы не побыстрее? Если сейчас можем?

Он покачал головой.

— Горячая лошадь вместе со всадником может сломать себе шею как раз на той тропке, где осторожный осел пройдет, даже не споткнувшись.

— Но может и не сломать!

Он кивнул.

— Может. Но если сломает?

Я развел руками, подумал, покачал головой.

— Да, на карту поставлено не просто много, а... все.

Пусть лучше придет на столетие позже, чем грянет новая Война Магов.

Он перекрестился.

— Страшные вещи глаголишь, сын мой... Увы, реальные. Потому сила церкви не должна слабеть, хотя наше усиление никому не нравится. Отец Тибериус прислал отчет о твоей дороге, которую уже все почему-то именуют железной...

— Потому что по ней будет возить телеги железный конь, — сообщил я.

— Конь?

— Ну, это так. Образно. Поэтично. Монахи — одухотворенные люди?

— Отец Богидерий от тебя в восторге, — сообщил он.

— Это специалист по металлам? — переспросил я. — Да, я ему кое-что подсказал. Ну, такое, до чего не сегодня-завтра он и сам бы додумался.

Он помолчал, глядя на меня очень серьезно. Ничего сложного, хотелось мне заверить, вся цивилизация вплоть до двадцатого века была построена на простой и всем понятной механике, а век загадочного электричества был в пеленках, но я лишь благочестиво перекрестился и скромно опустил взор.

— Делай великое, — проговорил он, — не обещая великого. В этом вся церковь!

Я поднял голову и посмотрел ему в глаза.

— Отец Дитрих! Церковь основана на крови, кровью скреплена и кровью расширилась. Этого не нужно скрывать и стесняться. Мы были воинствующей религией и должны ею оставаться. Религия — есть только формула нравственности! Как только начнем говорить о гуманизме — мы пропали. Так что, пожалуйста, не ослабляйте настиск!

На его бледных губах простирали слабая улыбка.

— Странно, что такое говоришь ты мне, а не я тебе. Похоже, знаешь что-то еще, скрытое от нас...

— Отец Дитрих, — запротестовал я.

Он не сводил с меня пристального взгляда.

— Что-то знаешь, сын мой?

— Я ничего не стал бы скрывать от вас, — сказал я горячо, даже слишком горячо.

Все еще всматриваясь в меня, он медленно кивнул.

— Да-да, конечно. Не сомневаюсь. Но все-таки сказать все, что промелькнуло перед взором в горячечных видениях, — прослыть безумцем. Хотя ходят слухи, что в каких-то местах всплывают картинки из прошлых времен... Иногда прекрасные, иногда ужасающие. Крестьяне, правда, пугаются любых, но человек умный и образованный, возможно, увидел бы что-то важное...

Он явно подталкивает к большей откровенности, я

уже раскрыл было рот, чтобы приоткрыться, но это же не только умнейший отец Дитрих, но и беспощадный Великий Инквизитор, а он может что-то понять не так, как буду объяснять, и я сказал с тяжелым вздохом:

— Отец Дитрих... предположим... только предположим!.. кто-то в таких видениях понял, что войны можно остановить, если церковь будет иметь больше власти... Как он должен поступить?

Лицо его оставалось неподвижным, но в глазах промелькнуло некоторое разочарование.

— Как он должен? — переспросил он медленно. — Думаю, сын мой... он сам наложит печать на свои уста, дабы не пополнить ряды безумцев, но будет истово трудиться, если не совсем уж равнодушный человек, на благо церкви... Ладно, дорогой Ричард, не буду отрывать от государственных забот. Помни, Господь с тобой во всех твоих добрых делах.

Я помог ему подняться, жест младшего в отношении старшего, почтительно проводил до двери. На пороге он благословил меня, я чувствовал новую ниточку, связавшую нас, он тоже, похоже, ощущил нечто подобное. Во всяком случае, во взгляде промелькнуло нечто новое.

Сэр Жерар почтительно проводил его дальше, я вернулся к столу, но злое нетерпение бурлит, я оглянулся, не привык надолго оставаться в пустой комнате, заорал:

— Сэра Растера ко мне!

От дверей и дальше по залу прокатился крик:

— Сэра Растера к его светлости!.. Сэра Растера к его светлости... Немедленно!..

Вот для того и толкнутся в залах, мелькнула мысль, чтобы я не заморачивался поисками. Свистнул, и любой перед мои светлы государевы очи. Как лист перед травой. Хорошо быть властелином...

Правда, сэра Растера пришлось искать долго, он как раз не из тех, кто толчется в покоях. Явился с грохотом, как шагающая башня из железа, только непокрытая голо-

ва торчит из стального панциря, а дальше весь в броне, даже сапоги из настолько плотно подогнанных стальных пластин, что выглядят литыми.

Узкие щели для глаз между массивными надбровьями и мощными скулами выглядят еще уже, ноздри грубой формы носа слегка раздуваются, будто в гневе, грубые губы плотно сжаты, но тяжелый подбородок выдвинут вперед.

От фигуры все так же веет грубой нерассуждающей мощью, однако мне почудилось, что ветеран чем-то словно надломлен, во взгляде непривычная усталость.

По моему жесту сел в кресло, что сразу жалобно застонало, поднял на меня угрюмый взгляд.

— Да, сэр Ричард?

— Дорогой друг, — сказал я, — что случилось? Почекуя на высоком челе?

Он пробурчал недовольным голосом:

— Да как тут все оказалось... сложно и некрасиво. У нас в Армландии никто в спину не тычет ножом...

Я вздохнул.

— Что теперь жалеть. Утраченного невежества не воротишь.

Он медленно, словно старик, вздохнул, взглянул исподлобья.

— Что будем делать дальше?

— Жить, — ответил я.

— Ну... это мне еще удается, — ответил он с неуверенностью. — Вроде бы. Когда в Гандерсгейм?

— Об этом я и хотел, — сказал я. — К сожалению, кому-то надо остаться и удерживать наши завоевания. Если все уйдем завоевывать страну варваров, сторонники короля могут захватить власть. Сэр Раster, я вижу по вашему лицу, что вам оставаться здесь очень не нравится! Но вы будете не один...

Он буркнул:

— А кто еще?

— Барон Альбрехт, — сказал я твердо. — Барон Тор-

рекс... да много ваших друзей будут сдерживать противника здесь, а не в Гандерсгейме! Сэр Раster, больше славы сражаться здесь с рыцарями противника, чем с полуголыми варварами.

Он хмыкнул, но задумался. Блестящая сталь доспехов вся в отблесках пламени свечей, он как объятый пламением, в самом деле живая башня из листов стали в два пальца, готовая повергать другие башни, а это не какие-то голопузые...

— Посмотрим, — прорычал он с сомнением. — Если в самом деле без меня не обойтись, я останусь. Но в Гандерсгейме точно будут бои и сражения, а здесь? Вдруг все останется тихо?

— Только потому, — заверил я, — что устрашатся вас, сэр Раster!

Он пробормотал:

— Это так, но... мне что с того?.. Может быть, мне тоже, как и вы сейчас, спрятаться? Чтобы потом, когда обнаглеют, выпрыгнуть и порвать всех на куски?

— Тактику выберете сами, — сказал я. — К тому же, сэр Раster, я вас любезно пригласил вот для какого дела... Как я уже говорил, вы были глубоко правы, а я не прав, когда запретил рыцарские турниры. В самом деле, турниры — дело чести, дело славы, дело доблести и геройства! Осознав ошибку, я решил, что турнир нужно провести не-замедлительно.

Он встрепенулся, посмотрел орлом, даже парящим драконом, затем чуточку сник, бросил на меня непонимающий взгляд.

— Турнир?.. Сейчас?

Я сказал с неловкостью:

— Понимаю, проводить турнир в такое время не совсем честно, все-таки большинство доблестнейших рыцарей повели свои отряды в Брабант. Кое-кто уже там и готовит войска к выступлению, Макс муштрует пеших ратников, что так хорошо показали себя в боях с кочевниками, там

уже Рикардо, Ульрих, эти уж точно поучаствовали бы в схватках... Однако, гм...

Он смотрел исподлобья.

— Что?

— Нам нужно поскорее исправить ошибку, — сказал я. — Показать всем, что отказ от турниров был ошибкой, но отныне и во веки до скончания времен турниры будут!.. Вам, сэр Раster, как ветерану этих боев и настоящих сражений, поручаю в кратчайшие сроки все подготовить и устроить. Беретесь?

Он понял, что разговор практически окончен, с лязгом поднялся, ударил в грудь кулаком.

— Все сделаю!

На жуткий грохот вбежал не только сэр Жерар, но и стражи с обнаженными мечами и готовыми к бою пиками. Я жестом услал обратно, сэр Раster гулко захохотал и вышел за ними.

Глава 13

Сэр Жерар как-то буднично сообщил, что среди лордов уже плетется замысловатая интрига в поддержку герцога Джонатана. Юные мятежники, совершившие покушение, — одно из звеньев. Джонатан Меерлинг, герцог Ворквикиширский, богат и знатен, но поддерживают его не потому, что швыряет на эти цели деньги, просто и среди местных рыцарей верность в цене, это у торгового люда она вызывает насмешки.

Я ощущал приступ сильнейшей тоски. Сколько за это время прошел: от срединных королевств до Зорра, а затем через десятки королевств до Великого Хребта, даже сюда вломился с огромной армией, но до сих пор не знаю, как зовут жен моих ближайших соратников, в каких взаимоотношениях друг с другом, чего хотят и что вообще у них на уме.

Да это и понятно, мы же рыцари, у нас братство, мы все служим одной идее, мы сплочены и спаяны, враг у нас только впереди, а здесь мы — как один человек...

Так и было, но почему сейчас впервые сталкиваюсь с понятием интриги? Да, что-то и раньше где-то было, попытка Изергильды захватить трон Шаргегайла, но и там простой, как меч, заговор, а не интрига. Заговор проще и как бы честнее, а вот интрига...

— Мантию, — велел я, — доспехи!.. Да не парадные, все должны видеть, что наш поход не окончен.

Слуги молча и быстро подготовили к выходу, сэр Жерар вышел в зал, а там церемониймейстер громогласно прокричал, что все внимание на двери, сейчас появится он самый, да, великий и ужасный...

Я сразу пошел быстро, деловой походкой, почти никому не кивал, это задерживает, мужчины застыли со склоненными головами, а женщины в реверансе.

У самого выхода увидел леди Розамунду, красивая и блестящая, она встретила меня ослепительной улыбкой, присела чуть-чуть и тут же поднялась, не дожидаясь разрешения, глаза сияют, на золотых волосах изящная корона графини поблескивает множеством жемчужинок.

— Ваша светлость, — сказала она дружески.

— Леди Розамунда, — ответил я почти ликующе, сделал было шаг мимо в направлении выхода из дворца, но хлопнул себя по лбу и остановился. — Кстати, леди Розамунда, до вас дошли слухи о будущем турнире?

Она засмеялась, показывая ровные белые зубы и влажный красный рот.

— Какие слухи? Уже поле готово, рыцари разбили шатры! Это восхитительно! Жду не дождусь начала. Я всегда обожала турниры. Это так мужественно!

— У вас будет еще один повод порадоваться, — сказал я таинственно.

Она спросила с живостью:

— Да, ваша светлость?

— Будут некоторые нововведения, — сказал я заговорщицки.

Ее щечки вспыхнули алым, как краешек неба утром на востоке.

— Правда?.. Ой, я так люблю сюрпризы!

Я сказал со вздохом:

— А я нет. Но, увы, глас народа пересилил мою волю. Турнир будет продолжаться три дня, а в конце победитель выберет королеву турнира. Уверен, ваша блестательная красота получит лишнее... тьфу, новое подтверждение.

Она спросила настороженно:

— Королеву турнира? Что это?

— Самую красивую леди назовет победитель, — объяснил я любезно. — Она и будет сидеть со мной по правую руку... до следующего турнира. Уверен, что кем бы победитель ни оказался, ваша красота и обаяние снова будут восхищать всех с кресла королевы.

Я поклонился, чтобы не видеть, как быстро меняется ее лицо, повернулся и пошел быстрой деловой походкой, столько дел, столько дел...

За городом исполнинское поле цветов, на ровной площади в хаотичном беспорядке бугрятся роскошные клумбы — шатры наиболее именитых и богатых лордов.

Разодетые оруженосцы спесиво посматривают на менее пышно одетых, каждый горд, что служит богатому и могущественному господину.

Сэр Жерар сопровождал меня на довольно рослом и быстром коне, сзади лязгает железом отряд, удостоенный чести ехать в качестве свиты.

— Все еще мучит совесть? — спросил сэр Жерар.

— Мучит, — признался я. — Вот так всегда в жизни. Воюют одни, плодами завоеванного пользуются другие. Нет на свете справедливости.

Он ответил спокойно:

— Ну и что? Будет.

— Будем считать это предварительным турниром, — пробормотал я. — Ну, все будет, как в настоящем, только все результаты будем считать...

— Сомнительными?

— Нет, это обидит участвовавших. Да и я кем буду выглядеть? Просто неполными.

— Тогда и королева турнира...

— Королева будет, — отрезал я.

— Настоящая?

— Тоже как бы пробная. На ней поймем лучше, что она может, что нет, чего ожидать и чего требовать.

— Ох, сэр Ричард... Даже не пойму, что мы делаем.

Я сказал недовольно:

— Перестаньте ныть. Если вам плохо, то и другим с вами плохо.

Еще издали мы услышали частый стук копыт, что перерастает в грохот. Сердце взволнованно дрогнуло и пошло постукивать в нарастающем ритме. Я уже сам, как дурак, мысленно скачу на горячем коне и направляю острие копья то в щит, то в шлем противника, чтоб даже зрители не сообразили, куда в последний миг садану со всей моло-децкой дури...

— Зеленые, — сказал сэр Жерар за спиной.

— Что? — переспросил я.

— Первые пробные стычки, — пояснил он. — Испытывают себя молодые рыцари. Для них это первый выход на турнирное поле. Пока смотреть не на что.

Один из рыцарей за нашими спинами хохотнул:

— А посмеяться?

Народ уже занял почти все три ряда сидений, только верхний наполовину пуст, на нем два кресла с высокими спинками, ступеньки устелены красным бархатом. Сэр

Жерар жестом указал мне, что это для меня, а то я совсем дурак, не догадаюсь.

Леди Розамунда, как ждала нашего прихода, появилась точь-в-точь, пришла в сопровождении подруг, они же и свита, и, обворожительно улыбаясь мне и всему миру, опустилась в соседнее кресло.

Я учтиво поклонился.

— Леди Розамунда...

— Сэр Ричард, — ответила она.

«Ваша светлость» она опустила, для меня это мелочь, но чутким придворным говорит о многом, в частности то, что по имени ко мне обращаются только допущенные, так сказать, а допущенные обладают властью.

Мы синхронно опустились в кресла, именно опустились, а не сели, потому что когда человек садится, он может суетиться, щупать сиденье, устраиваться, двигая задом, что недопустимо для благородного человека, а благородный не делает ни одного лишнего движения, скуп в жестах, потому каждый из них на вес... в общем, чего-то да стоит.

И так же милостиво и лучезарно улыбнулись народу, тоже синхронно. Эта Розамунда в самом деле умеет себя держать. Будет ли такой новая королева турнира... Впрочем, неважно, у нее статус будет изначально занижен, а значит — и требования. И когда знают, что королева лишь до следующего турнира, то привлекать ее к участию в долгосрочных интригах не станут.

На поле герольд вопросительно взглянул в мою сторону. Я благосклонно отмахнулся, мол, я не буду давать старт каждому поединку, сам, все сам, я только зритель, и он обрадованно взмахнул клетчатым флагом.

Закованные в сталь всадники понеслись навстречу один другому, грохот, звон железа, копья в щепки. Один из поединщиков откинулся на круп и, как ни пытался удержаться, но сполз на бок и ударился о землю, где его трижды перекувыркнуло.

Расторопные оруженосцы мигом выскочили на арену. Рыцарь попытался встать, но его унесли, чтобы не задерживать другую пару и не давать остыть накалу соревнований.

Двою слуг, работая быстро-быстро широкими метлами, замели небольшое пятно крови, а герольд провозгласил:

— Третья чистая победа присуждается барону Лонгширскому!

Зрители орали, свистели, подпрыгивали, в воздухе ревут дамские платки и шарфы.

— Барон Лонгширский, — пробормотал я, — хороший удар... Кто он? В боях не встречал...

Леди Розамунда весело прощебетала:

— Сэр Лиенер, барон Лонгширский, как настоящий рыцарь, избрал самую красивую дамой сердца, а умную — женой. Потому, как вы понимаете...

— На войну его не отпускает, — пробормотал я. — Понятно.

— Поделитесь, — попросила она. — Что вам понятно?

— В Сен-Мари уже позднее рыцарство, — объяснил я без веселья в голосе. — Люди считаются с реалиями. С романтикой еще не расстаются, но имущество бедным уже не раздают.

Она неуверенно усмехнулась, не зная, похвалил или обругал, да я и сам не знаю, что мне нравится и одновременно не нравится во взрослении всего рыцарского сословия.

— В состязание вступает граф Олдвудский!

Зрители бурно аплодировали, особенно девушки, их мордочки разрумянились, глазки блестят, граф в самом деле хорош, несмотря на свою мрачную фамилию, ладно сложен, с приятным лицом и постоянной доброжелательной улыбкой. Люди слабые и неуверенные в себе стараются выглядеть угрюмыми и грозными, а вот граф просто излучает дружелюбие и веселье.

Конь его украшен пышным султаном из крашеных перьев, попона красно-оранжевая, он красиво проскакал вдоль рядов зрителей, гордясь таким замечательным всадником.

Слева от леди Розамунды целый цветник девушек, скромниц поодиночке, очень смелых и уверенных вот так в куче, хихикающих, сплетничающих, размахивающих платочками, а самая дальняя от нас, скромно одетая молодая девушка, очаровательная лишь в силу своей юности, сидит тихая, как серая мышка, щечки рдеют от волнения, блестящие глазки то и дело прячут под длинными густыми ресницами, очаровательный вздернутый носик, пухлые губки...

Граф Олдвудский остановился перед нами, поприветствовал почтительно:

— Ваша светлость...

— Сэр Айсторн, — ответил я благосклонно.

Он галантно поклонился, распределив поклон точно посредине между мной и Розамундой, истолковать можно по-разному, конь сделал несколько осторожных шагов дальше, цветник девушек встретил его ликующим щебетом, глазки блестят, как у веселых домашних зверьков, мордочки хитрые и умильные.

Он миновал почти всех, его провожали сожалеющими взглядами, наконец он придержал коня.

— Леди Хорнегильда, — произнес он, — могу я просять вас о великой чести... повязать вашу ленту на мое копье?

Все зрители с обеих сторон трибун смотрели на серую мышку, у которой такой звучное и громкое имя. Она смешилась на мгновение, брови взлетели, ресницы затрепетали, в глазах промелькнуло беспомощное выражение, но тут же бодро вскинула подбородок, на щеках появились милые ямочки.

Сэр Айсторн галантно ждал, как и замершие зрители. Наконец она грациозно поднялась, в руках лента нежно-

голубого цвета, граф медленно опустил копье. Тяжелое и грозное, словно из другого мира, оно аккуратно легло острым наконечником на покрытый яркой праздничной тканью край перил и застыло в ожидании.

Леди Хорнегильда, смущаясь и краснея под взглядами многочисленных зрителей, неуклюже повязывала ленту. Тонкие нежные пальчики вздрагивают и путаются, мешая один другому, украдкой бросила взгляд на веселое лицо сэра Айсторна, беспомощный румянец растекся шире и стал ярче.

Мне показалось, что завязывает узел нарочито медленно, пальцы трепещут, как крылья бабочки, концы ленты выскользывают, за это время дважды поднимала взгляд на молодого рыцаря, щечки уже не алеют, а горят, как маков цвет, а он смотрит откровенно по-мужски, что ввергает ее в краску сильнее.

Наконец закончила трудную работу, едва заметно наклонила голову, он ответил поклоном более глубоким, а улыбка растеклась по лицу шире, чем половодье.

Зрители тоже довольно улыбаются, только некоторые юные леди несколько принужденно, великолепный рыцарь мог бы избрать более заметную красавицу.

Леди Хорнегильда вернулась на свое место и села с пунцовыми лицом, особенно заметная на фоне бледных утонченных красавиц, на чью нежную кожу никогда не падали лучи грубого солнца.

Сэр Айсторн наконец тронул коня и двинулся вдоль рядов дальше, но некоторое время косил глаза, не отрывая взгляда от неистового румянца на щеках леди Хорнегильды; а она смотрела на него испуганно-беспомощно и в то же время не могла ни опустить взор, ни отвести в сторону.

Герольд провозгласил громко и торжественно:

— Лорд Сванлем, граф Йоркера и Угансасти!

На северный край выехал всадник на крупном массивном коне, оба укрыты чешуйчатым панцирем, хотя ко-

ня можно бы и не защищать, просто лорд Свандем, как и сэр Раster, предпочитает чувствовать себя ближе к боевой обстановке.

Он опустил забрало, ему подали копье. Зрители замерли, всадники смотрят друг на друга в прорези шлемов, кони вскидывают головы, помощник герольда взмахнул флагом на длинном древке и поспешил отскочил за барьер.

Оба поединщика разом опустили копья. Зрители выдохнули разом, когда сверкающие доспехами рыцари понеслись навстречу друг другу. На трибунах все превратилось в однородную застывшую массу, на их фоне двигаются, набирая скорость, только эти двое, учащающийся стук копыт, всадник сливается с конем в одно целое...

На середине сшиблись, треск, звон, взлетели белые щепки. Лорд Айсторн остался с обломком копья, но лорд Свандем выронил свое, его откинуло на конский круп с такой силой, что не помогла и высокая лука особого турнирного седла.

Зрители шумели, кто радостно, кто сочувствующе. Лорд Свандем старался удержаться в седле, до безопасной зоны совсем близко, там можно и упасть, поражение не будет засчитано, однако нога выскоchila из стремени, и он рухнул на землю всего в шаге от загона.

Герольд провозгласил торжественно:

— Чистая победа засчитана лорду Айсторну!

На столбе с широкими перекладинами двое юных и очень серьезных пажей, гордых доверенным им делом, уже протянули руки к щитам и только ждали официального решения. После вопля герольда торопливо сняли щит лорда Свандема, а щит графа Олдвудского переместили выше.

Лорда Свандема утащили под руки в его шатер, а сэр Айсторн горделиво прогарцевал чуть и снова встал на свое краю ристалища.

Ко мне из-за спины наклонился сэр Раster, на меня пахнуло вином. Гулким голосом пророкотал:

— Хорошо дерется, верно?

— Для новичка, — согласился я.

— Думаете, уступит ветеранам?

— Сэру РаSTERУ точно уступит, — ответил я любезно.

Он довольно хмыкнул, спросил, принижая голос:

— Как, сердечко не прыгает? Не жаждет вскочить на коня и ухватить копье?

— Оно у меня еще дурное, — согласился я, — но уже не настолько.

Следующую схватку сэр Айсторн провел еще эффектнее: противник вылетел из седла, словно камень из пращи, рухнул на землю и перевернулся дважды, а сэр Айсторн красиво доскакал до конца барьера, там эффектно отшвырнул копье, подберут слуги, и гордо поднял забрало.

Воодушевленный, с пылающим лицом и глазами, белозубый, молодой и сильный, он вызвал новую бурю воссторгов.

— Выбил самого графа Виндзорского, — пробормотал за спиной РаSTER. — А он был хороши...

— В прошлые годы, — возразил барон Альбрехт. — Пора бы уже и поостыть. Молодость свое возьмет.

Графа Виндзорского подняли в сидячее положение, он воспротивился, когда хотели поднять на руки, сам встал, пошатываясь, тряхнул головой и пошел, прихрамывая, в сторону своего шатра.

— Этот больше не выйдет, — сказал РаSTER.

— Почему? — спросил Альбрехт. — На коня взобраться помогут. А копье удержит в любом случае. У него такое уже бывало.

— Но никогда его не выбивал из седла новичок, — угрюмо пояснил РаSTER. — Похоже, наземь упал не только он.

— А что еще?

— Его дух.

— Упасть одно, — пробормотал Альбрехт, — сломаться — другое.

На поле под звуки труб сшиблась новая пара, эти все-го лишь сломали копья и разъехались за новыми. Раster азартно сопел, охал, взыхал, наконец наклонился к мо-ему уху:

— Ваша светлость... все еще не жаждете вступить в поединок?

Я покосился на прислушивающихся рыцарей, сразу прервали разговоры и насторожили уши, сказал громко:

— Ах, сэр Раster!.. А если, не дай бог, выиграю?.. Вы понимаете, что меня ждет?

Он спросил настороженно:

— Что, кроме чести и славы?

— Сэр Раster, я должен буду выбрать и королеву турнира!

Он замедленно кивнул, еще не врубившись.

— Ну...

— И тогда, — закончил я, — будет сидеть рядом, уверенная, что считаю ее лучшей из лучших, достойнейшей и замечательнейшей, и что бы я потом ни делал для нее, ей будет мало. Леди ведь, знаете ли, сколько может съесть! Как сэр Редьярд и предупреждал: деньги, славу и честь... Но если выберете вы...

Он прервал недовольно:

— Простите, ваша светлость, я так далеко не заглядывал. Это как-то не по-рыцарски.

— Зря, — сказал я наставительно.

Он в ужасе помотал головой.

— Нет, я не хотел бы очутиться в майордомах! Это ж сколько думать головой надо, просто ужас для благородного человека.

Он поспешил отступить к соратникам. Я отвернулся к турнирному полю, а за спиной звучно звякает железо, это сэра Растера хлопают по спине и плечам, хвалят за верность рыцарским идеалам.

Глава 14

На поле грохот копыт, рыцари гарцуют, горяча коней перед схваткой, сквозь шум прорезаются звонкие голоса глашатаев, провозглашающих, что такой-то лорд будет биться тупым оружием, такой-то предпочитает боевое, внезапно наступающая тишина, когда юный помощник герольда, поглядывая то на одного рыцаря, то на другого, проверяет их готовность к бою, затем взмахивает клетчатым флагом и поспешно отпрыгивает с линии атаки.

Частый стук копыт, удар железа о железо, и тут же трибуны по обе стороны взрываются криком, кто ликующим, а кто горестным.

Мои лорды уже в турнирных доспехах, исчезают по одному, спускаясь на поле, а оставшиеся ревниво следят за поединками. Арчибалльд, для которого эта жестокая потеха в новинку, в Сен-Мари на турнирах всегда бьются только тупым оружием, смотрел жадными глазами, охал, вздыхал, наконец вскрикнул пораженно:

— Что за черт на том коне? Восемь боев и ни одного поражения!

Растер прогудел недовольно:

— Я его вызову.

— Я первый, — возразил Арчибалльд.

— Почему?

— Я первый заметил!

— Тебя собьет, — сказал Растер. — А меня... вряд ли. Слишком молод. Силы удара ему не занимать, граф вылетел из седла, словно бревном ударили, но у меня еще и опыт...

— Опыт важнее в бою, — возразил Арчибалльд, — когда и копьем, и мечом, и булавой, и вообще... А здесь только прямое столкновение. Много не нахитришь.

— Все-таки попробую, — сказал Растер. — Если окажусь на земле, пробуйте сами. Но скажу честно, у вас шансов еще меньше.

Герольд прокричал с подъемом:

— Его светлость герцог Ульрих Ундерландский будет биться с графом Олдвудским до чистой победы!

Растер умолк и начал заинтересованно следить за нашим гостем. Герцог немолод, в настоящих боях не участвовал, однако по скромным жестам, как двигается, управляет конем, держит копье, можно понять, что за турнирами не только наблюдал с трибуны.

— Если собьет этого молодца, — сказал он ревниво, — я сам вызову его на поединок!

— Бросьте, дорогой друг, — сказал я с укором. — Нам поддерживать порядок в городе и королевстве, что нам эти игры?

— Турнир, — возразил он с достоинством, — это не игра. Вы сами говорили насчет воспитания мужества и нравственных устоев!

— Ну, — промямлил я, — это для тех, кто еще невоспитан и нравственno неустойчив. А нам, таким орлам, надо ли?

— А для души? — спросил он.

Я пробормотал:

— Ну да, что есть душа без драки? Хотя я всегда молился, чтобы Господь избавил меня от физических мук, а с душевными я обещал справиться сам! Все верно, сэр Растер, человек состоит из тела, души и женского шарфика на конце копья.

Всадники разъехались, одновременно опустили забрала. Копья направлены остриями в небо, кони всхрапывают и скребут землю копытами, словно куры, ветерок игриво треплет цветные султанчики на конских лбах.

Барон Альбрехт за моей спиной сказал Растеру:

— Бьюсь о заклад, победит юный граф!

Растер прогудел:

— Принимаю. Ставлю на герцога.

Леди Розамунда все чаще поглядывала на меня иско-

са, я чувствовал, о чем пытается заговорить, но с преувеличенным вниманием наблюдал за противниками.

Герольд дал отмашку, рыцари синхронно пустили коней навстречу друг другу и опустили копья. Острый металл блестит зловеще, я невольно вспомнил трагическую и нелепую гибель Клавдия, тогда тоже дрались, надев на конечники, хотя, правда, умер от неудачного падения, сломав шею.

Грохот копыт нарастает, копья на кратчайший миг скрестились, затем страшный удар железа о железо, будто сотня молотобойцев разом ударили по наковальням. Треск, в воздух взвились обломки обоих копий. Всадники пронеслись мимо и дальше, там в конце слуги и оруженосцы перехватили поводья, я видел, как что-то возбужденно спрашивают, но оба лишь покачали головами и протянули требовательно руки за новыми копьями.

Вторая сшибка была еще более сокрушительной, словно ударились грудь в грудь, и снова копья вдребезги, а взмыленные кони промчались на край поля.

— Хороши, — прорычал Растер, он хрюкал, сопел, взревывал у меня за ухом, как допотопное чудовище, — вот это бойцы!

— Герцог пошатывается, — сказал барон довольно.

— Он старый конь, — возразил Растер. — Выстоит!

— Если юный граф позволит, — сказал барон ехидно.

Всадникам подали копья в третий раз, они повернули коней и, дождавшись взмаха флагом, ринулись навстречу друг другу. На трибунах затаили дыхание, кони разбрасывали пену, но неслись, как брошенные из катапульты камни.

На середине ристалища встреча, удар, грохот, лязг, снова белые щепки переломанных копий, но герцог пронесся дальше, хотя его раскачивало во все стороны, а граф Олдвудский откинулся на конский круп, его пронесло почти до конца, но он свалился на землю и остался неподвижным.

На поле выскочили оруженосцы и торопливо унесли своего господина, чтобы не задерживать других турнирных бойцов.

Растер довольно ревел, барон Альбрехт морщился и с великим неудовольствием вытащил мешочек с деньгами.

— Это была случайность, — заявил он с достоинством. — Он еще выйдет на поле.

— Ни за что, — отрезал Растер. — Герцог нанес ему такой удар... О, это надо было видеть!

— Я видел, — напомнил барон.

— Плохо смотрели, — сказал Растер победно. — Он поднимется только после турнира.

— Пари? — предложил барон.

— Принимаю, — ответил Растер незамедлительно.

О сумме, поставленной на кон, не упомянули снова, я понял, что у них она уже давно выкристаллизовалась и закрепилась в долгих спорах.

Еще два поединка, наконец Растер решительно поднялся.

— Мне пора.

Барон сказал лениво:

— А не лучше ли смотреть отсюда?

Растер прорычал гневно:

— Вот так и вырождается рыцарство!.. Смотрите на меня, барон, и учитесь. И, хотя вам это очень даже не восхочется, рекомендую ставить на меня!

— Не дождитесь, — буркнул задетый за живое барон.

Мне кажется, из всех рыцарей Армландии, не говоря уже о сенмарицах, сэр Растер собирается быстрее всего, будь это пир или сражение.

Я не успел перекинуться парой слов с леди Розамундой, она продолжает улыбаться просто ослепительно, но в какие-то моменты я вижу оскал, хотя глаза тоже смеются, как внизу загрохотали копыта, на поле выехал на исполинском коне сэр Растер, тоже огромный, широкий, по-

хожий на выкованную целиком из стали фигуру воинственного гиганта.

Кроме копья в руке у седла боевой топор, массивный, с длинной ручкой и зазубренным острием.

Конь, укрытый красной мантией с головы до ног, смотрел на меня в прорези для глаз с таким же воодушевлением, как и сам Раster, такой же отважный, готовый к битвам и такой же умный.

— Сэр Ричард, — сказал Раster.

Я сказал с невовкостью:

— Сэр Раster... желаю успеха!

Он повернулся коня и занял позицию на своем краю поля. На поперечной балке пажи, пихаясь от усердия, размещали его щит среди рыцарей первой лиги, чья репутация позволяет вступать в поединки, минуя предварительные сшибки и пробы сил.

За сэром Раsterом следили с особым интересом, многие заметили, что этот рыцарь не просто близок к майордому, но и позволяет себе некоторые вольности или нарушения придворного этикета, что почему-то ему всегда сходит с рук. Но сейчас он на равных, и насколько в самом деле хорош, сейчас станет видно.

Барон Альбрехт следил за ним с благожелательной усмешкой, сам он поклялся в этом турнире не участвовать. А вот после похода на Гандерстейм да, тогда можно, никакого урона рыцарской чести и достоинству. А этот стоило бы оставить для молодежи.

С поля то и дело доносился металлический лязг, грохот, конское ржание, а то и удары о землю тяжелых тел. Раster выбил из седла троих, лишь на четвертом обменялись сломанными копьями, и это засчитали ему в победу, так как у противника высокользнула нога из стремени.

Я поглядывал на Альбрехта, его улыбка стала натянутой, я поинтересовался:

— Ну что, руки чешутся?

— Не настолько, — ответил он сварливо и добавил ехидно: — Ваша светлость!

— Но Растер хорош, не так ли?

— Его остановят, — пообещал он. — Вы слышали имя виконта Селингера?

Я пожал плечами.

— Я слышал много имен. Что в нем особенного?

— Он прибыл три дня тому из Армландии, — сообщил он. — Совсем молодой, еще безусый. В его возрасте только оруженосцами становятся, а он уже рыцарь! Своего коня поднимает на плечи и бегает с ним по двору!

— Впечатляет, — пробормотал я. — Но это еще не значит, что он хорош и в воинском деле.

Барон сказал с довольной усмешкой:

— Не думаете ли вы, что ему рыцарское звание пожаловали именно за то, что поднимает коня?

Слуги принесли прохладительные напитки, внизу на поле то и дело засыпают песком кровавые пятна, никто не убит, но уже трое получили легкие ранения. Барон Альбрехт начал сопеть, вздыхать, наконец сказал с досадой:

— Так не должно!..

— Что? — переспросил я.

— Этот старый конь, — сказал он раздраженно, — которому пора на живодерню, собрал аплодисменты, предназначенные для десяти рыцарей!

— Ну-у... — ответил я с тайным злорадством, — вообщем-то наш дорогой друг зело хорош...

— Я этого не вытерплю, — сказал он наконец. — Кто же должен его остановить? Почему виконт Селингер набирает очки в поединках с другими рыцарями? Придется мне вызывать этого упрямого осла!

— То коня, — сказал я, — то осла, вы уж определились... Но пока нацепите доспехи, его и так остановят... думаю. Поединников все меньше, а в группу лидеров вышли как раз ваш Селингер, граф Олдвудский, Растер и герцог Ундерландский. Думаю, нашего друга вот-вот зава-

лят. Герцог Ульрих его почти выбил с седла, помните? А это из четверки не самый могучий, как мне кажется, боец.

Альбрех пробормотал:

— Да, но там либо везенье, либо Растер нарочно сделал вид, что вот-вот упадет.

— Зачем?

— А чтоб другие молодые да горячие ринулись добивать. Ему лучше победить пятерых слабых, чем одного сильного.

— Разве слава победителя сильного ничего не стоит?

— Пятеро коней с оружием и доспехами проигравших стоят дороже, — сказал он хмуро. — Особенно для таких...

Я сказал с недоверием:

— Разве для сэра Растера это и теперь важно?.. Он уже не бедный турнирный боец...

— Волк не меняет шкуру, — сказал он сердито. — Это у него уже привычка. У побежденных надо забрать коней и доспехи, иначе он не может. Потом, правда, им же проиграет в кости... Но это уже совсем другая история.

Лорд Айсторн наконец выехал для схватки, леди Хорнегильда сделала настолько невозмутимое лицо, что уже этим выдала себя, потому что подруги справа и слева строили ей глазки, выкрикивали что-то веселое, махали платочками. У нее же только глазки блестят, как у молодого любопытного зверька, выглядывающего из темной норки.

В последних схватках сошлись Растер и Айсторн, а также герцог Ульрих и виконт Селингер. Увы, в обоих случаях победила молодость, победителями вышли граф Олдвудский и виконт Селингер.

Перед последним поединком состоялось чествование героев, что уже покинули арену, и самый ценный приз получил сэр Растер, как рыцарь, принявший участие в

наибольшем количестве поединков. Он тридцать четыре раза поднимался в седло, двадцать две чистых победы, семь ничьих и пять поражений: три по очкам, а два раза его выбивали из седла.

Трибуны дружно охали, но с облегчением вздыхали, когда без посторонней помощи поднимался на ноги еще до того, как выбегут на поле испуганные оруженосцы. Пять раз снова подняться на боевого коня и взять в руки копье, такого еще никто не помнит. Обычно даже после первого падения рыцарь довольно долго отходит, а лекарь осматривает его на предмет сломанных рук-ног или ребер.

— Не умеет молодежь, — ворчал он довольно. — Надо думать не только, как ударить!.. Кто бы меня ни сбил, я знаю, снова сяду в седло и сам повергну! Не во второй, так в третий или четвертый раз. Или на другом турнире... Помню, только Гаральд Черный да еще Ульрис Кривозуб ушли от моей руки...

Глава 15

После перерыва состоялся красивый и зрелищный бой лучших из лучших. Виконт Селингер и граф Олдувудский, оба молодые, рослые, налитые силой, сшиблись с такой силой, что на трибунах схватились за шляпы, чтобы не сорвало ветром.

Растер снял шлем, но доспехи у него вроде родной кожи, поднялся к нам и занял свое место, потеснив барона Альбрехта. На скуле громадный кровоподтек, рассечена бровь, однако старый воин весел и бодр, у победителей, как известно, раны заживают быстрее.

— Красиво? — спросил он довольно. — Ставлю на молодого графа.

— Принимаю, — ответил Альбрехт. — Виконт Селингер разделает его, как Господь черепаху. Кстати, сэр Растер, граф все-таки вышел на поле...

Растер засопел, но вытащил из кармашка на поясе несколько золотых монет и сердито опустил в раскрытую ладонь нагло ухмыляющегося барона.

— Ладно-ладно... Посмотрите, как вашего виконта унесут...

— Он будет победителем!

— Королеву выберет граф, — отрезал Растер.

Я сказал сердито:

— Перестаньте! Вы мешаете мне получать удовольствие от этого... грохота. Я же должен получать удовлетворение, верно?

Семь раз со страшным грохотом граф Олдуудский и виконт Селингер сшибались на середине поля, кони устали, покрылись мылом, дрожали и отказывались идти вскачь.

На предложение сменить коней оба ответили отказом, герольд поинтересовался насчет пешей схватки, я видел, как оба кивнули и пошли к ожидающим их оруженосцам. Те уже держали широкие мечи, ибо длинные больше годны для конного боя. Виконту Селингеру надели на левую руку ромбический щит с довольно скромным рисунком, вручили меч, а граф Олдуудский вдвинул в ремни щита правую руку, то ли все-таки левша, то ли переученный левша, когда все умеет делать и делает правой, чтобы не вызывать насмешки окружающих, но левая остается чуточку сильнее и проворнее.

Такие особенно опасны оберукостью, а то, что граф решился взять на виду у всех меч в левую руку, говорит о многом.

Герольд посмотрел на меня, это же финальный поединок, пропустить нельзя, я милостиво кивнул, сохраняя полнейшую незаинтересованность на лице.

По сигналу боевых труб, от которых вскипает кровь, оба пошли навстречу один другому. Однакового роста, возраста, они и двигались синхронно, словно искусству пешей схватки их обучал один и тот же наставник.

— Интересный будет бой, — сказал барон Альбрехт заинтересованно. — Очень даже. И деньги сэра Растера будут моими.

Растер фыркнул.

— Граф побьет этого виконта.

— Ни за что!

— Могу добавить еще пару монет, — предложил Растер.

— Принимаю, — ответил барон незамедлительно. — Победит виконт. Он злее. И больше получит от поединка!

Растер хмыкнул, но смолчал, я не чувствовал в его словах обычного напора и уверенности, да и в голосе барона звучало некое сомнение в собственной оценке.

Оба противника начали бой осторожно, прощупывающими ударами, на трибунах сперва стояла мертвая тишина, затем пошли подбадривающие выкрики, но знатоки принялись азартно оценивать уровень мастерства, степень владения приемами, к ним прислушивались жадно и передавали их оценки дальше по рядам.

Солнце начало клониться к закату, воздух жаркий и душный, по рядам прошли разряженные важные пажи с подносами. Лорды благосклонно брали чаши и кубки с прохладительными напитками, а простой народ довольствовался глотками вина из захваченных из дома бурдюков.

С поля доносятся однообразные удары железа по железу. Под падающее лезвие меча всякий раз вовремя подставлен щит, иногда щит бьется о щит противника, на трибунах галдеж, знатоки подсчитывают, сколько ударов щитом по корпусу провел граф, а сколько виконт, закатное солнце красиво и грозно блещет на остриях широких мечей и на доспехах, оруженосцы с обеих сторон устали стоять в позах низкого старта, выпрямились и смотрят на схватку уже спокойнее.

Мои рыцари ворчали, жаждется чистой победы, но бой затягивается, уже второй час пошел, удары стали ре-

же. Оба дышат тяжело и хрипло, сами шатаются от богатырских замахов, все чаще промахиваются.

Наконец сэр Раster, хоть и большой любитель пеших поединков, бросил злой взгляд на барона Альбрехта.

— Сэр Ричард...

— Сэр Раster?

— Они молодые, — сказал он с неохотой. — Устают и... тут же отдыхают. Так драться могут до утра. А то и весь следующий день.

— Что предлагаешь?

— Объявить, — сказал он, — что бой длится до захода солнца. Если не будет чистой победы, проигравшего назовем по числу пропущенных ударов.

Я посмотрел по сторонам, барон перехватил мой во прощающий взгляд и нехотя кивнул.

— Этот конь в железе прав.

Я сказал нетерпеливо:

— Все!.. Объявите мою волю. Милостивую и все такое. Направленную в интересах человечества, мира и спокойствия всех участников турнира, будь они на поле, на трибунах или в кустах за пределами... Нет, это не надо, такое просто подразумевается.

После объявления герольда о новых правилах схватка сперва оживилась, звон металла послышался чаще, противники снова начали передвигаться по арене, а не просто тупо обмениваться ударами, однако солнце сползло к темному краю земли, коснулось, сплюснулось, как яичный желток на сковороде, очень медленно и неохотно продавливается в темноту, а на поле удары звучат все так же монотонно и ровно.

Я сказал с неохотой:

— Я согласен с вами, барон. Пора назвать победителя.

— Сделаете это сами? — поинтересовался он любезно.

Я сказал испуганно:

— Я что, сумасшедший? В таком важном деле, когда

обязательно обидишь болельщиков другой стороны, я стану брать на себя такой груз? Нет уж... а вы не хотите?

Он замотал головой.

— Ни в коем случае!

— Тогда соберем голоса присутствующих рыцарей, — сказал я. — К стыду своему, не могу точно сказать, кто показал себя лучше.

Растер прогудел:

— Я все-таки отдал бы свой голос графу Олдвудскому. Но, боюсь, во мне говорит больше солидарность...

— Солидарность? — переспросил я. — Вы тоже граф, сэр Растер? Чего не признаетесь?

Он пробормотал польщенно:

— Что, похож?.. Нет, но я поставил на графа, а если выйдет победителем, барон Альбрехт неделю мне будет чистить сапоги.

Еще четверть часа рыцари совещались, затем чаша весов склонилась на сторону графа Олдвудского, хотя и виконт отстал от него всего на один голос.

Сэр Растер, злорадно улыбаясь, похлопал себя по поясу. Барон Альбрехт, мрачный, как грозовая туча, морщился и кривился, но полез за монетами.

Я подумал, что чего-то недопонимаю: у них же эти монеты постоянно переходят туды-сюды, никто ничего не теряет на самом деле, чего такие кислые?

Под гром аплодисментов сэр Айсторн поехал вдоль ограды, везде ему кричали «ура», а когда завершил круг почета, я принял из рук сэра Жерара золотую корону, украшенную бриллиантами, и когда победитель остановился внизу, я поднял руки над головой, демонстрируя корону.

Снова ликующие вопли, гром аплодисментов, сэр Айсторн медленно наклонил копье, острие легло на барьер прямо передо мной. Я смотрел в его молодое и подернутое усталостью лицо, мелькнула шальная мысль, а нет ли у него желания сделать резкое движение рукой вперед,

чтобы копье с хрустом пробило мне грудь, а стальной конец рассек сердце...

Принужденно улыбаясь, я нацепил корону на кончик копья, он поклонился и так поехал дальше вдоль рядов, где женщины обещающие улыбаются, строят глазки, хихикают, смотрят кто с нежностью, кто с деланным равнодушием, кто вообще напускает на себя неприступный вид.

Самые признанные красавицы, о которых идет слава по всему Сен-Мари, дочери могущественнейших лордов, поглядывают друг на друга ревниво, сэр Айсторн едет все медленнее, я просто вижу, как он вдруг осознал, что, выбирай одну, тем самым обрекает себя на злословие со стороны всех остальных. Это вот последний миг в его жизни, когда все эти красавицы к нему относятся с любовью и нежностью, заглядывают в глаза и страстно хотят понравиться.

Он остановил коня вблизи от нас, слева от меня блестательная леди Розамунда, а дальше тот единственный вид цветника, на который так любят глязеть мужчины. На самом конце та скромница, которую он просил повязать на кончик его копья ленту.

Сейчас ей подруги что-то нашептывают в оба уха, она смущается, краснеет и наклоняет голову, а когда граф Олдвудский снова тронул коня, они оба продвинулись еще на несколько шагов и остановились прямо перед повязавшей ему ленту. Девушки застыли, как лягушата перед огромной страшной змеей, вытянули шеи и смотрят расширенными глазами.

Я покосился на блестательную Розамунду, она, как гордый лебедь среди серых уток, держится с королевским достоинством и смотрит на юного графа с приветливым безразличием.

Он медленно опустил копье. Затупленный за время боев кончик лег на барьер перед золотоволосой скромницей.

— Леди Хорнегильда, — произнес он громко, — про-

шь принять эту корону королевы турнира! Я, лорд Айсторн из Олдвуда, считал всегда и считаю ныне, что вы самая прекрасная из всех женщин, что создал Господь нам на радость и счастье!

Лица остальных женщин на минутку застыли, потом все начали принужденно улыбаться, заговорили между собой, зато простой народ, для которого все знатные женщины одинаковы, разразился ликующими воплями.

Сэр Раster сказал с сомнением:

— Эту я не знаю...

— Наверное, — предположил Альбрехт, — подруга детских игр.

— Хороший рыцарь, — сказал Арчибалд с одобрением. — Не стал подлашиватьсь к знатным семействам.

— И заслужил неудовольствие всех женщин.

Альбрехт возразил:

— Неудовольствия было бы больше, выбери он одну из наиболее знатных. А так сойдутся во мнении, что сэр Айсторн дурак и ничего не понимает.

Сэр Раster закряхтел, устраивая ушибленное тело в кресле, сказал задумчиво:

— Мне кажется, нашему сюзерену пора что-то делать.

— Что? — спросил я.

— Провести даму к ее mestу, — пояснил он. — Как хорошо, что они сами никуда не ходят!

— Слюньте, — посоветовал я. — Впрочем, если бы помогло, сам бы все заплевал.

— Какой вы пессимист! — упрекнул Альбрехт. — Разве можно все видеть в черном свете?

Зрители наблюдали, как я поднялся и, обойдя наши кресла, перешел на ту часть, которую дамы облюбовали под свою неприступную позицию. Никто не поднялся мне навстречу, не принято, я остановился перед леди Хорнегильдой.

Золотые волосы так плотно убранны под целомудренный платок, что взору открыто только милое светлое лицо. А на нем такие странные глаза, что я ощутил оторопь. Настолько светлые, что уже и не голубые или серые, а почти белые, в середине остро и пронизывающе горят черные зрачки, крохотные, как маковые зерна. Что-то предельно арийское, холодное и расчетливое в неженском взгляде, и хотя понимаю, нельзя по внешности судить о человеке, но судим же...

Ее подруги смотрят на меня хитрыми блестящими глазами, вот так в стае они все ужасно отважные, толкают Хорнегильду в бока с обеих сторон, а леди Розамунда широко улыбается, хотя вряд ли кто из всей массы верит в искренность ее улыбки.

Леди Хорнегильда поднялась и присела в низком поклоне.

— Ваша светлость...

— Леди Хорнегильда, — ответил я.

Она выпрямилась по шевелению моих пальцев, взгляд прям, но не бесхитростно... хотя и хитрости нет, но не спит странное чувство, что женщина с такими глазами не может быть простой хохотушкой и пустоголовой красавицей.

— Теперь наши кресла стоят рядом, — сказал я, — но надеюсь, не поддеремся, леди Хорнегильда.

Ее губы дрогнули в улыбке.

— Я мирный человек, ваша светлость.

— Я тоже, — сказал я. — Все время думаю, как бы еще кого умиротворить.

— Я об этом наслышана, — произнесла она кротко. — Сейчас вот думаю, достаточно ли далеко эти два кресла одно от другого.

— Зачем?

— Наслыщана, какой вы миротворец.

— Убежденный, — ответил я.

— Это и ужасно, — произнесла она, — можете зацепить... А можно мое кресло отодвинуть от вашего?

— Ого, — сказал я, — уже проявляете инициативу?.. Понимаю сэра Айсторна. Я лично тоже предпочитаю женщин с характером.

Она снова слегка присела в милом реверансе.

— Сэр Ричард, я польщена...

Сердце мое дрогнуло, леди Хорнегильда умеет быть очаровательной, заставил себя пробормотать:

— Вообще-то, будь чемпионом я, то, честно говоря, выбрал бы не вас, а вот эту вашу подругу... или вон ту... гм, а еще лучше бы оставил на прежнем месте леди Розамунду, но сейчас покоримся правилам и будем сидеть рядом, стараясь не убить друг друга, хорошо?

Она улыбнулась.

— Я согласна с вашей светлостью, моя ближайшая подруга гораздо красивее и лучше меня. Кстати, ее зовут Лилионна, у нее очень добрый характер... Но это только игра, сэр Ричард!

— Да, — сказал я.

— Но если вы против, сэр Ричард...

— Нет-нет, — сказал я поспешно, — как мы можем пойти против правил, которые я сам скрепил подписью? Будем сотрудничать, леди Хорнегильда.

Она сказала мило:

— И вообще злые языки поговаривают, что это вы сами и придумали эти правила...

— Какие люди злые! — сказал я печально. — Хотя слух для меня и лестен весьма. Вот так и начинают больше верить Богу, любить собак, искать спокойствия в природе, заниматься здоровьем.

Она посмотрела очень внимательно.

— Вы такой?

— Точно! — воскликнул я. — Только руки все не доходят. Вы не против, если я проведу вас к вашему трону?

— Окажите любезность, — ответила она.

— Почту за честь!

Она улыбнулась, дескать, так я и поверила, опустила пальцы на мою руку. Я медленно и торжественно повел ее по укрытым красным бархатом ступенькам к ожидающим нас креслам с высокими спинками.

Рыцари улыбались и хлопали в ладони, кто-то вскидывал кулак с оттопыренным кверху большим пальцем. Мы шли медленно, чуть ли не останавливаясь церемонно на каждом шаге, словно несем возлагать траурный венок на могилу Неизвестного Короля.

Леди Хорнегильда смотрит прямо перед собой, лицо спокойное и торжественное, в то же же время сохраняет странный оттенок несерьезности, дескать, да, мы очень-очень серьезны, но это же игра, так давайте же не будем нарушать ее правила.

Наверное, сэр Айсторн не такой уж и дурак, хотя и весьма могучий боец.

Леди Розамунда поднялась навстречу, прекрасная и царственная, обняла засмущавшуюся Хорнегильду, расцеловала в обе щеки и сама усадила в кресло.

Я ощущил облегчение, неприятный момент позади, а я все думал, как его обойти, с женщинами труднее проявлять свой крутой нрав: чем ты круче, тем большей сволочью себя чувствуешь.

— Леди Хорнегильда Хорнблоуэрская! — провозгласил герольд. — Объявлена королевой турнира!.. Ей выпала честь сидеть рядом с его светлостью майордомом и помочь ему в приемах...

Леди Хорнегильда наконец опустилась в кресло, лицо несколько напряженное, заученно и правильно отвечает на бурю восторгов, двигает над головой ладонью с растопыренными пальчиками, улыбается и снова улыбается мило и приветливо.

— Это еще что, — сказал я вполголоса, — а вот на пирах придется не только сидеть рядом со мной, но и улыбаться, слушая очень уж мужские разговоры!

Она мило улыбнулась.

— Сэр Ричард, у меня трое взрослых братьев.

— Ого, — сказал я, — тогда вас ничем не смутишь...

— Очень надеюсь на это, — сказала она. — Особенно после того, что наслушалась про вас.

Я спросил заинтересованно:

— А что обо мне говорят?

Она покачала головой.

— И после этого скажите, что не все мужчины одинаковы.

Бернард перестал бриться, еще когда мы ехали в Турнедо на поиски герцога Готфрида, а за время, пока я в Гандерсгейме составлял карту, вообще отпустил бороду. Объясняет, что ему теперь, как старому знакомому самого сэра Ричарда, нужно выглядеть солиднее, мудрее. Вот, например, когда поглаживает бороду вот так, то все смотрят и ждут почтительно мудрости. Когда теребит вот здесь, это показывает всем, что раздражен и с ним лучше не спорить. Но в любом случае наличие бороды дает возможность глубокомысленной паузы, когда можно успеть придумать достойный ответ, успеть продумывать, выбрать лучший вариант или же просто многозначительно помолчать, а эти дураки пусть предполагают каждый, что хочет.

Он объяснял мне эти премудрости вполголоса на пиру в честь турнира, сэр Раster постарался провести мероприятие на уровне, я отсидел на тронном кресле нужное время, а потом подсаживался к соратникам.

Бернард стесняется за столом среди знатных рыцарей, сэр Раster это заметил и взял его под личную опеку, да и я сел рядом и выслушивал его со всем вниманием, на которое был способен.

— Меняется, дорогой друг, — сказал я с удовольствием. — Это просто замечательно, Бернард!

— На вас равняюсь, — ответил он почтительно.

Я удивился:

— А где у меня борода?

— Вам ее заменяет лисий хвост, ваша светлость.

— Неужели, — спросил я обеспокоенно, — так заметно?

— Только мне, — заверил он. — Я знаю вас больше всех, сэр Ричард.

— Зови меня Диком, — напомнил я. — Это привилегия!

— Только не за столом, — ответил он. — И не в присутствии. Наедине — другое дело. Вы в самом деле собираетесь разделить Гандерсгейм между соратниками?

Я ответил тихо:

— А у тебя есть вариант лучше?.. Мне нужны там надежные люди на ключевых местах. И не только там. Что-то оставлю в руках местных лордов, какие-то вожди племен пойдут служить мне, но даже над ними нужен глаз да глаз. Так что, дорогой Бернард, быть тебе землевладельцем, охранять землю и укреплять ее границы. А также быть готовым выставить по первому же моему требованию хороший отряд из местных. Обучить, думаю, сумеешь.

Он чуть не поперхнулся вином, сэр Растер проходил мимо и дружески бухнул по его спине огромным кулаком.

— Я? — переспросил Бернард. — В землевладельцы?

— Почему нет? — спросил я. — Стал же я? А ты вот какой солидный... Тебе в императоры, не меньше. Но начнешь с малого, даю удел земли с десятком сел, выстроишь поместье и начнешь... ну да, хозяйствовать. Могу сразу взвести тебя в виконты.

— Нет-нет, — запротестовал он, — это слишком!

— Хорошо, — согласился я, — сделаем потом. Когда обживешься.

Растер хохотнул, похлопал по спине и по-хозяйски пошел вдоль стола, Бернард не отказался в общем, а значит, на одного из верных мне людей в лордах будет больше.

Пир к полуночи только разгорелся в полную силу, когда появился сэр Торрекс и тихохонько наклонился к моему уху.

— Сэр Ричард, на площади грандиозная драка...

Я спросил быстро:

— Что-то... необычное?

— Нет, — сообщил он, — драка как драка. Только дрались восемь армландцев с местными. Хотя точно никто не знает, сколько их было.

Я помрачнел.

— Что стражи?

— Стражи ничего поделать не могла, — пояснил он, — тогда я вызвал арбалетчиков и пообещал расстреливать всех, кто не подчинится. Простите, сэр Ричард, но я говорил от вашего имени.

Я кивнул.

— Все правильно, сэр Торрекс. В данных обстоятельствах «именем короля!» звучит, думаю, менее властно. И дальше действуйте без колебаний. Именем майордома!.. И что драчуны?

— Разбежались. Но пятеро армландцев ранены.

— Провести тщательное расследование, — велел я строго. — Кто-то, возможно, старается раскачать лодку. Местные гораздо умелее нас в интригах и подковерной борьбе. Ладно, тут пусть допировывают без меня, а мы навестим раненых, утешим, накажем, повесим, выясним...

Раненых оказалось больше, но все легкие, я не стал даже залечивать, а то слишком просто отдохнутся. Никто не мог рассказать вразумительно, из-за чего, вроде бы слово за слово, это привычно, но, с другой стороны, одно дело — простой мордобой, другое — массовая драка с применением оружия.

Когда я наконец вернулся, на востоке от края земли поднимался серый свет, а следом небосвод начал окрашиваться робким румянцем.

Сэр Жерар встретил меня у двери, на лице смущение, виновато развел руками.

— Сэр Ричард, винюсь...

— Что случилось?

— К вам женщина...

— Гони, — велел я.

— Она уже в вашем кабинете, — сказал он покаянным голосом.

— И вы не смогли остановить?

— Увы...

Я взялся за ручку двери.

— Кто? Неужели леди Хорнегильда оказалась такой резвой?

Он замотал головой.

— Нет, что вы...

Недослушав, я открыл дверь. В глубине кабинета за моим столом сидит леди Бабетта, волшебная и такая свеженькая, словно только что проснулась и приняла ванну из парного молока с лепестками роз.

— Ах, милый Ричард! — воскликнула она, нимало не смущаясь моего личного секретаря. — Я вас тут дожидаюсь уже час!.. У какой любовницы вы на этот раз?

Я сказал сэру Жерару с укором:

— Какая же это женщина? Это леди Бабетта!.. Ступайте.

Он поспешил исчез и плотно закрыл дверь. Бабетта вышла навстречу и обняла меня за шею, плотно прижавшись мягким горячим телом, влепила звучный поцелуй в губы, тут же отстранилась и сказала деловито:

— Я кое-что для вас принесла.

Я оглядел ее с головы до ног.

— Да, и это принесенное приводит меня в восторг.

Она весело рассмеялась:

— Спасибо. Но я имею в виду кое-какие важные для вас бумаги. Вот посмотрите внимательно.

Она расстелила на столешнице большой лист, исчер-

канный вдоль и поперек, наклонилась, ее пальчик пошел по первому столбцу.

— Вот взгляните... Интересно?

Я засмотрелся на глубокое декольте и аппетитные, такие нежные полуушария, выглядывающие из-за края.

— Очень, — сказал я искренне.

Она удивленно вскинула голову, засмеялась.

— Сэр Ричард! Я польщена, но вы не туда смотрите!..

— Простите, леди Бабетта, — пробормотал я. — Очень трудно смотреть именно на карту... Вы правы, здесь в самом деле интересные моменты... Это не выдумка?

Она покачала головой.

— Здесь только выводы, а вот дальше факты, на основании которых... И свидетельства ряда лордов, работников, крестьян, торговцев...

Я всматривался в подробнейшее перечисление действий герцога Ворквикирского, сэра Джонатана Меерлинга, ежился и стискивал челюсти. И хотя, как водится в таких делах, Бабетта тщательно и как можно беспристрастнее подбирала все «за» и «против», портрет герцога получался просто омерзительный. С моей точки зрения, ничего особенного, все политики и крупные чины идут по трупам, но если взглянуть глазами окружающих меня здесь людей, это просто редкостный мерзавец.

— Откуда сведения? — спросил я.

Она укоризненно нахмурила брови.

— Милый Ричард... Вы невинны, как дьявол в двухлетнем возрасте.

— Извини, — сказал я, — но почему не попробовать? Да, сволочь редкостная. Но представляю, что в досье на меня.

Она покачала головой.

— Настолько мало, что собранное не может быть правдой. А то, что есть, все со знаком плюс. Вы настолько хороши, что даже не знаю... И даже когда убивали кого, то

никогда в интересах собственной выгоды, как герцог Джонатан. А такие убийства убийствами не считаются.

— Ну да, — буркнул я, — простое устранение препятствий. А если во множественном числе, то зачистка. Знаем, проходили.

Она кивнула, глаза внимательные, я понял, что и эти слова истолкует, как случайное признание об окончании высшей политической школы убийств и строго взвешенного влияния на события в чужих королевствах.

— Герцог очень неглуп, — сказала она.

— Он мерзавец, — сказал я с отвращением.

— Это из другой категории, — напомнила она.

— Верно, — согласился я, — но вот мы здесь из другой.

— Мы?

— Мы, рыцари, — уточнил я. — В особенности армландцы. И частично брабандцы. Милая Бабетта, порядочность — это не блажь и не дурость, как может показаться чересчур... бунтарским натурам. Порядочность появилась для выживания общества! Непорядочный среди порядочных — червь, пожирающий спелый плод. Один-два на корзину с яблоками еще ничего, но когда червей слишком много, лучше куплю яблоки у другого садовника.

Она смотрела с тем же интересом, как всякий раз, когда я ее озадачивал неожиданным поворотом.

— А мы полагали, — сказала она, явно умышленно вместо «я» поставив «мы», — постараетесь поставить такого человека себе на службу.

— Запрещенные приемы потому так и называются, — объяснил я, — что ими пользоваться нельзя. Никому! Кроме меня, конечно.

— И как поступите с герцогом?

Я спросил с интересом:

— Он вам нужен?

Она покачала головой.

— Нет, но...

— Поступим по закону, — объяснил я. — Но без формальностей.

— Это как?

— Люди должны быть порядочными, — объяснил я. — Конечно, всех непорядочных не перебить, земля опустеет, но самых-самых отъявленных надо, надо... Чтобы заразу не распространяли воздушно-капельным. Спасибо за подробные сведения, милая Бабетта.

Она смотрела на меня во все глаза.

— А меня постоянно уверяли, — проговорила она медленно, — что вы очень молоды, сэр Ричард, и потому подвержены...

— Чему?

Она отмахнулась.

— Да всему, чем страдают молодые рыцари. Слишком идеалистичны, слишком верны слову, слишком... в общем, слишком хороши.

— И вот тут-то, — сказал я скромно, — они и обманулись.

Она покачала головой.

— Я просто не знаю... Вы какое-то странное переплетение, сэр Ричард. Как при такой идеалистичности можно быть таким изворотливым и жестоким?

— Положение обязывает, — объяснил я смиренно. — Полагаю, ваш император тоже не всегда... идеалистичен?

Она сказала с заминкой:

— Священную особу императора обсуждать не будем. Не принято. Скажите, сэр Ричард, вы лично возглавите войско в походе на Гандерсгейм?

Я удивился:

— А как же иначе?

— Да так... зная вашу непоседливость. Хорошо, я рада, что помогла вам. Все-таки не будьте слишком жестоки к герцогу! Это человек огромного ума и трудолюбия.

— Конечно, — заверил я, — конечно, милая Бабетта!

Она обняла и, прижавшись жаркой плотной грудью,

влепила огненный поцелуй в губы. Я хотел стиснуть ее и утащить в постель, но Бабетта засмеялась игриво и очень женственно:

— Нет-нет, у нас у обоих неотложные дела!

Я скатал в рулон лист после ее ухода, кликнул сэра Жерара. Он заглянул уже сонный, я подумал с раскаянием, что поступаю, как дядюшка Джо, что любил работать по ночам, и из-за такой прихоти все чиновники по ночам были начеку.

— Сэр Жерар, — сказал я, — отоспитесь хорошенько. И не корите себя за эту женщину. Это вообще-то не совсем женщина.

Он охнулся:

— Демон?

Я отмахнулся.

— Да они все демоны, если разобраться. Но оно нам надо, разбираться, что в них внутри?

— Спасибо, сэр Ричард!

— Не за что, — сказал я. — Идите спать.

— А вы?

— Немного прогуляюсь.

Мрачный стражник вздрогнул, вытянулся и бодро стукнул в землю тупым концом копья. Я прошел мимо, даже не бросив вельможное «вольно!», майордомы выше таких мелочей. Второй страж побежал вниз, грохоча сапогами по ступенькам, позвенел ключами, а когда я подошел, с усилием отворил тяжелую дубовую дверь, окованную для прочности железными полосами.

За мной поспешили двое заплечных дел мастеров, угрюмые и молчаливые мужики с кожаными фартуками на груди, что делает их похожими на кузнецов.

В подвале сырьо и холодно, на стенах гадко блестит плесень, в дальнем углу на охапке соломы скорчился крупный нечесаный человек. Уже не библейский бык, ис-

полненный моши, сейчас больше смахивает на раздобревшего крестьянина.

Он поднял голову, губы разбиты в кровь, на щеке ссадина, глаз наполовину заплыл, рубашка порвана. Видимо, здесь это считается жестокими пытками.

— Герцог, — сказал я холодно, — вы обвиняетесь в государственной измене. У вас только один шанс спасти шкуру! Назвать имена всех заговорщиков, рассказать подробно, кто располагает чем и какими силами. Кто их них готов выступить на вашей стороне, кто колеблется. Учите, ваши признания тщательно проверим и перепроверим, так что постарайтесь отвечать предельно правдиво.

Он прорычал злобно:

— Ничего вы не узнаете! А придет Кейдан, вздернет вас...

— Кейдан, — повторил я, — как грубо. Трудно ли назвать Его Величеством?

Он фыркнул:

— А зачем? Здесь его нет.

— Понятно, — сказал я. — Своего короля вы очень уважаете, это заметно. Все-таки советую назвать все имена, иначе будут применены... гм... словом, начнется допрос третьей степени.

Он буркнул настороженно:

— Что за...

Не отвечая, я заглянул в соседнюю комнату. Вдоль двух стен расположены орудия пыток, которые расписываются, как ужасные. Выглядят в самом деле устрашающе. Возможно, служат именно для того, чтобы виновный сразу дрогнул и во всем признался. Но герцогу их уже демонстрировали, а он, хоть и мерзавец, но человек отважный и стойкий.

Старший из палачей взял в руки огромные клещи. Судя по зубцам, предназначены вырывать куски мяса. Зре лище, конечно, ужасное, но любая кровопотеря ослабляет

чувствительность, этого не знают сии простые и простодушные дознаватели истины.

— Прикуйте к стене, — велел я.

Герцога подхватили под руки и потащили к стене. Он даже не вырывался, бережет силы, только смотрел с угрюмой ненавистью.

Двое взялись за цепи, я остановил:

— Погодите!.. Даже эти лохмотья не стоит пачкать кровью.

Ухмыляясь, с него сорвали одежду. Герцог перестал рычать и стал как будто меньше в объеме. Лишь женщинам прибавляет сил, когда с них мужчины срывают одежду, у них инстинктивная вера, что вид их обнаженного тела как-то смягчит или спасет, но раздетые насильно мужчины чувствуют стыд и унижение, для них любая одежда — те же доспехи.

— А вот теперь к стене, — сказал я.

Герцог вскинул голову, в глазах ненависть, стойкая сволочь, другой бы уже начал торговаться, чтобы продать своих подороже, получить земли и владения обратно.

Палач взял в руки кляещи, я остановил жестом.

— Нет-нет, мы же не звери, разве христиан радует вид пролитой крови? Начните с чего-нибудь попроще... Например, просто бейте вот по этому месту... Обыкновенным прутиком. Можно палкой. В конце концов, поленом. С перерывами... Давайте отдохнуть.

Палач посмотрел, положил кляещи на место и вытащил из кучи хвороста суковатую палку.

— Уже сегодня, — сказал он со злобной усмешкой, — станет непригодным для женитьбы.

— И детей больше не заведет, — добавил его помощник.

Герцог медленно бледнел, в глазах впервые появился страх. Помощник палача вытащил из той же кучи длинную хворостину, с задумчивым видом попробовал ее на гибкость. Герцог вздрогнул и дернулся, цепи зазвенели.

Палач уставился на его гениталии, улыбка стала шире, как у голодного крокодила, а пальцы крепче сжали палку.

Я направился к выходу, бросив через плечо:

— Не забывайте давать передышку. Пусть висит и представляет, как вот-вот снова получит порцию счастья. Ожидание пытки — худшая из пыток. Это, как говорят знатоки, четвертая степень.

На другой день примчавшийся слуга сообщил торопливо, что схваченный преступник умоляет, чтобы его выслушали и приняли последнюю исповедь.

— Хорошо, — сказал я. — Я сам ее приму.

— Он просил священника...

— Будет ему священник, — пообещал я. — Еще как будет.

— Но...

— Я паладин, — оборвал я. — Имею право.

Герцог висит на цепях, как тряпичная кукла. Я старался не смотреть на те синие, до черноты раздутые места, куда палачи направляли удары, сказал с ходу:

— Итак, давайте поставим все на свои места. Вы желали поднять мятеж вовсе не ради верности королю Кейдану.

Он прохрипел:

— Да...

— Что вы хотели?

— Мечтал отделить свои земли, — проговорил он с трудом. — Добился же герцог Готфрид независимости.

— Автономии, — поправил я. — Из Сен-Мари он выходить не собирался. Ладно, это была у вас ширма. А каковы планы на самом деле?

Он вскинул голову и посмотрел на меня взглядом затравленного зверя.

— Автономии, — сказал он хрипло. — Я собирался поднять народ на борьбу с вами, захватчиками, но мои

лорды знали, что вы для меня даже лучший противник, чем Кейдан. Ему они присягали, а вам нет!

Я кивнул.

— Хороший ход. Двойной, с вывертом. И только ваши самые доверенные лица знали, что и это ширма. На самом деле вы, герцог Ворквикширский, сэр Джонатан Меерлинг — последний из древней династии Горных Королей, самой первой, что образовалась здесь после заселения... Потом, когда ее свергли, потомки долгое время прятались по лесам, но смирились, отказались от планов снова вернуться к власти, многие сменили имена, чтобы не менять свою налаженную жизнь. Но в какой-то дальней веточке об этом помнили и напоминали детям о некогда утерянной власти.

Он смотрел угрюмо, со злостью проигравшего битву, молчал, наконец уставился в пол.

— Это домыслы...

— Так ли? — спросил я. — Захват власти нельзя осуществить в одиночку, но даже самые верные склонны распускать языки, верно? Кто-то спьяну намекнул, что служит более великому человеку, чем Его Величество Кейдан, кто-то туманно обронил, что скоро трон займет человек более достойный, чем ничтожество Кейдан или этот иноземный захватчик... а некто собрал слухи воедино, и картина стала яснее.

Он взглянул на меня исподлобья.

— Значит, отсюда уже не выйду? Полагаете, я опаснее Кейдана?

— Я с Кейданом за трон не воюю, — ответил я. — Это вы все тут помешаны на борьбе за престол. Интриги, перевороты, выдвижение липовых наследников... Пауки в банке! В такой борьбе нет хороших и плохих. Под какими бы благородными лозунгами ни пытались сместь одно-го короля и усадить другого — все мерзость. Нет хороших королей и нет плохих — все дрянь. Но вы намного хуже Кейдана.

Он шевельнулся, его перекосило от дикой боли. Переждав минуту, просипел едва слышно:

— Почему?

— Он весь, как на ладони, — сказал я терпеливо, — а вы рядитесь в чистое. Но ни одного слова правды.

Он сказал отчаянным голосом:

— Но и вы солгали.

— В чем?

— Да хотя бы как захватили меня в плен! Разве это была не ложь, сказать, что всего лишь из-за жалобы соседа?

— Есть разница, — отрезал я.

Он сказал зло:

— Да? Потому что это вы? Вам можно, а мне почему-то нет?.. А где справедливость, о которой говорите?

Я хотел было махнуть молча, чтобы оттащили в сторону и удавили, не стоит даже объяснять, но мазнул взглядом по каменным лицам палачей, да и оба стражи в пределах слышимости, все это мои люди и должны знать мою позицию, чтобы разделять ее, а не просто подчиняться.

— Ты, — сказал я со злостью, что приходится объяснять и оправдываться, но это необходимо, если я в самом деле начинаю строить демократическое общество, — ты, тварь и сволочь, лгал и подличал, чтобы прорваться к власти из той глупши, где ты жил, топил друзей, предавал близких, пробился... отдаю должное, это непросто, а затем правдами и неправдами обрастил владениями, землями, влиятельными друзьями... чаще — неправдами. Теперь вот решил, что пришло время для последнего прыжка к трону... А почему солгал я?

Он висел на стене, уронив голову, но я видел, что слушают меня все, я почти ору, задело за живое, я им всего себя, а тут такие обвинения, что по форме вообще-то, если не слишком всматриваться, тоже ложь и вероломство.

— С алхимиками я лгал, — выкрикнул я, — чтобы спасти этим людям жизнь!.. Господь гласит, что ложь во

спасение — не ложь, даже если спасаешь свою шкуру, а я спасал жизнь посторонних людей от костра — это вообще благое дело!.. Да, я велел убить одного из мятежников без всякого суда, тайно, но тем самым я спас сотни жизней благородных людей с обеих сторон конфликта, которые наверняка погибли бы в такой межклановой резне!..

Они слушали внимательно, лица серьезнели, в глазах появляется новое выражение. Этот язык понятен даже стражам, им первым пришлось бы вступить в бой и погибнуть, когда ворвется толпа разъяренных людей с оружием в руках.

— Что еще? — заорал я. — Я солгал одному, я обманул другого, третьего... Но всякий раз выигрывало королевство, выигрывал народ!.. А когда лгал ты, то выигрывал только ты один, а проигрывали многие!.. И да будешь не казнен мечом, как положено, а удавлен в петле прямо в этом подвале!

Я быстро вышел, чтобы не слышать его предсмертного хрипа. Всего трясет от злости, а в груди недоброе ощущение, что просто воспользовался силой и убрал опасного конкурента. Все-таки для того, чтобы добиться того, чего он достиг, приобрести столько сторонников, обрести такой вес в обществе, для этого надо иметь стальную волю, изворотливый ум, лисью хитрость, предельную работоспособность и постоянно держать перед собой четко определенную цель, не отвлекаясь ни на какие соблазны.

Понятно, почему леди Бабетта рекомендовала его привлечь на свою сторону. Но я все-таки не настолько политик. Или не целиком политик, я еще и рыцарь.

За окном странный рассеянный свет, словно луна стала втрое крупнее. Бледный с зеленоватым оттенком, я ощутил холод и удивился, первая половина ночи почти такая же душная и жаркая, как и день... затем холод впился острыми иглами, я успел подумать, что холод возник

внутри меня, а воздух все еще теплый, инстинктивно отшатнулся и отпрыгнул в сторону под защиту стены.

Сквозь комнату пронеслось нечто светящееся зеленым, ударились в каменную стену напротив. Я услышал неприятный хлопок, словно кто-то с силой швырнул большой ком мокрой глины. На камнях расплылось пятно грязно-изумрудного цвета, начало стекать, но постепенно втянулось в щели и пропало из виду.

Дверь распахнулась, вбежали два стражника с обнаженными мечами наготове.

— Ваша светлость?

— Тоже почуяли? — спросил я. — Да, какая-то гадость прошила весь дворец насквозь, словно он из дыма. Но вы вряд ли чем поможете, так что топайте на пост.

Они поспешили исчезнуть, я долго щупал камни, пытаясь заглянуть в щели, но, похоже, эта странная субстанция в самом деле пошла по прямой дальше.

Даже не уверен, что кто-то целился именно в меня.

Ложиться уже не стал, на востоке разгорается зарево рассвета, слишком насыщенное багровыми тонами, больше похожее на закат. Две большие чашки крепкого кофе, сладкого и горячего, встряхнули, по мозгам словно прошлись мокрой тряпкой, убрав пыль, я зарычал, передернул плечами, будто перед схваткой, осторожно приоткрыл дверь и выглянул в щелку.

Придворные, зевая и потирая глаза, тянулись к моим покоям, там сэр Жерар позволит им войти и присутствовать при туалете майордома. Пока даже он не знает, что их сюзерена там нет...

В самом зале народ постепенно прибывает, сбиваются в кучки, справляются о здоровье, беседуют, обмениваются сплетнями. Дворец для них что-то вроде лавочек возле домов или элитарного клуба, куда можно прийти поотдыхиваться среди себе подобных.

Отдельно кучкуются женщины, в числе первых яви-

лась леди Хорнегильда, ее поздравляют, целуют, обнимают и, как мне кажется, стараются втереться в подруги.

Она все еще держится неуверенно, хотя в прошлый раз сумела собраться и отвечала мне довольно живо, демонстрируя те качества, которые я предпочитаю видеть: живой ум, независимость, сметливость...

Сэр Жерар открыл дверь моих покоев и скрылся за нею, я решил, что после этого все могут припереться уже сюда, в кабинет, вышел сам. Придворные тут же повернулись в мою сторону и застыли в церемониально-танцевальных поклонах.

Леди Хорнегильда присела в реверансе, с утра бледна, словно вампирша, лишь на скулах легкий аристократический румянец, да еще не могу оторвать взгляда от этих странных глаз, слишком прозрачные, у меня всякий раз по спине мурашки. Зрачки совсем крохотные, словно радижную оболочку прокололи тонкой иглой, а там в глубине вечная звездная ночь.

— Леди Хорнегильда, — сказал я.

— Ваша светлость...

— Следуйте со мной, — велел я.

Она послушно выпрямилась.

— Как прикажете, мой лорд.

— Святые слова, — сказал я с чувством. — Их больше всего любят слышать мужчины от женщин.

Она шла рядом, бросая на меня осторожные взгляды.

— Рада, — сказала она осторожно, — что угодила вашей светлости...

— Я тоже рад, — сказал я деревянным голосом, — что вы выглядите. Ага, выглядите очень хорошо. Чувствуется, что отоспались, как целое стадо кабанов.

Она взглянула быстро и немножко трусливо, еще не знает, какой линии поведения придерживаться, но если майордом изволит острить в грубой мужской манере, то надо, видимо, соответствовать или как-то поддерживать разговор, и она ответила жеманно-светским голосом:

— Фи... Я во сне летала среди огромных цветов, было так хорошо, потом появились вы, сэр Ричард...

— Ого, — сказал я с удовольствием, — и чем мы немедленно занялись?

— Ничем, — отрезала она. — Я сразу же с криком проснулась. Кошмар какой-то! Вы хоть ночью от меня можете отлипнуть?

Я пробормотал в духе легкой пикировки:

— Да я вроде бы и днем не очень-то пристаю...

— Так то днем, — заявила она гневно, уже входя в роль. — Вы хитрый! Днем я могу дать сдачи, так вы начали появляться среди сна, когда я вся разосплюсь, уже тепленькая и такая податливая, что сама себе удивляюсь...

— Тепленькая, — согласился я, — совсем хорошо. Я это люблю! И что, мы так и ни разу...

Он бросила на меня злобный взгляд.

— А вы что, сами ничего не помните?

— Да ночью все помню, — пожаловался я, — но просыпаюсь, все как рукой снимает. Сразу политика, экономика, инвестиции, долгосрочное планирование...

Она смотрела с недоверием и обидой.

— Врете! Все мужчины врут.

— Я не просто мужчина, — подчеркнул я, — а майор-дом! Это значит, мне врать просто положено в интересах нации и суверенитета. Это даже не вранье...

— А что?

— Политика, — объяснил я, — высокая политика.

Она кивнула, лицо без всякого перехода стало серьезным, а глаза внимательными.

— Сэр Ричард, — произнесла она совсем другим голосом, — а у вас непростая жизнь.

— Я сам непростой, — ответил я галантно. — Жаль оставлять вас, милая леди, но, увы, труба зовет. В смысле долг. Вроде бы и не занимал ни у кого, а вот должен. Страшно подумать, всем должен! Прямо с момента рождения.

Она легонько улыбнулась.

— Это называется первородным грехом.

Я кивнул, эта леди осваивается довольно быстро, другая бы пару недель робела или подлашивалась, а эта сразу старается соответствовать нормам, какими их себе представляет.

— Следите за событиями, — напомнил я. — Как только какой прием, вы должны сидеть рядом!.. Или встреча с важными лицами в официальной или полуофициальной обстановке.

Она остановилась, правильно понимая ситуацию, в этот момент из покоя выскочил, как ошпаренный, сэр Жерар, увидел меня и заспешил навстречу рассерженный настолько, что я поспешил выставить перед собой ладони.

— Сэр Жерар, я же отец народа и должен о вас всех, свиньи такие, заботиться. Для меня ночь без сна — плевое дело. Так что не надо... Какие новости?

Он буркнул:

— Отец Тибериус прислал сообщение, что все рельсы уложили.

— Все?

— Те, — уточнил он, — которые вы им выдали.

— Отлично, — сказал я. — Чем сейчас заняты?

— Подготавливают дорогу для укладки шпал, — ответил он, — но теперь у них появились какие-странные идеи...

Я насторожился.

— Что именно?

Он понизил голос:

— Спрашивает, не могли бы вы как-нибудь открыть те врата и дать возможность взять еще одну тележку. Дескать, проверили бы заодно, как они бегают по свежеуложенным с новым грузом.

Я сказал торопливо:

— Все верно, это надо обговорить в кабинете. Пойдемте.

Он сам отворил передо мной дверь кабинета, я прошел к своему креслу, сэр Жерар молча ждал, я пробормотал:

— Даже не знаю, что и отвечать... Ладно, там решу на месте.

Он сказал с легким укором:

— Снова? Вы недавно оттуда!

— Одним разом не отделаться, — сказал я невесело. — Сразу два таких дела начал... Только сейчас начинаю понимать, точно пуп надорву. А хребет уже сейчас трещит.

— Поручите кому-нибудь.

Я посмотрел на него с интересом. Он ждет неподвижный и очень серьезный, на лице нет и намека на шутку.

— Да? Это мысль. К примеру, сэру Раsterу. Он загружен меньше всех. Годится?

Он сказал обстоятельно:

— Сэр Раster вряд ли подойдет, а вот...

Я ждал, глядя, как он двигает складками на лбу и щеках, а когда вздохнул и развел руками, я сказал без злорадства:

— То-то. При таком кадровом голоде и мотаюсь по стране, как... уж и не знаю что. Ладно, мелкие вопросы решайте сами, крупные отложите до моего возвращения. Вообще-то я одна нога здесь, другая — там. Не успеете сказать «как хорошо, что его черти унесли», уже вернусь. Всем вам, конечно, на радость.

Он спросил настороженно:

— А Куно?

— Что Куно? У него своей работы выше крыши и флюгера на ней. А я, чтобы не откладывать в долгий ящик, прямо сейчас и смотаюсь по-быстрому к Тоннелю и обратно.

Он посмотрел почти с ужасом, я вспомнил, какая это вообще-то долгая и трудная дорога для тех, кто не разжился зайчиками, прикусил язык.

— Хорошо, — сказал он с неуверенностью, — я постараюсь, конечно...

За нами сразу устремилась целая толпа, моя свита, а я до сих пор не знаю всех, мы прошли три зала, остался последний, дальше за дверью солнечный день и свежий воздух, но предостерегающий холодок пробежал по моему телу и пропал, оставив шерсть на руках вздыбленной, а кожу в пупырышках.

Я замедлил шаг, разом задействовав тепловое и запаховое зрение, затошнило резко, зато увидел, как дальняя стена вспыхнула зеленым пламенем.

— Все на пол! — заорал я.

Из стены, как призрак, выметнулось, не повредив камней, нечто черное, заостренное, размером с обугленное бревно, я успел дернуться в сторону, и оно пронеслось мимо, задев левое плечо.

Рука моментально онемела, превратившись в кусок льда. Я как можно быстрее повернулся, черный демон описал полукруг над упавшими в ужасе людьми и ринулся на меня снова.

Я ухватился за рукоять меча, дурацкий жест, сам вижу, не успеваю, да и что простая сталь против разъяренного демона, зубы стучат, дикий холод пронзил меня с головы до ног...

...Я слышал крик, грохот, перед глазами вспыхивали красные огни. Мраморный пол с силой ударил по мне плашмя, мелькали ноги, я смутно ощутил, что еще жив, и с трудом поднялся.

В центре зала брызжет во все стороны длинными шипящими искрами оранжевый шар, а внутри бешено вертится это черное, расплываясь туманом. Придворные, как бросились на пол, так и остались там. Лишь немногие решились поднять головы, в глазах ужас, женщины визжат, мужчины крестятся, подбежавшие стражи выставили перед собой копья, но подойти никто не решился.

Я с мечом в руке ошалело огляделся. Сэр Жерар с кровавой ссадиной на скуле прокричал мне:

— Вот он! Он метнул копье!

Я глупо огляделся по сторонам.

— Кто?

Он ухватил меня за плечо и повернул лицом к стене. Там у входа две бронзовые статуи воинов в древних доспехах. Они всегда там стояли, я не обращал внимания, но сейчас сразу понял, что у одного из руки копье, больше похожее на пику, как я заметил еще в первый раз, исчезло.

— Он? — переспросил я потрясенно. — Бронзовый?

Оранжевый шар все уменьшался, уже размером с барана, с тыкву, наконец, сжался до ореха, вспыхнул напоследок и рассыпался по мраморным плитам мелкими искрами.

Сэр Жерар сказал громко, перекрывая мощным, как у глашатая, голосом крики придворных:

— Тихо-тихо!.. Все кончилось!.. Никто не в силах навредить нашему майордому!.. Сэр Ричард?

— Да-да, — сказал я поспешно, — продолжим. Ничто не остановит... на победном... ага...

Ноги трясутся, я не чувствовал пола, у выхода нас догнали запыхавшиеся Арчибалд и барон Торрекс. Оба пошли с боков, загораживая своими телами.

Барон Торрекс спросил поспешно:

— Это в самом деле бронзовый убил демона?

Сэр Жерар огрызнулся:

— Вы же начальник охраны и не видели?

— Я проверял караулы на втором этаже, — возразил Торрекс.

— Он, — ответил я. — А копье сгорело.

Мы вышли из дворца, здесь тишина, никто не знает, что внутри случилось нечто необычное. Торрекс посмотрел по сторонам и сказал деловитым голосом:

— Надо дать ему другое!..

— У него было волшебное, — напомнил сэр Жерар.

Арчибалльд пробормотал:

— А чего он даже ухом не повел, когда на вас бросились те тупые заговорщики?

Торрекс тоже нахмурился, а сэр Жерар предположил:

— Его натаскали драться именно с демонами.

Сэр Торрекс сказал с достоинством:

— У меня рыцари часто слезают с коней и дерутся пешими, как и простые ратники!

— Но луки не возьмут, — сказал Арчибалльд со злорадством. — А вот ратники — да...

— Так то луки, — сердито сказал Торрекс. — Это уж чересчур... Хотя согласен, вашу точку зрения принимаю и на дуэль вызывать на стану.

Я распорядился:

— Все-таки надо порасспрашивать наших алхимиков. Может быть, удастся найти еще такое же копье? Может быть, оно было ему дорого...

Торрекс пробормотал:

— Тогда, может быть, и меч дать... на всякий случай?

— И в доспехи нарядить, — подсказал Арчибалльд.

Я сказал сердито:

— Не ерничайте! Он, можно сказать, мою шкуру спас.

Сэр Жерар сказал задумчиво:

— А вдруг убил не того?

Торрекс возразил:

— Но демон бросился на сэра Ричарда!

— А с какой целью? — спросил сэр Жерар. — Может быть, хотел спросить, где наш сюзерен такие штаны купил? Или собирался сказать, где лежит куча золота? Не-е-ет, мы всегда спешим.

Они шли за мной и по бокам, даже не спрашивая, куда я направился, самые удобные подданные для любого правителя, а я увидел громаду собора и ускорил шаг.

За спиной послышались шаги бегущего человека. Все разом ухватились за рукояти мечей, но нас догонял бледный и взволнованный барон Альбрехт.

— Я услышал, — сказал он, задыхаясь от быстрого бега, — сперва не поверил... потом вспомнил, что дело касалось сэра Ричарда... а это значит... ожидать можно еще и не такого...

— Слюньте, — посоветовал Арчибалд.

Торрекс озабоченно покачал головой.

— Дорогой барон, я прошу вас провести тщательнейшее расследование. Кто, почему, как сумели... Потрясите колдунов и магов.

Альбрехт поморщился.

— Дорогой друг, вы же понимаете... Помимо магов, мог кто-то из придворных. Мы же не проверяем, у кого какие амулеты?.. Хорошо, тут защита многоуровневая. И сэра Ричарда, как я понял, нечто уже приняло под защиту этих стен. Пусть еще не во всем, но все же... Вы правы, сэр Ричард, не стоит вам уходить из дворца! Похоже, он уже начинает вас считать владельцем и берется защищать.

— Кто? Воин?

— Нет, дворец.

Я отмахнулся.

— Думаю, он настроен защищать короля.

Барон посмотрел на меня холодно.

— Дворец из камня, а значит, дурак. Он мог решить, что король — вы. Что с дурака возьмешь?

Мы подошли к воротам собора, я приготовился постучать, но они распахнулись, навстречу торопливо вышел отец Дитрих. Его озабоченное лицо просияло.

— Ох, сэр Ричард... все в порядке?

— А что могло? — спросил я.

Он вздохнул.

— Наши отцы ощутили, как нечто злое и бесконечно сильное пронеслось над городом и пропало за стенами королевского дворца. Хоть и поздно, я хотел предупредить.

Я сказал бодро:

— Уже справились, отец Дитрих.

— Господь вас хранит! — сказал он с чувством.

— Да, — согласился я. — Даже руками языческих божков.

Он перекрестился.

— Но ведь все создано Господом, не так ли? Заходи, сын мой. Я вижу, ты в смятении.

Я оглянулся, лорды смотрят выжидающие, на лицах готовность идти за мной хоть в ад, не только в церковь.

— Подождите здесь, — велел я.

Барон Торрекс сказал решительно:

— Ваша светлость! Эскорт должен быть отныне всегда...

Я повысил голос:

— Много он помог только что? Ждите!.. Или топайте по своим делам! Вам что, совсем делать нечего?

Они склонили головы, я ощущал, что перегнул, накричал на верных соратников, но лишь повернулся и пошел в собор, а за спиной слышался тихий говор и шевеление, как всегда, когда все осторожно посматривают друг на друга.

Я едва удержался от желания хлопнуть погромче дверью, но и здесь их открывают передо мной заблаговременно, а потом закрывают. Разница лишь в том, что часовые не кланяются, в отличие от придворных.

Отец Дитрих шел рядом, в соборе народу немного, но все кланялись, к отцу Дитриху то и дело обращались с просьбой благословить, иногда выставляли вперед детей, Великий Инквизитор их осенял крестом с особенной охотой.

Пройдя большой зал, где будут стоять стройные ряды кресел, мы оказались у стены, где среди вырезанных из дерева статуй святых добавилось изображение Марии Магдалины. Свежее, недавно выструганное, пахнет лаком и недавно снятой стружкой, а само дерево еще не удалось искусственно состарить, чтобы не выделялось из длинного ряда мужчин.

— Намек на исправившуюся блудницу? — спросил я.
Он покачал головой.

— Скорее, чисто житейское. Женщины должны видеть, что церковь их чтит так же, как и мужчин. Вообще, сын мой, в отношении их пока много неправедного. Церковь старается это поправить.

— В смысле?

Он пояснил кротко:

— Женщина — первое человеческое существо, попавшее в рабство. Женщина стала рабой еще тогда, когда рабов не существовало. Но церковь медленно поворачивает громоздкий корабль человеческого мнения в правильную сторону.

Я удивился:

— Церковь? А я думал... гм...

Он кивнул.

— Отцы церкви смотрели дальше нас. Святой Августин изрек: если бы Бог назначил женщину быть господской мужчине, он сотворил бы из головы, если бы — рабой, то сотворил бы из ноги; но так как назначил быть подругой и равной мужчине, то сотворил из ребра. Так что, сэр Ричард, нравится нам это или нет, но церковь уготовила в будущем женщине те же права, что и мужчине.

Я покрутил головой, сказал озабоченно:

— А про обязанности святой Августин ничего не говорил? А то женщины за права ухватятся охотно, эти лисы ничего из рук не упустят, но обязанности брать на себя не восхотят.

Он развел руками.

— Привыкнут. Возьмут. Никуда не денутся. Прав без обязанностей не бывает.

— Жуткое будущее рисуете, — сказал я. — Не могу даже представить такой страх. Ишь, равные права... Как? Обращаться с нею надо с крайней осторожностью, так как Господь сделал ее из кривого ребра. Не сумел или не захо-

тел создать ее прямее, так что если захочешь выпрямить — поломается, а оставишь в покое...

Отец Дитрих вздохнул и закончил:

— ...станет еще кривее. Ты пришел, сын мой, сказать что-то тревожное о положении в Геннегау?

— Во всем королевстве, — уточнил я. — У меня странное ощущение, что активизировались некие силы... возможно, даже противоположные, с нашим приходом сюда. Плюс приманка в виде Тоннеля в северные королевства. Я хочу съездить в Тараксон и посмотреть, как там продвигается строительство порта.

— А Гандергейм?

Я скривился.

— Что мне все напоминают об этом маркизате? Там ждет не одиночное сражение, а длительное выдавливание противника с его мест, строительство крепостей и новые осторожные наступления... пока не прижмем последних защитников к Хребту или не загоним по ноздри в океан. Войска выступят не раньше, чем через неделю, а до первых соприкосновений с противником пройдет еще две.

— Если не больше, — согласился он. — Но все же не разбрасывайся, сын мой. Твои силы тоже не бесконечны.

— Не разбрасываюсь, — сказал я тоскливо. — Меня просто разрывает жажда все успеть и везде быть одновременно. Что делать, я слаб.

Он вскинул брови в безмерном удивлении.

— Почему так решил?

— Потому что это слабость.

Он покачал головой.

— У слабого нет слабостей. Слабости — качество сильных.

Из собора я вышел, заручившись обещанием отца Дитриха и с его стороны присматривать за ситуацией в Геннегау, а то энергичные лорды наломают не только дров.

Меня ждали, я заверил, что все благополучно, добав-

вочные меры по безопасности приняты, церковь отныне тоже на страже, возвращайтесь к делам, хватит пировать.

Барон Альбрехт вздохнул:

— Боже мой, я уже и забыл, какое оно вино на вкус!

Я покосился в его сторону с неодобрением.

— Эгоист.

Арчибалд посмотрел на барона, потом на меня, спросил с опаской:

— А... почему... эгоист?

— Вместо «Отче наш», — пояснил я, — говорит «Боже мой»!

Они шли со мной, кто сзади, прикрывая собой со спины, кто по бокам, Арчибалд снова покосился на барона Альбрехта, что и ухом не повел на мое обвинение.

— А что потом? — спросил он осторожно. — После Гандерсгейма?.. Вы так и намерены довольствоваться временными королевами... турнира?

Я покал плечами.

— Я заглядываю далеко во всем... кроме личных дел. Не знаю. Возможно, по возвращении даже женюсь. А то все только об этом и говорите. Так подталкиваете, будто иначе мир рухнет.

Он покосился на молчаливых лордов, идут собранные, поглядывают искоса, но вроде бы поддерживают, такое чувствуется.

— На вас возлагают, — сказал он еще осторожнее, — большие надежды. Немалые. А это обязывает не только их, но и вас.

— В смысле?

— Чтобы удержать достигнутое, — пояснил он, — вам просто необходим наследник. Простите, сэр Ричард, но так поговаривают даже сенмарицы.

Я изумился:

— Майордомство не передается по наследству!

— Майордомство не передается, — согласился он.

— Что вы хотите сказать? — спросил я настороженно.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Большинство наших лордов уверены... да и местные так думают, как я уже сказал, что власть из ваших рук не вырвать. И королем все-таки станете.

— Ого, — сказал я, — ого-го.

Он снова быстро взглянул на других за поддержкой, все промолчали, только барон Альбрехт пояснил негромко:

— Сэр Ричард, только не говорите, что вы сами не думали о таком. Никто не поверит.

— Разочарую?

— Еще как. И не только меня.

Я сказал нехотя:

— Барон, вы меня удивляете. Конечно, подумывал. И не раз. Но от мыслей... а это больше грэзы, чем мысли, до воплощения в жизнь... гм... такая дистанция, никакой конь не перепрыгнет.

Он кивнул, лицо довольное, даже складки на лбу чуть разгладились. Чуть прибавил шаг, я иду все быстрее, будто стараюсь убежать от неприятных вопросов, сказал поспешно:

— Хорошо, что подумывали... и хорошо, что понимаете, какие на этом пути сложности. А сложностей старайтесь избегать не только вы, так что вас понимаю. Есть кто-то на примете?

Арчибалд с облегчением приотстал в арьергард, еще рано вести щекотливые разговоры с сюзереном, Альбрехт старался не отставать.

Я взглянул с удивлением.

— Барон... мы говорим пока только о возможности! Я всего лишь примиряюсь с мыслью о неизбежности женисьбы, но это не значит, что вот прямо щас суну голову в петлю!

Он примирительно выставил перед собой ладони.

— Никто от вас этого и не требует. Просто беспокойство лордов... или скажем мягче, заинтересованность, по-

нять можно. Будете брать из местной знати?.. Или вспомните кого-нибудь из Армландии?

Я покачал головой.

— Будем смотреть вперед. В Армландии у меня никого.

Он помолчал, голос его прозвучал совсем тихо:

— Все помнят, у вас было что-то с леди Беатрисой... Говорят даже о великой любви. Или сейчас осталась только... теплая дружба?

Я сцепил зубы, нахлынула сладкая боль, с трудом ответил:

— Любовь не пятнают дружбой. Конец есть конец.

Часть 2

Глава 1

3

айчик радостно ржанул, когда я появился в дверях конюшни, Бобик ворвался следом и принял торопливо уверять тупое копытное, что это он уговорил меня на дальнюю прогулку.

Я похлопал арбогастра по шее.

— Едем. К тому же — быстро!..

Он в нетерпении переступил с ноги на ногу, мчаться быстро любит не меньше меня, Бобик завизжал и, брякнувшись на спину, повозился так, размахивая лапами в воздухе.

Лук Арианта за плечами, в мешке малый арбалет и доспехи, стараюсь не таскать на себе все это железо без особой надобности, выгляжу и без него внушительно, кожаный пояс с кармашками и кинжалом, широкая перевязь, на которой красиво укращенные золотыми накладками ножны, оттуда торчит рукоять меча из метеоритного железа, самый лучший, что отыскал в королевской оружейной, хотя и не то, что у меня было. Было, да сплыло.

Я вскочил в седло.

— Зайчик, сумеешь обогнать этого толстозадого?

Дорога от Геннегау в сторону Тоннеля идет ровная, как я и велел, хотя иногда понижается, бывает заметен подъем, но это ерунда, зато абсолютно нет крутых поворотов, какие обычны на любой дороге, что огибают не только препятствия, но и вообще неизвестно что.

Миль за сорок до Тоннеля начали попадаться рабочие, укладывающие под надзором монахов шпалы. Я велел Зайчику сбросить скорость и всматривался в дорогу, а как только там характерно блеснуло металлом, Зайчик сам перешел на простой галоп.

В глаза бросилась платформа на крайних рельсах, дальше только шпалы. Рабочие забрасывают на нее лопаты, кирки, молоты и штопки. Пара молодых и озорных запрыгнули тоже и делают вид, что будут держать все хозяйство, чтоб не рассыпалось, когда остальные упрутся и погонят ее в Тоннель.

Отец Тибериус заспешил навстречу, осенил крестным знамением, я тоже перекрестился, мы же на виду простого народа, надо являть, а отец Богидерий заговорил возбужденно:

— Это просто чудо!.. Наши лоботрясы, которых и в хорошую погоду не заставишь работать, даже в дождь сами по своей воле затеяли гонки на этой телеге!

— Нравится?

— Не то слово! Не могут поверить, что такая огромная и такая тяжелая двигается по их воле.

— Что насчет конной тяги?

Он повернулся и ткнул пальцем в пространство.

— Там два села, я послал людей за лошадьми. Все-таки телегу должна возить лошадь, а не люди...

— ...которым сегодня интересно, — добавил я, — а завтра привыкнут и пойдут заниматься другим делом.

Он хмыкнул.

— Если бы делом.

— Вот-вот, в некоторых делах лучше полагаться на лошадей. Сколько здесь уложено?

Он ответил без запинки:

— Пятнадцать миль!.. Да еще миль двадцать в самом Тоннеле, так что любому купцу уже сейчас видно, насколько выгоднее перевозить товары на такой платформе.

Она ж сама мчится, стоит ее разогнать!.. Потом бегут следом, никак остановить не могут!

— Тормоза надо приделать, — посоветовал я. — Ладно, научу. А сейчас трудитесь, аки пчелки, а я загляну в склад.

— Господь в помощь, ваша светлость!

В Тоннеле народу стало еще больше, двигаются в обе стороны, как груженые муравьи, это и пропитание, и заработок, при нашем появлении поспешно прижимались к стенам, мы пронеслись до склада, где Бобик «открыл» для нас двери.

Я въехал в склад, как Калигула в сенат, свет появился слабый, долго разгорался, словно электрическая луцина, не очень-то уверенный, что я тот, кому стоит освещать дорогу, наконец вспыхнул весь свод, и в зале стало светло и солнечно.

Платформы все так же на месте, только одна отсутствует, монахи на ней сейчас перевозят даже шпалы, удивляя своей богатырской силой наблюдающих рабочих. Две крытые платформы, то есть вагоны, тоже на месте, только там, откуда мы выбрали все рельсы... поблескивает металл.

— Ждите здесь, — велел я и соскочил с Зайчика на рифленый пол. — Я недолго!

Не веря своим глазам, я ринулся на тот блеск, почти не разбирая дорогу. В прошлый раз, когда мы забрали последние, здесь оставалась ровная такая площадка. Пустая. А сейчас там четыре рельсины, одна даже, как почудилась, теплая.

Я крутился во все стороны, так и кажется, со всех сторон следят глаза тех, кто за это время выплавил металл и придал ему форму рельс, но какой резон прятаться...

Бобик примчался, игнорируя запрет, лизнул меня, едва не свалив с ног, унесся. Был бы здесь кто, отыскал бы точно. Наверное, автоматы пополняют запас. Маломощ-

ная ремонтная мастерская, мы опустошили весь склад, а за это время заменили всего четыре штуки.

Впрочем, это и понятно, вряд ли рельсы приходилось менять часто. И то здесь работают с запасом. Так что надо учиться выплавлять самим в любом случае. Но сюда еще загляну... так это, через месяц. Как раз наберется на платформу.

В емкостях с мелочью блестят костили и накладки, хотя в прошлый раз я выгреб все начисто. Пусть пока на самом дне, но все же запасы автоматика тупо пополняет. Неизвестно, откуда берет и надолго ли ее мощности хватит, а вдруг уже сегодня к вечеру развалится от усталости металла, но мне надо хапать, пока хапается...

Зайчик радостно ржанул, в самом деле я недолго, Бобик тут же ринулся к двери. Это вечное желание собак выскользнуть в дверь раньше хозяина работает на меня, автоматика пока признает только его.

Осторожный бег по Тоннелю, стараясь никого не задавить, наконец яркий свет впереди, мы выскочили со скоростью стрел из лука, я сразу направил Зайчика к отцу Тибериусу.

Он сам поспешил мне навстречу, в глазах ожидание хороших новостей, вот уж хотя бы монахи на меня не жалуются, я дал им намного больше, чем ожидали и просили...

— Отец Тибериус, — сказал я, — там все в порядке, но автоматика маломощная...

— Что такое автоматика?

Я подумал, поинтересовался:

— У вас флюгер есть?..

Он кивнул.

— На каждом сарае. Братья развлекаются... Петушков наделали, коников... А делать фигурки святых я запретил.

— Так вот, — сказал я, — все эти петушки и коники выполняют полезную работу: указывают направление вет-

ра. Сами. Ну, как бы сами. Один раз их поставили, а потом уже сами.

Он послушал, медленно кивнул, но по глазам видно, что в мозгу идет напряженная работа.

— Древние точно так же запустили нечто... и оно делает рельсы?

Я кивнул.

— Абсолютно точно.

Он вскрикнул:

— Но это же... невероятно сложно!

— Для детей сложно и то, — пояснил я, — как вы делаете флюгеры. И почему все сами поворачиваются в одну сторону. Непонятно. Так что все относительно, отец Тибериус. Просто там внутри такой же флюгер... образно говоря.

Он перекрестился, вздохнул. На лице попеременно то ужас, то радостное благоговение.

— Господи, какая же дальняя дорога у нас! Как хорошо, спасибо тебе, Господи!.. Ты — Творец, и нам, твоим созданиям, велел творить и улучшать этот мир!

— Я вернусь не скоро, — напомнил я. — Кроме рельсов, все остальное можете делать сами. Шпалы укладывайте как можно тщательнее, телеги будут ходить с большим грузом, а если дорога просядет, то катастрофа, понимаете?

Он подумал, сказал со вздохом:

— Да, когда тележка разгоняется, то...

— Вы еще не видели настоящего разгона, — заверил я. — Наш паровоз вперед лети! В Небесном Царстве остановка... гм, нехорошее слово, лучше передышка.

Он перекрестил меня вдогонку, я шепнул Зайчику:

— Сперва галоп, потом карьер... затем наша скорость!

А куда, ты уже понял.

...Небо выгнулось ярко-голубым куполом; солнце нежно смотрит сквозь горячую дымку сухого полдня. От прокакивающих мимо старинных жертвенныхников из грубого камня веет не только стариной, но и ощутимым жаром.

Под копытами шелестит бесцветное каменистое плато. Можно бы взять резко влево, тогда под конским брюхом разлетятся освежающие крылья серебряных брызг, но так попадем в Тараксон, а мне сперва нужно быстро завершить еще одно дело, я же майордом, о государстве должен думать глобально...

Бобику, похоже, стало скучно мчаться по прямой, начал шнырять по сторонам, что-то успел задавить, кого-то напугать, прибегает всегда с довольной рожей...

...я поспешил натянуть повод, Зайчик протестующе вздернул голову. Еще немного, и мы бы догнали и врезались сзади в большую толпу полуоголых людей, смуглых, худощавых и мускулистых, все с большими мешками за спиной, а те, что идут по краям, еще и с луками в руках наготове.

Чуть не опоздал, мелькнула суматошная мысль. Вон там уже поднимается та страшная стена, откуда начинают вылетать гарпии первыми...

— Бобик, — сказал я быстро, — Зайчик, ждите меня здесь. Бобик, охраняй Зайчика... Зайчик, присматривай за этим глупым созданием...

Они смотрели с упреком, я выставил перед собой ладони.

— Никаких объяснений! Но, уверяю, вернусь очень скоро. Через часик. А то и раньше.

Зайчик фыркнул в спину с явным недоверием, Бобик скользнул, но я чувствовал, что остались там, где я велел, и уже не оглядывался, пока не перескочил через гребень и не забежал в низинку, где сразу же припал к земле и велел себе превратиться в нечто мощное, огнедышащее, способное подняться в воздух...

Беспамятство и головокружение, как мне показалось,

длилось чересчур долго, наконец я обнаружил себя на дне еще большей ямы, начал выползать выше, чтобы растопырить крылья, и только тогда обнаружил, что я превратился в дракона еще более безобразного, чем в Гандерсгейме, толстого и сплошь покрытого костяной броней в три пальца толщиной.

Лишился бы подняться в воздух, мелькнула трусливая мысль. Не до пиревтов, только бы взлететь...

Земля задрожала под тяжелой поступью, когда я разогнался и начал бить по воздуху крыльями. Оторваться от земли не удавалось, словно все-таки взял лишнее ведро вишен, лапы уже устали нести тяжелую тушу с такой скоростью, наконец я с силой толкнулся от земли, начал лупить по воздуху еще чаще...

...и земля отпустила с великой неохотой. Черная выжженная стена приближается слишком быстро, я свернулся и неуклюже сделал полукруг, стараясь набрать высоту.

Из самых нижних нор начали с шумом выстреливаться быстрые юркие гарпии, похожие на увеличенных кошек с крыльями, только морды вытянутые, и глаза не желтые, а кроваво-красные.

Я дохнул для пробы огнем, толстая струя ударила в стену, две гарпии дико заорали, им подпалило шкуры, пошли нарезать вокруг меня круги, выискивая уязвимые места.

Чувствуя, как трещат от натуги крылья, я поднялся еще выше и уже с силой дунул огнем в стену. Струя огня, быстро расширяясь, ударила сразу в три норы. Оттуда фукнуло горелой шерстью, перьями и жженым мясом.

Гарпии, что в воздухе, дико завизжали и бросились на меня с растопыренными когтями. Отовсюду из нор, словно получили сигнал, начали вылетать на большой скорости новые и новые твари, похожие на чертей из преисподней. Из каждой, как я заметил, появлялись целыми семьями.

— Хорр-рр-рошо, — прорычал я. — Это даже лучше...

Я дунул огнем прицельно, десятка два гарпий мгновенно превратились в горящие комья, их сразу понесло вниз. Медленно и осторожно поворачивая голову, чтобы гарпии не отыскали щели между костяными пластинами, я экономно выбирал самые плотные скопления этих тварей, мощно дул огнем, и новые десятки сожженных устремлялись к земле.

На меня начали бросаться в зверином исступлении, но бронированная шкура даже не чувствует укусов, я пролетел до конца стены, развернулся, чувствуя себя облепленным, как мошкой, снова пошел жечь еще прицельнее.

После четвертого захода туча гарпий поредела наполовину, но все равно продолжали бросаться, как безумные, ни одна не пыталась спрятаться в норе, что мне вообще-то на руку.

Случайно бросив взгляд на землю, увидел, как скалолазы рассыпались внизу на всем протяжении черной стены и спешно добиваются прыгающих по земле искалеченных тварей.

Хорошо, мелькнула мысль. Вот теперь им никто не помешает добраться до нор и выжечь там все, перебить отложенные яйца и вообще разорить гнезда так, чтобы ни одна тварь, даже если выживет, уже туда не вернулась...

Крылья ноют, я начал задыхаться, однако заставил себя держаться в воздухе и дуть огнем до тех пор, пока последних гарпий не охватило пламенем.

Из последних сил я растопырил крылья и пошел плавировать, высматривая моих Зайчика и Бобика.

Они насторожились, когда я перебрался через полосу камней и пошел, шатаясь, к ним по косогору. Зайчик фыркнул недоверчиво, а Бобик подбежал и очень внимательно обнюхал, словно старался отыскать то, что почуял во мне.

Дважды его шерсть поднималась на загривке, а в гор-

ле начиналось глубокое рычание, но я обнимал его за шею, чесал за ушами, и Адский Пес наконец успокоился.

Я кое-как взобрался на Зайчика, он все еще косился на меня с подозрением в больших честных глазах.

— В Таракон, — сказал я. — Не слишком быстро, а то меня сдует.

Сен-Мари населен куда плотнее, чем Армландия, в этом я убедился снова, когда проскачивали, подобно призракам, мимо верениц нагруженных выюками ослов и верблюдов, наполненных доверху товарами телег. Здесь редко увидишь пустоши, везде следы человека: то земля распахана, то лес недавно вырублен, то роскошные сады тянутся и тянутся по долинам и даже холмам...

Одно время неслись вдоль нескончаемого поля с ячменем, что незаметно перешло в хлебное, а дальше снова сады, здоровье полей, рощи акаций, огороды и деревенские риги, добротные, насколько я успевал увидеть в быстро проносящихся мимо смутных образах.

Зайчик чуть сбавил бег, взметываясь на крутую насыпь, на самой вершине высится старинный дворец, переоборудованный под крепость. Из древнего гранита, с толстыми стенами, окошки под самой крышей, узкие, не пролезть, но удобные для стрельбы из лука... и тут же внизу распахнулась золотистая долина, вся в квадратиках полей с поспевшей пшеницей...

Наконец берег, Зайчик повернул без напоминания и понесся по самой кромке, иногда проносясь по воде, но брызги запоздало вздымаются далеко за спиной. Везде пусто, грозное напоминание о пиратах. Кейдан так и не смог наладить защиту от морских разбойников, чересчур длинная полоса берега, а держать войска в постоянной готовности, рассредоточив по всей длине, — глупо и опасно, пираты быстро и неожиданно бьют в одну точку.

Я начал узнавать знакомые места, и тут же вынырнула

и стремительно понеслась навстречу толстая недостроенная башня, больше похожая на остов большого зажиточного дома. Я перевел Зайчика в простой галоп, уже видно строителей, облепили башню, как муравьи, леса только с одной стороны, с другой материалы поднимают в корзинах и мешках.

Меня увидели, узнали сразу, что не удивительно, когда-то я здесь покуражился и покуролесил, таких орлов запоминают и стараются обходить стороной.

Навстречу заспешил толстый монах в длинной рясе, подпоясанной веревкой.

— Ваша светлость, — вскричал он, — наконец-то!

— Что-то стряслось? — спросил я.

Он всплеснул руками.

— Ну как же? Такое дело начато! А вас нет и нет...

— Да я не бабами занимался, — сказал я, оправдываясь. — Тоже... коммуникациями.

Рабочие·приняли повод Зайчика, Бобик сперва вел себя смирно, не пугал, но едва понял, что его всего лишь опасаются, но не страшатся, пошел прыжками, все вынюхивая и проверяя, так ли все лежит, никто ли не обронил окорок.

Внизу в трех шагах от башни идет вниз отвесный скалистый берег, не слишком высокий, хорошие пловцы могут нырять с разбега, а на той стороне водной глади спешно строится на таком же возвышении башня-близнец, массивная, тяжелая и грозная.

Примчался священник, ему что-то на ходу шепчут в уши монахи, он досадливо отмахивался, а когда очутился передо мной, отвесил почтительный поклон.

— Ваша светлость, я отец Стоундерий. Руковожу строительством.

— Из какого монастыря? — потребовал я.

— Святого Цистерия, ваша светлость.

— Прекрасно, — изрек я. — Тогда дело в надежных руках.

— Спасибо, ваша светлость... Не желаете взглянуть чертежи?

Я воскликнул:

— Что значит, желаю ли? Я сгораю от нетерпения!

Он взглядом отыскал вблизи груду ящиков, торопливо развернул на верхнем лист бумаги.

— Вот, — сказал он и потыкал в чертеж пальцем с обкусанным ногтем, — вот как будут выглядеть, когда закончим.

Я с подозрением всмотрелся, башни в самом деле хороши, перекроют вход в бухту надежно. Потопят десяток кораблей, а сами выдержат любую стрельбу из корабельных катапульт, каждый камень в основание стен привозят на отдельной повозке.

Это не значит, что и раньше не возникала идея построить такие же, но брались вяло и нерешительно, а пираты без особой спешки все рушили и сжигали, пока эта идея не стала казаться глупой.

— Ваша светлость, — говорил он горячо, — отсюда даже плохие стрелки не промахнутся!

— Если в корабль, — сказал я трезво. — Вы что же, лучниками собираетесь обороняться?

Он всплеснул руками.

— Ваша светлость! Обижаете. Вот смотрите, эти чудовища установим на обеих башнях.

Мощные катапульты и огромные гарпуны выглядят на бумаге устрашающие, отец Стоундерий смотрит орлом, но я в самом деле впечатлился. Башни полностью контролируют вход, а с такого расстояния не промахнется ни катапульты, ни гарпун.

Он так разошелся в объяснениях, что даже увлеченно схватил меня за рукав, неслыханное нарушение этикета и субординации, потащил к бухте стального троса. Там трое рабочих, бранясь и хватая в рот окровавленные пальцы, прикрепляли огромный гарпун с хищно загнутыми лапа-

ми. Как я понял, к якорю приковали еще один такой же крюк, чтоб уж зацепил так зацепил.

— Хорошая штука, — признал я. — Сколько весит? Наверняка проломит хоть борт, хоть палубу.

— Не вырвутся, — подтвердил он с гордостью. — Будут дергаться, как злой пес на цепи, пока не сгорят.

— И это предусмотрено?

— Сожжение?

— Ну да, а как же! Сгорят, как солома. Сухая! И все сгорят.

Лицо его пылает восторгом, вот уж божий служитель, все-таки ученый-экспериментатор в нас сильнее смиренного стукателя лбом о пол.

— Так им и надо, — подтвердил я кровожадно, такой же искренний проводник воли Господа, — а кто не сгорит, того доедят рыбы в заливе. Нам нужна хорошая рыба на базарах, толстая и жирная. Только смотрите, чтобы пиратские корабли саму башню не сдернули.

Он вздрогнул, посмотрел расширенными глазами, как эта мысль не пришла самому, потом с облегчением заулыбался.

— Все шутите, ваша светлость... У пиратов хорошие корабли, но легкие...

— Останутся на цепи?

— Пока не сгорят, — повторил он клятвенно, — или не утонут.

— Как быстро постройте?

Он перекрестился.

— Возводим даже ночью при факелах!.. Столько людей набежало... Даже горожане глыбы возят на своих телегах. Я бы никогда не поверил, но бесплатно возят!..

— Да, — согласился я, — на тарасконцев непохоже.

— Очень уж хочется всем наконец-то защититься...

По испуганным воплям я понял, что возвращается Бобик. Он в самом деле выметнулся веселый и с задорно горящими глазами, помахал хвостом.

— Знает, — сказал отец Стоундерий, — куда направляешься. Удивительный зверь. Как вы его только и приручили.

— Может, никто до меня не пробовал?

Он покачал головой.

— В основном да, но находились смельчаки... Видать, не с того начинали.

— Я собачник, — сказал я. — Собак понимаю. А они понимают, кто их понимает... Хорошо, отец Стоундерий, не буду вам мешать. Увидимся позже. Если что, я сперва на корабле, потом с Ордоньесом, когда отыщу.

— Ваша светлость, — заметил он почтительно, — вам стоит только свистнуть, он тут же прибудет...

— Не хочу, — ответил я. — Это в Геннегау я только и делал, что свистел. Здесь пусть будет по-людски. Мне Ордоньес нужен, я и отыщу.

Он улыбнулся и перекрестил меня вслед, наконец-то вспомнив, что он вообще-то монах, настоятель монастыря.

Глава 2

Паруса одного корабля едва белеют на горизонте: высматривает возможную угрозу со стороны пиратов, — второй красиво и гордо высится посреди бухты на якоре. Третий тоже хорош, хотя и видно, насколько жестоко пострапан. К нему снуют лодки и барки со строительным материалом, а палубу облепили, как муравьи, рабочие из Тараксона.

Ничего, мелькнула мысль, скоро, уже совсем скоро выстроим порт, корабли смогут подходить прямо к причалу. Ремонт ускорится в разы, соорудим сухой док для постройки кораблей еще крупнее, вооруженнее...

«Синий Осьминог», так именуется ремонтируемый, — настоящее произведение искусства. На носу, как водится,

исполинская скульптура, нечто ужасное, способное в самом деле устрашить робких и заставить подумать о сдаче: помесь кальмара, осьминога и рыбы-меч, у кого-то фантазия при строительстве просто зашкаливалась.

На корме крупными выпуклыми буквами потускневшим золотом горит надпись: «Синий Осьминог». Насколько помню, практика помещать название сзади появилась в глубокой древности и дожила вот, да... Для меня все эти скульптурные аллегории, росписи на корме, гербы, барельефы и оскаленные пасти — сплошной ребус, а решать ребусы — не дворянское дело. На мой взгляд, все эти трубящие ангелы, древние морские боги, страстные девы с вот такими, но рыбьими хвостами, жуткие тритоны с трезубцами в лапах и прочие создания мифологии — не высокохудожественные произведения искусства, а устаревшая лепота, вредящая кораблю частично из-за большого и явно лишнего веса, а еще потому, что дождевая и морская вода, скапливаясь в них, способствует гниению.

Будь я капитаном, я сразу же при выходе в море велел бы корабельному плотнику срезать все выступающие части скульптур, чтобы не запутывались снасти. Ну, а так как я буду закладывать флот с нуля, то сразу же всей тяжестью власти прикажу даже не думать о всех этих нелепых... нет, они лепы, не спорю, но весьма неуместных для плавания и боев декоративных и очень дорогих украшениях.

Здесь вон даже борта с обеих сторон украшены накладными барельефами, сейчас наполовину сбитыми. Чувствую руку большого художника, но, вынужденный думать прежде всего о прибавочной стоимости, прикинул, что, если убрать только это с бортов, стоимость корабля снизится на треть. А это значит, вместо трех кораблей на те же деньги можно выстроить четыре.

Бобик уже стоял на досках временного причала для лодок и нетерпеливо погавкивал.

Я перевел Зайчика на шаг, наконец остановил вовсе и прокричал зычно:

— Где адмирал Ордоньес? В городе или здесь?

Кто-то ахнул:

— Да это же сам сэр Ричард!.. Наш бургграф!.. Его светлость...

Поднялся крик, все махали руками, кто приветствует, кто отдает какие-то распоряжения, внизу завозились, выдвинулся нос массивного баркаса.

Наконец звонкий голос прокричал:

— Адмирал час тому отбыл на «Богиню Морей»!

«Богиня Морей», насколько помню, — настоящая каракка, барражирует на выходе из бухты, высматривая пиратов, одно судно из двух оставшихся на плаву, у нее на носу трехметровая дева с топором с руках, как рассмотрел я в прошлый визит. А еще пока обходится без ремонта «Ужас Глубин», на носу деревянное изваяние человека чудовищных пропорций с бычьей головой, в руках знакомый мне трезубец Посейдона или Нептуна, кому как больше нравится...

— Жаль, — сказал я в раздумье, — мог бы перехватить его чуть раньше.

Вперед выдвинулся матрос с красной повязкой на голове и двумя ножами за широким шелковым поясом.

— Прикажете позвать?

— Навешу на корабле, — сказал я.

Все в радостном ожидании наблюдали, как я соскочил на жалобно скрипнувшие доски и забросил повод на седло. Зайчик посмотрел вопросительно и с немым укором.

— Подожди здесь, — сказал я виновато. — Я скоро.

Бобик побежал и прижался к ноге горячим боком. Зайчик тряхнул гривой, я развел руками.

— Тебя ни одна лодка не выдержит. Я в самом деле быстро!

Внизу моряки ухватились за столбы причала, удерживая лодку, но она все равно опасно закачалась, когда туда спрыгнул Бобик.

Я слез осторожнее, один из матросов сказал почтительно:

— Ваша светлость, мы уже перевозили лошадей. Если ваш конь не пугливый, мы и его доставим на корабль в целости.

— Давайте, — сказал я обрадованно. — Как-то даже не подумал. Я, знаете ли, где-то умный, а где-то дурак местами.

Все заулыбались майордомьей шутке, и если раньше смотрели только с почтительным восторгом, то теперь уже поглядывали и с симпатией.

Зайчик позволил себя обвязать ремнями, послушно замер, превратившись в неподвижную статую, тяжелую, словно из металла. Его опустили в баркас, закрепили, и сразу же весла вспенили воду. Мы пошли, набирая скорость, в сторону ближайшего из кораблей.

Там нас заметили, начали опускать трапы и толстые веревки. Зайчика втащили на борт в застывшем виде, там ожил, тряхнул гривой и с интересом осмотрелся.

К нему подбежал юркий матрос с горстью ржавых погнутых гвоздей.

— Ваша светлость, — сказал он мне почтительно, — мы наслышаны от горожан...

Зайчик потянулся к нему и начал аккуратно вынимать мягкими бархатными губами лакомство из ладони. Матрос бесстрашно скармливал чудесному коню его сухарики, но по сторонам косился с гордым вызовом.

Кто-то сказал потрясенно:

— Жреть... В самом деле жреть!

— Прекрасно, — сказал я с чувством. — А толстого жруна не видно.

Сзади раздался довольный голос:

— Мелькнул в направлении камбуза.

Ордоньес, все такой же огромный, но без грузности, подошел с широкой улыбкой на лице, почтительно снял шляпу. Я дружески обнял, похлопал по широкой спине,

команда должна видеть, как их маркиз весьма и зело расположены к недавнему капитану, а ныне адмиралу.

— Дорогой граф, — сказал я, — рад тебя видеть в том же здравии. О вашей эскадре уже рассказывают легенды!

Он польщенно улыбнулся.

— Правда?

— Про морских змеев, — сказал я, — коих вы побили по дороге, про морских дев, что заманивали матросов, но ваши заманили их сами... Многое рассказывают! И когда объявим набор на корабли, от добровольцев не будет отбоя.

Он потер руки.

— Прекрасно! Как вам сам корабль вблизи?

— Бесподобно, — сказал я искренне. — Давно таких не видел...

Ордоньес сразу же метнул в мою сторону очень заинтересованный взгляд, в глазах появился жирный знак вопроса, но повернулся в сторону открытого моря и указал рукой.

— Вон там дважды показывались чужаки. Неделю назад двое, вчера уже шесть...

— И как?

Он отмахнулся.

— Боя не было. Да они, мне кажется, отвыкли или не умеют драться в море. Им бы высадиться на берег да пограбить... Но, конечно, если наберется больше, могут решиться и на морской бой.

Лицо его было спокойное, я спросил осторожно:

— Каковы наши шансы?

— Против шести кораблей, — сказал он, — выстоим даже в одиночку. Против двенадцати... гм... вдвоею со «Всадником Бездны». Ну, а если придут эскадрой эдак в двадцать-тридцать, сомнут числом.

Я подумал, развел руками.

— Вообще-то они в самом деле привыкли больше грабить, потому в серьезные бои ввязываться не хотят. С дру-

той стороны, если отступят, потеряют богатейший берег, где грабить можно почти безнаказанно.

— Могут дать бой?

— Я бы дал.

Он ухмыльнулся.

— Я бы тоже. Потому и счастлив служить вам. Мы похожи! А эти пиратишки, как мне кажется, все же трусываты. Могли бы и попытаться... Правда, после той кровавой бойни, что мы им устроили, поджилки трясутся, но все-таки...

— Или что-то затевают, — сказал я. — Дорогой граф, я сумел выкроить несколько дней из своего трудного графика правителя этого королевства... да-да, я хоть и не король, но меч в руке порождает власть, не так ли?.. Так вот у меня дикая, но весьма плодотворная идея обогнуть этот проклятый Зуб Сатаны и заглянуть к нашим соседям. В королевство Вестготию.

Он подумал, переспросил деловито:

— Просто заглянуть? Или завоевать?

Я рассмеялся:

— Ну полно, граф!.. Я не такой уж и зверь. Соседи должны жить мирно и общаться. Пираты нам не позволяли, зато теперь сможем на одном корабле обогнуть Зуб, а «Ужас Глубин» останется охранять бухту от пиратов. Вернемся раньше, чем пираты поймут, что на страже только один корабль. Хотя и тот, что на ремонте, может помочь в схватке на берегу...

Он снова подумал, окинул взглядом захламленную палубу.

— Хотите отправиться немедленно?

Я сказал быстро:

— Я в восторге от вас, адмирал! Никаких долгих сбров.

Он пожал плечами, но выглядел польщенным.

— Так не через океан же снова. Это рядом... Желаете?

— Да, — сказал я быстро. — Меня в столице ждут, а

еще в Брабанте... Но пока пара дней свободных, я страшно хотел бы заглянуть на ту сторону!

Он кивнул.

— Хорошо. Отошлю на берег и на «Ужас Глубин» гонцов с кое-какими приказами, соберем команду на борт, и... можно поднимать паруса.

Я поинтересовался:

— Сколько займет времени?

— Полдня, — заверил он бодро, — не больше. Отыскать в местных кабаках, у гуляющих женщин, привести в чувство, доставить на корабль, там снова пару ведер холодной воды на головы... В общем, к вечеру можно выступить. Но можно и на рассвете.

— Хорошо, — сказал я. — Действуйте. А я тем временем навещу старых приятелей.

Он поклонился.

— С вами послать моих людей?

Я изумился:

— Зачем?

— Так принято, — проворчал он, — даже капитан появляется на людях с частью команды.

— Я уже выше условностей, — ответил я высокопарно.

Он посмотрел внимательно.

— Мне кажется, вы всегда ими пренебрегали.

Народ увидел меня на Зайчике и с Бобиком, сбежался с радостными криками, везде слышится «Ричард!», «Ричард!», Тот самый!», «Да он еще совсем молоденький!», а я, поклонившись его величеству народу, снял шляпу и помахал ею над головой, словно разгонял комаров.

В толпе я заметил богато одетого мастера Лоренса Агендера, старейшину цеха ювелиров, кивнул ему приветливо, он засиял, уже знает, что я не только бургграф.

— Вы так великодушны, — сказал он с великим почтением. — Народ это ценит!

— В чем?

— Приветствуете, — пояснил он. — Это для нас они граждане, а для вас... гм... простолюдины!

— Господь всех создал равными, — сказал я наставительно. — Надо такое говорить им почше, это повышает производительность труда на единицу времени.

Так мы добрались до городской ратуши, я соскочил на землю, толпа остановилась, задние напирают, стремясь рассмотреть их удивительного бургграфа, крики слышались как радостные, так и злобные со стороны тех, кому отдавили ноги.

На входе в ратушу знатные люди преклоняли колено, простой народ же просто махал шапками и улыбался во весь рот. Я тоже улыбался без всякого притворства. Оставленный внизу Зайчик ржал и махал хвостом, как пес, а Бобик нарезал вокруг него круги.

Его признали быстро, не боялись, хотя и поспешно отпрыгивали с дороги.

Я вошел быстрыми шагами человека, который везде хозяин, ожег гневным взором сторожей, что сунулись было с намерением преградить дорогу, пинком отворил дверь в кабинет начальника городской стражи.

Сэр Торкилстон, в прошлом безземельный рыцарь из обедневших куда уж больше, ветеран ряда войн, участник многих боев, подобранный мною в трактире и приспособленный охранять вдову с четырьмя детьми, напоминает того прежнего Торкилстона лишь широким лицом с укасающим шрамом через левую бровь и скулу да густыми с проседью волосами, а так раздобрел, одет богато, напоказ выставлены сапоги из изумительно тонкой выделки кожи, расписанные золотым шитьем, шпоры крупные, блестящие, переливаются в солнечном луче золотыми искрами.

Бобик ворвался раньше меня, Торкилстон выпучил глаза, но Бобик опрокинул его вместе с креслом и, при-

жав лапами раздобрёвши плечи, с интересом смотрел в бледнеющее лицо.

Я вошел следом за милой собачкой, Торкилстон нервно глотнул воздуха, проговорил сипло:

— Сэр Ричард? Ваша светлость?

— Просто Ричард, — сказал я приподнято. — Дорогой друг, что-то вы не совсем рады...

Он кое-как отпихнул Бобика, поднялся, мы обнялись, он сказал с обидой:

— Знал бы, что явитесь, я бы два ряда фанфаристов выставил!

— Потому я вот такой неожиданный, — сказал я. — Вообще-то люблю фанфары, каюсь, но эти дуделки затрудняют. Да, затрудняют. Все прочее затрудняют. Все также комендантствуете, дорогой друг?

Он фыркнул.

— Все так же!.. Ничего себе, все так же. Для вас это все так же, а я все еще не могу привыкнуть, что на мне охрана всего города. Слышал, вы еще титулов насобирали?

Я отмахнулся.

— Так, по мелочи. Рассказывайте, какие в городе настроения, чем дышит народ, чего жаждут деловые люди. Рыцарство здесь, как я понимаю, держится в сторонке.

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Вы так думаете? Но я — рыцарь. И постарался привлечь еще рыцарей. Они все-таки надежнее, чем эти вороватые хитрованы. На рыцарей опереться можно, а эти норовят предать при любом случае, если выгодой запахнет. Но без них жизнь в городе замрет, потому и приходится вот...

— Тогда ты меня понимаешь, — сказал я. — У меня целое королевство таких же... деловых и активных. Очень активных. Крови боятся, но за копейку зарежут. Или удалят.

Он придвинул мне свое комендантское кресло, сам опустился на стул попроще. Замер, весь внимание, круг-

лые, как у хищной птицы, глаза следят за каждым моим движением.

— У нас строительный бум, — сообщил он коротко. — И вообще горожан обуяло... Как будто всем вставили вот такие шила в задницы! Когда узнали, что их бургграф уже взнудзил все королевство, по всему городу прокатилась волна таких праздников и гуляний! Как будто им всем теперь жить, не работая... Но люди деловые, смекнув, что открывается впереди, крутятся, как мыши в зерне, стараются не упустить... А когда пришла эта сперва всех перепугавшая эскадра, такое началось!.. Те ж сказали, что вы и на той стороне океана маркиз, а мы уже знаем, что император пожаловал вас титулом маркграфа, что почти одно и то же. Если можно будет наладить дорогу через океан, наши купцы с ума сойдут от возможностей!

Я пробормотал:

— До этого еще далеко. Но торговцы, да, смотрят в нужную сторону.

— В общем, — подытожил он, — главная работа сосредоточена в районе порта. Строят спешно. Со всего королевства созывают мастеров. Везут старые книги, где сохранились чертежи больших кораблей. Пытаются разобраться, что там правда, а что брехня. Ремесленники получают такие деньги, что за жизнь бы не заработали. Купцы спешат, создают союзы, объединения, ганзы, гильдии, работа не просто кипит, а я даже не знаю...

Я откинулся на спинку кресла, минуту подумал. Вообще-то вся бухта в моей личной собственности, строить там могу только я, а остальных допускать по договору, но купцы впервые стали работать без оговоренного заранее и подписанного в присутствии юристов контракта. Чуют настолько большие барыши, что пошли на риск. Верят, не ограблю. Это хорошо, значит, у меня уже есть какая-то репутация.

— Прекрасно, — сказал я с чувством. — Где меня нет, все идет хорошо. Где я... такая хренъ!.. Переселиться в Та-

раскон, что ли?.. В Геннегау черт знает что творится. А тут еще война за Гандерсгейм... Я вот сбежал, вознамерился на корабле заглянуть за Зуб Сатаны, там же соседи по ту сторону, а мы ничего не знаем, кто они и как у них. Нехорошо!

Он даже привстал от волнения, тут же сел, опомнившись, глаза азартно заблестели.

— Да неужто?.. Это на кораблях Ордоньеса?

— На одном, — заверил я. — Два других останутся охранять бухту. Просто у меня есть окошко в моем майордомьем расписании. Челночный рейс! Для ознакомления. Туды-сюды. Одним глазом! А дальше начнется рутина...

— Что это за слово?

— А такая привычная и надоевшая уже хрень, — объяснил я, — как война, сражения, битвы, побоища, осады, штурмы и прочие крики мертвцев.

Он сказал мечтательно:

— Я всегда мечтал заглянуть по ту сторону... Сэр Ричард! А можно мне с вами?

— Как это? — спросил я. — А город?

— Я подобрал хороших помощников, — сказал он быстро. — Даже больше, чем нужно. Но город оплачивает, у нас сейчас небывалый рост, деньги текут рекой... Да и преступность как-то затихла. То ли больше начали зарабатывать плотниками, чем грабителями, то ли все разбойники подались в другие города... Все-таки здесь бургграф вы, а ворье даже тени вашей боится! В общем, на недельку-другую я легко могу оставить город на помощников!

— Не подсидят? — спросил я. Он посмотрел непонимающие, я пояснил: — Никто не попытается сместить и сесть в это кресло самому?

Он выпрямился, напомнил с некоторым холодком:

— Ваша светлость, я привлек к работе рыцарей!

— Прости, — сказал я с раскаянием, — мне приходится больше работать с местным населением.

Он сказал чуть теплее:

— Понимаю. Но у меня рыцари.

Он не добавил «бедные, но честные», то и другое подразумевается, зажиточные на такую службу не пойдут, а честность вбивается в плоть и кровь рыцаря с колыбели.

— Принято, — сказал я. — Но наш корабль должен отправиться буквально через пару часов. Сможешь?

Он кивнул.

— Отдам кое-какие распоряжения, заскочу к Амелии, это по дороге, а там уже порт... На какой корабль?

— «Богиня Морей». Лодка будет ждать у причала.

Он сказал польщенно:

— Меня?

Я ухмыльнулся.

— Извини, я не настолько предусмотрителен, как тебе кажется. Уже спешно собирают по городу и перевозят на корабль команду. Ордоньесу самому интереснее выйти в море, чем уныло сторожить вход в бухту.

Глава 3

Когда мы вернулись в порт, там, у причала, веселые вопли, песни, раздраженная брань, даже короткая потасовка — на лодки грузят членов отпущеной на берег части команды. Собрали на удивление быстро, знали, где искать. Дисциплина у Ордоньеса жесткая, для рейда через океан отобрал только самых опытных, в самых жестоких загулах не выходят за рамки.

Только троих погрузили в бесчувственном состоянии, но и те отошли, ощущив, что уже не на твердой земле. К моему удивлению, сами вскарабкались, хоть и с трудом, по сброшенным сверху веревочным лестницам.

С ними поднялся и сэр Торкилстон, на него поглядывали ревниво, но его жуткий шрам и свирепый вид быстро примирили с присутствием чужака, а Зайчика снова подняли на ремнях, как трофеиную статую.

Его отвели в трюм, моряки то и дело прибегали к нему и совали то рыбу, то горсть больших корабельных гвоздей, ахали и охали, когда он с ужасающим треском все перемалывал в огромной пасти.

С особым удовольствием он жрал гвозди, но пришел шкипер и наорал, что вот так скоро на корабле вообще не останется ни гвоздей, ни вообще металла.

Второй напастью был Бобик, этот крутился на камбузе, мешая всем и выпрашивая лакомые куски. И опять же одни не решались отказать, глядя на его устрашающую пасть, другим было лестно, что такой страшный зверь берет из рук и благодарно машет хвостом.

Я стоял на верхней палубе рядом с Ордоньесом. Матросы, как муравьи, довольно резво бегают вверх-вниз по мачтам, что-то повязывают, поправляют, перекрикиваются весело и беззаботно. Слабые и боязливые, думаю, отсеваются в первом же плавании, остаются только такие вот сорвиголовы.

— Готовы, ваша светлость?

— Жду с нетерпением, граф!

Он прокричал зычно:

— Поднять паруса!

Однако паруса, как я видел, не поднимаются, а, наоборот, свернутые и подвязанные высоко в тугой рулон, идут вниз, опускают нижний край. Матросы тянут за одни веревки, одновременно ослабляя другие, пока паруса не раскроются до предела.

Слабый ветерок красиво наполнил их, Ордоньес еще дважды выкрикнул только палубникам понятные приказы, паруса чуть изменили угол, корабль сдвинулся и медленно начал отодвигаться от берега.

Мне показалось, что под напором тугой массы даже чуть наклоняется вперед, волны бегут навстречу, разбиваясь об острый нос и безуспешно пытаясь добротить брызги пены до статуи Богини Моря, но, конечно, это только на взгляд новичка.

Ордоньес спросил с живейшим интересом:

— И что, в самом деле никто не огибал этот Зуб Сатаны?

— Конечно, — сказал я, — огибали. Раз в сто лет. Когда за тобой гонятся с намыленной веревкой наготове, любой, наверное, рискнет... Если есть лодка наготове. Были случаи, были. Еще, говорят, искусные скалолазы знают место, где можно по отвесной стене, а дальше легче...

Он засмеялся.

— Тем и другим верить нельзя. Брехать так приятно! И чем больше брешешь, тем охотнее слушают.

— Людям нужны чудеса, — согласился я.

— Жизнь без чудес, — сказал он, подумал и закончил: — совсем не чудесная. А мы врать будем?

— По обстоятельствам, — ответил я уклончиво. — Вообще-то это грубое слово, у благородных людей, дорогой граф, это зовется дипломатией. А еще свободным распространением информации.

— Ага, — сказал он озадаченно, — дипломатия, значит... Ладно. Мы им надипломатим! Или надипломатничаем?

— Обменяемся полезной информацией, — пояснил я. — Поговорим о перспективах сотрудничества, развитии культурных и прочих связей в интересах свободного обмена культурных традиций и культурных контактов...

Он морщился, спросил озадаченно:

— Вы три раза сказали «культурных»...

— Чем чаще, — пояснил я наставительно, — тем лучше. Во-первых, такой человек сам выглядит ах каким культурным, даже если на самом деле последний дурак и вор, а во-вторых, на такие слова хрен кто что вякнет. Против культуры как-то некультурно, надо только подгавкивать и соглашаться.

Он в озабоченности почесал затылок.

— Хрен какая у благородных... Ладно, все переме-

лем. Знакомьтесь с кораблем, ваша светлость! Может, что придумаете, как улучшить. Про вас что только не рассказывают. А я пока поговорю с командой. Надо отобрать орлов, что в состоянии будут сойти на берег.

— Мне вообще-то достаточно сэра Торкилстона, — сказал я.

— Хороший рыцарь, — одобрил Ордоньес. — Видно с первого взгляда. Из него вышел бы хороший пират. Но, боюсь, вам двоим может потребоваться помошь.

— Хорошо, — сказал я. — Там видно будет.

Он остался на мостике, я медленно спустился на палубу, в самом деле уже вижу, что устарело, что пришло бездумно из прошлых веков, а его тащат в будущее просто потому, что так делалось раньше. Вот и железнодорожная колея подогнана под ширину колес карет, по дорогам принято правостороннее движение, потому что в левой руке держали щит из прутьев, а в правой — дубину, так даже в жарких странах все выходят на улицу в одежде, хотя уже нет необходимости прятать тело от зубов хищных зверей и острых шипов кустарников...

Палуба завалена мотками веревок, грубых и толстых. Вернее, канатов. Целые бухты разложены вдоль бортов, загорелые матросы с задорными воплями карабкаются по веревочным лестницам на мачты, там тоже тянут и закрепляют веревки так, что корабль выглядит облепленным редкой, но прочной паутиной.

Связки толстых веревок наброшены на толстые столбики вблизи капитанского мостика, уж не знаю, как они именуются у моряков. В какие-то моменты эта паутина канатов кажется крыльями гигантской летучей мыши, где видны только самые толстые жилы, а перепонки незримы.

Веревочные лестницы по три-четыре в ряд, соединенные в одно целое, а оттуда свободно свисает множество канатов, сложная система, с помощью которой отсюда с палубы можно поднимать и убирать паруса. А еще такая

же сложная система тую натянутых канатов держит мачты и паруса в нужном положении, они привязаны к толстым крюкам и скобам в борту корабля на уровне пояса. Правда, некоторые канаты намертво закреплены за крюки в полу, а те вбиты, как я понимаю, не в доски, а в толстые бревна, из которых составлен корпус.

Я проследил взглядом, понятно, эти канаты держат мачты. В детстве я наивно полагал, что мачта торчит из палубы, а на ней раздуваются паруса. Такую мачту сразу же свалил бы любой ветерок, потому ее держат на тугих растяжках, как непокорного быка.

Борта высоки, чуть выше головы, только я могу, встав на цыпочки, увидеть через край море. Правда, это только вот здесь, а вот там палуба выше, а дальше совсем высоко. Та часть называется капитанским мостиком, куда никто не имеет права подниматься, за исключением капитана и его помощников. А также тех, кого вызывает лично.

Ветерок слабый, корабль двигается медленно, скорость не больше узла, но хотя это всего двадцать четыре морские мили в сутки, но и нам плыть не через океан, а всего лишь обогнать эту проклятую стену, опускающуюся в море... Понадобится всего несколько часов...

На палубе ближе к корме свободная от вахты группа моряков жадно слушает одного битого жизнью, украшенного шрамами, с отсеченной половиной уха, но крепко сложенного и жилистого:

— ...и на том островке спрятали тот самый клад! Но передрались над ним, больно жадные! В живых остались только раненый матрос и юнга.

— Двое? — переспросил кто-то. — А как же с кораблем...

— Вот-вот, — подхватил бывалый. — Даже с небольшим кораблем справиться непросто. Вернуться им не удалось, а потом небольшая буря снесла мачту. Будь народу

побольше, паруса бы успели убрать, а так остались на корабле с голой палубой...

— Померли?

— Нет, на их истерзанный ветрами корабль наткнулась команда торгового судна.

— Повезло!

— Ну, это как сказать, — возразил рассказчик. — Матрос вскоре умер, переел от жадности, так говорят, а юнга в полубреду рассказал о сундуках с несметными сокровищами, запрятанными на острове... Мы прошли мимо него совсем близко! Надо будет, когда станем возвращаться, заглянуть туда...

Кто-то сказал скептически:

— Я это слышал много раз.

— И я слышал, — сказал еще один, — только одни говорят, что юнга тоже вскоре отдал Богу душу, другие уверяют, что успел дать точные координаты. Кому верить?

— А я слышал, — сказал знакомый голос, я присмотрелся и узнал шкипера Нелля, того самого, который уже барон и который собирался взять большой участок земли и разводить там тонкорунных овец, — координаты дал под пытками, чтобы перестали ломать кости на дыбе, но хорошо помнит, где этот остров среди тысячи других, и даже мог бы пометить на карте.

Я выступил из полутишины, матросы замолчали, я дружески обнял Нелля, все такого же огромного и рыжебородого.

— Приветствую вас, барон!

Он отсалютовал, сказал почтительно:

— Ваша светлость, я уже всем сказал, что, если вы на корабле, удача нам обеспечена.

Один из матросов проворчал ревниво:

— Как будто мы сами не знаем!

Кто-то хохотнул:

— Благородное сословие, как-никак! Плюнуть не в кого.

— Овцы подождут? — спросил я.

Он кивнул.

— Я велел работникам пока что купить десяток овец на племя. Насчет тонкорунных передумал, лучше мясной породы, а то стричь шерсть не люблю. Даже чужими руками. Я только купцов в море стриг, ха-ха!.. А пока они там все готовят, решил напоследок с Ордоньесом... Такое дело затеяли, как упустить? Потом всю жизнь на сушу можно хвастаться.

Я повернулся к молча слушающему Торкилстону.

— Дорогой барон, это мой друг и напарник сэр Джонс Торкилстон. Пообщайтесь, у вас многое отыщется общее. А я пока осмотрю корабль от клотика до киля.

— Успеха, ваша светлость!

Море сказочно прекрасное, голубое с изумрудным оттенком, словно отражение драгоценного камня на небесах, облака такие же, но за ними бесконечно далекий небосвод, дыхание захватывает от восторга нечеловеческой красотой.

Двое моряков пронесли вдоль борта свернутый в рулон парус. Один покосился на плывущий в сторонке от корабля косяк морских коров.

— Счастливая у них жизнь, — сказал он с тяжким вздохом. — Вот смотрю и думаю...

— Ты?

— Смотрю и думаю, — продолжил он, не обращая внимания на шуточки, — стать бы самому морским... ну, хоть тюленем, влюбиться в какую-нибудь крупную рыбу с красными плавниками...

— Думаешь, ты ей такой понравишься?

— А что, я мужчина в самом расцвете.

— Ты?

— Ну да. Поженимся, намечем икры...

Матрос сказал с отвращением:

— В жизни не стану икру жрать.

Они скрылись в тени паруса, я ухмыльнулся и пошел

далъше, прикидывая, что из увиденного можно сделать лучше. Ведь каракка — это почти каравелла. Два из трех кораблей флотилии Христофора Колумба, открывшей Америку, «Пинта» и «Нинья» были малыми каравеллами.

За малыми каравеллами пришли большие, кто-то на Юге, возможно, уже их строит. Передо мной уже выбор: строить когги и нефы, какими пользуются пираты на островах, либо заложить каравеллы, это уже высокие технологии Юга, или же рискнуть и попытаться начать с более высокой ступеньки — строить первый галеон? Намного более вместительный, быстрый и устойчивый.

Чтобы его построить, не нужно изобретать что-то особенное, лишь взглянуть под другим углом и увидеть возможности. Я не увидел, а просто вспомнил увиденное, но придется говорить, что придумал сам, другого не дано.

Возможно, удастся сразу заложить остовы кораблей типа фрегатов, перед которыми и каракки адмирала Ордоньеса покажутся шлюпками.

Из выделенной для нас каюты поднялся плечистый мужчина, я не сразу узнал Торкилстона, простоволосого и в легкой рубашке, привык видеть всегда в стальном панцире.

Он остановился на верхней ступеньке, обеими руками держится за поручень.

— Вас не качает, сэр Ричард?

— Это корабль качается, — ответил я, — а во мне гироскоп... Это такое... ну, что держит на задних конечностях.

— А меня вот не держит, — признался он. — И всего мутит.

— Привыкнете, — утешил я.

— Скоро?

— Лет пять-шесть, — заверил я с оптимизмом. — Может, десять. Хотя вон адмирал Нельсон всю жизнь плавал по морям-океанам, но его мутило до конца жизни.

Он спросил с недоверием:

— До конца жизни? Он что, так и умер на корабле?

— Погиб, — сказал я, — но вырвал самую важную для королевства победу... Но не пугайтесь, нам только обогнуть этот чертов выступ. Проклятый уходит в море на мили...

Он охнул, прикрыл рот ладонью и, чтобы скрыть икоту, отвернулся и начал рассматривать корабль. Голова одного матроса маячит над краем корзины на верху самой высокой мачты, второй сидит на бушприте.

— А чего вон тот человек в той корзине...

Я оглянулся.

— Где человек?

Торкилстон указал пальцем.

— Вот тот...

Я сказал наставительно:

— Моряка лишь раз в жизни называют человеком, и то когда он за бортом.

— Ого, а почему?

Я пожал плечами.

— Наверное, в их представлении моряк — нечто за предельное. А если упал за борт, то дурак или просто человек, что одно и то же... А та корзина на верху самой высокой мачты именуется клотиком. Нет, вороньим гнездом, а клотик — кончик мачты. Не спрашивайте почему, моряки ревниво берегут свои тайны. Оттуда лучший обзор, и вопль «Земля!» звучит обычно сверху.

Он уважительно покачал головой.

— Как сложно... А зачем второй на том остром носу?

— Это вторая военная тайна, — ответил я. — У всякой профессии свои тонкости. Лучше вон на тех баб посмотри!

Зачем второй устроился на бушприте, эта такая наклонная мачта на вытянутом носу корабля, служит для растяжки парусов, не знаю, хотя для меня пусть не слишком сложно, но ненужно. Я лорд, мелочи уже вне моего высокого внимания, а вот бабы в море...

Ну, бабы всегда бабы, они во все века вне всякой конкуренции.

Среди дельфинов в самом деле поднялась не то латимерия, не то ламинария, в общем, морская корова, которую в самом деле легко принять за типичную женщину, тоже корову с вот такими. Помню, иные матросы клялись, что видели даже бабс с ребенком на руках, а самые лихие истово утверждали, что ребенок у этих морских дев от них, мол, как-то по пьянке очутится на берегу, а там, сами понимаете, когда взыграет, не смотришь, что ноги переходят в хвост, да и не миссионеры мы, если правиль-но понимаете, ха-ха, что имеется в виду...

Торкилстон рассматривал недолго, икнул и метнулся к борту. Я не стал смущать своим державным присутствием, прошел дальше, переступая через бухты канатов, свежеотесанные бревна для будущего ремонта на ходу, если понадобится.

Корабль двигается, то приподнимаясь на волнах, то опускаясь, иногда довольно ощутимо зарывается носом, переваливается с боку на бок, как грузная утка. Некоторое время я ждал неприятных ощущений, все мы слышали о морской болезни, Торкилстон мог просто первым ощутить ее прелести, но она, наверное, сродни медвежьей: проходит час за часом, я постепенно приноровился шагать в такт качке и начал получать от плаванья одно удовольствие.

Справа в миle от нас медленно двигается берег, а далеко впереди еще медленнее вырастает белая стена Зуба Сатаны. Сэр Жерар собрал для меня все слухи о нем, но никто так и не мог сказать, насколько он широк.

Высоту можно прикинуть на глаз, это как с Великим Хребтом, но сведения о ширине основания Хребта удалось узнать лишь от тех, кто сумел перебраться на другую сторону по труднодоступному перевалу. Здесь же вообще ничего определенного, не считая того, что на той стороне Зуба Сатаны вся земля усыпана жемчугом, а дорожки в городах выложены плитками из чистого золота.

Для того, чтобы появился Великий Хребет, вовсе не требуется, чтобы два материка сшиблись, как два барана, на скорости бешено скачущих коней. Даже, если ползли друг другу навстречу медленнее улиток, все равно столкновение таких масс, даже соприкосновение, вызовет разрушение и крошение краев. А так как плиты еще некоторое время продолжали по инерции двигаться, то в месте встречи разрушенную породу выталкивало наверх и снова наверх, пока плиты не остановились, буквально склеившись в результате чудовищного давления.

И образовался крохотный вздутый шрамик. Названный совсем микроскопическими людскими существами Великим Хребтом. Наверное, в то же самое время возник и этот отросток...

За спиной послышались шаги, Торкилстон подошел наверной походкой, бледный, с непривычно вытянувшимся лицом. Ужасный шрам, обычно багрового цвета, стал неприятно лиловым.

— Ни за что не стал бы моряком, — сказал он со злостью. — Столько веков строят корабли, а не придумают, чтоб не качало!

Я пожал плечами.

— Почему не придумают? Давно решено.

Он вытаращил глаза.

— И что для этого надо сделать?

— Всего лишь строить корабли побольше, — объяснил я. — И чтоб двигались побыстрее.

Он раскрыл глаза еще больше, почти забыл про морскую болезнь.

— Куда уж больше! Разве больше бывают?

— Во много раз, — заверил я. — Мы их построим, дорогой друг.

— Ну, сэр Ричард... даже не знаю...

— Что?

— Да вот восторгаться вашим размахом или скорее драть от вас на другой конец света?

Глава 4

Ордоньес на капитанском мостике в традиционной позе героев моря: ни за что не держится, стоит подобно вбитому в толстые доски настила столбу, одну руку заложил за спину, пальцы другой сунул за пояс, красиво и надменно смотрит вдаль, настоящий граф с двумя десятками благороднейших потомков.

— Говорят, — сказал я, — самое приятное в мореплавании — близость берега, а в сухопутном хождении — близость моря... Верно?

Он подумал, пожал плечами.

— Близость нового берега, разве что? На новые острова натыкаться в самом деле интересно...

— Тот, — сказал я авторитетно, — кто господствует на море, хозяин и на суще. Ну, разве что не достанет какое-то крохотное королевство, запрятанное между гор? Хотя, конечно, на море непросто. Океан похож на толпу простолюдинов. Его могут всколыхнуть и легкий ветерок, и ураган.

Он скривил рот в усмешке.

— Скорее, похож на ветреную женщину...

Далеко впереди темная стена Зуба Сатаны все еще уходит в океан, но уже заметно понизилась, мы оба в разговоре не отываем от нее взглядов, и оба вздрогнули, когда чужой корабль вынырнул из-за нее так неожиданно, что Ордоньес запнулся и пару мгновений таращил глаза.

— Все паруса!.. — заорал он. — Полный вперед!

Матросы помчались вверх по веревочным лестницам, мачта затрещала, паруса получили добавочную порцию ветра, корабль начал двигаться ускоренно, одновременно забирая слегка влево, наперерез чужому кораблю.

Я смотрел и не верил глазам: на верхушке единственной мачты трепещет черный флаг с оскаленным черепом.

— Побегу вниз, — сказал я торопливо, Ордоньес не ответил.

Внизу сэр Торкилстон спросил настороженно:

— Чему вы улыбаетесь, сэр Ричард, как... как...

— Как идиот? — закончил я.

— Ну, я так не сказал...

— Но подумали. Не отказывайтесь, так оно и есть.

Что меня умиляет в этом мире, сэр Торкилстон, — потрясающая честность! Да-да, она самая...

— Что-о? Честность?

— Честность, — повторил я с удовольствием, — везде и во всем. Правда, многие из местных считают себя хитрецами, но какие из вас хитрецы, когда даже пираты — даже пираты! — вот уж от кого не ждать честности, поднимают на мачте Веселого Роджера! И всяк видит издали, что корабль принадлежит пиратам.

Он проговорил обеспокоенно:

— А как иначе...

— Ну вот, — сказал я с торжеством, — даже не представляете, что можно иначе! Но ведь всякий, кто видит этот флаг, стремится удрать. Многим удается, если есть запас хода, а ветер попутный. А у кого корабль тихоходнее, тот спешно готовится к бою. И начинает стрельбу сразу же, как только пираты подходят на расстояние выстрела. А потери у нападающих всегда больше, где-то один к трем-четырем...

Он повторил туповато:

— Но, сэр Ричард, как иначе?

Я сказал с торжеством:

— Ну что стоило этим пиратам прикинуться кораблем из соседнего государства? Дружественного, конечно? Всего лишь сменить флаг! Подошли бы вплотную, перебрались бы к нам через борт без всяких потерь... Во всяком случае, будь я капитаном пиратского корабля, велел бы сделать именно так. Как минимум. Или придумал бы что похитрее.

Он отшатнулся в великом отвращении. Лицо побледнело, губы искривились.

— Сэр Ричард, — сказал он лязгающим голосом, словно пытался выплюнуть застрявшую во рту жабу, — не шутите так... так мерзко! Я даже представить себе не могу такую гнусность! Как можно прикидываться невоюющим кораблем, когда он воюющий? Это же нечестно! Это гнусно! Это подло!

— Даже, — возразил я, — несмотря на то, что они пираты?

— И что? — спросил он с возмущением. — Пираты кто? Они преступники, да. Но они ж люди! Они тоже молятся и взывают к нашему Господу, а перед смертью страдаются исповедаться... если удаётся. Люди никогда... никогда-никогда не падут до такой отвратительной мерзкой гнусности, что нарисовали вы!

Я вздохнул, сказал примирительно:

— Да, шутка была неудачная... Смотрите, мы их в самом деле догоняем!

Он буркнулся:

— Нашему капитану так не терпится показать им, кто здесь главный, что даже про рифы забыл. Настоящий воин, что тут сказать...

— Азарт, — сказал я с сочувствием.

Он продолжил надевать доспехи, я подумал, взял лук Арианта, арбалет оставил, надел перевязь с мечом. Торкилстон уже в стальной кирасе, шлеме с опущенным забралом и в кольчуге до колен выскоцил первым, он вооружился мечом и длинным кинжалом.

Пиратский корабль, полагая себя хозяином морей, то ли никак не ожидал увидеть другой корабль, да еще враждебный, то ли команда слишком пьяная, но тревога там поднялась, когда «Богиня Морей» уже мчалася в их сторону на всех парусах.

Наконец там подняли добавочные паруса, корабль развернулся и начал уходить в открытое море.

— Ошибка, — сказал Ордонъес с удовлетворением.

— В чем? — спросил я. — Догоним?

— Конечно, — сказал он. — В открытом море у них нет шансов. Совсем обнагели от безнаказанности! А теперь вот голову потеряли... Держались бы ближе к берегу, у них посадка выше, а мы бы побаивались рифов да мелей...

Вдоль борта возбужденно галдит команда, у всех в руках блещет обнаженное оружие, хотя до схватки еще ой-ой, самые нетерпеливые уже принесли и аккуратно положили вдоль борта страшноватого вида стальные крюки с бухтами веревок на концах.

— Сейчас мы им покажем! — прокричал Ордоньес.

Он помолодел на глазах, двигается как подросток, глаза горят восторгом. Даже руки дергаются, как я понимаю, от жажды вступить в схватку лично.

— Дело воина, — напомнил я, — стремиться в бой. Дело командира — не торопиться.

Ордоньес насмешливо скривил губы:

— Мы и так догоним их не раньше, чем через час-полтора. Хотя не понимаю, от чего пытаются спастись? Трусость еще никого не сделала бессмертным.

Я всмотрелся в убегающий корабль, там, на палубе, везде идут лихорадочные и непонятные приготовления.

— Сознание неизбежности, — возразил я осторожно, — даже трусов делает храбрыми.

Он засмеялся, кивнул вниз.

— Сэр Ричард, взгляните на моих людей!

На палубе пусто, все либо облепили мачты и рассматривают убегающих, либо поставляют под ноги ящики, чтобы наблюдать за пиратами через край борта. У всех горят глаза, зубы оскалены, словно ими будут вгрызаться в глотки противника, даже импульсивно стискиваются, будто уже давят чьи-то глотки.

Сэр Торкилстон среди них почти неотличим, разве что доспехи на нем самые дорогие и сияющие, как солнце.

Я перевел взгляд на пиратский корабль, сердце начало стучать чаще. Рука сама по себе поднялась к плечу,

кончики пальцев любовно коснулись жестких перьев в расщепе стрел. Лук ощутимо ерзает за спиной, с жадным любопытством выглядывая, что там впереди.

Ордоньес посматривал на меня искоса с веселым любопытством. Улыбка стала шире.

— Хочется ввязаться? — спросил он невинно. — Сердечко стучит громче?

Я ответил после паузы:

— Да, конечно. Человек хуже зверя, когда он зверь, а я еще та зверюка... но я давлю этот азарт.

— Зачем?

— Майордому надлежит быть солидным, — объяснил я.

— А как насчет того, — спросил он, — что вождь должен впереди на лихом коне?

— Так обычно и делается, — согласился я. — Именно поэтому и проигрывают большинство сражений. Не видишь, что где на поле! Можно проморгать победу по собственной дурости и лихости.

Он сказал понимающие и с тяжким вздохом:

— У самого так. Если покину мостик, многое не вижу и что-то, да провороню. Ничего, это для нас не противники... хуже было, когда высаживались на острова. Там и люди непонятные, и звери, каких не вообразить...

— Все очистим, — пообещал я твердо. — Океан будет нашим!

Он посмотрел с недоверием.

— Весь?

— Хозяин мира тот, — сказал я, — кто хозяин морей.

Он расхохотался:

— Это верно!

Но по его лицу было видно, что принял как шутку. Я сам вроде бы сострил, но затем нечто лягнуло ниже поясницы: а в самом деле придется брать острова под контроль, дабы ничто не мешало торговым караванам.

Он снова покосился на мой лук.

— Не простой?

— Очень, — ответил я. — Увы, один он остался из всего-всего моего нажитого добра... ну да, нажитого, хоть и не очень тяжким трудом...

Его губы дрогнули в усмешке.

— У нас тоже все нажито... примерно так же.

— Но у вас все прирастает, — сказал я печально, — а у меня вот только он и остался.

Он кивнул.

— Был у нас тут один. Пришел на корабль, весь обвязанный амулетами и талисманами с головы до ног. Были у него даже такие редкие, как отгонялка Морского Змея или отпугивалка Донных Вампиров. А уж про Неутопление или Незамерзание и говорить нечего, по пять штук! Из богатенькой семьи, видать, дал деру. Но к концу первого рейса уже был гол, как сокол. Волшебное тратится быстро... А вот своя сила только растет. Как и умение. А все эти отгонялки — ерунда. Отгонишь чуть, а все тут же вернутся. Почти бесполезны...

— Почти?

Он кивнул снова.

— Разве что когда догоняют перед воротами. Успеешь отпугнуть и вскочить в двери, а за тобой захлопнут. А в бою — напрасная трата...

Корабли продолжали сближаться, пираты смотрят уже снизу вверх, некоторые угрожающе кричат и размахивают мечами, но большинству страшно, судя по их лицам. Поняли, что обречены, трусливо жмутся к единственной мачте.

Я хотел крикнуть им, чтобы бросили оружие на палубу и подняли руки, но покосился на Ордоньеса, здесь капитан он, вдруг да не послушается, урон моему престижу и... многое нарушит между нами.

— Действуйте, — сказал я благожелательно с видом не просто маркиза Черро, но и вообще императора, — вы знаете, что делать.

Он хищно оскалился.

— Да уж... Я на таком все зубы съел!.. Абордажная команда!.. Готовы?..

Снизу на палубе прокричали бодрое:

— Давно ждем!

Сердце стучит все громче и мощнее, а кровь шумит в жилах и бьет в голову. На удирающем корабле те самые сволочи, что сожгли мой порт... ну, пусть даже виновата команда другого корабля, а может, и этого, перебили мирных строителей. Это звери, которых не только можно, но и нужно...

Лук очутился в моих руках как будто сам по себе. Дрожащими пальцами я выхватил стрелу, наложил на тетиву и только сейчас понял, что мое подсознание ждало момента, когда корабли сблизятся на расстояние выстрела, а до этого времени прикидывалось таким миротворцем, таким гуманистом....

Я увидел краем глаза недоверие на лице Ордоньеса, но уже рывком оттянул тетиву до уха, выпустил древко стрелы из кончика пальцев и тут же ухватил вторую.

Стрелы пошли одна за другой, Ордоньес охнулся, а на палубе ликующие закричали, когда стрелы, почти на излете, ударили в выглядывающих из-за борта пиратов. Там борт намного ниже, чем у нашего, три человека упали и катились по палубе, еще двое пытаются выдернуть застрявшие в одежде древки, остальные тупо и непонимающе смотрят на меня, еще не сообразив, что уже на дистанции выстрела, если лук достаточно дальнобойный.

Я злобно оскалил зубы и стрелял, стрелял, пока пираты не сообразили, что так перебью всех, кто на палубе, и не начали прятаться за бортами, мачтами, бухтами канатов.

Ордоньес закричал с негодованием:

— Ваша светлость, дайте и моим повеселиться!

— А вот не дам! — заорал я и продолжал ловить на прицел самых неосторожных.

— Это нечестно!

— А вся жизнь такая, — прокричал я со злобным весельем. — Только начнешь привыкать к хорошему, как она становится еще лучше!

— Да, — согласился он, — жизнь малина... хотя иногда и хреновая... Вон еще один!

Нерасторопный успел добежать до двери камбуза и упал со стрелой в шею.

У нас на палубе орали все громче, ожесточеннее. Корабли сближаются медленно и неотвратимо, как галактики. Пятеро наших поднялись разом, как один человек, размашисто метнули тяжелые стальные крюки на длинных веревках. Десятки рук ухватили, потянули с такой силой, что я начал опасаться как за эти тугу натянутые струны, так и за пиратский корабль: так новгородцы топили датские корабли: вогнав гарпуны в борт и разом дернув на себя.

Кораблик, беспомощно хлопая парусами, начал приближаться бортом, такой маленький и жалкий. Пираты столпились на середине палубы, в руках оружие, многие в доспехах, но лица испуганные, растерянные, вряд ли так смотрелись, когда с радостным ревом выпрыгивали из лодок и бросались грабить беззащитные рыбацкие поселки.

Борт нашего корабля нависает над пиратским, как бочка над корытом, бросать крюки можно было и не высовываясь, будь на пиратском хоть несколько человек с луками наготове, наших гордецов сразили бы с первых выстрелов.

Слегка тряхнуло, послышался треск обшивки, и тут же головорезы Ордоньеса посыпались на палубу пиратского корабля. Кто лихо на веревках, кто просто перепрыгивал через борт, хотя с такой высоты желающих рискнуть оказалось немного, вот сэр Торкилстон слез степенно, как медведь в латах, но там сразу ринулся в сечу...

Я сунул лук за спину и так же, на веревке, перескочил через наш и вражеский борт. Подошвы ударились о чу-

жую палубу, я выхватил меч и сразу же метнулся в бой, как голодный, которому может не хватить лакомств, к столу.

От мачты в мою сторону бросилось сразу четверо с обнаженными мечами и дикими воплями:

- Вот он!
- Бей стрелка!
- Убить...

Я успел отразить удары двух лезвий, первого набежавшего ударили в подбородок. Сочно хрустнули кости, несчастный взлетел в воздух на высоту человеческого роста. Я не стал смотреть, как грохнется, быстро сдвинулся в сторону, избегая нацеленных в меня острый. По телу пронеслась горячая волна, все замедлилось, я чувствовал злой азарт и успел понять, что с моей силой и скоростью все чаще начинаю решать кулаками и тогда, когда надо бы иначе...

...но злой азарт накрыл с головой, я бил, крушил, расшвыривал, бросал с размаху на пол, слыша, как трещат не только доспехи, но и кости, вокруг сплошной крик, как же здорово попадать кулаком, как кувалдой, с размаха в челюсть или просто в лицо, когда под твоими ударами трещит, как сухая солома, и сминается, подобно глине, человеческая плоть...

На самом деле, вспоминая потом схватку, со стыдом вижу, что особого боя и не получилось. Первое сопротивление сломили сразу, а потом убивали в азарте даже тех, кто бросил меч и встал на колени. В живых оставили только капитана и еще троих, однако их тоже, после короткого допроса, бросили в трюм.

— Корабль затопить! — прокричал я злобно. — Или сжечь!

Шкипер Нелль, глава абордажной команды, со слипшимися от крови волосами, но бодрый и яростный, крикнул с другого конца палубы:

- А людей?

Я сказал со злобным сарказмом:

— Здесь нет людей!.. А та дрянь, что плавала на этом судне, хоть рыб собой покормит!.. И то польза.

— Точно сказано, — одобрил он. — Дрянь по морям плавает, а моряки — ходят.

Люк трюма с грохотом задвинули толстыми засовами. Нелль послал двоих дюжих матросов прорубить дно.

Глава 5

Некоторое время с пиратского судна на веревках поднимали все ценное, что удалось найти в каютах, затем их корабль начал оседать в воду. Я перебрался по веревочной лестнице обратно, за мной вскарабкался в слегка помятых доспехах сэр Торкилстон, он и в бою старательно и очень ревностно меня охранял.

Вскоре вернулся и Нелль, заметно прихрамывающий, на боку медленно расплывается кровавое пятно, поднялся к нам с Ордоньесом на капитанский мостик.

— Корабль затоплен, — доложил он бодро, почти не морщась от боли, — погибших нет!

— Раненых? — потребовал Ордоньес.

— Шестеро, — доложил Нелль.

— Тяжело?

— Только один. Груза немного, но достаточно ценное. Золотишко, серьги, ожерелья...

Ордоньес отмахнулся.

— Распределите среди команды.

— Даже не взглянете?

Ордоньес покачал головой.

— Наш сюзерен прикидывает, как ограбить весь мир, что мне эти мелочи?

Нелль посмотрел на меня с испугом, я положил руку ему на плечо и сказал строго:

— Надо верить в своего сюзерена! Ты веришь?

Он сказал настороженно:

— Ну да... верю.

— Тогда иди и не хромай, — велел я.

Он ухмыльнулся, еще не поняв, почему стал чувствовать себя лучше, повернулся и пошел, а Ордоньес ошелепленно смотрел ему вслед.

— Он... в самом деле перестал хромать!

— Вера в сюзерена, — сказал я значительно, — великое дело. Особенно в такого замечательного, как я.

Ордоньес наконец оторвал взгляд от преобразившегося шкипера, глаза дикие, сказал уже очень серьезно:

— Сэр Ричард, а уж я как вам верю! Иначе кто бы сумел меня заставить плыть через весь океан в неизвестно куда?

— Если верите, — ответил я с важностью, — то наследует великие дела. Очистить океан от пиратов — полдела. Даже меньше!.. Ладно, пойду трофеи посмотрю.

Трофеи меня интересуют меньше всего, я спустился с мостика на палубу, где раненых положили вокруг главной мачты. Корабельный лекарь прикладывает к ранам целебные листья и умело перевязывает чистыми тряпками.

Я каждому сказал несколько бодрых слов, похлопал по плечу, эксплуатируя способность паладинов заживлять раны, все сразу оживлялись, даже не понимая, почему вдруг такой прилив сил.

Один сказал серьезно:

— Спасибо, ваша светлость!

— Да не за что...

— Вы своими стрелами, — объяснил он, — нагнали такой страх, что мы их перебили, как перепуганных свиней.

— Они смелые, — пояснил я, — только грабить берега... Ничего, мы весь океан от них очистим.

Он засмеялся, а когда увидел, что говорю серьезно, вытаращил глаза в великом удивлении, больше похожем на испуг.

Ордоньес вскоре тоже спустился на палубу, вокруг него собралась группа матросов, все весело переговаривались, почти шушукались, а когда я подошел и к ним, обернулись со мне с хитро-веселыми мордами и глазами заговорщиков.

Ордоньес шлепнул по плечу Нелля, тот ухмылялся и качал головой, оба обратили ко мне хитрые взгляды.

— Ваша светлость, — сказал Ордоньес торжественно, — мои люди не перестают восторгаться вашей отвагой, яростью и умелым ведением схватки.

Я отмахнулся.

— Какое умелое ведение? Просто ринулись скопом, смяли.

— Но не потеряли ни человека, — напомнил он.

— Бросьте, — сказал я. — Это же всего лишь мелкий пиратский кораблик! Вот когда начнем очищать от этой дряни все море...

Матросы весело загудели, Нелль улыбался во весь рот, Ордоньес сказал благодушно:

— Вот-вот, и это тоже. Тут сказали, что вы похожи на Эрика Бесстрашного, легендарного воителя Первых Королевств, первого конунга. Он сумел сплотить мелкие отряды и повел их на завоевание... чего-то там, не помню. И хотят назвать вас конунгом.

Я помотал головой.

— Спасибо, но мне званий и титулов хватает.

— Я так и сказал, — согласился он. — Что такое конунг?.. Майордом, на мой взгляд, стоит повыше. И власти побольше...

— Согласен.

— Потом подумал, — продолжал он неспешно, — что майордом, как и маркграф — это власть на землях. На суще, как говорим мы, морской народ. А конунг все-таки власть больше на морях...

Я помотал головой.

— У меня нет власти на морях.

— Будет, — сказал он убежденно. — Мы же все видели, что у вас за масштабы... Порт рассчитан на прием огромной флотилии, а сама бухта вместит десяток эскадр в полном составе! И те доки для закладки больших кораблей, думаете, мы не заметили?

— Да какие доки, — слабо возразил я. — Так, ерунда. Только место наметили. Да колышки вбили.

— По тем колышкам видно, — сказал он с усмешечкой, — что за чудовища собираетесь строить. «Богиня Морей» покажется рядом с ними крохотулечкой, как те пираты, упокой Господь их души, выглядели перед нами. Так что станете конунгом, сэр Ричард! Мы просто первыми называем вас так, а прочему люду будем бахвалиться, что шли с вами в первом морском походе.

Я хмыкнул.

— Когда и флота еще не было?

— Когда был только зародыш флота, — уточнил он. — Я горд, что из моей «Богини Морей» вырастет армада! Она как курица, распустившая крылья, вырастит много боевых кораблей... Так что вы конунг, сэр Ричард! Конунг. И позвольте моим морякам гордиться, что первые это поняли, увидели и назвали вас так.

Я развел руками.

— Ну, если это важно для дела... то да, я конунг.

Моряки зашумели радостно, вздымали к небу обнаженное оружие. Ордоньес сказал громко и уважительно:

— Сэр Ричард... Вы самый настоящий морской конунг, гроза морей. Вам же нравятся схватки, не отнекивайтесь! Я видел яростный блеск ваших глаз... А этот звериный оскал?

— Еще и оскал, — пробормотал я убито. — Господи, это обо мне? Да ничего подобного!

— Вы боец, — сказал он уверенно. — Может быть, в своем королевстве дрались другим оружием, но дрались же? Я по глазам вижу!

Я покачал головой.

— Уверяю вас, больше этот блеск не увидите. Или очень не скоро. Я совсем политик, а политики воюют чужими руками.

Он захохотал громко и раскатисто.

— Не утерпите!

В каюте я перебрал мысленно схватку с пиратами, дрался что-то слишком жестоко, быстро зверея от свирепых ударов, ломающих кости. Что со мной происходит, почему все быстрее прихожу в ярость? Почему, если раньше мог обойтись зуботычиной или раздраженным пинком, сейчас стремлюсь ломать руки-ноги, разбивать черепа?

То ли потому, что все так делают... если удается, конечно, то ли здесь жизнь ни черта не стоит из-за высокой рождаемости... можно, конечно, сослаться и на Темного Бога, что разбудил что-то злое в моей душе, мы все находим, на что сослаться в оправдание, но в самом деле слишком часто убиваю, пусть в бою, а потом не чувствую никаких угрызений, разве что руки недолго потом трясутся да сердце колотится, как овечий хвост.

Да, вот именно, не чувствую угрызений совести. Так, статистика...

Сэр Торкилстон молча чистил и надраивал доспехи, кровь забилась в сочленения, будет портить парадный вид, сам довольный, на меня смотрит с любовью. Как же, все, как и ожидал: пошел с сэром Ричардом и тут же влезли в кровавую сечу — мечта любого мальчишки и бравого рыцаря.

— С вами не соскучишься, — сказал он почти нежно. — А то в Тарасконе только и дел, что пьяных подбирать в канавах да приводить в дом... Даже повесить некого!

— Жуть, — согласился я.

— То ли дело при вас, — сказал он мечтательно. — Сколько повесили... А сколько просто перебили?

— Гм, — сказал я поспешно, — пойду-ка взгляну на команду. А то я, как конунг, должен смотреть несколько иначе...

Он вскинулся, посмотрел с радостным изумлением.

— Вы еще и конунг?

Я вздохнул и поспешно покинул каюту.

Закат на море больше, чем закат. Это повергающее в трепет зрелище библейских масштабов, времен сотворения мира в небесном горне. Разверзшиеся бездны облачных гор, пылающие священным пурпуром, пугающие огромные и непостижимые настолько, что сердце сжимается от непонятной тоски...

С мостика донесся властный голос Ордоньеса:

— Отвести корабль от Зуба и держать на месте!

Я поднялся к нему, гордый и умный, сказал доброжелательно:

— Что, чтоб ветер в полной темноте не пригнал корабль на подводные камни?

— Точно, — сказал он и добавил с легкой ехидцей: — Наш доблестный конунг!

Я отмахнулся.

— Ну, конунг из меня известно какой...

Он хохотнул.

— Как из меня граф. Ничего, я стану настоящим графом, а вы — конунгом, каких мир еще не видел.

Я посмотрел на величественный закат.

— Будем ждать утра?

— Да. Ночь короткая, но, увы, сейчас новолуние. Не хочу в незнакомом месте погубить корабль, напоровшись на подводные камни.

— Тогда бросьте якорь, — посоветовал я значительно.

Он даже бровью не повел, но голос приглушил, чтобы не слышали его ответ своему конунгу:

— Ваши светлости, никакой якорной цепи не хватит!

Под кораблем не меньше мили. До дна, если вы еще не поняли. Зато дальше к Зубу Сатаны оно стремительно подымается, что опасно...

— Какой же я дурак, — с досадой сказал я. — Прости-те, сэр Ордоньес, сглупил.

Он великолепно улыбнулся.

— Добровольно в своих ошибках признаются только святые.

— Да, — поддакнул я, — я такой святой, что сам себе удивляюсь. Ладно, похожу по кораблю.

— Не спится?

— Да. Я всегда, когда не спится, брожу по кабинету.

— Для мужчины, — сказал он очень серьезно, — весь мир кабинет и мастерская.

Наверное, все-таки качка виновата, все время напоминает, что я не во дворце, а вот всеми фибрями в приключении, к чему так рвалась душа поэта и романтика, это моя-то, как это ни кажется смешно.

Сердце стучит часто и мощно, я тихонько спустился с мостика и пошел вдоль борта, стараясь вспомнить, что здесь ахтерштевень, а что ахтеркастль. Хотя нет, это в ахтеркастле находится моя каюта... Еще знаю, что латинские паруса на косых реях грот- и бизань-мачты позволяют «Богине Морей» идти круто к ветру. Только фок-мачта несет четырехугольный прямой парус...

Вахтенный бдит, остальные спят, а я, что бы не привлекать внимание, пошел дальше в личине исчезника. Похоже, моряки Ордоньеса не оснащены нужными амулетами, либо исчезничество на Юге, в частности на Черро, не шибко распространено...

Наконец, обойдя весь корабль, я остановился над местом, где через борт прямо в воду спущена толстая прочная веревка. Я не знаю, зачем, если это не якорная цепь, может быть, ею меряют скорость судна? Вот и узлы навязаны...

Насколько помню, даже в солнечный день в глубинах

всегда ночь, так что все равно, когда знакомиться с морем и проверять, в каких я с ним отношениях. Не все знают, что только на небольших глубинах можно любоваться красивыми водорослями, кораллами и разноцветными рыбками, а дальше сперва глаз перестает воспринимать краски, начиная с теплых тонов и заканчивая фиолетовым, а затем и вовсе чернота...

Тихохонько, чтобы никто не услышал плеска, спустился по веревке в воду и, не отпуская, сосредоточился, пытаясь представить себя большой и очень опасной рыбиной... нет, вообще существом, приспособившимся жить в воде, могучим и опасным...

Воздух стал тяжелым и липким, я попытался вздохнуть глубже, но в груди затрещало, кольнуло неприятно с обеих сторон, а ноги свело короткой судорогой.

Пальцы уже не могли удерживать тяжелое тело, я успел увидеть эти крохотные истончившиеся отростки, похожие на щупальца мелкой медузы, вода приняла мое грузное тело без плеска.

Я судорожно задерживал дыхание, чувствуя, что совершил величайшую глупость...

...грудь сама по себе сделала вздох, я ощутил себя легче, это не вздох, похоже, я получаю кислород прямо из воды. Посмотреть свою морду со стороны не могу, но тепло у меня в самом деле рыбье... однако такое же у дельфинов, у касаток и даже у ихтиозавров.

Я сделал медленный и осторожный круг, держа корабль в середине, к телу надо еще принаоровиться, и хотя я велик и вроде бы свиреп, но...

Мои плечи передернулись сами по себе. На земле и в воздухе немало чудовищ, но в воде их неизмеримо больше. Здесь они крупнее, так как вес не играет роли, можно расти и расти, здесь они намного свирепее и опаснее. К тому же видимость в воде намного хуже, заметишь опасность тогда, когда на тебя уже мчится что-то с пастью размером с ущелье...

Что за дурак, сказал я себе со стыдом. Хищников намного больше, чем на суше, уже потому, что и добычи здесь на квадратный метр в десятки раз...

Но и выбираться на корабль вроде бы не совсем, это же признаться, что струсил, пойду-ка на компромисс: опущусь вертикально, посмотрю, в самом ли деле там десятки затопленных кораблей, а потом свечой вверх...

Глава 6

Я трижды останавливался на пути к далекому и страшному дну, говорил себе, что делаю величайшую глупость, нельзя же так, но неведомый в моем срединном стыд заставлял пересиливать ужас перед бездной и опускаться еще и еще.

Наконец, когда совсем уже твердо и окончательно решил подниматься, внизу простирали смутные очертания чего-то мягко холмистого. И потом и вовсе стало видно настолько облепленные морскими водорослями и ракушками мачты и борта кораблей, что и не узнал бы, если бы не ждал увидеть именно их.

Затонувшие суда торчат кормой кверху, кто носом, некоторые набоку, я медленно плыл над ними, не везде даже угадывая, что именно вижу, понял потрясенно, что нет ни единого свободного клочка дна, где не было бы корабля...

Возможно, даже под этими кораблями не дно, а другие корабли. А под теми — другие...

Я чувствовал страх, словно заглянул в бездну времени, это же сколько безнадежных попыток, до чего же человек упрямая скотина, ничто его не останавливает перед расширением своего ареала.

Постепенно уровень дна с кораблями понижался, я снова намерился вернуться и точно так же, будто кто-то

дразнит меня приманкой, снова увидел наконец-то свободное от затонувших кораблей дно.

Ничего особенного, привычные крабы, крупные и мелкие ракушки, проплыла пара медуз, колышут стеблями неопрятного вида водоросли на крупном камне...

Глаз поймал нечто непривычное, я уставился в ту сторону, что-то вроде длинного вытянутого мешка, что стремится всплыть, но это не мешок, совсем не...

Сердце застучало чаще, я подплыл быстрее. Из рыхлого ила и песка вверх идет толстая железная цепь, а другой конец приклепан к толстому кольцу на ноге... женщины.

Она с закрытыми глазами и бессильно опущенными руками едва заметно покачивается в теплой воде. Роскошные золотые волосы с зеленью стремятся вверх и колышутся, словно щупальца медузы.

Я проплыл вокруг, не придумал ничего лучшего, как ухватить короткими ластами за цепь, потянул с силой. Очень неохотно подалась моим усилиям, из песка появилась массивная наковальня.

Женщина выглядит так, будто только что заснула. Я присмотрелся и охнул: на шее медленно бьется жилка, словно сердце все еще работает, хотя это какая-то дикость, мы же в полукиле от поверхности, здесь ко всему еще и давление, я же чувствую...

Цепь заскрежетала, я пытался ее рвать, грызть, ломать и перекручивать звенья. Наконец в челюстях хрустнуло, это же надо, какие у меня зубки, я ухватил женщину передними плавниками и пошел наверх.

Она не открывает глаз, но я чувствую, что в ней еще теплится жизнь, ума не приложу, как это можно... но сейчас важнее другое, как вот вылезу таким да еще с подобным уловом...

Наверху появилось мутное пятно, я замедлил подъем, это же утро, я весь остаток ночи спускался да присматри-

вался, ну я и орел... подводный, мне сейчас самое то показаться на глаза команде.

Сосредоточившись, я начал твердить себе, что рыбой хорошо, а человеком лучше, изволю вернуться в свое предыдущее тело, изволю немедленно, вот прямо сейчас...

Я перевоплотился даже чуть раньше, успел хватить воды, а женщину выпустил из рук, но, к счастью, перехватил конец цепи. Вынырнул на поверхность, корабль далековато, я начал орать и размахивать руками, цепь тяжела и тащит вниз...

В двух шагах всплыло женское тело, мне стало чуть легче, цепь держим вместе, но все-таки долго так не выдержим...

Нас заметили, как мне рассказывали, почти сразу вахтенные на высоте и сразу же подняли крик. На палубе принялись спешно спускать лодку.

Я изнемогал, удерживая женщину на плаву, когда к нам подплыли и помогли перевалиться через борт, а потом втащили обрывок цепи. Женщина оставалась неподвижной, лицо изнуренное, ни кровинки, очень худая, мокрое платье выдает не только торчащие ключицы, но и ребра. Глаза запали в темные пещеры, губы фиолетовые, подбородок заострился.

На меня посматривали со страхом, один из матросов пробормотал пугливо:

— Морская дева?

— Морских не топят, — пробормотал я.

Он с недоумением посмотрел на цепь у ее ноги.

— Может быть, ее просто посадили на цепь? Чтоб не кусалась?

Второй сказал с нервным смешком:

— Греби быстрее! А то вдруг очнется раньше, чем дойдем...

Я все еще дышал хрипло, приводя себя в порядок, в голове рой мыслей, но ни одной умной. Весла ударялись о воду все чаще, рулевой покрикивал, задавая темп.

Корабль приближался, через борт свешивались любопытные, едва не выпадают. Глаза у всех обалдевшие, по взмаху руки шкипера Нелля вниз полетели две веревочные лестницы.

Мне помогли уцепиться первому, женщину я перебросил себе через плечо, другим доверять рискованно. Сизифу и то легче подниматься в гору, но сверху опустились руки и помогли перевалиться через борт вместе с грузом.

Матросы обалдели, когда я опустил ее на палубу. Голова незнакомки красиво откинута, длинные мокрые волосы оттягивают ее с такой силой, что может переломиться хрупкая шея. Я бережно поддерживал, как младенца при купании, у них такие же непропорционально тяжелые головы.

Примчался и ликующе напрыгнул Бобик, горячий красный язык начал усиленно облизывать лицо. Я лежал и отплевывался водой, все-таки надо делать вид, что и сам почти утонул.

Сэр Торкилстон осторожно отстранил Адского Пса.

— Тихо-тихо, ты мешаешь...

Вокруг столько народу, словно на городской площади. Я поднялся на колени и склонился над женщиной.

Такие на кораблях не бывают даже по случайности, их нет даже в портовых городах, а если такая вот и появилась бы в семье простых крестьян, ее гордую красоту быстро бы заметили, и дальше она жила бы в замке или дворце. Аристократы потому красивее и сильнее простолюдинов, что у них есть возможность выхватывать вот таких и вводить в свои семьи.

С мостика спустился, грузно ступая, Ордоньес. Перед ним расступились, он приблизился и застыл в немом изумлении.

— Что стряслось? — прогрохотал надо мной его адмиральский голос.

— Я увидел что-то в море, — объяснил я, — показа-

лось, что женщина... Слез потихоньку, я не умею прыгать с высоты, а у вас тут такие высокие борта... Ну, оказалось, что прав. Но корабль хоть и стоит на месте, но я как-то отплыл за нею, что ли...

Он проворчал:

— На рассвете расстояния обманчивы... Но все-таки вы... не очень-то... это было совсем не умно... и слишком рискованно...

— Знаю, — сказал я с раскаянием. — Но я столько дней просидел за рабочим столом, словно писарь какой шелудивый! Теперь просто зудит совершить какую-то грандиозную дурь, да чтоб побольше и помасштабнее!

Он хотел что-то сказать еще, но женщина тихо пристонала, закашлялась, изо рта хлынула вода. Бобик угрожающе заворчал. Я перевернул ее вниз лицом и подставил под живот колено, так нас учили помогать утопающим. Она закашлялась сильнее, вода под давлением хлынула широкой струей.

Дождавшись, когда отплюется и начнет приходить в себя, я поднял ее на руки и сказал властно:

— Отдохнет в моей каюте.

Бобик зарычал громче, матросы смотрели с ужасом, Ордоньес крикнул вдогонку:

— Сэр Ричард, это же морская ведьма!

— Все женщины ведьмы, — крикнул я достаточно бодро, — так какая разница, морская или сухопутная?

Он внезапно хохотнул:

— Может быть, вы и правы.

Сэр Торкилстон поспешил впереди, открыл суетливо двери, а когда вошли в каюту, сказал со вздохом облегчения:

— Как же вам верят!.. А могли бы обоих за борт.

— За что?

— Женщина на корабле! Жди несчастий.

— Нам всего лишь обогнуть Зуб Сатаны, — заверил я. — Это не плаванье! Ничего не успеет случиться.

— С вами и не случится?

Я уложил женщину на свое ложе, она зябко вздрагивала и смотрела то на меня, то на сэра Торкилстона большими испуганными глазами. Бобик грозно рычал, не сводя с нее багровых глаз, шерсть поднялась дыбом.

Сэр Торкилстон посмотрел на меня, на женщину, отступил к двери и почтительно поклонился.

— Пойду взгляну, — произнес он неуклюже, — как там наверху. И послушаю, что говорят матросы. Боюсь, им все-таки очень не нравится эта женщина. Моряки — народ суеверный.

— Успеха, — сказал я.

Он обернулся в дверях.

— Бобик, ты со мной?

Бобик не оглянулся, продолжал рычать, но с места не сдвинулся, что-то ему не нравится, очень не нравится, однако мне пока ничего не грозит, иначе бы уже подобрался для прыжка.

Торкилстон вышел, плотно притворил за собой толстую дверь. Я сформировал горячий кофе, женщина вздрогнула, когда из ничего появилась глиняная чашка, а оттуда пошел ароматный пар.

— Выпьешь? — предложил я. — Хоть море и теплое, но, думаю, тебе не мешает согреться.

Она взяла чашку без опаски, рука белая и холеная, как будто изнеженную аристократку выбросили за борт, взгляд все еще испуганный, однако щеки чуть порозовели.

Бобик еще раз рыкнул, но уже тише, лег у двери, не сводя с нее красных глаз.

— Что это? — голос ее прозвучал слабо, но странно мелодично, словно наполовину голос, наполовину игра на неизвестном инструменте. — Странный запах...

— Неважно, — сказал я. — Просто подкрепись.

Она осторожно отхлебнула, прислушалась, сделала второй глоток, уже побольше.

— Ну, — сказал я, — давай рассказывай. Кто ты и что ты. Как ты ухитрилась там уцелеть? Все-таки мокро...

Она ответила слабым голосом:

— А что особенного? Вода здесь теплая.

— Не очень теплая, — напомнил я, — если не просто поплавать чуть-чуть... Ты сколько там пробыла?

— Недолго, — ответила она неохотно. — Но теперь и близко к морю не подойду. Поселюсь в лесу или в горах...

— Ты из Орифламме, — спросил я, — или из Вестготии?

Она замялась, взглянула быстро и цепко:

— Как вам сказать...

— Может быть, — сказал я, — с купеческого корабля? Или пиратского?

— Пиратского? — переспросила она. — Здесь водятся пираты? Какой ужас.

Но слова прозвучали ровно и бесцветно, то ли совсем нет сил, то ли пираты ее беспокоят меньше всего.

— Судя по всему, — сказал я, — тебя сбросили за борт недавно, иначе уже рыбы обгладали бы до костей...

Она кивнула.

— Да, недавно.

— Но как ты не захлебнулась?

Она посмотрела искоса.

— Похоже, вы сами скрываете от своих умение плавать под водой сколько угодно.

— Почему так решила?

— Думаю, я была у самого дна.

— Не сколько угодно, — возразил я. — Наверно, есть ограничения.

— Но вы их не знаете?

— Проверять было некогда.

Она кивнула.

— Я тоже могу... долго.

— Так сколько ты там пробыла?

На ее лицо набежала тень, она опустила голову.

— Дольше, чем хотелось бы.

По моей спине пробежала незримая ящерица с мерзко холодными лапищами. Вдруг почудилось, что речь идет не о часах и даже сутках, а о годах и, возможно, больше, чем годах. То-то на ней платье странного покроя.

— И что ты последнее помнишь? — спросил я. — Какая Война Магов была последней?

Она вздрогнула, взгляд ее стал диким.

— Война Магов? Какая Война Магов?

Чашку она держит обеими руками, вздрагивает, лицо бледное, на меня поглядывает поверх нее испуганно и с жалобным видом маленькой девочки из аристократической семьи, внезапно очутившейся на тихоокеанском острове среди каннибалов.

Я старался смотреть с сочувствием, но внутри нарастает зловещий холод. Эта милая крошка пробыла на дне океана очень-очень долго. Даже страшно представить... Ни человек, ни зверь не смогли бы.

— И кто ты? — спросил я.

Она снова испуганно взглянула поверх чашки.

— Я?

— Ну да, — сказал я, — кто ты?..

Она вздрогнула.

— Не знаю.

Я сказал с досадой:

— Только не надо никаких амнезий!.. Ты не могла забыть, кто ты и что ты. Как тебя зовут?

Она заколебалась, словно назвать имя — отдать власть над собой в чужие руки, наконец прошептала:

— Иллариана...

— Прекрасное имя, — восхитился я. — Как музыка!.. Ладно, не буду спрашивать твое настоящее, это неважно. Меня зовут Ричардом, имя настоящее, но это тоже неважно. Просто в этом времени неприлично общаться, не зная имен друг друга... Итак, что ты помнишь?

Пока я говорил, она с явным удивлением смотрела и

слушала, но когда задал вопрос, помрачнела и опустила голову.

— Везде темно, — голос ее прозвучал хрипло, — холодно, иногда проплывают рыбы... На дне почти ничего не меняется, только одни ракушки рассыпаются, другие растут. Вот и все...

Я пробормотал:

— Если пробыла там столетия, то могла и забыть слишком далекое прошлое... наверное, я так долго не жил, не знаю, как у стариков с воспоминаниями. Но слышал, детство помнят хорошо, а что вчера ели — забывают.

Она слабо улыбнулась.

— Я не старуха.

Я кивнул, восстанавливается удивительно быстро, щеки порозовели, первая улыбка, еще неуверенная, будто пытается вспомнить, как это делается, в глазах появляется блеск, что делает ее живее и опаснее. И эта чисто женская реакция скрыть возраст...

— Тогда ты демон, — сказал я. — Какой?

Она покачала головой.

— Я ничего не помню. Знаю только одно: кто бы меня ни отыскал, я обязана повиноваться ему.

Я помолчал, заявление довольно важное, сразу же вспомнил про всех заточенных в медных кувшинах. Мудрый Соломон многих их позабрасывал в море, и каждый обязывался служить тому, кто освободит из плена.

— Звучит привлекательно, — пробормотал я. — Если бы я был... гм... Но, увы, не вправе держать рабов или рабынь, это противоречит христианству, если о нем слыхала. Все люди свободны, хотя и не все пока что, слава богу, равны...

Она смотрела внимательно, в глазах удивление, покачала головой.

— Я не человек, ты сам сказал.

— Это многое упрощает, — признался я. — Животных пока что в рабстве держать можно. Потом, конечно, им

тоже придется дать права, даже избирательные, а то и место в правительстве, но пока что туда допускают только ослов...

— Тогда я твое животное, — сказала она.

Я подумал, сказал нерешительно:

— Ладно, пока не поймем, кто ты и что ты, будем считать тебя чем-то вроде домашней рыбки или птички. Собачка у меня уже есть, как видишь.

Она покосилась на Бобика. Рычать он перестал, но глаза еще красные, а шерсть улеглась не полностью.

— Собачка непростая, — произнесла она тихо.

— Я сам непростой, — сказал я с достоинством. — А по нашей вере мы все непростые, так как дети Господа. Ну да, ты о нем не слыхала. Это плохо, инквизиция на такие вещи смотрит строго. Ладно, я постараюсь ввести тебя в курс, а то тебе не выжить... У тебя как с памятью?

— Памятью?

— Ну да, — сказал я, — хорошо ли запоминаешь?

Она поняла, кивнула.

— Да, я ничего не забываю.

— Это упрощает задачу, — сказал я. — Кто бы подумал, чем я буду заниматься с женщиной наедине ночью!

Она слабо улыбнулась и опустила веки. Тень от длинных ресниц легла на впалые щеки. Я спросил, не холодно ли, она не ответила, я накрыл ее курткой и тихохонько поднялся наверх.

Глава 7

В ранний предрассветный час море выглядит серым, неприятного свинцового цвета, как и сам корабль от клютика до киля, но едва вспыхнули нежно-алым в небе облака, мир начал наполняться робкими красками, а когда из-за удивительного горизонта из воды показался край солнца, все вспыхнуло и заискрилось.

Я невольно зажмурился, давая глазам привыкнуть к внезапному блеску волн.

Сэр Торкилстон стоит неподалеку и зачарованно смотрит вдаль. Услышав мои шаги, быстро обернулся.

— Как она?

Я отмахнулся.

— Да так, ничего. Оклемается. У нее был амулетик, что позволяет продержаться полдня под водой. Ей повезло, подоспели вовремя.

— Повезло, — согласился он с подозрительной готовностью.

— Что говорят матросы?

— Разное. Есть обеспокоенные, но капитан сказал, что вот-вот обогнете Зуб, а там женщина сойдет на берег. За такое время ничего ужасного просто не случится.

— Молодец Ордоньес, — сказал я. — Впрочем, адмирал и не должен быть суеверным. А стена все понижается...

Он кивнул, но смотрел не на стену Зуба Сатаны, а в морскую даль.

— Сэр Ричард, — проговорил он дрогнувшим голосом, — не пойму... как она не переливается?

— Кто?

— Вода, — пояснил он и повел рукой. — Смотрите, там же нет берега!.. Она должна вылиться в бездну...

Я похлопал его по плечу.

— Пожалуй, ты уже готов услышать, что Земля не на черепахе.

— На слонах?

— Сам ты слон. Можешь мне не верить, так и Коперник советовал, он просто просил учитывать дикое предположение, что Земля — шар, и не стоит на месте, а движется вокруг неподвижного Солнца. Ты в это тоже не верь, а то свихнешься, но корабль надо вести так, словно вся эта дикость — правда.

— Но ведь Господь...

Палубу под нами ощутимо тряхнуло. Между каменной стеной и кораблем море забурлило. Выметнулись длинные щупальца толщиной с корабельные мачты, но длинные и гибкие.

Раздался крик, матросы забегали, как мне показалось, бестолково, а следом на палубу обрушились огромные щупальца, затрещали хрупкие переборки. Послышался дикий вопль, одно щупальце сшибло матроса, но, к счастью, не ухватило, а слепо шарило в поисках более крупной добычи.

Снизу тряхнуло сильнее. Корабль чуть приподнялся, словно огромный великан пытается вытащить его из воды, затем погрузился по самые края.

Матросы выбежали из трюма с кожаными бурдюками в руках, Ордоньес свирепо орал с мостика, а они лили за борт жидкость неприятно-зеленого цвета.

Корабль тряхнуло еще дважды, но слабее, а затем все увидели, как на поверхность всплыл неопрятный холм, покрытый гигантскими волдырями. Щупальца, толстые, как бревна, бессильно распластались по воде, волны слегка покачивают их.

Я выбежал на палубу с игрушечным арбалетом и целился то в центральную массу, то в ближайшие к нам щупальца.

— Все паруса! — орал Ордоньес. — Живо!

Мачты опасно затрещали, корабль под напором ветра наклонило вперед, нос начал резать волны с плеском и шумом. Мы уходили от зверя на всех парусах, я понял, почему такая спешка, когда исполинский зверь медленно задергался, вздрогнул, словно пробудился от короткого сна.

Все задержали дыхание, но чудовище убрало щупальца и коротким рывком ушло в глубины.

— Успели, — выдохнул кто-то с неимоверным облегчением возле меня. — Всю гагангу истратили!

— Капитан догадался, — сказал кто-то с великим уважением. — Кто же знал, что усыпит и этого...

— На то он и капитан...

— Ордоньес голова!

Сэр Торкилстон сказал мне, тяжело дыша:

— Теперь понятно, почему никто не может обогнуть этой проклятый Зуб Сатаны. Если эта тварь здесь... а то и не одна, никакая флотилия не пройдет... Разве что случайно, когда спят...

На капитанском мостике Ордоньес облокотился о перила и крикнул весело:

— Что, струхнули? Ничего, еще и не то будет...

Шкипер посмотрел на капитана, на меня.

— Ну да, — пробасил он, — как же иначе?

Один из матросов спросил наивно:

— Почему?

— Теперь с нами сэр Ричард, — объяснил Нелль обстоятельно и захохотал. — С ним не соскучишься, га-га-га!

Матрос посмотрел на меня с опаской и ответил, понизив голос:

— Тогда, может... его светлость за борт? Пусть сам с ними свои споры улаживает?

Ордоньес гулко захохотал, грубые шутки все понимают, сказал с хмурой гордостью:

— Думаю, мой корабль никаким чудищам не по зу-бам.

Лицо шкипера Нелля стало мечтательным, маленькие глазки закатились под лоб.

— Представляю, — обронил он задумчиво, — сколько там всяких обломков на дне...

Ордоньес проворчал:

— И не надейся.

— На что? — спросил Нелль.

— На то, — ответил Ордоньес хладнокровно. — Кто в первый рейс берет сокровища? Тут гибли корабли тех, кому терять нечего.

Нелль обескураженно умолк, а кто-то из матросов сказал со злорадным сочувствием:

— Ну вот снова не дали намечтать бедняге гору золота!

— Не бедняге, — возразил кто-то. — Барону!

Хохот стал громче, вообще все держатся чересчур приподнято, в таком истерическом веселье все-таки чувствуется недавний страх перед чудовищем, что едва не утопило корабль.

Я поинтересовался:

— А что такое гаганга?

— Отвар, — объяснил Нелль, — одурманивает хищных кашалотов у своих берегов. Но, как видите, действует и на таких тварей...

— Не убивает?

— Увы, — сказал он с сожалением. — Только усыпляет, да и то ненадолго... Как раз успеваешь удрать!

— Да и то не всегда, — крикнул один из матросов.

— Нерасторопные гибнут, — подтвердил Нелль угрюмо. — Или кто пожадничает и высыпает мало.

— Из чего ее делают?

Он вздохнул.

— На островах ни разу не встречали. А без нее туда... разве что вы придумаете что-то, ваша светлость. По вам видно, что на всякое горазды. Мы вон поверили вам, не прогадали! Морской разбой хорошо, но на суще вести богатое хозяйство — лучше... Так ведь, Горлохвatiще?

Матрос, к которому он обратился, подтвердил с хмурой гордостью:

— Да, многие, благодаря нашему благородному маркизу, стали земледельцами. Вы сделали хорошее дело, ваша светлость! Но я... моряк. Эта палуба... и есть вся та земля, которая мне нужна. А королевство, в котором я живу, называется морем.

— Океаном, — поправил Нелль.

Матрос покачал головой и посмотрел на меня серьезными внимательными глазами.

— Океан — это уже империя, ваша светлость. Бескрайняя и необъятная. Наш шкипер будет счастлив на своем участке земли с его овцами. Я счастлив только на корабле.

Он ушел с бухтой веревки на плече, а шкипер уважительно кивнул вслед.

— Грамотный... Из семьи благородных сбёг. Так красиво говорит, что и не сразу поймешь!

Он ушел, покрикивая на работающих, я потащился к капитанскому мостику. Корабль двигается медленно, волны с хлюпаньем бьют в борта. На самом кончике бугшприта устроился матрос и, вглядываясь в прозрачную воду, кричит:

— Глубоко!.. И здесь!..

Ордоньес стоит на мостике, заложив руки за спину и расставив для устойчивости ноги, чем-то похожий на те деревянные статуи, которыми украшают нос корабля.

На мои шаги коротко оглянулся.

— Ваша светлость...

— Граф, — ответил я ему в тон. — Как берег?

— Вроде и не должно быть здесь рифов, — проговорил он без особой уверенности, — но не хотелось бы погубить корабль по дурости. Зуб Сатаны еще не показал себя во всей красе...

— Все правильно, граф, — сказал я. — Все делаете правильно! Отважные до глупости уже кормят рыб на дне... А стена все понижается!

— Не стена, — уточнил он. — Дно.

Я подумал, сдвинул плечами.

— Но не может же тянуться вот так через весь океан до Юга?

— Кто знает...

Я задрал голову и посмотрел на обвисшие паруса.

— Штиль?

— Понемногу двигаемся, — заверил он. — Хотя и медленнее, чем хотелось бы.

Я кивнул.

— Ладно, пойду навещу нашу морскую ведьму. Как видите, пока не навредила.

Он широко ухмыльнулся.

— Я и не говорил, что всякая женщина — беда!

— Не суеверны?

— Капитаны вообще такое не говорят.

— Серьезно?

Он ухмыльнулся шире.

— Женщина на корабле обычно достается... капитану.

А насчет беды кричат обычно те, кому она не досталась. Все просто, ваша светлость!

Я сбежал с мостика, солнце поднялось высоко, железные детали на палубе, бортах и мачте накалились под прямыми лучами, а из досок выступают и ярко блестят, как свежий янтарь, желтые капельки клея.

У центральной мачты сидят, укрывшись от зноя, четверо матросов, трое жадно слушают четвертого, хитроватого и с бегающими глазами, но умело артистичного:

— ...гигантские жуки, — услышал он, — размером со слонов. И комары, как аисты!.. Представляешь, как не просто добраться к сокровищу?

Все трое слушали с восторгом, я хотел было пройти мимо, но один из матросов спросил быстро:

— Ваша светлость, вы человек бывалый, не то, что мы... На островах в самом деле такие страсти?

Я покачал головой.

— Враки.

Хитроватый вскрикнул:

— Ваша светлость!

— Враки, — повторил я. — У насекомых трахейное дыхание. С ним у них и так размеры дальше некуда.

Рассказчик сказал упрямо:

— Но... магия?

Я покачал головой.

— Магия сделает трахеи нужной длины, если маг до-думается до такого, но чтобы заставить воздух двигаться ту-ды-сюды, все равно нужны мощные легкие.

Один из матросов сказал робко:

— Но магия может все...

— Не все, — ответил я. — К сожалению. Или к сча-стью, как посмотреть... Но вы не падайте духом. Там нас ждут звери пострашнее, чем жуки размером со слонов! А люди так вообще...

Глава 8

Женщина уже сидит за столом, волосы стянула на затылке в небрежный, но очень толстый узел, кажется отлитым из чистейшего золота. Просохнув, они стали еще ярче, блестят даже в полумраке каюты, но еще ярче смотрятся ее глаза, большие и очень серьезные.

— Рад, что приходишь в себя, — сказал я тихо и осторожно сел за стол напротив нее, — на корабле не очень... здоровая пища, потому попробуй пока вот это...

Она спокойно смотрела, как на столе появляются нарезанные тонкими ломтиками сыр, хлеб, ветчина, карбонат...

— Спасибо, — произнесла она.

Я ощущил себя слегка задетым, она слишком уж осторожничает и старается не говорить ничего лишнего. Когда еще не пришла в себя, была чуть откровеннее, а сейчас отмеряет каждое слово и каждое движение.

— Наверняка можешь сделать и лучше, — сказал я. — И больше, я не ошибся? Но не выдаешь себя. Почему?

Она покачала головой.

— Нет-нет, я этого не могу.

— А что можешь?

Она посмотрела мне прямо в глаза.

— Здесь... ничего. Прости, что не оправдала твои ожидания. Но золото я творить не могу.

Я ответил задето:

— С золотом у меня проблем нет. Да и не поможет мне золото, пусть даже целые горы. Ты лучше скажи мне такую простую вещь... Как тебе удавалось выжить так долго? Я молчу, что дышать в воде непросто, но, допускаю, что умеешь разлагать на водород и кислород... ага, знакомые слова?.. Но тебя затопили вблизи Рога Сатаны случайно или намеренно? Возможно, рассчитывали, что сожрут тамошние монстры? А они, должен сказать, впечатляют.

Она слушала спокойно, лицо непроницаемое, даже слишком. В таких случаях всегда предполагаем бешеную работу мозга.

— Наверное, — произнесла она задумчиво, — я невкусная...

— Надо будет проверить, — сказал я и, пока не среагировала на игривую шутку, добавил поспешно: — Ты всем внушила, что невкусная, противная, горькая, ядовитая?.. Хорошее заклинание.

— Заклинание?

— Да как ни назови, — сказал я дружелюбно. — Понимаю, что заклинать в воде трудновато, но есть и другие варианты коммуникации. Знаковые, визуальные, феромонные... У муравьев и женщин должны быть хорошо развиты феромоновые, верно?

Она смотрела мне в глаза и молчала. Мне показалось, что пытается, как и многие до нее, пробиться сквозь мои барьеры и прочесть все, что во мне, но, судя по тому, как на ее лице разочарование становится все заметнее, уже понятно, что увидела самое странное: никаких барьеров нет.

Но и меня там нет.

Я вздохнул, поднялся.

— Ладно, отдохни. Тебя ни к чему не принуждают,

ничего не требуют. Когда пристанем к берегу, а это скоро, ты вольна покинуть корабль. Но, конечно, сперва подумай... Боюсь, что твоих там на сушу уже не осталось.

Она промолчала, а я толкнул дверь и вышел на палубу. Ветра почти нет, но корабль все же двигается медленно и неторопливо, как небесное светило. Хотя мы уже давно в океане, а берег отдаился настолько, что и не видно за горизонтом, но только теперь зловещая стена Зуба Сатаны понизилась достаточно, чтобы матрос с вершины мачты мог увидеть, что там по ту сторону.

Умом, конечно, понятно, что там та же земля, такие же птицы и звери, такие же деревья и люди, однако сердце стучит взмолнивенно в ожидании чего-то необыкновенного.

На мостике появился Ордоньес, от него пахнуло винным перегаром, но бодр и весел, рыкнул, как проснувшийся лев:

— Приготовиться к повороту!.. Рулевой, не спать, слишком близко к стене!

Я сказал весело:

— Не хочется идти в тени?

— Здесь тоже могут быть рифы, — объяснил он серьезно. — Кто знает, какая здесь глубина. А скорость все-таки набираем.

Наверху хлопнул парус, опал и снова надулся, как рассерженный индюк. Корабль дернулся, его чуть наклонило вперед, матросы поспешили ринулись наверх, что-то подвязывать, что-то отпускать, нас понесло чуть быстрее.

Я сказал с легким раздражением:

— Всегда так! Когда надо — ветра нет, когда не надо, тут тебе и дождь, и ветер, и гроза...

Стена понижается с каждой минутой, я даже привстал на цыпочки, когда почти ровный край, сильно оплавленный неведомым жаром, сравнялся с бортом корабля.

Волна приподняла корабль, я на мгновение охватил взглядом то, что, как я полагал, по ту сторону отрога Ве-

лико^{го} Хребта, именуемого Зубом Сатаны... и дыхание замерло. Палуба пошла вниз, снова идем вдоль стены, что и не стена, оказывается, вовсе...

Чудовищный катаклизм когда-то ломал земную кору, одни части раздвигались, в щели заливалась вода из океана, и получались морские проливы, а то и моря, другие сталкивались друг с другом, как плывущие льдины, и смерзались в единое целое, а в месте удара образовывались исполинские вздутые шрамы, как вот Великий Хребет...

...а здесь разломившиеся плиты остались плотно прижатыми одна к другой, только одну приподняло не меньше, чем на милю. Крохотнейшая величина в масштабах не только планеты, но даже земной коры, но разница в уровне сразу оборвала связь между уцелевшими людьми. С этой стороны никто не поднимется на отвесную стену такой высоты, а с той не спустится: веревка порвется от собственной тяжести.

Взгляду открылся великолепнейший пляж, совершенно пустой, что и понятно, пиратам все равно, как называется королевство, грабят просто береговые деревни и города, вдали роскошный лес, песок блестит чистый, белый, много кварца, торчат полузасыпанные раковины диковинных моллюсков.

Ордоньес смотрел на берег очень внимательно, тяжелый и неподвижный, как статуя командора.

— Прежний курс! — велел он наконец.

Я торопливо взбежал к нему наверх.

— Куда, в открытое море?

Он кивнул.

— Именно.

— Зачем?

Он объяснил терпеливо:

— Здесь еще с полмили будет мелководье. А то и всякие там подводные камни, рифы... Там, видимо, бросим

якорь. А на берег, понятно, вас доставим на шлюпке. А вообще, если честно, что-то не нравятся мне эти места.

— Где ваш задор, капитан? — спросил я бодро.

— У меня команда, — проворчал он. — Я их раны на себе чувствую.

— На берегу никого не видно, — сказал я.

— Места пустынные, — согласился он. — Нехорошо.

— Поищем бухту, — предложил я. — И чтоб лес поближе. Народу здесь даже спрятаться негде. Если пираты нагрянут, всех повяжут.

— Когда лес близко, — проворчал он, — отстроить деревушку можно за сутки. А набеги, думаю, не чаще, чем раз-два за год... И то, если пираты близко.

Пляж отдалился, как мне показалось, уж чересчур, когда наконец Ордоньес велел повернуть корабль и двигаться параллельно берегу, но и тогда матрос с кончика бушприта покрикивал насчет глубины, а два других на всякий случай промеряли еще и грузом на веревке.

Торкилстон то ли в нетерпеливом ожидании позабыл про морскую болезнь, то ли отпустила при смене курса, но дважды с большим трудом поднимался на мачту по вевревочной лестнице, матросы посмеивались, но помогали, льстит, что военный комендант города и начальник городской охраны не чванится.

Наконец из вороньего гнезда донесся крик:

— Деревня на берегу!

Ордоньес сказал быстро:

— Хорошо... Подойдем ближе, но не слишком, а там спустим лодки на воду!

Я сказал быстро:

— Пойду предупрежу нашу морскую ведьму. Кстати, ее зовут Иллириана.

— Красивое имя, — согласился он. — В нем чувствуется море.

Я торопливо сбежал на палубу, а оттуда ринулся в

свою каюту. Иллириана вздрогнула, когда дверь распахнулась и я вырос на пороге.

— Что... случилось?

— За борт, — сказал я, — пока выбрасывать не будут, успокойся. На берегу замечена деревня. Меня переправят туда на лодке.

Она вскинула на меня взгляд лучистых глаз.

— Зачем?

— Я исследователь, — объяснил я. — Понимаешь, мир изменился, его нужно исследовать заново. Сделать карты. Начинать многое заново. Я не знаю, понимаешь ли ты меня...

Она сказала ровным голосом:

— Мне тоже нужно на берег.

— Это понятно, — согласился я. — На корабле оставаться рискованно. Стоит Ордоньесу отвернуться, тебя отправят снова за борт.

Она слабо улыбнулась.

— Да-да, именно поэтому.

— Хорошо, — сказал я. — Мы доставим тебя до ближайшего города...

— Спасибо, — сказала она, — но, мне кажется, я смогу найти помочь даже раньше.

Я спросил настороженно:

— Каким образом?

— Ненавижу воду, — напомнила она.

— Не понял, — ответил я чистосердечно, — ну да ладно. Сказал бы, чтобы собирала вещи, но они все на тебе... В общем, подумай еще раз, если захочешь подождать меня на корабле...

Она прервала:

— Ты хотел посмотреть лодку, на которой поплыешь.

— Верно, — ответил я и вышел, а когда закрыл за собой дверь, подумал с подозрением, что слишком легко я согласился, будто мне мягко то ли подсказали, что делать

и говорить, то ли незаметно повели на веревочке, как глупого бычка...

Корабль медленно и очень осторожно приближался к берегу, паруса почти все спущены, группа моряков убирает чехлы с лодки, а ее снимает со стапелей, на капитанском мостике Ордоньес посматривает на всю суэту со спокойствием восточного мудреца.

Я быстро взбежал к нему, он внимательно посмотрел на лук за моими плечами, мешок на спине, перевязь с длинным мечом.

— Вижу-вижу, — произнес он неспешно, — вы ждете не только цветы под ногами.

Я пожал плечами.

— А что, вы видите у меня на груди табличку с надписью «Я дурак?». Конечно, я человек осторожный. Даже очень осторожный. Я даже на холодную воду дую!

Он ухмыльнулся.

— Да-да, я знаю, насколько вы осторожный. Что собираетесь делать дальше?

— У меня очень мало времени, — сказал я, — до возвращения. Потому хочу только побыстрее добежать до здешнего правителя, представиться скороговоркой, предложить дружбу и... все. Мы же соседи!.. О таком можно договориться сразу же. Чем-то сможем торговать, обмениваться. Даже помогать друг другу, если где какое стихийное бедствие.

Он вскинул брови.

— В смысле?

— К примеру, — объяснил я, — у них случится катастрофическое наводнение, что смоет целые города!.. Или выпадет град с овечью голову, что перебьет половину народа!

Он подумал, кивнул, лицо стало деловитым.

— Да, такое знать нужно. Если у соседа такое случится, то самое время быстро захватить его королевство, пока там еще не опомнились! Вы хорошо все продумываете,

сэр Ричард. Я рад, что вы тогда пришли в наш... теперь уже ваш, маркизат.

Я поперхнулся на полуслове, потом кивнул.

— Да, сэр Ордоньес. Но для этого надо побывать в столице, пообщаться с королем. И сразу же назад. У меня, как вы уже знаете...

— ...поход на Гандергейм, — добавил он. — Знаю-знаю. Маркизат Черро достался вам намного проще, верно?.. Ничего, скоро там будет не только полностью разоренный край... Поход через неделю?

— Боюсь, — признался я, — что даже раньше. Граф Ришар поведет войска, не дожидаясь меня.

— Знает, — сказал Ордоньес с ухмылкой, — что дого-ните... Хорошо, сэр Ричард. Я сойду на берег с вами.

Я отшатнулся в удивлении.

— Зачем?

Он ухмыльнулся.

— А что, стоять на якоре и ждать вас? А хоть столицу увижу. Местных женщин за сдобные булочки подержу. Да и вам понадобится хотя бы крохотная свита, чтобы престиж не особенно ронять. Сколько людей взять?

— Чем больше, — сказал я, — тем хуже. Большой отряд вызывает тревогу и страх.

Он кивнул.

— Тогда я, шкипер Нелль... ладно, хватит. Четыре человека кого встревожат?

Я удивился:

— Неужели и он пойдет? Такая морская душа...

Он коротко хохотнул.

— А ради чего он напросился в этот рейд через океан? Чтобы напоследок что-то особенное... Потом будет овцам байки травить.

— Хорошо, — сказал я. — Хорошо. Но только... ладно! Чур на разведку буду ездить один. У меня конь быстрый, смогу удрать от кого угодно.

Он посмотрел на меня внимательно, сперва ухмыль-

нулся с недоверием, потом всмотрелся снова и медленно кивнул.

— А ведь вы, сэр Ричард, в самом деле не постыдитесь удрать, если будет надо! За что уважаю еще больше...

Глава 9

Весла мерно врезаются в воду, вода настолько прозрачная, словно ее и нет вовсе, а мы плывем по уплотненному воздуху. Отчетливо вижу на далеком дне крупные раковины, вон боком прошел массивный краб...

Сэр Торкилстон устроился поближе к носу, Иллириана сидит, напротив, на самой корме. Волосы все так же убраны в тугой узел на затылке, лицо измученное, но строгое. Моряки посматривают на нее со смешанным выражением облегчения, что ведьма покидает корабль, и сожаления: покидает безумно красивая женщина.

Она перехватила мой взгляд, на губах пропустила печальная улыбка, тут же подняла голову, всматриваясь в небо, чистое, синее и по-южному безоблачное.

Торкилстон крикнул:

— Наш капитан прав, оставив корабль так далеко от берега!

Я оглянулся на вторую лодку, там пассажирами только мой Зайчик и адмирал Ордоньес. Шкипера Нелля, несмотря на его протесты, все-таки после долгих колебаний и раздумий оставил на корабле, а пиллюю подсластил тем, что в отсутствие адмирала он старший, первый после Бога, все на корабле в его власти.

— Еще бы, — ответил я с запозданием. — Мелководье такое, что даже лодку придется тащить...

— То ли дело у нас, — сказал он, посмотрел на меня и поправил себя поспешно: — У вас, сэр Ричард! Весь порт и вся бухта — ваши. Хорошую вы тогда сделку провернули.

— Я хитрый, — согласился я.

В моем тарасконском порту корабли в самом деле смогут подходить прямо к причалу. А здесь дикий берег, даже несмотря на рыбакскую деревушку, на вот те три домика вдали, что поближе к лесу.

Чайки сделали над нами круг, вопят резко и неприятно, сверкнули красными лапами и понеслись к кораблю, а гребцы ускорили темп, чтобы с разбега набежать на мелководье.

Я был прав, лодка заскрипела днищем по песку за полсотни шагов до суши. Моряки быстро повыскакивали и, ухватившись за борта, дружно потянули. Торкилстон выпрыгнул вместе с ними и тоже ухватился, а я подал руку Иллариане.

Она вложила в мою пятерню узкую ладонь с тонкими длинными пальцами и уже готовилась переступить через борт, но на ее лице отразился такой страх, что я сказал поспешно:

— Погоди...

— Ничего, — ответила она с трудом.

— Лучше по-другому, — заверил я.

Она не успела вскрикнуть, я подхватил ее на руки и понес к берегу. Ее тонкие руки поспешно обвили меня за шею, она прижалась всем телом, словно страшась, что уроню в эту ужасную воду, спрятала лицо на груди и вроде бы даже торопливо закрыла глаза.

— Все будет хорошо, — сказал я тихо ей в ухо. — Со временем перестанешь ее бояться.

Она шепнула мне в грудь:

— Спасибо.

— Пустяки, — ответил я. — Это тебе спасибо, что позволила помочь. Так приятно быть мужчиной... когда это ничего не стоит.

Она слабо улыбнулась, но глаз не открыла. Матросы с дружными криками тащили рывками лодку по мелково-

дью ближе к берегу, а то в прилив смоет, Торкилстон тру-
дился вместе с ними.

В сторонке точно так вытащили вторую лодку. Зайчик выпрыгнул и пронесся, вздымая брызги, в нашу сторону. Пес набежал и попытался запрыгнуть ему на спину, но арбогастр моментально подогнул ноги, и Бобик, не сумев извернуться в воздухе, позорно шлепнулся в воду.

Я вышел на сухое, волна попыталаась догнать, но не сумела и с разочарованным шипением ушла, застыдившись, в песок. Я прошел еще чуть выше, пора бы уже опустить спасенную на землю, но так не хочется разжимать рук, да и она там уютно устроилась, все подсказывает, как ей хочется там оставаться, в теплом и надежном, чувствуя щекой биение моего сердца.

Бобик начал нетерпеливо нарезать вокруг нас круги, Зайчик недовольно фыркнул и тряхнул гривой.

Я со вздохом сожаления поставил Иллариану на землю. Она некоторое время не убирала рук с моей шеи, я чувствовал тепло ее щеки на моей груди, наконец со вздохом отстранилась, подняла голову.

Наши взгляды встретились, в ее удивительных глазах было сожаление.

— Спасибо за все, — произнесла она едва слышно. — И не только за спасение.

К нам подошли Ордоньес и Торкилстон, оба в доспехах и обвешанные оружием, чем-то похожи: оба предпочли стальные кирасы и мелкоячеистые кольчуги, хотя могли бы облачиться и в полные рыцарские доспехи.

Двое матросов побежали к рыбакским хижинам, но уже отсюда видно, что там пусто. Нас местные увидели раньше, чем мы их, а собрать нехитрые вещи и удрать — минутное дело.

Ордоньес поинтересовался:

— Попробуем заглянуть в те дома, что возле леса?

И хотя он спрашивал, а не приказывал, Торкилстон напомнил ревниво:

— Как решит сэр Ричард.

Ордоньес усмехнулся.

— Разумеется. Я с удовольствием похожу под его командованием...

Он не договорил, оглянулся. Со стороны леса по небу несется в нашу сторону большая стая птиц. Точнее, не большая, но птицы крупные, как разжиревшие журавли, только еще побольше. Сердце мое тревожно стукнуло, рука как будто сама по себе поднялась к плечу.

Пальцы нашупали оперение стрелы, я быстро выдернул одну из тулы и наложил на тетиву лука.

Иллариана взглянула на меня печальными глазами.

— Нет...

— Почему? — спросил я.

— Не нужно...

— Кто их знает, — сказал я нервно. — Вон какие клювищи...

— Я знаю, — ответила она.

— Ого, — сказал я. — Кто они?.. Бобик, сидеть!

Она взглянула беспомощно, что-то произнесла на странном птичьем языке, пересчур быстро даже для моего уха.

— Не понял, — ответил я честно.

— Но ты услышал, — произнесла она пораженно, — это тоже... очень...

Она снова произнесла что-то на непонятном языке, явно нечеловеческом, а стая в это время пролетела над нашими головами совсем низко, развернулась и пошла по кругу, звучно хлопая крыльями, щелкая клювами и растопыривая лапы с длинными когтями.

Бобик изголовился к прыжку, я погрозил ему пальцем, он присмирел, хоть и скульнул протестующе.

Иллариана сказала быстро:

— Вам лучше отойти.

— Что будет? — спросил я.

Она покачала головой.

— Ладно, я отодвинусь сама...

Отбежала она быстро, хотя и пошатывалась от усталости. Птицы немедленно начали садиться рядом, окружили, начали подпрыгивать, как журавли в брачном танце. Золотая голова с распущенными волосами то и дело скрывалась за их поднятыми крыльями.

Я то натягивал лук, то отпускал, сэр Торкилстон выдернул меч и готовился спасать морскую ведьму, хотя должен бы только радоваться, если ее заклюют.

Ордоньес сказал нетерпеливо:

— Да стреляйте же! А то вдруг клюнут...

— Зачем стрелять? — спросил я.

Он ответил быстро:

— Так она ж вроде теперь наша!

Я бросил в его сторону понимающий взгляд, как ни свиреп вожак пиратов, но женщина бросается защищать в любом случае, ведьма или не ведьма, к тому же сошла с его корабля, так что все еще под его защитой...

Иллариана совсем исчезла за беснующимися огромными птицами, я наконец решительно натянул тетиву, но в это время одна подпрыгнула, мощно толкнулась лапами и, шумно хлопая крыльями, взлетела в воздух.

За ней начали взлетать другие. Я напряженно ожидал, но Иллариана так и не показалась за их фигурами. Взлетели две последние, мы все трое охнули в один голос.

Торкилстон сказал быстро:

— Вон она!.. Самая задняя!

Ордоньес возразил:

— Нет, ее взяли в середку. Она самая слабая. И летят потому медленнее...

Я опустил лук.

— Она была права насчет моря и суши.

Торкилстон жадно спросил:

— Что говорила?

— Что беспомощна только в море.

Мы все трое провожали взглядами удаляющуюся стаю.

Теперь я сам видел, что стая не только увеличилась на одну птицу, но и заметила, на какую.

— А жаль, — произнес Ордоньес. — Было в ней что-то необыкновенное... Именно о таких мечтаем. Теперь буду всю жизнь вспоминать, в кабаках рассказывать. Такая вряд ли стала бы овец разводить... хоть мясных, хоть тонкорунных, но вот летать над кораблем...

Он оглянулся, матросы дисциплинированно ждут возле лодок, в нашу сторону смотрят в ожидании распоряжений.

Ордоньес махнул рукой.

— Можете возвращаться. Сегодня вряд ли вернемся...

Бобик наконец зашевелился, а Зайчик опустил мне морду на плечо и печально вздохнул.

Торкилстон решил взять на себя функцию впередиущего, но его опередил Бобик и мощными прыжками понесся к домикам у кромки леса.

Я заспешил следом, стараясь не выглядеть слишком воинственным, могут наблюдать из-за деревьев.

Бобик исчез за домами, мы видели, как влетел в один, выпрыгнул в окно и ринулся в другой, там гремело, из окон вылетели клубы пыли, он выметнулся, как ошпаренный кот, и забежал в третий дом.

— Быстро он, — сказал Ордоньес восхищенно. Он оглянулся на бредущего за нами недоумевающего Зайчика. — Если и этот у вас такой же...

— Быстрый?

— И быстрый тоже...

— Они всегда спорят, — объяснил я, — кто быстрее... Ого, там что-то отыскалось...

Бобик выскочил из последнего дома и смотрел в нашу сторону с весело распахнутой пастью, где на клыки нельзя смотреть без содрогания.

— Что-то отыскал? — спросил Ордоньес.

— Точно, — ответил за меня Торкилстон с мрачной гордостью. — Это же Бобик! Всем бобикам бобик.

Мы подошли к домам, во дворах пусто, только беспорядочно метнулись в стороны куры. На всякий случай я осторожно заглянул в первый, никого, видны следы торопливого бегства. Похватали все, что успели, но чувствуется, что убегают не первый раз, ничего ценного не оставлено в спешке или по дурости.

Торкилстон заглянул в соседнюю комнату, слышно было, как что-то загремело, донесся его сердитый возглас.

— Не очень нам доверяют, — сказал он. — Что делать будем? Искать дальше?

Ордоньес в дом не заходил, с обнаженным мечом в руке зорко всматривался в пространство за деревьями.

— Сперва осмотрим все дома, — сказал я. — Ничего не трогать! Мы не пираты.

Ордоньес быстро посмотрел на меня и сказал очень-очень серьезно:

— Да, мы уже графья и бароны.

Мне показалось, он подавил усмешку. Торкилстон кивнул, лицо очень серьезное.

— Да, сэр, Ричард. Как скажете, ваша светлость.

Ордоньес подавил усмешку, преданный рыцарь предельной почтительностью подчеркивает всякий раз дистанцию между ними и мной, это на случай, если бывший пират вздумает командовать.

Бобик в нетерпении подпрыгивал, Торкилстон забежал вперед и услужливо распахнул передо мной дверь.

— Прошу вас, Ваша светлость.

Во дворе Ордоньес присматривался, какую из разбегающихся кур ухватить, привычка — вторая натура, я вошел в дом, Бобик метнулся следом.

В бедно обставленной комнате на кровати среди тряпья лежит, бессильно раскинув руки, мужчина с изможденным лицом и белыми, как снег, волосами. Глаза воспаленные, грудь и живот замотаны тряпками. Кровь уже засохла коричневыми пятнами, а ноздри уловили гадостный запах гниения.

— Что случилось? — спросил я.

— А не все равно? — ответил он слабым голосом.

— Я христианин, — произнес я с достоинством, — а христианину не все равно, что делается на свете. Он все должен переделать по-своему...

Я опустил ладонь на его плечо, запах как будто стал еще сильнее, я сосредоточился и сказал громко:

— Во имя Господа!

Он смотрел на меня неподвижно и насмешливо, сильный человек, уверен, что смотрит в лицо смерти. Торкилстон подошел ближе, всмотрелся в его быстро розовеющее лицо.

— Ему уже лучше?

— Думаю, — сказал я, — да. Посмотри, что у него было.

Торкилстон бесцеремонно отбросил одеяло, живот больного неумело перевязан, но хозяин сам уже с недоверчивым лицом начал ощупывать свою рану, затем вместе с Торкилстоном стали наперегонки срывать повязки.

На животе вспухшие безобразные шрамы, красные, как протухшее мясо, Бобик презрительно чихнул и отступил к двери.

Мерзкий запах гнили начал медленно улетучиваться.

— Было нагноение, — определил Торкилстон деловито. — Наверное, коза боднула.

Мужчина сказал хрипло:

— Не коза, а дикий кабан... размером с теленка. Но я его завалил. Кто вы?.. И что это за чудовищная собака? Она похожа на Адского Пса из древних легенд...

— Адские Псы, — объяснил я высокомерно, — ей на завтрак, как мыши. Ты можешь встать. Мы ваши соседи. Из королевства Сен-Мари, что по ту сторону Зуба Сатаны. Если выйдешь из дома, увидишь в море наш корабль.

Он наконец оторвал взгляд от Бобика и спросил недоверчиво:

— Вы приплыли с той стороны Рога Сатаны?

— Да, — ответил я, — мы его называем Зубом.

— Вы не пираты?

— Пиратов мы топим без дискуссий о правах человека, — объяснил я.

— Но пираты...

— Просто пираты, — прервал я. — А мы — гуманисты.

Торкилстон добавил:

— Из гуманности топим.

Раненый медленно поднялся, все еще не сводя с нас настороженного и недоверчивого взгляда.

— Трудно поверить...

— Когда-то это должно было случиться, — объяснил я. — Могли раньше построить большие корабли вы, но успели раньше мы. Во всяком случае, приплыли первыми чисто по-соседски мы. С самыми дружескими и мирными намерениями.

Торкилстон подсказал почтительно:

— Сэр Ричард, может быть, он скажет своим, чтобы не прятались?

— Пусть сперва увидит наш корабль, — ответил я. — Тебя как зовут?

— Жак, ваша милость...

— Выйди на улицу, Жак, — велел я. — Посмотри в сторону моря обеими гляделками!.. Будут вопросы, спрашивай.

Хватаясь за стены, он вышел из дома. Мы выбрались следом, Бобик посмотрел на чужака с презрением и отвернулся. Торкилстон заулыбался, очень довольный, глядя, как у Жака отвисает нижняя челюсть при виде огромного корабля вблизи берега. Даже со спущенными парусами он громаден, величественен, прекрасен, и, понятно, пираты не показывались на таких красавцах.

Я сказал благожелательно:

— Можешь крикнуть своим, что прячутся вон там в лесу, что мы не враги. А можешь, если все еще не доверяешь, не звать их. В какую сторону ваша столица?

— И как далеко? — уточнил Торкилстон.

Подошел Ордоньес, добавил деловито:

— И где дорога?

Жак все не мог оторвать зачарованного взгляда от величественного корабля, прошептал медленно:

— Да, это королевский корабль... Корабль-король!.. Столица? Это Флоренж?

— Мы не знаем, — объяснил я, — как называется ваша столица. Мы хоть и рядом, но каждый по свою сторону стены. Если Флоренж, то Флоренж. Если не знаешь, то где ближайший город? Мы сами там все расспросим.

Он наконец повернулся к нам, лицо все еще горит, и с тем же блеском в глазах сказал:

— Как раз я и знаю. Все остальные — простые рыбаки. Ничего, кроме этого берега, не видели. А я сам пришел... из Флоренжа.

Торкилстон сказал понимающе:

— Бежал?

Жак с неохотой кивнул.

— Можно сказать и так.

— Вор?

— Нет, просто поссорился с очень знатными.

— Из-за чего? — спросил Торкилстон.

Я вмешался:

— Сэр Торкилстон, ваша юрисдикция начальника городской охраны не простирается на эти земли.

Жак спросил с интересом:

— Он начальник городской охраны?

— Еще и военный комендант города, — сказал я. — Но это там. Здесь он просто гость.

Жак переводил взгляд с него на меня, глаза очень внимательные, покачал головой.

— И что его заставило... Вы?.. Нет, вам это не нужно... Он сам решил не оставлять вас в чужих землях?

Торкилстон сердито засопел.

— Ты слишком проницателен для рыбака, — проворчал он. — Но если бы знал сэра Ричарда, как знаю я, не задавал бы дурных вопросов. Будь я королем, и то пошел бы за ним!

Жак оглянулся на лес, снова посмотрел на меня и Торкилстона.

— С вашего разрешения схожу к... односельчанам. Возможно, кто-то решится вернуться до того, как уйдете. А потом я сам мог бы провести вас к столице.

Торкилстон кивнул, но Ордоенъес сказал недовольно:

— Зачем такие сложности? Только укажи дорогу!

— Дороги здесь... непростые, — сказал Жак. — Это сейчас ровно, а дальше то обрыв, то пропасть. Или можно двое суток идти, пока мордой не упрешься в тупик, а потом еще два дня топать обратно той же дорогой...

Я кивнул, Жак торопливо заковылял в сторону леса. Похоже, до нашего появления распоротый живот то чуть подживал, когда организм особенно яростно сражался с заражением, то воспалялся, за один день не привыкнешь держаться в полускрюченном...

Бобик ринулся было за ним, но посмотрел на меланхоличного Зайчика, тот лишь наблюдает спокойно и ждет распоряжений, вильнул хвостом и остался с нами.

Ордоенъес задумчиво смотрел вдаль.

— Как думаете, не врет?

— А зачем ему?

— Не знаю, — проговорил он медленно, — но горы вроде бы далеко...

— То горы, — ответил я. — А пропасти могут быть прямо вон за тем лесом.

— И то правда, — согласился он неохотно.

Торкилстон сказал со вздохом:

— В любом случае буду за ним приглядывать.

— Твоя работа, — сказал я, — приучила к осторожности?

Он кивнул.

— Да, верно. С такими ушлыми, бывало, пообщашься, потом и на свою тень смотришь с подозрением, вдруг да укусит.

Глава 10

Жак вернулся из леса, вид виноватый, развел руками, но глазки опустил, старается не встречаться взглядом, явно что-то темнит.

— Не решаются, — объяснил он. — Слишком уж часто пираты нападали и грабили...

— А ты сказал им, что мы не пираты?

— Им оттуда вашего корабля не видно.

Ордоньес уязвленно поморщился, его корабль должны видеть со всех концов света; я сказал деловито:

— Ладно, для нас это неважно. Мы сможешь купить для нас двух хороших коней? А то у нас только один...

Он развел руками.

— Хороших? Вряд ли найду даже плохих...

— У вас что, — спросил Торкилстон, — вообще нет коней? Не поверю.

— Вряд ли, — ответил Жак, — вас устроят простые крестьянские лошадки.

Ордоньес и Торилстон посмотрели на меня, я сказал решительно:

— На безрыбье можно и рака... возьми вот, купи лучшее из того, что есть. И мы сразу же уедем. А они смогут вернуться без страха... хотя я не думал, что мы такие уж страшные.

Ордоньес пробормотал:

— Зря не думали...

А Жак сказал уже живее:

— Как скажете, ваша светлость!

На этот раз он ринулся к лесу со всех ног, Торкилстон предположил мрачно, что плакали наши денежки, не бу-

дем же гоняться за ними по всему лесу, однако через четверть часа Жак показался из-за деревьев, а за ним в поводу топали три смирные лошадки, мелкие и неказистые.

Ордоньес сказал оптимистически:

— Зато с седлами. Ладно, не будем капризничать. Правда, в сторону вашего черного дьявола лучше не смотреть, а то язва от зависти сразу же...

Торкилстон спросил мрачно:

— А зачем нам три?

— С нами едет, — напомнил Ордоньес.

— Ох, не верю я ему...

Жак крикнул издали:

— Это самое лучшее!.. Там остались две лошадки, которые свои уши едва носят.

Я отмахнулся.

— И то хорошо. В ближайшем городе сменим.

— Хорошие кони здесь дорогие, — предупредил он.

— Хорошее везде дорого, — сказал я. — Еды не взял?

— Не продали...

— Ладно, до города далеко?

— Всего пару часов, — ответил он, — если умеете летать. И сутки, если на хороших конях.

Я сказал нетерпеливо:

— Значит, ты знаешь эти дороги? Хорошо. Показывай. Мне кажется, у тебя есть свои какие-то интересы. Я угадал?

Он наклонил голову, пряча настороженный блеск глаз.

— Мне всегда хотелось вернуться в столицу, — проговорил он наконец нехотя. — Но меня сразу схватят и швырнут в темницу. А так... с такими гостями... вы же понимаете, какой это радостный сюрприз для короля, какая счастливая неожиданность! Могу рассчитывать на снискхождение, плюс старые обиды подзабудутся...

— Ну-ну, — сказал я с сомнением. — Будем надеяться. Поехали!

Они разобрали коней, Бобик наконец перестал нетерпеливо поскучливать и понесся в указанном направлении. Правда, исчезая из виду впереди, он то и дело неожиданно выпрыгивал то справа, то слева, довольно вилял хвостом и снова исчезал, быстрый, как увесистая черная молния.

Дорога в самом деле ведет некоторое время по прямой, потом вдруг резкий поворот, затем вместо того, чтобы идти по зеленой долине, вдруг сворачивает и пробирается по камням и между огромными валунами в низину, все ниже и ниже, по обе стороны начинают подниматься уже не стены, а вообще...

Торкилстон не выдержал:

— Этот **Жак** нас в ад ведет, что ли?

— До ада еще далеко, — успокоил я.

Он посмотрел на меня с испугом.

— Вы и там побывали? Ну, ваша светлость, угораздило меня...

— Страшно?

— И страшно, и жутко интересно.

— Мальчишка, — сказал я солидным голосом. — Когда же остынешься...

Жак оглянулся на хохот, лицо виноватое, сказал торопливо:

— Скоро-скоро уже выход!

Я сказал успокаивающее:

— Мы не виним.

— Правда?

— Точно, — заверил я. — Вон сэр Торкилстон заметил, что дорога здесь весьма и даже достаточно протоптана. А налогов за топтание никто не берет, что характерно.

Торкилстон дернулся, взглянул на меня с укором, но я заметил, что начал присматриваться к земле под нашиими ногами. Хотя прокалена неведомым жаром до твердости кирпича, кое-где в самом деле, если всматриваться и

выискивать, можно заметить следы на камнях, оставленные не только стальными подковами, но даже шпорами.

— Да, — признал он с неохотой, — мы не одни на свете сумасшедшие.

— А другой дороги нет, — сказал Жак торопливо. — Дальше там... видите холм с белой вершинкой?.. можно идти в разные стороны сразу по трем дорогам, а здесь пока одна... Конечно, есть и другие, но эта самая короткая, а две другие будут водить вас еще сутки.

— Ладно, — сказал Торкилстон, — ну и жизнь у вас!

Жак пожал плечами, а я сказал ободряющее:

— И в аду, если обживешься, вполне ничего.

Он зябко передернул плечами.

— Ох, не надо про ад. Как подумаю про эти раскаленные сковороды, что надо лизать... Или сидеть в кotle с кипящей смолой...

— Почему смолой, — сказал я успокаивающее. — Такие страсти себе напридумывали!

— Так священники говорят же...

— Может быть, придется сидеть вовсе не в смоле?

Кипящая вода не такая уж и горячая.

Он взглянул хмуро, снова дернул плечами и дальше покачивался в седле молчаливый, как придорожный камень. Тропка, сделав два резких поворота, пошла вверх. Стены справа и слева медленно опускались, коридор неба вверху становился все шире, яснее. Наконец из-за каменного верха выметнулась волна ослепляющего света и, обрушившись на всех нас незримой тяжестью, выжгла забравшуюся в складки одежды тьму и сырость.

— Хорошо, — выдохнул Торкилстон. — Как вы здесь только и живете...

Жак удивился:

— А у вас иначе?

Торкилстон повертел головой, во все стороны либо мирная зеленая долина, либо рощи, высится одинокий престарелый утес, на нем устроились кусты, на глазах за-

пуская в щели корни и мстительно отламывая один массивный кусок за другим.

— Нет, — признался он. — Только у нас зверья побольше...

Из-под ног выпорхнула испуганная птица, суматошно хлопая крыльями, из ближних кустов рассерженно хрюкнул вепрь. Жак усмехнулся, поправил мешок за плечами и поехал быстрее.

Я посматривал на каменную стену ущелья, вся из огромных белых камней, похожих на мешки с песком, уложенные на пути разливающейся реки. И сложены так умело и так подогнаны, что обязательно подумал бы о руке человека, если бы уже такие не видел совсем в других местах, где магией и не пахнет.

В одном месте Жак придержал коня, ожидая нас, повел рукой.

— Видите вон там гору?

Торкилстон переспросил:

— Черную или двуглавую?

— Черную, — ответил он. — Можно бы мимо нее, так короче, но там всякие странные вещи...

— Ну-ну?

— Говорят, — сказал он, — в древности она была обыкновенной каменной, как и все. Потом с моря подул странный ветер, что превращал деревья в траву, а траву в кристаллы соли, птицы и звери вообще превращались в непонятно что... А гора эта, что оказалась на пути и приняла весь удар, раскалилась докрасна, от нее пошел жар, все вокруг выгорело, даже земля превратилась в пепел!.. Потом увидели, что она стала вся железной! Приезжали кузнецы, смотрели, ходили, но никто не смог отщипнуть хотя бы кусок, с тем и уехали.

Ордоньес пробормотал:

— Ого!.. Какие бы из нее мечи отковали...

Жак отмахнулся.

— Там металла на все мечи и доспехи ста королевств

хватит!.. Если не тысячи. Но возле нее не только теряешь, где восток и запад, но даже Солнце восходит с другой стороны! Говорят, можно увидеть мертвых и отдать душу дьяволу.

Я прислушивался вполуха, Зайчик идет медленно, снисходя к мелким лошадкам, размерами больше похожих на осликов, и так уже устали, Бобик жадно шныряет по кустам, иногда что-то приносит еще трепыхающееся и сует то Ордоньесу, то сэру Торкилстону, еще не выбрав собирателя добычи.

Солнце медленно клонится к закату, со стороны леса начала угрожающе приближаться несоразмерно длинная тень, но верхушки деревьев и дальнего склона гор ослепительно блещут золотом, словно горят в огне.

Ордоньес прищурился, рассматривая воспламенившиеся облака.

— Добраться бы до села хотя бы. Не люблю, когда в постели пусто. Как-то нехорошо...

Торкилстон поморщился.

— Мальчишки... Только и думаете о бабах. Мы мужчины или где?.. Нам надо о деле.

— Да мы о деле, — мирно отозвался Ордоньес, — но вы, благородный сэр рыцарь, когда шли через захваченные города и села, всегда думали о своей жене?

— Всегда, — отрезал сэр Торкилстон с достоинством. — Мало ли какие женщины попадались... А я нет-нет да и сохраню верность!.. Потому что у нас всегда есть нечто выше этих вертихвосток...

Он прервал себя на полуслове, насторожился, даже привстал в стременах. В сторонке за деревьями ясно слышались крики и призывы о помощи.

— Мы идем! — крикнул он страшным голосом и, обнажив меч, повернул лошадку в ту сторону.

Ордоньес развернулся почти одновременно с ним, но меч обнажил не сразу, а когда оба доскакали до деревьев.

Зайчик посмотрел на меня с вопросом в умных глазах, я пожал плечами.

— Что делать, придется...

Он весело ржанул и понесся в ту сторону, Бобик послушно держится рядом, помнит мой строжайший запрет ввязываться в непонятные разборки людей.

Деревья разнесло в стороны, словно раздернули занавес, там полянка и группа бедно одетых крестьян, похожих на переселенцев, судя по скарбу на двух телегах. С десяток свирепого вида мужчин избивали их, другие с хохотом хватали скучное добро с повозок, а один даже ухитрился сорвать с молодой женщины платье.

Торкилстон завопил диким голосом:

— За Тараксон!

Ордоньес помедлил, но сориентировался быстро и прокричал лихо:

— За Черро!

Разбойники и крестьяне оторопели, явно никогда не слышали таких названий, а Торкилстон и Ордоньес ворвались и начали рубить во все стороны.

Я быстро поднял лук и, наложив стрелу, прицелился. Все сперва оторопели, три стрелы нашли цель, потом стало труднее, все смешались в кричащую и вопящую кучу, крестьяне в ужасе разбежались, женщины приседали к земле и закрывали головы подолами платьев, дети плакали, а Торкилстон и Ордоньес несколько мгновений рубились в стиле опытных воинов спина к спине, но быстро поняли, что на них перестали бросаться почти сразу, пошли догонять убегающих и убивать в спины.

Напоследок я убрал лук, послал Зайчика вперед и начал раздавать удары мечом направо и налево, сперва плашмя, потом рассвирепел без всякой причины и был уже зло, быстро, стараясь, чтобы каждый удар был смертельным.

Жак держался в сторонке, хотя с его развитой фигурой мог бы, конечно, однако предпочел наблюдать за

схваткой. Когда на ногах не осталось ни одного разбойника, я отъехал в сторонку, пусть благодарности принимают Торкилстон и Ордоньес, тщательно вытер окровавленное лезвие.

Жак смотрел на меня во все глаза, я сказал раздраженно:

— Постарайся вести нехожеными тропами, что ли...

Он переспросил:

— Нехожеными? Это как?

— А чтоб вот такие бедняки не попадались, — пояснил я зло.

— Вы сделали доброе дело!

Я поморщился.

— В этом мире помогать надо всем. Но тогда не сдвинемся с места. Ты все понял?

В моем голосе я сам ощутил угрозу, Жак сказал спешно:

— Да-да, ваша светлость, все понял. Ваши друзья слишком чисты сердцем, хотя уже и не восторженные юноши... А вот вы — да, взрослый.

Судя по его тону, это было близко к ругательству, но я такие мелочи проигнорировал, политика интересует результат, а не его обертка.

Торкилстон утешал благодарных переселенцев, Ордоньес сразу же потерял к ним интерес, беднота, подъехал к нам. Глаза веселые, рот до ушей.

— Судя по вашему виду, сэр Ричард, — сказал он почтительно, — на такие мелочи размениваться уже и не хочется?

— Ты прав, — сказал я с досадой. — Не наши масштабы.

Он вздохнул.

— Где ты, молодость?.. А вот наш друг еще... гм... молод.

— Некоторые никогда не взрослеют, — сказал я с ноткой язвительности. — И так счастливы!

— Я даже раззадорился, — сказал Ордоньес. — Сам таким был... десятка два лет тому взад.

Дорогой эту тропу можно было назвать с натяжкой, а протоптали ее больше копыта и лапы жителей леса и скал, чем люди. Когда пересеклась с такой же, я вздрогнул, увидев на обочине П-образную виселицу, в петлях двое мужчин и одна женщина, уже с выклеванными глазами и объеденными ногами.

Я пробормотал:

— Нехорошее украшение...

Жак пожал плечами.

— Мы едем через земли барона Герлиса.

— Это что же, — спросил я, — и нам такое грозит?

— Нет, вы же благородные люди, — сказал он с удивлением. — В вашу честь закатит пир! А это наверняка люди графа Вудстока, его деревня вон за теми холмами.

— А-а-а, — сказал я, — тогда понятно.

Торкилстон и Ордоньес промолчали. Раз их сюзерену понятно, у них вопросов нет.

Встретили каменный помост, где торчит обугленный остаток толстого кола, под ним груда почерневших от жара костей. Ноздри уловили запах сгоревшего мяса.

— Еретик? — спросил я. Жак посмотрел непонимающе, я пояснил: — Хулил церковь? Или чернокнижник?

Он улыбнулся, покачал головой.

— Хулил власть.

Солнце коснулось края земли и начало просачиваться в ее черноту. Я начал осматриваться в поисках удобного места на ночь, но Жак далеко впереди закричал:

— Вон село!.. Я там не был, но знаю, народ там зажиточный!

Кони, чуя близкий отдых, заторопились из последних сил. Жак вызвался поехать вперед и подготовить ночлег, я кивнул, но подозрительный Торкилстон буркнул, что поедет с ним. Очень нехотя Жак согласился, лицо стало кислым и недовольным.

Глава 11

Село в самом деле оказалось зажиточным. Пока мы располагались на ночлег, сговорившись с хозяевами за небольшую плату, Торкилстон отыскал лошадников и сумел продать наших измученных непривычной работой лошадок, а взамен купил трех настоящих коней, пусть и не самых лучших на свете, но с виду крепких и выносливых.

С утра, помня мой строгий наказ, Жак в самом деле вел такими дорогами, что не встретили ни одного человека, ни одну повозку, ни одного всадника.

Торкилстон начал ворчать, Жак объяснил виновато:

— Все едут от села к селу или к городу и обратно, а нам же надо в столицу?

— Ну, — буркнул Торкилстон, — а почему не по дорогам?

— Можно и по дорогам, — согласился Жак, — только все будет дольше.

— Давай напрямик, — велел я. — Времени мало. Меня ждут... в Сен-Мари.

Он посмотрел на меня с любопытством.

— Чувствуется, сэр, что вы знаете и другие королевства.

— Это почему?

— У нас, — объяснил он, — почти никто не знает, что живем в Вестготии. Просто королевство и королевство... Названия нужны, чтобы отличать одно от другого.

Торкилстон проворчал:

— Не умничай. А то дорогу потеряем.

— Уже близко, — заверил Жак. — Наша столица всего в сутках езды от морского берега. И нам близко, и пираты не добираются...

— Пираты везде добираются, — сообщил я, вспомнив, как норманны сперва просто вот так же грабили берега Франции, постепенно заходя все глубже и глубже, а потом вообще отхватили самый лакомый кусок террито-

рии, назвав его Нормандией. — Если их вовремя не остановить...

Ордоньес помалкивал, все чаще посматривал в небо, там в синеве кружит растопыренный, словно пловец в прыжке с высокой скалы, золотистый ястреб. Маховые перья чуть трепещут под потоками ветра, похожие на пальцы, крылья недвижимы, будто весь вырезан целиком из одного листа дерева, однако двигается, как мне показалось; вслед за нами.

Торкилстон тоже заметил наконец и начал с надеждой поглядывать на мой лук за плечами.

— Не достанет?

Я покачал головой.

— Высоко... А что, кто-то мог?

— Говорят, — протянул он. — Но говорят всякое. Ладно, пусть смотрит.

— Да, — согласился я. — Надо разрешать... когда не можешь запретить.

Он хмуро улыбнулся.

— Это уже из области высокого правления, а я всего лишь начальник охраны города.

— И военный комендант.

— И военный комендант, — согласился он. — В городе, который никогда не воевал.

— Сплюнь, — посоветовал я. — Надо все устроить так, чтобы воевать и не пришлось.

Торкилстон посмотрел недоверчиво.

— А так разве можно?

Я не успел ответить, за нашими спинами гулко расхочался Ордоньес.

— Он не знает, как вы сумели захватить целый маркизат?.. Без войны, сражений, осады?.. Я не рыцарь, потому мне тоже больше по нраву, когда грабишь кого-то, не лишая жизни. Бог все видит, грабеж еще как-то простит, добро можно нажить снова, а вот жизнь уже не вернешь...

Справа поднялась и пошла параллельно дороге страш-

ная, как мертвец, пепельно-серая стена, пугающе высокая, отвесная и даже временами нависающая над тропой, словно снизу ее подтачивает ветрами и потоками воды.

— Другой дороги нет, — объяснил Жак. — А так вообщество столица близко.

Мы промолчали, впереди начался спуск, долгий и неприятный, а стена выросла еще больше. Толкилстон начал бурчать, все здесь неправильно, как вдруг в стене появилась узкая щель, и дорога тут же метнулась туда, как убегающая от охотников лиса. Жак молча последовал по ней, сапоги в стременах то и дело чиркают по стенам, я прикинул, что здесь и телега проедет, цепляясь колесами, вон и следы на камнях...

— Страсти какие, — пробормотал Толкилстон.

В ущелье сразу стало темно и мрачно, небо далеко-далеко вверху узкой полоской, я невольно втягивал голову в плечи, здесь самое лучшее место для засады, ни одно войско не пройдет, если сверху начнут бросать камешки.

Ордоньес заметил равнодушно:

— Здесь разбойников нет.

Жак посмотрел на него с живейшим интересом.

— Откуда знаете?

— Кто станет убивать, — объяснил Ордоньес снисходительно, — если нельзя спуститься и ограбить? Зеленые вы еще...

Жак на ходу рассказал, что в королевстве идут войны, чудовища выходят не только из лесов, но даже из рек и озер, даже из глубоких ущелий, там у них норы... наверное. Я помалкивал, осведомленность простого крестьянина кажется странноватой, обычно ничего не знают дальние околицы своей деревни.

— Везде проблемы, — заметил я наконец со вздохом. — Думал, хоть здесь отыщу непуганый край счастливых людей.

Треть королевства, по его словам, покрыта таким плотным туманом, что не видно вытянутой вперед руки.

Говорят, в нем скрылся некий народ, одни говорят — святой, другие — нечестивый, но живут в своем колдовском мире, а для них там нет тумана. Еще в той же Стране Тумана огромное озеро, а на нем остров, где живут совсем особенные люди.

Я взмолился:

— Не дразните мое любопытство!.. У меня каждая минута на счету, война начнется вот-вот, король прибывает, интриги, передел собственности, дипломатические стычки... Нет, даже не рассказывай дальше, прибью!

Он послушно умолк, поклонился.

— Как скажете, сэр.

— Нет, — сказал я зло, — уже раздразнил, так что рассказывай!

Он развел руками.

— Особо рассказывать нечего. Это только слухи, а на самом никто там не был... в последние годы и даже... века. Да и был ли кто-то раньше?

— Тогда откуда слухи?

Он пробормотал:

— Поговаривают, что иногда оттуда приходили. То ли сбежавшие преступники, даже в самом лучшем королевстве они откуда-то берутся, то ли непослушные дети, раскорившиеся с родителями... Их обычно скрывали, а слухи замалчивали...

Я сказал предположительно:

— Короли страшились мести тех, кто пойдет отыскивать? За укрывательство могли бы... Ладно, я сумею себя смирить. Я хоть и герой дальше некуда, но сейчас я политик, а политики загребают жар чужими руками. И подвиги совершать посылают других, хотя победы приписывают себе.

— А поражения?

— Оппозиции, — сказал я твердо. — Что дает повод провести среди нее чистку. Децимации, к примеру, чтоб особенно не рыться в мелочах, кто виноват. Они все ви-

новаты!.. Хорошо, покой вашей принцессы в каком крыле дворца?

Он посмотрел с испугом.

— Ваша светлость! Вас туда не пустят. С принцессой можно общаться, когда она сама изволит появиться в саду или в других частях дворца!

— Что за странные порядки, — проворчал я, словно великий знаток общения с принцессами. — Ну да ладно, в чужой монастырь...

Кони, тяжело дыша, начали подъем на длинный, заросший лесом холм, Жак от волнения даже с лица спал, крупные капли пота на лбу. Я чувствовал, вот-вот что-то произойдет, и в самом деле он остановился впереди, картино повел рукой.

— Наша столица... Флорендж!

Отсюда с вершины холма видно, как широко раскинулась долина, далеко на севере и востоке ограниченная горами, а здесь сады, поля, пастбища с тучными стадами и...

Жак сказал торжественно:

— На самом верху, как видите, королевский палац...

Голос его дрогнул, глаза влажно заблестели. Торкилстон ахнул в восторге, а Ордоньес довольно выругался: город огромен, расположен хоть и в долине, но как бы на очень пологом холме. Каждое кольцо зданий выше предыдущего, а в центре королевский палац: не дворец и не замок, а целый город из ансамбля плотно составленных роскошнейших домов, из-за чего сверху кажется сборищем веселых гномов в их остроконечных красных колпаках. Все крыши конусообразные, сильно вытянутые вверх, на кончиках самых высоких трепещутся знамена, даже не представляю, как их вешают на такой высоте.

— Прекрасно, — сказал я нетерпеливо, — но нам надо торопиться. Поехали!

Уже не дожидаясь Жака, я пустил Зайчика вперед, а за спиной загрохотали копыта.

Солнце еще не вскарабкалось к зениту, но жжет голову и плечи. Бобик несется впереди, пугая народ, а когда мы выметнулись на дорогу к главным воротам, я велел ему держаться ближе к стремени.

Телеги те же, что и в Сен-Мари, разве что ни одной не увидел на колесах из сбитых вместе досок, везде подбитые железными полосами обода, толстые спицы, а в Сен-Мари такие только в королевских каретах. Но кони как будто даже мельче, возницы те же, кнуты и вожжи, как и горы глиняных горшков на продажу, битая птица, блеющие стада овец...

Стражники на воротах оживились, завидев нас, но Жак выехал вперед, что-то сказал им, и оба неохотно отступили в стороны, а когда увидели выступившего из-за Зайчика Адского Пса, поспешили отпрыгнуть, один даже вскочил в караульную будочку, слышно было, как гремят засовы.

Торкилстон посмотрел на меня многозначительно, однако смолчал. Ордоньес с интересом рассматривал женщины, порода та же, только здесь вроде бы они выше ростом, спины прямее, но, увы, с выпуклостями спереди и сзади природа поскутилась. В Сен-Мари женщины выглядят более сдобыми. Хотя, конечно, это уже мелочи, во всех королевствах в разные времена был свой идеал женщины, но всегда мужчины сходились в одном: хорошая женщина — голая женщина!

Жак чуточку повеселел, хотя взгляды по сторонам бросал тревожные. Торкилстон ехал настороженно, а когда Ордоньес слишком игриво поклонился какой-то пышно одетой даме с глубоким декольте, он прошипел сердито:

- Сэр Ордоньес, ведите себя прилично!
- А я как веду? — удивился Ордоньес.
- Неприлично!

— Почему?

— Нельзя женщин рассматривать так откровенно!

Ордоньес ответил с достоинством:

— Более всего красивую женщину ранит тот, кто не глядит в ее сторону. Так что вы ведете себя не совсем прилично.

— Я помню о своей стране! — огрызнулся Торкилстон.

Ордоньес тяжело вздохнул.

— Вам ответить как, вежливо или честно?

— Лучше молчите, — сказал Торкилстон сердито.

Ордоньес тут же сказал громко, напоминая, что приказы принимает только от сэра Ричарда:

— Если бы не было женщин, все деньги мира ничего бы не значили. А пиратов вообще бы не было... Представляете, как мир обеднел бы без нас, таких... лапочек?

Небольшая площадь по эту сторону ворот разбежалась тремя улочками, узкими и кривыми. Мы направили коней за Жаком, две телеги разъедутся с трудом, но это еще ничего, в Геннегау я видел и такие, где и одна будет царапать стены оглоблями.

— Общая их болезнь, — сказал Ордоньес глубокомысленно, — требовать от яблони апельсинов.

Торкилстон в удивлении взорвался на него.

— Вы о чем?

— О женщинах, — пояснил Ордоньес, тоже малость удивленно, — а о чем можно еще?

— Во дикарь, — сказал Торкилстон с чувством. — Мы, люди, должны думать и говорить только о великом, как вот наш сюзерен. Ведь у Господа на все есть план.

Ордоньес охнул:

— Правда, что ли?

Торкилстон покосился на него раздраженно, дальше ехал молча. Уличка закончилась, дальше снова площадь, подковы цокали настолько звонко, что я начал рассмат-

ривать вымощенную булыжником площадь со всем вниманием.

Все одинакового размера, уложены так плотно, что волосок не просунуть. Гигантский труд, зато такая дорога долговечнее любой другой, какой-то из королей постарался и для потомства.

Ограда королевского палаца вынесена далеко вперед, само здание чуть ли не в полукилометре отсюда, а за высокой кованой решеткой зеленый газон, ровные дорожки, роскошные клумбы с цветами и затейливо подобранные группы декоративных деревьев.

Ворота из черного металла, над ними затейливый орнамент, покрытый золотом, я рассмотрел вздыбленных львов, леопардов и еще каких-то зверей, стилизованных уж чересчур, на мой взгляд ценителя и мецената.

Жак снова выехал вперед, стражники в сияющих доспехах вышли к нему, но ворота не открыли, один сбежал за командиром. Тот лишь бросил в нашу сторону беглый взгляд, махнул рукой, и решетчатые створки пошли в стороны, как крылья исполинской бабочки.

Бобик попытался сунуться первый, я сказал сквозь зубы:

— Рядом. Помни, ты просто ласковая собачка.

Торкилстон пробормотал:

— Что-то как-то не так.

— Отступать поздно, — ответил я шепотом. — Поехали.

Ордоньес промолчал, но лицо его чуточку помрачнело, хотя все так же беспечно осматривался в поисках женщин.

По дорожкам степенно прогуливаются дамы и вельможи, но с нашей поспешно уходят, топча цветы на клумбах, в стороны на параллельные, где сразу же с чинным видом возобновляют медленное и торжественное шествие.

Жак остался за воротами. В полусотне шагов от глав-

ного входа во дворец дорогу заступили дюжие охранники в блестящих, как солнце, доспехах. Их командир слегка побледнел, когда на него с любопытством уставился Бобик, но заставил себя произнести достаточно ровным и недрожащим голосом:

— Прошу вас сдать оружие.

Торкилстон спросил с подозрением:

— Это зачем еще?

— Так принято, — объяснил он. — Сдаают все и всегда.

Вот уже семьсот лет.

Я сказал громко:

— Обычай надо чтить, сэр Торкилстон. Вот мое оружие. Меч, лук, арбалет в мешке. Обращайтесь бережно.

Торкилстон и Ордоньес сдали свое с великой неохотой. Командир принял, передал стражникам и тут же сказал с холодной учтивостью:

— Не волнуйтесь, скоро вам все вернут.

— Тогда зачем забирать? — проворчал Торкилстон.

Командир стражи сдержанно улыбнулся, но ничего не сказал. Из дворца вышел весь в золоте и драгоценностях настолько пышно и богато одетый человек, какими могут быть только швейцары и церемониймейстеры, сдержанно поклонился.

— Прошу вас следовать за мной.

— Все интереснее, — пробормотал Торкилстон.

— Коней оставьте, — напомнил церемониймейстер.

— Ну да, — сказал Ордоньес саркастически, — спасибо, что предупредили. Сэр Торкилстон как раз собирался именно на коне.

Торкилстон бросил на него гневный взгляд, на землю соскочил первым, похлопал коня по крупу.

— Иди, тебя покормят и дадут отдохнуть.

К моему Зайчику конюхи подходили с великой опаской, а когда он посмотрел на них и презрительно фыркнул, оба побелели и застыли на месте.

Я сказал хмуро:

— Зайчик, иди за теми конями. И жди меня. Или моего свиста.

Церемониймейстер сказал строго:

— И собачку.

— Собачке лучше со мной, — сказал я. — А то если вдруг на что-то обидится, она тут ни одного человека не оставит живым.

Церемониймейстер тоже побледнел, произнес дрогнувшим голосом:

— Если вы ручаетесь за ее поведение...

— Да, — прервал я, — полностью. Головой. И всеми потрохами. Некоторые, как вы знаете, нам дороже головы.

Он поклонился.

— Следуйте за мной.

Двигался он медленно и величаво, мы поднялись сперва по широченным ступенькам из мрамора, больше похожего на нетающий лед, бывают такие наледи зимой у колодцев, затем прошли между колоннами, каждая в три обхвата, а в глубине перед нами распахнули исполинские ворота.

Торкилстон и Ордоньес идут с непроницаемыми лицами, даже по сторонам не смотрят, хотя именно сейчас есть на что посмотреть, но сейчас вертеть головой — признак деревенщины, и мы шли спокойные и невозмутимые, Ордоньес даже громко зевнул по дороге.

В первом зале к нам присоединились богато одетые слуги с факелами в руках, хотя светильники полыхают, как костры на башнях, а в люстрах горят десятки свечей. Так мы прошли несколько залов, я украдкой зыркал по сторонам, сперва дорога вела по пышным залам, потом через анфиладу небольших комнат, наконец вышли на яркий солнечный свет, впереди сад, цветы, широкие аллеи, посыпанные золотым песком, а в конце той, по которой топаем, возвышается в окружении пышных кустов роз небольшой, но очень красиво исполненный легкий дворец.

После слабого неслышного дождика воздух стал мягким и нежным, а запахи роз слышнее. Негромко и деликатно верещат неутомимые кузнечики, над садом иногда проносятся тени, то ли совы, то ли мыши, приучившиеся жить на свету.

Я даже слышал, как они хватают на лету толстых, как бочонки, майских жуков. Солнце изредка пробивается сквозь блестящую золотом листву, свет настолько силен, что все листья просвечивает насквозь, в каждом можно пересчитать все прожилки.

Глава 12

Двери распахнулись медленно и торжественно, хотя мы не увидели, кто их там отворяет. Церемониймейстер произнес с любезным поклоном:

— Подождите здесь. Вас пригласят к Его Величеству.

— Спасибо, — ответил я. — Передайте Его Величеству, что мы ценим этот необычный жест.

Он отступил, не поднимая головы. Мы вошли в помещение, молчаливые слуги на той стороне, испуганно косясь на огромного ужасного пса, тут же закрыли двери. Комната огромная, с богатой обстановкой, чувствуется и вкус, и роскошь, и умение потратить деньги не на вычурность, а на оплату работы художников, обладающих вкусом.

Ордоньес сразу же плюхнулся на самый роскошный диван, Бобик прошелся по залу и лег в центре на ковер, а Торкилстон поинтересовался настороженно:

— Сэр Ричард, что вы имели в виду?

— Вы о чем, сэр Торкилстон?

— Вы сказали, — напомнил он, — что цените необычный жест.

Я сел рядом с Ордоньесом, Торкилстон уставился на меня в ожидании объяснений. Двое слуг быстро внесли и

поставили перед нами длинный стол, а другие быстро начали наполнять его вкусностями, начиная от холодных закусок, свежеподжаренного мяса и заканчивая сладостями.

— Сэр Торкилстон, — ответил я, — существует дипломатический этикет. К примеру, король должен был выдержать нас в приемной пару недель. Ну даже пусть одну, но не меньше. Иначе у нас появилась бы мысль, что ему делать нечего. А так показывает всем, в том числе и своим придворным, что занят, занят, безумно занят. И что мы для него не слишком уж и что-то такое необычное...

Ордоньес хохотнул.

— Значит, этот король либо дурак, либо сгорает от нетерпения?..

— Как бы ни сгорал, — пояснил я, — но срок бы выдержал. Личные чувства в управлении королевством значат очень мало. Здесь что-то другое.

Ордоньес ухватил жареного гуся, с довольным рычанием выдрал лапу и принялся грызть. Бобик поднялся и подошел к нему ближе. Торкилстон начал было мерить комнату крупными шагами, на середине остановился, махнул рукой и тоже подсел к столу.

— Что? — спросил он.

— Давайте подумаем, — предложил я. — Лучше думать перед тем, как действовать, чем после.

Торкилстон буркнул:

— Сэр Ордоньес, отдохните.

Ордоньес глухо поинтересовался с набитым ртом:

— Почему это?

— Вы же только о бабах можете думать.

— Кто мог бы подумать, — отпарировал Ордоньес, — того никто не спрашивает. У меня вообще, сэр Ричард, сложилось впечатление, что эти люди знают, кто мы. В общих чертах.

— И что представляем, — уточнил Торкилстон.

— Смотрят с любопытством, — поддержал Ордоньес, — но нет изумления...

— А чему изумляться? — возразил Торкилстон. — Должны понимать, за Хребтом есть жизнь. Каким-то отважным да безрассудным удавалось же обогнуть Рог Сатаны хоть иногда!..

— Последний раз такие смельчаки сумели проскользнуть чудом больше ста лет тому, — напомнил Ордоньес. — Я слышал эту историю в вашем же порту. И то потому, что их преследовали королевские войска с веревкой наготове. Так что о существовании королевства Сен-Мари здесь знают, но мне показалось, знают даже, кто из нас кто!.. Бобик, а ты меня не съешь? На лучше вот эту косточку... Так быстро? Тогда возьми вот это крылышко...

— И мне такое померещилось, — сказал Торкилстон. — Никто ничего не говорит, но морды, морды... А вы что скажете, сэр Ричард?

Я пробормотал:

— Есть еще возможности. Хоть стена и почти отвесная, но могут отыскаться ловкачи-скалолазы... Есть вариант и похуже. К примеру, за жизнью в Сен-Мари наблюдают через некие магические устройства. Наше появление трудно не заметить.

Торкилстон помрачнел, брови грозно сдвинулись на переносице.

— Чертовы колдуны! Ничего, придет и сюда церковь...

— Тихо-тихо, — сказал я. — Здесь суверенное королевство. Мы не вправе вмешиваться... вот так уж явно. Нужно уважать чужие обычаи.

Ордоньес изумился:

— Уважать?

Торкилстон тоже удивился так, что с Ордоньесом стали как два изумленных на ярмарке брата. Бобик так тихо-хонько и деликатно вынул из руки Ордоньеса вторую лапку гуся, что Ордоньес даже не заметил.

— Делать вид, — поправил себя я, — что уважаешь. Это называется политкорректностью. А что на самом деле

думаем и замышляем, наше личное дело. А в личное пространство вмешиваться не имеет права даже король.

Торкилстон перекрестился.

— Никто, кроме Господа.

Я напомнил строго:

— Даже Господь не имеет право.

Он изумился:

— А кто ему запретит?

— Он сам себе запретил, — сказал я, — и сообщил об этом человеку. Чтобы тот сам шевелил лапками, а не упирал на Господа. Потому все в наших руках, и за все отвечаем только мы. Свалить вину не на кого!

Ордоньес сказал негромко:

— Зато и все груши наши. Может быть, уже хватит жрать? А то сидим здесь, наедаемся, а самое вкусное подадут потом у короля...

— Позовут, — сказал я. — Там сейчас расстилают ковры, метут пол, ставят в две шеренги парней с трубами, женщин с цветами...

Ордоньес вздохнул:

— Я согласен, чтобы всех заменили женщинами. Ладно, Бобик, пришло твое время. Раскрывай пащечку!

Бобик, не отрывая зада от пола, подъелозил к нему ближе и поскреб по полу хвостом, объясняя, что уже любит его до глубины фибр и всю добычу будет приносить ему.

Польщенный Ордоньес начал перекладывать мясо со всех блюд в эту жарко дышащую пасть, а мы с Торкилстоном поднялись в надежде поглязеть на местных из окон, вдруг да кто покажется на тенистой аллее...

Дверь распахнулась, вбежал запыхавшийся не то лакей, не то вельможа, для непосвященного и швейцар кажется маршалом, с ходу низко поклонился и растопырил руки, словно для полета.

— Его Величество король Херлуф Сильвервуд милостиво изволит пригласить гостей на прием!

Торкилстон пробормотал:

— Да, удивительно...

— Мы польщены оперативностью, — ответил я посланцу. — Мы готовы.

— Следуйте за мной, господа.

Ордоньес молниеносно перебросал в Бобика нетронутых перепелок и ухитрился всунуть полтуши кабана. Бобик все перемалывал с удивительной скоростью, хотя пузы заметно раздавалось в размерах.

Догнали нас уже на аллее, посланец гордо идет впереди, не оглядывается, но я видел, как шевелятся его уши, тщательно улавливая наши шаги и соразмеряя с ними свои.

В зале тысячи свечей, как на люстрах под сводом, так и вдоль стен в два ряда. Светло, пышно и по-варварски ярко. Здесь, в Вестготии, тоже предпочитают чистые цвета без всяких полутонаов. Надеюсь, и люди здесь такие же: либо сама чистота, либо мерзавец, которого за версту видно. Причем мерзавцев в пропорции один на тысячу. Хотя, конечно, это же королевский дворец, здесь концентрация последних должна быть намного выше...

Нас оставили в уголке пышнейшего из залов, которые мне приходилось видеть, придворные держатся группами, это и понятно, интриги и подковерная борьба не вчера начались и не завтра исчезнут, а на той половине зала на помосте высотой до середины голенища моего сапога расставлены кресла, где-то с дюжину.

Посредине, как и водится, самое массивное и приподнятое на добавочной платформе, это кресло именуется троном, а трон должен быть уникальным. Высокая спинка защищает от ударов и выстрелов сзади, по бокам преданные соратники, враг может подойти только спереди, но чутье подсказывает мне, что останавливаться надлежит за несколько шагов.

Я в удивлении присмотрелся: по широким подлокотникам кресла словно струится прозрачнейшая вода, такая же струйка появилась и пропала на том месте, куда король должен ставить ноги.

— Вы это видите? — спросил я шепотом.

Торкилстон и Ордоньес проследили за моим взглядом, оба разом пожали плечами. Торкилстон продолжал всматриваться, а Ордоньес ответил так же тихо:

— Что там?

— Что-то почти невидимое, — объяснил я. — Как будто вода, что появляется и пропадает...

Торкилстон озадаченно промолчал, Ордоньес предположил:

— Что-то магическое?.. Для защиты короля?

— Похоже, — согласился я.

Приближенные к королю вельможи начали появляться в зале из двери, расположенной за троном, медленно и торжественно рассаживались, что давало мне возможность рассмотреть их и быстро рассортировать. Все важные, осанистые, спесивые, в пышных одеждах, многие по такому торжественному случаю в коронах из чистого золота, но мы уже бывалые и терты, для нас не новость, что короны носят не только короли...

У всех на одежде спереди вышиты золотом гербы, это уже дает больше зацепок, так как на заре рыцарского времени герб короля абсолютно ничем не отличался от герба простого рыцаря, но в Сен-Мари, к примеру, королевская корона изготавливается в виде пурпурной шапочки, вокруг которой широкие рельефные арки из блестящего золота. Декорирована обычно драгоценными камнями, у короля две арки на короне, у сыновей и дочерей — по одной, у других членов королевской семьи вообще без арок, это значит, что не являются наследниками...

Лорды раскланивались друг с другом, прежде чем сесть, степенные и замедленные в движениях, ведь торопливость — признак недалекого ума. Торкилстон погляды-

вал на них, стараясь не выказывать слишком заметного интереса, не простолюдины же, а я всматривался в бризуры, здесь точно так же состоят из ламбелей, каймы и перевязей, так что сориентироваться могу достаточно быстро, кто здесь есть кто и что из себя представляет.

Сэр Торкилстон держится невозмутимо и гордо, давно не простой рыцарь, а комендант крупного города, к тому же служит мне, а отблеск моей грозной славы падает и на него, потому смотрит орлом, плечи развернуты, на вельмож поглядывает со снисходительным интересом, на короля — уважительно, но без особого трепета.

Церемониймейстер прокричал громко и торжественно:

— Его Величество король Херлуф Восемнадцатый!

Торкилстон сказал торопливым шепотом:

— Ого!..

— Это что у них за династия, — пробормотал Ордоньес. — Никаких войн, никаких переворотов?

Из двери за троном показались пышно одетые люди, встали по бокам, и следом вошел очень немолодой человек в красной мантии до пола и в короне на золотых с проседью волосах, быстро проследовал к трону и опустился, сразу же положив руки на подлокотники. Незримая вода обволокла их на миг и тут же пропала из виду.

Наступила торжественная тишина, когда весь зал склонился в низком поклоне, а король озирает всех в поисках признаков недостаточной почтительности.

Мы трое поклонились чуть-чуть, как бы у нас такие обычай, мы ж не подданные, я всматривался в короля, быстро прикидывая, как много могу взять и чтоб дать взамен поменьше.

В высокой рогатой короне, что кажется продолжением головы, с длинными волосами и бородой цвета светлого золота. Лицо тоже цвета золота, желтое, изможденное, в глубоких морщинах, запавший рот, обвисающие щеки.

Даже глаза усталые и старческие, слишком много успевшие повидать, в них тоска и разочарование. Даже на

меня и моих рыцарей посмотрел без любопытства. Ему что-то шепчут с двух сторон, а я смотрел на корону и снова подумал, что рога как настоящие, так выглядел бы лесной царь, о котором рассказал Гете, могучий, мудрый и величавый.

Он обратил взор на меня, церемониймейстер начал делать нам обеими руками непонятные знаки. Я сделал два шага вперед и учтиво поклонился.

В зале все затихли и перестали перешептываться, я сказал громко:

— Ваше Величество, мы прибыли из соседнего королевства, что за отростком Великого Хребта, разделяющего наши великие страны. Я майордом королевства Сен-Мари, Ричард Длинные Руки. А также маркграф, пфальцграф и еще много чего. Это мои лорды и военачальники, позвольте их представить...

Он чуть наклонил голову, сэр Торкилстон и Ордоньес с величайшим достоинством вышли вперед, поклонились, каждый в своей манере: Торкилстон с рыцарским прямодушием, Ордоньес с иронией в каждом жесте, мол, плавали, еще не таких зверей видели.

— Мы просто счастливы, — заговорил он первым. — Ага, весьма. И соответственно.

— А я еще счастливее, — сказал сэр Торкилстон, честно глядя королю в глаза. — Сэр Ричард не только велико-душно вознес меня на нынешнюю высоту, но и дал возможность лицезреть всякие диковинки. В том числе вас, Ваше Величество.

Я внимательно следил, как реагируют придворные. Пока что больше недоумеваю, все мы на вельмож смахиваем мало, разве что на Ордоньесе золотой пояс древней работы, у Торкилстона изумрудные шпоры забытых ныне эпох, а про мою собачку и лошадку уже шепчутся даже кусты в саду. Это, конечно, говорит о том, что мы не простые бродяги, но все же, все же...

Король вслушивался внимательно, еще внимательнее

всматривался. Среди многочисленных украшений на его мантии, как вижу, есть и амулеты, их можно угадать по вычурной золотой оправе, никто не станет так украшать простые камешки, так что, возможно, чует за нашими словами больше, чем мы в них вкладываем.

— Мы рады предложить вам, — произнес он наконец хриплым старческим голосом, — достойный прием, кров и всяческую помощь. Все мы с великим интересом выслушаем вас, наших соседей, о королевстве Орифламме...

— Сен-Мари, — поправил сэр Торкилстон, сконфузился и сказал торопливо: — Простите, Ваше Величество.

Король великолушно наклонил голову.

— Да, мы слышали и это странное название. Словом, вам сейчас покажут лучшие покои, их сейчас готовят для вас.

— Спасибо, Ваше Величество!

— Отдохнете, — закончил он отечески, — а затем ждем...

— ...на пир, — пробормотал я. — Да, конечно, Ваше Величество. Мы будем рады воспользоваться вашей любезностью.

Глава 13

Торкилстону и Ордоньесу прием показался до обидного коротким. Сэр Ричард свой в доску, всегда готов к общению, я пояснил шепотом, что от маркграфа или маркиза до короля дистанция огромного размера, оба заспорили, тем временем королевские провожатые отвели нас в действительно роскошные покои, что располагаются в соседнем здании палаца.

Вышколенные слуги отворили двери без единого лишнего движения, отступили и снова замерли.

— Отдыхайте, — сказал бесстрастно провожатый. — Его Величество известит вас.

— О чём? — спросил Торкилстон.

Но придворный уже скрылся за дверью. Ордоньес осматривался с самым критическим видом, дескать, и не такие грабил, но я видел, что впечатлен. Торкилстон тем более. Они не видят разницы между богатым убранством и очень богатым, но я уже вижу, здесь не просто богатство или даже роскошь, а изысканное, утонченное, что значит, при дворе собраны лучшие архитекторы, скульпторы, декораторы...

— Будем ждать? — спросил Торкилстон.

Я не успел ответить, Ордоньес сказал грохочущим голосом:

— Неужели ждете, что сэр Ричард скажет «да»? Он сам сейчас же ринется вслед за Бобиком изучать этот... довольно любопытный сарай.

— Тогда и я, — сказал Торкилстон.

Они исчезли раньше меня, захватив Бобика. Торкилстон сообщил, что хочет расспросить начальника дворцовой стражи, как он справляется с такой махиной, Ордоньес сказал весело, что посмотрит на предмет свободных женщин.

Я подошел к широкому окну, отсюда такой прекрасный обзор доброй половины сада, и уставился бараньим взглядом. Ощущение, что мы не прибыли неожиданно, стало отчетливее. Если бы в самом деле врасплох, суматохи было бы намного больше. А так гуляют, переговариваются. Или считают Сен-Мари чем-то вроде захудалой деревушки?

Ладно, это потом, а сейчас что я могу и чем готов воспользоваться? Особенno, если не забывать, что я теперь больше, чем паладин. Увы и ах. Паладин — это благородный рыцарь, безупречный во всех отношениях, неспособный к подлости, предательству, лжи, обману. Он творит благородные дела по свойствам своей благородной натурь, а уж такая у него от рождения или его таким воспитали благородные учителя, не суть важно.

Я же та свинья, что при взгляде на женщину мгновенно представит, что у нее под одеждой, что и как с нею можно проделать, но я любезно улыбаюсь ей и говорю возвыщенно о поэзии и движении звезд, ни взглядом, ни словом не давая понять, что в первую очередь обратил внимание на ее сиськи и жопу. Я еще как могу подличать, это же норма в моем срединном королевстве, только там это обыденность и подлостью не считается, это так называемое выживание, однако поступаю по-паладину через «не могу» и «не хочу», а это куда более высокая цена.

Одно дело не подличать, повторил я себе задумчиво, потому что незнаком с этим понятием, каким был, к примеру, Сигизмунд, вообще не умеешь, другое дело, когда умеешь и можешь...

Значит, цена моего благородства намного выше, чем у, скажем, того же благороднейшего Сигизмунда, который вообще не понимает, как это можно не сдержать слово, нарушить клятву верности или ударить в спину. Я-то понимаю, еще как понимаю...

Может, потому раскаявшаяся блудница и дороже Господу?

В комнату без стука вошла очень молоденькая пышная девушка, румяные щечки, так и хочется укусить, умильные ямочки, блестящие веселые глаза и крупная грудь в низком вырезе платья.

— Сеньор, — произнесла она виноватым голосом, но глаза смеялись, — меня прислали постелить здесь, как вам удобнее...

Я оглянулся на ложе в дальнем конце огромной комнаты, его и не видно за опускающимися шторами.

— Стели, — согласился я.

Она спросила с заминкой:

— Может быть, у вас какие-то особые пожелания? Говорят, вы из другого королевства, а там у вас все по-другому...

Я отмахнулся.

— Да все точно такое. Все до тошноты одинаковы. Это насекомые все разные, их Господь выделывал с особой любовью и тщанием, а людей настрогал одинаковых, что обидно... Ты убирай, а я пойду пройдусь по саду.

На выходе я ослеп от яркого блеска, сверкания струй в фонтане, вода стекает даже с листьев деревьев, где в каждой капле нестерпимо горит яркое солнце. Лучи просвещивают сквозь листву, и по широкой аллее, усыпанной золотым песком, колышутся призрачные узорные тени.

Несмотря на фонтаны, жарко и душно даже здесь у земли, а что там наверху, куда возносятся вершины деревьев, страшно представить. Огромные цветные бабочки облепили стволы деревьев и не реагировали, когда я помахал рукой, и только когда взял одну за сложенные крылья, она вяло попыталась освободиться, а другие сонно, как отяжелевшие от сытости гуси, перепорхнули на дерево по соседству.

Над кустами поднялась тонкая шея антилопы, ясные девичьи глаза посмотрели с укором.

— Лежи, дура, — сказал я ласково, как мы обычно говорим с горячо любимыми женщинами, — так и быть, сегодня бить не буду.

Она со вздохом облегчения опустилась в густую траву, мужское слово твердое, когда оно нам ничего не стоит.

Вдали послышались чистые девичьи голоса, игривые и задорные, через минуту на соседней аллее показалась группа девушек. Яркие платья, высокие головные уборы, я смотрел с удовольствием, и тут сердце трепыхнулось раньше, чем я понял, в чем дело.

Впереди спокойно не идет, а плавно плывет, аки лебедь по зеркальной воде, девушка в голубом платье, чьи золотые волосы увенчиваются небольшая кокетливая корона. Но даже, если бы я по дурости не сообразил вдруг, что это корона принцессы, догадался бы по той ауре власти и величия, что распространяется от нее с такой силой, что может сдвигать камни.

Среднего роста, с хорошей, но не чересчур фигурой, она как будто даже не задумывается, что она — принцес-са, это ей не нужно, об этом говорит и знает весь мир, ей эти мелочи ни к чему...

Сразу за нею идут двое: одетый пышно и ярко юноша с лютней в руках, пиликает что-то на ходу, и непривычно рослая женщина, непривычная в первую очередь тем, что на ней почти нет одежды, во всяком случае, я отсюда не рассмотрел, а сразу легкие кожаные доспехи, укрывающие торс и ноги до середины бедер, а дальше... стыд какой, ноги совершенно голые вплоть до сапог с низкими голенищами.

Руки от самых плеч тоже обнаженные, я всмотрелся в них недоверчиво и внимательно, не чудится ли, и понял, почему ей позволительна такая вольность. Это не женские руки, во всяком случае не те трепетные и слабые, которыми нужно обхватывать шею избранника. У этой женщины на руках ни капли сладостного женского жирка, который так обожаем, одни мускулы — тугие, продолговатые, вздутые, уложенные красиво и плотно, и при взгляде на них не появляется ничего эдакого мужского, в смысле, эротического...

Они прошли мимо, я наблюдал из-за деревьев и рас-смотрел выглядывающие из-за спины богатырши рукояти двух мечей. Перевязи тонкие, украшенные золотым шить-ем, пояс по-женски узкий, тоже украшен мелкими жемчу-жинами, на предплечьях холодно поблескивают стальные браслеты, достаточно широкие, чтобы перехватить ими удар ножа или слабый взмах меча.

Она замедлила шаг, все обогнали ее, она останови-лась, задумчиво глядя им вслед. Я тихонько вышел и шаг-нул через газон в ее сторону.

Мгновенно обернувшись, она встретила меня резким выпадом меча. Острие холодно блестело совсем близко от моего горла, я остановился и примирительно улыбнулся.

— Ты просто чудо...

Она смерила меня холодным взглядом с головы до ног, у самой глаза светло-голубые, черты лица правильные, хотя чересчур широка нижняя челюсть и не по-женски выдвинут подбородок. У женщин должен быть как можно мельче, это указывает на кротость и послушание, что так нужно мужчинам, а эта сама кого угодно нагнет, если подойдешь слишком близко.

— Ты кто? — произнесла она злым голосом. — Я тебя заметила сразу.

— Знаю, — ответил я. — Может быть, опустишь это железо? Я топал, как стадо слонов, чтобы ты заметила.

Она вложила меч в ножны, взгляд оставался таким же холодным.

— Знаю.

— Кто ты? — спросил я. — Все остальные такие обычновенные, а вот ты просто чудо... Великолепная мускулатура... накачала больше на скорость, да? Хотя вот те мышцы скорее на удар... Копьем? А вот те — молот...

Она поправила холдно:

— Топор.

— Топор, — повторил я задумчиво, — да, топор. Здорово, когда такая прекрасная фигура... и... гм... достаточно открыта взглядам. Приятнее смотреть, чем на эти клумбы. Ничего интересного: цветы, бабочки, лягушки...

Она рассматривала меня все с тем же подозрением.

— А кто ты? — потребовала она резко. — Что-то не нравятся мне твои... взгляды. Хотя должны бы нравиться.

— А какие, — поинтересовался я, — должны быть?

Она скривила губы.

— Да любые, от отвращения до злобы. А так вижу что-то хитрое и скользкое...

Я покачал головой.

— Ничего подобного. Я в самом деле смотрю на тебя с удовольствием. Хотя сам к такой женщине и близко не подойду... ну, ты понимаешь, мужчины вообще-то трусоваты с такими независимыми, а я мужчина со всеми на-

шими доблестями, но тебя вот уважаю за самобытность. И что ты не такая, как все стадо. Как тебе это удается? И почему с мечами даже во дворце? У нас и то отобрали.

— Меня зовут Боудеррия, — сказала она кратко и все тем же резким голосом с оттенком металла, — я телохранитель принцессы Алонсии. Потому и с мечами.

Я вытаращил глаза.

— Телохранитель? Женщина?

Она скривила губы.

— И что? Мир должен рухнуть?

— Мир нет, — пробормотал я, — но небо... вдруг да рассыплется? Как это случилось? Я думал, это невозможно... здесь.

Она уловила подтекст и спросила быстро:

— А где-то возможно?

— Очень далеко, — пробормотал я. — Но как... здесь же не те нравы?

— Я исключение, — ответила она без охоты. — Однажды буря выбросила на берег пиратский корабль. Некоторые, правда, говорят, что корабль был совсем не пиратский, но сейчас это неважно. Почти все утонули, спаслись два матроса, а также я. Мне тогда было пять лет, но я, как сказали подбравшие нас, по силе и ловкости не уступала детям вдвое старше меня. Словом, меня сперва держали в одной семье и старались воспитывать вместе с их детьми, потом мной заинтересовался один из придворных, в конце концов я попала во двор самого короля. Здесь меня полюбила маленькая принцесса, я стала ее подругой, а когда ее однажды пытались похитить, я убила двух из нападавших, и меня приставили к ней уже телохранителем. Вот и все.

— Ага, — сказал я с облегчением, — мир еще не рухнул и не рухнулся. Ты просто чужая, потому и... Ладно, драться ты любишь, это видно.

Она нехорошо улыбнулась.

— Первых я убила, защищая принцессу, когда мне было четырнадцать. А ты?

Я пробормотал:

— Я человек мирный. Стараюсь вообще не вынимать меч из ножен.

Ее улыбка стала шире, как у волка, завидевшего добчуку.

— Кто-то назвал бы тебя за такие слова трусом, но я знаю, что именно это и есть слова настоящего бойца. Другой бы стал бахвалиться. Не желаешь как-нибудь скрестить оружие?

— Зачем? — ответил я. — Говорю же, я человек мирный. Если хочешь напасть на меня и грубо изнасиловать, я по своей кротости даже сопротивляться не стану.

Она поморщилась.

— Размечтался!.. Просто мне интересно, как дерутся по ту сторону. Ты ведь гость оттуда?

— Быстро же разносятся новости, — сказал я.

— Очень быстро, — подтвердила она. — Ладно, любуйся цветочками, мне надо догонять принцессу.

Я проводил ее взглядом, она не пошла, а побежала легко, все-таки женщина, но без жеманности, как обычно, когда знают, что им вслед смотрят. Даже не повиляла задом, зараза. Впрочем, зад тугой и плотный даже с виду, как поспевший лесной орех, а ноги красивые, мускулистые, здоровые, обцелованные солнцем до цвета спелых желудей.

Глава 14

Еще по дороге от побережья к столице я обратил внимание, что нигде за всю дорогу не увидел церкви, а они заметны издали, ставят обычно на холмах, дабы крест на крыше был виден как можно дальше. У Жака на груди нет креста, как и у всех, кого встречали по дороге, а при такой

жаре у каждого распахнута рубашка, а кое-кто и вовсе обнажен до пояса.

Вообще никто ни разу не упомянул Господа, не перекрестился, ни призывал Деву Марию, что для нас с Торкилстоном непривычно. Даже Ордоньес заметил, пусть в Черро тоже почти нет церквей, зато Тараксон — уже цивилизация, так без клятвы «Христос все видит!» даже не попытаются продать кусок гнилого сукна.

В холле нетерпеливо переминался с ноги на ногу плотненький жизнерадостный придворный с обманчиво простецким выражением лица, любитель поесть и выпить, это ясно читается по его фигуре и красному носу, и только иногда острый взгляд выдает, что он не только то, что видит каждый.

— Сэр Джон Ашворт, — представился он радостным голосом. — Его Величество любезно велел, чтобы я был в вашем полном распоряжении! Если изволите что-то осмотреть, узнать, увидеть — я к вашим услугам.

— Спасибо, — сказал я как можно более искренним и теплым голосом. Приставили соглядатая — понятно, но в некоторых случаях с ними даже удобнее. — Я как раз собрался пройтись по саду...

— ...и вообще посмотреть, — подхватил он с улыбкой, — поглазеть, поспрашивать...

— А как же иначе, — согласился я с улыбкой такого же размера и тем же тоном. — Путешественнику надо увидеть побольше...

— ...чтобы потом бахвалиться!

— Вы прекрасно понимаете меня, сэр, — восхитился я.

Он воскликнул:

— Я самое то для вас, сэр! Я знаю все новости и, что для всех самое интересное, все сплетни!

— Сплетни — это да, — сказал я. — Их важность недооценивают, когда они стареют — становятся мифами, а потом их изучают мифологи. И вообще, разве история не

состоит из сплетен? Мы вообще-то счастливы, а вот Адаму и Еве сплетничать было не о ком...

Он расхохотался.

— Надо будет запомнить! Никто же никогда не сплетничает о тайных достоинствах других людей? Я ничего не имею против сплетен, хотя бы и злостных. Сплетня делает людей гораздо интереснее, чем они есть, не так ли?

— Совершенно с вами согласен, сэр, — сказал я.

Деревья стоят высоко, яркое небо как над ущельем, деревья не шелохнут и листком. Я спустился с крыльца, чувствуя всей кожей сухой и горячий воздух.

Сэр Ашворд сбежал следом резво, живой и улыбчивый колобок, показал рукой в сторону.

— Через две аллеи королевские конюшни... Не изволите осмотреть?

— Не изволю, — ответил я. — Мне бы что-нибудь такое, чего у нас нет либо мало... У вас церкви есть?

Он покачал головой.

— Когда-то, говорят, были. Но... зачем?

— Красивые, — сказал я авторитетно. — Это же обычно самые красивые здания! Намного красивее обычных жилых домов. А церковное пение? А крестные ходы с хоругвями, бородатыми священниками с крестами в руках, когда идут по улицам и поют, поют...

Он кивнул.

— Понятно, вас привлекает зрелищность. Нет, это ушло в старину. Если кто хочет молиться, он может делать и дома, ведь Бог везде, не так ли?.. Зато у нас в почете магия. Есть даже башни магов, очень впечатляющие, да. Но теперь маги обычно живут в хороших просторных зданиях. Если желаете...

— Желаю, — сказал я.

Он засмеялся.

— Чего?

— Что вы желали мне показать, — объяснил я. — Живого мага.

— Вы хорошо угадываете, — одобрил он. — Мы как раз на пути к жилищу придворного мага Дрессера. Так что решайте.

— Прекрасно, — ответил я. — Хочу! Ведите.

Он развел руками.

— Увы, если маг не восхочет вас видеть, вы к нему не попадете. У магов высокий статус.

— А как узнать?

— Узнаете, когда приблизимся к двери, — сказал он загадочно. — Вы заметили, что произвели фурор в столице?

— Да я в ней еще не бывал, — сказал я и добавил со смешком: — Разве что проездом...

Он с готовностью засмеялся, на щуточки надо реагировать, переспросил:

— Ну хоть во дворце? О вас троих даже статуи перешептываются! Дамы с ума сходят, а мужчины мечут громы и молнии.

— Громко?

— Нет, — сказал он с вынужденной объективностью, — шепотом. Только двое рычат громко. Ну, эти двое могут...

Я спросил заинтересованно:

— Кто они? Простите мое любопытство, но я, как понимаете, весьма заинтересован знать, кому я не по нраву. Так, на всякий случай. Они могут только рычать?

Он развел на ходу руками.

— Увы, могут и кусаться. С ними считается даже король.

Я сказал заинтересованно:

— Расскажите чуть подробнее. В первую очередь надо знать опасных зверей. А зайчиков... если останется время.

Он оглянулся опасливо по сторонам и сказал тихо:

— Оба лорда... как бы сказать... просто непобедимы. И даже не могут быть побеждены, что удручет всякого. Так просто не должно быть!

Я насторожился.

— Это как?

Он вздохнул.

— Сэр Вильярд Иронфорест просто невероятно силен и быстр, еще не знал поражений, а сэр Хорнельдон к тому же еще и заговорен.

— Что-что?

Он вздохнул тяжелее.

— Его родители когда-то оказали большую услугу одному из великих магов, а тот в благодарность наложил на их ребенка великое заклятие. Ни сама земля ему не повредит, ни что-либо, рожденное ею, а это не только камни, палки и железо, но также люди, звери и птицы.

— Невероятно, — сказал я неверяще, — это что же, он бессмертен?

— Нет, когда-то умрет... От старости.

— Ни фига себе, — пробормотал я ошарашенно. — Неужели нет лазейки? Древние маги всегда оставляли лазейку! Может быть, могут сожрать рыбы?.. Хотя нет, рыбы тоже в общем-то порождения матушки-земли...

Он развел руками.

— Думаете, другие не ломали головы?.. Ладно, мы пришли. Дверь закрыта, но вы подойдите ближе. Если вы мага заинтересовали...

В каменной стене коричневая массивная дверь из неизвестных мне пород дерева, я выпрямил спину и, приняв соответствующее выражение лица почтительности и уважительности, сделал эти два шага.

Дверь исчезла. Не распахнулась, не отодвинулась, не поднялась вверх, как решетка рыцарского замка, а просто исчезла. Как все знакомо!.. Я не ощущал ни холода, ни тепла, ни движения воздуха.

— Спасибо, — сказал я громко и переступил порог.

За спиной потемнело, я понял, что сэру Ашворду придется подождать меня снаружи.

— Спасибо, — повторил я, на этот раз с другой интонацией, чтобы маг ощущил, если слышит, что я вообще-то

предпочел бы и сам войти без соглядатая. — Надеюсь, я отыщу дорогу...

Комната большая, хорошо обставленная, но пустая, если не считать небольшого стола на выгнутых ножках и четырех кресел. Камень стен закрыт деревянными панелями, а еще в изобилии гобелены.

В левой стене еще одна дверь, вся в барельефах, это даже не дерево, но и не металл, а что-то среднее, если такое возможно, ни одного дюйма, свободного от оскаленных морд львов, пантер, драконов, а еще в изобилии аллегории Добра, Природы, Плодородия, последнюю я рассмотрел особо внимательно, это уже рефлекс, в детстве не только рассматривали, но и кое-что подрисовывали.

Дверь исчезла при моем приближении, и снова ни тепла, ни холода, ни движения воздуха.

Открылась огромная комната, уже не комната, а помещение, и хотя собачья будка тоже помещение, но это больше смахивает на ангар с низким каменным потолком. По всем стенам стеллажи до потолка, отсюда можно разглядеть толстенные фолианты, столы составлены рядами, чего только нет, в десятке колб булькает, шипит, воздух то едкий, то кислый...

— Здравствуйте, — сказал я тем тоном, как говорят, входя в чужую квартиру «Есть кто-нибудь?», — я так, можно сказать, без дела. Но человек мирный... и местами вообще безобидный.

Из глубины комнаты, из-за составленных в горку сундуков и скрынь вышел старик с традиционной белой бородой и белыми волосами, но в партикулярном платье и даже без остроконечной шляпы с широкими полями. Походка не старческая, глаза смотрят живо и с любопытством.

— Здравствуйте, — повторил я, — уж простите...

Он отмахнулся.

— Это я вас пригласил, так что никаких извинений.

Значит, вы и есть один из гостей короля, что прибыл оттуда?.. Садитесь вон в то кресло.

Я послушно опустился, на лице почтительное внимание, в глазах умеренный восторг и опасение, все, как надо, смотрю с ожиданием.

У стариков глаза обычно блеклые, выцветают от старости, а у этого черные, как угли, того и гляди сейчас вспыхнут. Некоторое время сверлил меня взглядом, я почти чувствовал, как впиваются острые иголки, наконец проговорил озадаченно:

— Даже не думал, что по ту сторону гор такие люди.

Я сказал скромно:

— Простите, но я не с той стороны. Вернее, с той, только с еще более той, что совсем за той, которая ближе. В общем, притопал из далеких северных королевств. Дикие люди о них здесь и слыхом не слыхали и не слыхивали.

Он в удивлении покрутил головой.

— Все равно... Что-то в вас не так. Очень даже. Странное ощущение. Вы можете показать на карте?

— Если достаточно подробная, — сказал я осторожно.

Он повернулся к ближайшему стеллажу, оттуда послушно вылетели широкие листы бумаги, с лакейской усажливостью легли на стол. Некоторое время ерзали, устраиваясь поудобнее, две взлетели и поменялись местами. Киноварные заставки с изображением крохотных всадников задвигались, разрослись в ясно прорисованные фигуры, помчались, вздымая пыль из-под крохотных копыт, я даже уловил дробный стук, словно по столу бежали две подкованные мыши.

На одном листке прямо посредине появилась картиночка, в черно-белом варианте разыгрывались некие сцены, но слишком быстро, я не успевал уловить суть, но маг, похоже, понимает, хотя вроде бы внимательно читает совсем другое...

Листы вспархивали и ложились перед ним, а он с не-

сколько презрительно самодовольным видом просматривал, делал движение либо бровью, либо пальцем, и листок моментально превращался в пепел, без всякого огня, либо улетучивался легким дымком.

Я спросил невольно:

— А вы хоть копии делаете?

Он вскинул брови.

— Это как? Ах да... Но зачем?

— Уничтоженного не вернуть, — напомнил я. — А если там те сведения, сейчас ненужные, но могут пригодиться через год-другой?

Он посмотрел на меня с явным недоумением.

— И что? Я ничего не забываю из прочитанного. Этому маги учатся в первую очередь.

Я пробормотал:

— Да? Тогда это меняет дело, извините... Хотя...

— Что?

— Но если там зашифровано что-то еще? В самом листке? Их у вас делают из вареных тряпок? Или пергамента?.. В любом случае, в самую структуру волокон можно вплести самые ценные заклинания, что не увидеть сразу...

Он остановился, подумал, посмотрел на меня с уважением.

— Вы либо маг... иной школы, либо у вас в королевстве знают больше. Мне, например, такое в голову не приходило, а я, скажу с гордостью, сильнейший в королевстве! По крайней мере из тех, кто живет в городах и общается с людьми. Как вы говорите, вплести заклинание в саму... структуру?

— Да, — сказал я, чувствуя, что вступил на скользкий путь импровизации. — Из чего бы ни состоял лист, на котором надписи, он только кажется сплошным! На самом деле, он из множества волокон, ну как веревка из сотен и тысяч волосков, а канат из тысячи веревок. Только здесь не канат, а тысячи канатов уложены в ряд и сдавлены так, что сверху видим только гладкую ровную поверхность...

Его лицо стало еще задумчивее.

— Вообще-то, — сказал он нехотя, — я видел как-то процесс производства бумаги... Отвратительное зрелище! Вытаскивают большой ком рыхлой массы и выжимают под прессом всю воду, а потом жмут и жмут до тех пор, пока не становится... тем, что становится. На самом деле там должны оставаться мелкие пустоты, вы правы... гм... а волоски можно закрутить определенным образом. Но я не представляю, как это сделать!

Я сказал с облегчением:

— Это вы не представляете, а вот маги прошлой эпохи могли не только представить, но и сделать. А вы наверняка потеряли кучу бесценных сведений. Это как сжечь весь сундук с сокровищами только потому, что не удалось вскрыть замок.

Он глубоко задумался, затем вздохнул и указал на карту.

— Что-то узнаете?

Я всматривался долго, наконец сказал с огорчением:

— Нет, никак себя там не вижу.

Он усмехнулся, повел обеими ладонями над столом.

— Всмотритесь лучше. Себя в самом деле увидеть трудно, хотя, конечно, если хорошо присмотреться... гм... а места знакомые? Горы, реки, большие озера?

Огромная карта застыла, как приклеенная, но на ней двигаются линии, цвета, все медленнее и медленнее, наконец все замерло. Я начал всматриваться и ощутил огромное облегчение, когда за Великим Хребтом увидел только примерные контуры десятка королевств с обозначением самых крупных городов.

— Честно говоря, — сказал я, делая голос как можно более огорченным, — я надеялся на большее... выходит, эти ваши сведения принесли те немногие, что перебирались через Великий Хребет по Перевалу? Ну, я там открыл левой ногой Тоннель под ним, так что только ленивый сейчас не бегает торговать в северные королевства.

У вас здесь, как вижу, только Армландия, Фоссано, Шателлен и Гандерсгейм... Ах да, еще Турнедо... Это что, Варт Генц? Здесь должно быть королевство Гиксия, а Варт Генц чуть левее... А это что за надпись? У нас, когда знали, что в таком-то месте есть земли, но ничего о них не могли сказать, писали всегда: «Там водятся драконы». Да, неважные у вас землепроходцы. Простите, я имею в виду не вас лично, а все королевство...

Он помрачнел, губы поджались.

— Выходит, не такие уж мы и разные, — сказал он сухо.

— Это та же надпись? — спросил я. — Про драконов?

— Да. Только на древнем языке.

— А почему на древнем?

Он двинул плечами.

— Не интересовался. Традиция. Значит, вы все их прошли, раз знаете такие тонкости?

Я кивнул.

— Конечно. Я же говорю, дальше еще множество заселенных земель. Великое множество! Здесь не отмеченных.

Он проговорил медленно:

— Значит, вы из самых северных?

Что-то насторожило в его небрежно произнесенных словах, я беспечно отмахнулся.

— Нет, я из срединных королевств! Самых что ни есть срединных. Но я, как только удалось сорваться с места, сразу же ринулся в сторону Юга. Север меня не заинтересовал. Там, говорят, еще холоднее, чем было у нас.

Острый блеск в его глазах стал мягче, он кивнул, в голосе прозвучало понимание:

— Да, о Юге рассказывают много чудесного. Кстати, что у вас за конь и собака?

Я сказал как можно более натуральным голосом:

— Зайчик и Бобик. Конь Бобик, пес Зайчик... тьфу, конь Зайчик, а пес — Бобик. А что?

Он внимательно посмотрел мне в глаза.

— Вы что, не заметили в них ничего необычного? Не поверю.

Я развел руками.

— Наоборот, это все остальные кони и собаки здесь — необычные! Какие-то мелкие, бегают медленно, как улитки, быстро выдыхаются. А у нас в королевстве как раз самые что ни есть нормальные.

Я сосредоточился, создал чашку с горячим кофе и, как только появилась в ладони, сказал извиняющимся тоном:

— Простите, в дороге устал. Чтобы не растерять капли мудрости, что вы роняете, голова должна быть ясной!

Глава 15

Он не двигался, лицо отрешенно спокойное, но я ощущил, как начал нагреваться вокруг него воздух. На стеллажах затрепетали фолианты, вспыхнули и погасли свечи, но тут же зажглись снова.

— Интересно, — произнес он, — вот что значит дальнее королевства... Мне природа этой магии незнакома.

Я охнул:

— Магии? Да вы что? Это все умеют! Никакая это не магия. У нас всякий, кто отправляется в дальнюю дорогу, должен уметь готовить себе сам пропитание.

— Таким образом?

— Ну конечно!

Он смотрел пристально, словно пытался поймать момент, где именно и как брешу, покачал головой.

— А что можете еще?

Я сказал виновато:

— Очень немного. Я был, если честно, плохим учеником. С моим ростом и моей статью как-то само собой луч-

ше удавалось насчет мечей, копий, стрельбы из лука... Еще могу в кулачном.

— Покажите, — попросил он, — хотя бы немногое из того, что называете... не магией.

Я повернулся к столу.

— Сюда можно?

— Да, конечно...

Глаза его застыли в орбитах, когда я насоздавал сыра, ветчины, буженины, карбоната, а в завершение наполнил чашки мороженым. Правда, глиняные, до серебряных и золотых пока что руки не доходят, да и умения не хватает.

Он сразу ухватил самое главное: руки человеческие не могут резать так тонко и точно, ломтики абсолютно одинаковой толщины, да и вкус изумительный, все тает во рту, ни король, ни император такого даже не видели.

— Это у вас... — проговорил он чужим голосом, — могут... все?

Я гордо посмотрел, как он осторожно кладет на язык тончайшие ломтики неизвестных здесь сортов сыра, отборного карбоната, лицо сосредоточенное, все еще старается понять, как это делается, нащупать хотя бы зацепку.

— Не все, — ответил я с достоинством. — Только взрослые! А то детишки такого намолотят... И еще женщинам запрещено. Это чтоб сами готовили, не ленились. А мы, мужчины, часто в дороге...

Он спросил внезапно:

— А драконы у вас водятся?

Я удивился:

— У нас? Да ни одного!.. Это дальше, у соседей... даже не у них, а у их соседей, там да, там их много. А что, у вас в древних книгах про них нет? И вообще про наши северные королевства? Было бы интересно посмотреть, что у нас там было. А то как-то сохранилось совсем мало. А у вас столько книг...

Я в самом деле проговорил с благоговейным восторгом, потому что книги рукописные, каждый том — произ-

ведение искусства, каждая страница разрисована, каждая заглавная буква киноварная, переплеты из меди или латуни, самые простые из досок, обтянутых кожей редких зверей, а названия тиснены золотом...

Он скривился, как от зубной боли.

— Книги? Да, книги... Это мое мучение, мой соблазн, моя пытка...

Я придинул к нему чашку с мороженым, там взбитые сливки с орешками, он принял в обе ладони, и снова взгляд стал сосредоточенным, но через некоторое время потух, а сам маг с разочарованным видом откинулся на спинку кресла.

— Не понравилось? — спросил я.

Он вскинул бровь.

— Шутите? Нет, это волшебно. Только я абсолютно не представляю, как вы это делаете! Ни малейших следов магии. Так не бывает, чтобы совсем бесследно. Этò что-то иное... это такой уровень, что я даже не представляю... А книги, чтоб вы не думали, что я вычитываю старые секреты и пользуюсь, — безмолвствуют.

Я допил кофе и поставил чашку на стол. Маг повел бровью, чашка исчезла. Я сделал вид, что поверил, будто она сейчас распылена на атомы, спросил почтительно:

— А что не так с этими книгами?

— Видите ли, — произнес он с таким видом, словно у него отчаянно болят зубы, — здесь собраны самые древние... Их когда-то отыскали глубоко под землей в запечатанной наглухо пещере. Предполагается, что в них ключи к неземному могуществу. Нашедшие продали магам, а те спешно приились выискивать тайны... Погибли все. Потом погибли те, кто принял их и тоже пытался прочесть. Потом еще более знающие... Наконец их передали в Верховный Клан Магов, который объединяет магов...

— Да-да, мне говорили об этих книгах... Так это именно они? Они хранятся у вас?

— Да, — Дресскер печально вздохнул, — это именно они, книги Бутоттилы и другие книги древних магов.

— А нельзя как-то снять те заклятия?

Он рассеянно щелкнул пальцами, к нам подбежал массивный стол, где наготове толстый фолиант в переплете из красной меди. Название выпуклыми буквами, но меняется с такой скоростью, что я едва успевал заметить отдельные буквы.

— Увы, — произнес он хмуро, — маги прошлого были намного сильнее. Не берусь судить, за счет чего, но — сильнее. Не берусь судить, чего опасаться. Потому эти книги решением магов находятся у меня под охраной. Я хоть и сгораю от жажды заглянуть хоть одним глазком в древние тексты, но пока удерживаюсь...

— Вы сильный человек, — сказал я с почтением. — На что я не маг, а простой воин, хоть и очень удачливый, и то не утерпел бы... А вдруг там источник неслыханной магии?

Он улыбнулся одной половинкой рта.

— Источник неслыханной магии в самом деле есть, в двух неделях езды. Но до него, к счастью, никто еще не добрался и, надеюсь, никогда не доберется. Я имею в виду Камень Яшмовой Молнии.

— Вот и здорово, — сказал я с облегчением. — Простите, что занял ваше драгоценное время. Это хорошо, что никто не доберется. Ожидаемое может не случиться, но неожиданное случается всегда.

Он проводил меня взглядом до двери, но я чувствовал себя так, словно он идет рядом и крепко держит меня за локоть, чтобы не шагнул в сторону.

— Мы еще увидимся, — пообещал он, голос прозвучал совсем близко.

— Горячо надеюсь на это! — сказал я.

У самой двери, что снова исчезла, я обернулся, маг неуловимо быстро оказался прямо передо мной, взгляд

обеспокоенный, на лбу над мохнатыми бровями появилась глубокая, как ущелье, складка.

— Почему-то мне кажется, — произнес он негромко, — что увидимся... не здесь. Ну да ладно. Отдыхайте!

Я вышел из его лаборатории, что одновременно жилище и мастерская — мечта любого мужчины, — с колотящимся сердцем и в то же время с гордостью. Вообще-то не сплоховал, хотя этот маг, даже не знаю, может горами трясти, как вениками, чувствую всеми фибрями и жабрами.

Может быть, я даже угадал, сам того не предполагая, и в самом деле наиболее ценное вплетали в структуру листа, чтобы доступ только самым знающим?

В саду за деревьями высоко бьют фонтаны, ветерок иногда приносит мельчайшую водяную пыль. Напор такой, что струя разрежет пополам, как пилой, явно не инженеры поработали, а маг постарался. Вот и пытайся после этого заинтересовать кого-то профессией строителя, когда всяк надеется отыскать в развалинах древних городов нечто такое эдакое, чтоб сразу всех и по-всякому...

Церквей здесь, уже понятно, не увижу, разве что где в далеком захолустье, куда не попаду за недостатком времени. Да и нужно оно мне ездить и смотреть на эти памятники архитектуры?

Моя беда, которую никогда не считал бедой, что к религии относился... ну, скажем, никак. И даже сейчас, когда паладин — воин Господа и все такое, пылающий меч в руке и красный крест на плаще спереди и сзади, все равно понимаю только базу. Да и то не совсем четко. И совершенно не знаю, чем отличается чистый католицизм от его ветвей, того же лютеранства, кальвинизма или протестантизма. Ну, вообще-то малость представляю, не совсем папуас, но только в самых общих чертах.

Возможно, надо бы поинтересоваться ересями, Лютер был еретиком, за ним гонялись по всей Германии, наме-

реваясь сжечь на медленном огне, но когда победил, его протестантская ересь перестала называться ересью, а бывшие гонители поспешили стать протестантами.

Но не будет из меня Лютера, слишком много на мне обязанностей, однако понимаю, что ересь — не всегда ересь, о чем так настойчиво говорил тогда один из подручных кардинала.

Христианство успешно задавило все прочие языческие религии в первую очередь потому, что впервые создало себе центр. Все остальные, даже в могучей и до предела централизованной империи Рима, были каждая по себе, без центра, без направляющей руки Единого Верховного Жреца...

Возможно, потому здесь и погибло христианство, все-таки нацелено на высшее в человеке, а человек все-таки тупая и сластолюбивая скотинка, ему и в дерьме хорошо, которое он никогда не назовет дерьмом, а только общечеловеческими ценностями.

А те немногие, кто мог бы удержаться и других удержать, просто не поняли христианства, увидели в нем только приход тьмы и непонятных ограничений. И с тоской оглядывались на беспечный и светлый мир эллинства, такой простой, понятный и без всяких аскетизмов. Это как девочки, дорастая до пугающих и неприятных менструаций, тоскуют по светлому миру детства, когда не было этих пугающих и болезненных выделений. Любое взросление сопровождается ломкой старого, это неприятно, зато дает и больше возможностей, которых был лишен ребенок.

Глава 16

В зал вошли, громко топая и вызывающе звеня железом, воины настолько тесной группой, словно старались слиться в единого пугающего всех зверя. Все в тяжелых

доспехах, с картинными шипами на плечах, локтях и по всей кирасе сзади и спереди, даже на шлемах шипы, что сошли бы за рога, не будь их столько.

Придворные шарахнулись, образовав широкий коридор, гораздо более широкий, чем нужно, словно эти въехали на взбрыкивающих в стороны конях.

В центре крупный мужик в особо пугающих доспехах, черных, в мелких и крупных шипах от шлема до сапог, настолько широкий, что просто не верится, с угрюмо звериным взглядом голодного волка в поисках добычи.

С ним старались не встречаться взглядами, кланялись или отходили за спины тех, кто кланяется.

Я тихохонько спросил у Ашворда:

— Это кто?

— Барон Унгер, — прошептал он пугливо. — Правая рука герцога Хорнельдона. Человек жестокий, но лорду Хорнельдону верный и преданный, как никто другой. Лорд целиком доверяет ему вести свои дела.

— А король? — спросил я. — Насколько доверяет он?

Барон Унгер, не глядя ни на кого, прошел вперед, перед ним поспешно распахнули двери в королевские покой. Остальные рыцари остались ждать своего военачальника.

Ашворд проводил его пугливым взглядом и ответил чуть запоздало:

— Вы про их мечи?

— Да, — ответил я. — Или их заставляют сдавать только прибывших из-за Рога Сатаны?

Он не ответил, потупил взор и даже попытался отодвинуться. Один из воинов, крупный и старающийся выглядеть еще крупнее, отделился от своей группы и направился в нашу сторону. Ноги ставит так, словно припечатывает государственные бумаги большой королевской печатью, чтобы каждый шаг внушал и ввергал в трепет.

Ашворд вообще сделал вид, что смотрит в другую сторону, а воин проревел мощно и громко:

— А это еще кто?

Я промолчал, он грубо захочотал и повторил еще громче и наглее:

— Кто? Это я спрашиваю, баннерный рыцарь Питер Суллинг!

Я уже кипел злостью, ненавижу таких, но были времена, когда вот так же, как и Ашворд, тушевался, опускал взор и отходил, сейчас же пережитые унижения заставляют сердце стучать чаще, а кровь бить в голову горячими волнами.

Смирив себя, я надел на лицо обаятельную улыбку и ответил как можно тише, чтобы услышал только этот дурак, изо всех сил старающийся казаться огромным и страшным:

— Говно ты, а не рыцарь.

Он дернулся, будто получил удар палкой по лбу, глаза полезли на лоб. С минуту смотрел неверяще, в зале все застали, никто не шелохнется, следят с замершими сердцами.

— Что? — прокричал он оглушительно. — Что ты сказал?

— Что слышал, — ответил я уже громче, это чтоб услышали другие. — Глухим две обедни не служат.

Он заорал:

— Да ты... Да ты знаешь, кто я?.. Да ты знаешь, кто мы?

Я хотел ответить, кто они, но сдержался и сказал сдержанно:

— И знать не желаю.

Он надулся, как индюк, прокричал:

— Ах, не желаешь?

— Да, — отрезал я. — Не желаю!

Этот Суллинг обвел налитыми глазами застывших придворных, его друзья тоже повернулись и смотрят в нашу сторону с интересом, но не вмешиваются. Суллинг,

привыкший действовать в стае, вдруг ощутил себя одиночным, я видел это по его изменившемуся лицу.

— Ах, — повторил он растерянно, — не желаешь?

— И не изволю, — подтвердил я.

— И не изволишь, — глупо сказал он, — а если я изволю?

— Соси лапу, — посоветовал я. — Говорят, медведь всю зиму сосет.

Среди придворных послышались робкие смешки, Суллинг побагровел, снова надулся, вспомнив, кто он и как надо держаться, выпятил грудь и вытаращил страшно глаза.

— А если заставлю?

— Как? — поинтересовался я.

Он опустил ладонь на рукоять меча.

— Вот так!

Я развел руками.

— Да, ты герой... Против голых рук, да? А если бы у меня была хотя бы палка? Убежал бы?

Среди придворных то там, то здесь слышалось фырканье, смешки, повеселевшие голоса.

Суллинг взревел:

— Так возьми меч, трус!

Я покачал головой.

— Я сдал его, как и гласят правила.

Суллинг бессильно ел меня глазами, но среди его рыцарей нарастало перешептывание, наконец один из его группы сказал насмешливо:

— Незнакомец, я могу одолжить свой. Это благородный меч из клана Горных Рыцарей. Я лорд Морган Гриммельсдэн.

Я сказал громко:

— Меч я сдал, подчиняясь правилам. Я человек законопослушный.

— Но это не твой меч, — заметил лорд Гриммельсдэн. — Ты не нарушишь правила, защищая свою жизнь тем, что попалось под руку.

Я сказал громко:

— Будьте свидетелями все, я делаю это с великой не-
охотой, будучи прирожденным миротворцем.

Лорд Гrimмельсдэн вытащил меч и бросил мне. Я пой-
мал за рукоять, что вызвало довольные перешептывания в
среде придворных и настороженность среди рыцарей
Хорнельдона.

Я сделал пару взмахов, теперь и сам лорд Гrimмельс-
дэн посмотрел встревоженно, меч, как я ощущил по весу,
двуручный, а я орудую им, как хворостинкой.

— Бой! — взревел Суллинг.

Он ринулся на меня с диким криком, я должен бы ис-
пугаться и начинать отступать под бешеным натиском,
потом кое-как остановиться у самой стены, где начнем
обмениваться прощупывающими ударами, потом он рез-
ко начнет теснить меня, сбьет с ног, даже выбьет из рук
меч, начнет с торжеством бить сверху, а я буду перекаты-
ваться вправо-влево, его меч будет высекать искры о ка-
менные плиты... и плевать, что под нашими ногами тол-
стый ковер, все равно должны быть злые скрежещущие
искры, но я наконец исхитрюсь схватить свой выпавший
меч, и когда он с торжеством замахнется, чтобы разрубить
меня пополам, я внезапно всажу острие ему в живот. Или
в грудь, но в живот все-таки красивше. Он вытаращит
глаза в безмерном удивлении, точно так же удивятся пере-
живающие за меня зрители, за время схватки ко мне про-
никнутся симпатиями даже те, кому я не нравился, ведь
симпатизируют всегда слабейшему...

...однако мне эти драки осточертели, в самом деле
становлюсь миротворцем и гуманистом, потому просто
отразил его бешеный удар, а мой тяжелый двуручник тут
же рассек ему голову до нижней челюсти. Белый мозг, по-
чему-то называемый серым, сразу стал красным, красиво
потек по обе стороны лезвия.

Среди придворных послышались ахи, но ни одна да-

ма не рухнула в обморок, напротив, проталкиваются вперед, в группе лорда Хорнельдона еще смотрят оцепенело, не веря, что все случилось настолько быстро, так не бывает, а я брезгливо вытер лезвие об одежду Суллинга, оставляя длинные красные полосы. Под его трупом быстро расплывается лужа красной горячей крови, от нее поднимается приятный такой пар...

Я осмотрел лезвие, не осталось ли пятнышка, задержал меч в руке.

— У этого дурака, — сказал я громко, — могли быть друзья, они бывают даже у полных идиотов, так что если есть желающие вступиться за его честь... прошу!

На меня смотрели с испуганным недоумением, я подождал чуть и, подойдя к группе воинов барона Унгера, с поклоном протянул меч Гrimмельсдэну.

— Благодарю вас, сэр, вы помогли спасти мою честь.

Он взял меч со вздохом, лицо мрачно, буркнул:

— Признаться, я не думал, что все будет так драматично. Однако что сделано, то сделано.

Воины смотрели на меня с угрюмой злобой. Я надменно обвел их взглядом, все ниже меня ростом, что и понятно, плюс я вообще-то и пошире в плечах, а руки мои толще почти вдвое. И хотя стараюсь выглядеть доброжелательным, человек с улыбкой нравится всем, но сейчас, похоже, у меня совсем другое выражение.

— Рад, — произнес я холодно и с должной долей высокомерия, как надлежит произносить слова настоящему лорду, — что вы поняли.

Я вернулся к Ашворду, взял его под руку.

— Дорогой сэр Ашворд, продолжим нашу беседу, так грубо прерванную на минутку, о поэзии минизингеров...

Он мгновение смотрел ошалело, потом вздрогнул и сказал громко:

— Вы глубоко правы, утверждая, что барды аррули-

стической ветви точнее рифмуют, чем керунисты, для которых важнее словесные кружева...

Мы пошли к выходу из зала, перед нами расступались поспешно и почтительно. Группа барона Унгера, к счастью, осталась в сторонке, иначе даже не знаю, что произошло бы. При всей улыбчивости все еще киплю и попер бы напролом, а там будь что будет, сейчас я не политик, а человек, что вышел из пещеры и обвел угрюмым взглядом мир: теперь я здесь хозяин!

Стражи почтительно распахнули передо мной двери. Ашворт задрал нос и вышел с таким видом, словно солнце светит ему одному.

Навстречу со стороны королевских конюшн поспешил к нам навстречу человек, в котором всякий узнал бы старшего конюха.

— Сэр Ричард, ваши спутники уже оседлали коней!

— Иду-иду, — ответил я.

Ашворт спросил встревоженно:

— Вы куда это собирались?

Я ответил откровенно:

— Нам лучше бы убраться подальше на прогулку, когда от короля выйдет барон Унгер. Думаю, он вспылит... лучше нам увидеться, когда остынет и начнет думать более здраво.

Ашворт покачал головой, взгляд стал очень серьезен.

— Сэр Ричард, скажу откровенно... вы мне этим поступком очень понравились, как и всем нашим, люди барона Унгера ведут себя отвратительно, чувствуя безнаказанность. Но за вашу жизнь теперь никто не даст и стервой монеты.

— Придется столкнуться с этим бароном?

Он кивнул.

— Да, убийство Суллинга заденет его самолюбие. Но главное не в нем, сэр Ричард...

— ???

— Хорнельдон, — произнес он тихо.

От его слов и вида повеяло смертельным холодом. Я зябко передернул плечами, но заставил замороженные губы растянуться в улыбке.

— Бог не выдаст, — ответил я как можно спокойнее, — свинья не съест! А Бог вроде бы с нами.

— Где вас искать?

— Проедемся чуть по городу, — сообщил я. — К вечеру вернемся. Нам завтра возвращаться, надо спешить.

Он охнул:

— Завтра?

Я виновато развел руками.

— Понимаю, событие такого масштаба... Но я приехал без всякой подготовки. По-глупому, можно сказать. Увидел, что смогу выкроить недельку, вот и... понимаете, там у нас война...

Он отступил на шаг, оглядел меня внимательно.

— Ах да, вы же человек войны, теперь вижу. За улыбкой прячется волчий оскал, да?

— Не совсем, — ответил я. — С другой стороны, я не рядовой рыцарь, так что понимаете...

За деревьями послышался стук копыт, выметнулись на великолепных конях сэр Торкилстон и Ордоньес, оба довольные, смеющиеся.

Ордоньес прокричал с ходу:

— Ваша светлость, по велению Его Величества нам подобрали лучших коней! Хотели и вам, но кто сравнится с вашим черным зверем?

— Где он? — спросил я.

— К нему боятся подойти, — сообщил Торкилстон с ухмылкой. — Кормят подковами, держа на лопате... Так он и лопаты жрет, когда ухватит. Там народу собралось!

Я вздохнул.

— Ладно, пока еще седлать не разучился.

Глава 17

Бобик увязался с нами, Ашворд тоже велел подать ему коня, дескать, король голову снимет, если с нами что случится или нас плохо примут в городе.

Народ при виде ужасающего черного пса с багровыми глазами бросался в стороны, женщины приседали до земли и закрывали голову руками.

Ордоньес сразу начал присматриваться к женщинам, Торкилстон к городской страже, ее вооружению, а я слушал просторный рассказ Ашворда о самом королевстве Вестготия, что образовалось, как говорят древние легенды, из экипажа разбившегося о рифы корабля. Спаслось всего пятеро: двое мужчин и три женщины, их потомство и составило первое поселение, а уже через два-три поколения самые свободолюбивые начали забирать жен и уходить в неведомую даль, где и основывали свои города.

Я кивал, слушая внимательно. Это и понятно, через пару столетий их должно быть уже несколько миллионов. Отселяться стало некуда: с одной стороны океан, с другой — горы, так что либо воевать за пространство для своих детей, либо найти способы уживаться.

К счастью, здесь прошло не так много времени от начала их мира до столкновения племен, все еще помнили о кровном родстве и могли проследить родословную каждого ребенка до первопоселенцев, так что все-таки после недолгих боев и стычек сумели, по словам сэра Ашворда, выработать некий общий кодекс.

С той поры менялись только короли, чаще всего власть передавалась по наследству. Иногда случались дворцовые перевороты, иногда династия пресекалась по естественным причинам, но больших войн не случалось. Главное же, в отличие от Орифламме королевство Вестготия составляет из себя единое целое. Множество графств, баронств и четыре герцогства беспрекословно подчинены

королевской власти, хотя, конечно, обладают и определенной долей независимости, что королю только на руку, не королевское дело решать на местах еще и мелкие вопросы.

Я слушал внимательно, не забывая рассматривать великолепный город, не потемкинская ли деревня, все слишком красиво, жители одеты чисто и нарядно, у женщин округлые бока и румяные щечки.

— У вас просто рай, — пробормотал я. — Знали бы, какие войны гремят по всему миру...

Он опустил голову, я чувствовал, как он колеблется, затем взглянул чуть искоса.

— Сэр Ричард... вообще-то мы некоторое представление имеем...

Я насторожился, но изобразил на лице довольную улыбку:

— Правда? Это же прекрасно, когда есть доступ к информации!.. Это платформа для взаимопонимания как в обществе, так и между королевствами.

Он сказал поспешно:

— Но эти знания, как бы сказать, весьма хаотичны.

— Лазутчики не слишком квалифицированы? — спросил я.

Он покачал головой.

— Увы, это было бы слишком сложно. Мы отделены такими горами...

— А как?

— Магические зеркала, — произнес он нехотя, словно выдавая великую тайну, хотя на самом деле, если подумать, то так и есть. — Маги иногда видят в них места, что далеко за нашими пределами...

Сердце мое застучало чаще.

— Ого! Тогда у вас бесценный источник сведений!

Он устало отмахнулся.

— В основном мусор. Если бы можно было видеть то,

что хочется... а там смотрят на то, что удается. А большую часть населения составляют простолюдины, сэр Ричард. В то же время важные решения принимаются в королевских дворцах.

Я спросил с сочувствием:

— И что же, в королевские дворцы не заглядывали?

— Бывает и такое, — ответил он нехотя, — но о чем больше всего говорят правители? Об интригах, заговорах, возвышении одних лордов, сдерживании других... Еще о женщинах. А о войнах только вскользь, как о самом обыденном. Но это поразило нас больше всего.

— У вас просто рай! — воскликнул я.

Он покосился на меня, выражение странное, словно не решается, сказать ли нечто компрометирующее, наконец проронил осторожно:

— Да, совершенно с вами согласен, дорогой лорд. Правда, надо к этой благодатной картине счастливого королевства добавить несколько мазков, что сделают его более реалистичным...

— Давайте, — разрешил я бодро. — Уверен, это не испортит общего вида цветущей красоты.

— Народ расселился везде и всюду, — сказал он, — за исключением некоторых опасных областей, границы которых определили методом тыка, и с тех пор туда никто не суется. За исключением, конечно, совсем уж сумасшедших, которые, понятно, оттуда не возвращаются.

— Что насчет Края? — поинтересовался я. — Вы не пробовали прорубить вниз ступеньки?

Он покачал головой.

— Туда не любят приближаться. С нашей стороны просто обрыв, но с той в стене поселились гарпии, горгульи, даже мелкие драконы.

Я кивнул.

— В стенах ущелий любят селиться всякие... ласточки.

— Иначе, — сказал он, — связь между нашими королевствами удалось бы как-то наладить и без морского пути. А так в остальном все в самом деле терпимо. В низине между холмами Фиолетовых Мхов существует странное болото, что с годами не высыхает, как все болота, а медленно расширяется. Оттуда по ночам выходят огромные ящерицы и охотятся на лесную дичь, а в последние годы начали нападать и на скот. Еще есть опасные места в не-проходимых лесах, а также целиком нехороша Темная Роща. Деревья в ней черные, листья такого же цвета, тяжелые, как из железа, но в том лесу своя жизнь, свои звери. К счастью, наружу никогда не выходят.

— А лес не расширяется? — спросил я.

— Нет, но вокруг места хорошие, люди селятся все ближе... и такое соседство уже раздражает.

— Если раздражает, — сказал я, — то этому лесу осталось недолго. Человек — такая тварь, сперва появляется робкой мышкой, всего боится и всегда готов удрать, потом осваивается, привыкает, размножается, а затем уже начинает теснить местных и устанавливать свои права.

Ордоньес начал отставать, заговоривая с женщинами на улице. Ему отвечали довольно смело, слышался довольный смех. Торкилстон наконец сказал досадливо:

— Дорогой друг, этого добра во дворце навалом!

Ордоньес подкрутил ус.

— Там домашняя птица, — возразил он.

— Домашняя вкуснее!

— Я люблю охоту, дружище.

К концу дня примчался запыхавшийся молодой слуга, сообщил, блестя черными живыми глазами, что Его Величество король удостаивает троих гостей аудиенции в личных покоях.

— Передай нашу благодарность, — ответил я, — сейчас идем.

Он остался на месте, только покачал головой.

— Это значит, идти нужно немедленно.

— А мои спутники?

— Их сейчас отыскивают.

— Хорошо, идем.

Когда мы вынырнули из-за деревьев, Торкилстон и Ордоньес уже ждали нас перед боковой дверью во дворец. Я выдвинул подбородок и шагнул в распахнувшиеся двери. Всего два зала, удивительно пусто, а затем перед нами распахнули дверь в покой Его Величества короля Херлуфа Сильвервуда.

Разницу между ними и «моими» я ощущал сразу, едва переступил порог. До этого момента полагал, что у меня там все на должном уровне, Кейдан постарался, чтобы все залы выглядели и красиво, и величественно, но сейчас сощемом вижу, что жил в большой собачьей будке, неумело разрисованной деревенским дураком.

Короля играет не только свита, но и вот такие апартаменты. Изысканный, но не причудливый вкус, строгая гармония, не бьющая в глаза роскошь, удобство каждой вещи, тщательно продуманное место каждому столу, креслу, канделябу, светильникам в стенах и двум огромным люстрам под высоким, но не чересчур высоким потолком, иначе ощущишь себя, как в церкви, а это просто уютная комната для приватных бесед с особо избранными гостями.

В центре большой старинный стол, по-домашнему не широкий, с гладкой, как стекло, блестящей поверхностью, зато столяры оттянулись на резных ножках, сплошные осколенные морды львов, драконов, пантер.

Кресел то ли случайно, то ли намеренно четыре, сопровождающий нас вельможа произнес сдержанно:

— Прошу садиться. Его Величество скоро изволит появиться.

— Спасибо, — ответил я. — Не торопите Его Величество, мы подождем.

Он нахмурился от такого дерзкого кощунства, как будто в самом деле можно помыслить, что священную особу такого ранга можно торопить, отступил через порог и закрыл за собой дверь.

Торкилстон плюхнулся в ближайшее кресло, Ордоньес сперва потрогал рукой, мягко ли, сел с тяжелым вздохом.

— А королем быть вообще-то неплохо! Надо будет попробовать.

Торкилстон поддакнул:

— Да, короли все могут. Кроме того, что могут майордомы.

Ордоньес довольно засмеялся.

— Хорошо сказал, дорогой друг! Один пират из бывших знатных как-то говорил, что любой королевский двор — всего лишь общество знатных и модных нищих. Важнее реальная власть! Если она есть, то рано или поздно титулы сами упадут к вашим ногам. Как спелые груши с яблони, которую трясет медведь.

— Так и случилось? — спросил Торкилстон.

— Точно, — сказал Ордоньес довольно. — Так что пусть распускают павлиньи хвосты...

В комнату бесшумно вошел слуга, ровный и бесстрастный, сообщил деревянным голосом:

— Его Величество король Херлуф Сильвервуд!

Мы все трое дружно поднялись и склонили головы, когда следом за слугой вошел король Херлуф, уже в другой мантии, смахивающей на огромный банный халат, толстый и пушистый, волосы аккуратно расчесаны, на лице приветливая улыбка, но во взгляде я заметил некоторую тревогу.

— Прошу садиться, — сказал он и сам сел первым. — Очень рад видеть своих соседей. Чего о вас только не рассказывают!

Мы сели, я покосился на своих спутников и обронил осторожно:

— Однако же знаете о нашем королевстве многое.

Едва заметная улыбка скользнула по губам короля.

— Намекаете, что не только о самом королевстве? Не буду скрывать, мы знали о вашем прибытии. Еще утром примчался на взмыленном коне мальчишка, прокричал, что везет важное сообщение для короля. Его сперва не пустили, но начальник охраны королевского сада на всякий случай сообщил начальнику охраны дворца. В общем, через час парнишка уже рассказывал, что в их деревню прибыли трое чужеземцев из-за Рога Сатаны, ведет их Жакерд, он и послал меня срочно предупредить...

Рука Торкилстона дернулась в сторону того места, где в ладонь всем нам сразу прыгает рукоять меча.

— Я чувствовал! — сказал он зло. — Я ж говорил, предупреждал! В нем что-то темное, такому верить — мордой в стену стучаться!

Король кивнул.

— Да, темное есть. Он убил на дуэли сына герцога Энтийского. Поединок сочли честным, насколько честным может быть убийство, но это уже третий такой поединок у Жака... его настоящее имя Жакерд Астиньяк, и наше терпение кончилось. Сейчас он просит помилования и уверяет, что за годы изгнания стал совсем другим человеком. Я склонен простить, тем более, своим поступком выказал себя верным слугой короля.

Торкилстон сказал суворо:

— Он может быть сколько угодно верным слугой короля или императора, но не дворянином! Рыцарь прежде всего верен кодексу чести, а потом уже королю.

Король снова улыбнулся отечески и понимающе.

— Я рад, что у вас такие взгляды. Я еще помню свою юность и скучаю по ней. Однако сэр Ричард меня понимает лучше.

Торкилстон проворчал:

— В нашем сюзерене несколько человек живут... и не

всегда бьются смертным боем. Хотя не понимаю, как уживаются.

Король проговорил отечески:

— Бремя правителей — нелегкое. Но есть и преимущества. Отведайте пока что наших яств, за накрытым столом беседовать почему-то всегда удобнее...

Он пошевелил пальцами, на столе медленно простило большое блюдо, сперва пустое, затем начало наполняться сочными ломтями горячего мяса. В ноздри ударили ароматный запах, я уловил ароматы незнакомых приправ. Так же медленно вычленился из воздуха медный кувшин, сперва полупрозрачный, неспешно облекся в металл, а наполняться, думаю, будет еще дольше.

Я беспокоился за Ордоньеса и Торкилстона, однако держатся так, словно у них дома это обычное дело, лица спокойные и вежливые, никто и бровью не повел, а на столе продолжали появляться все новые блюда, наконец король расслабился, откинулся на спинку кресла и проговорил довольно:

— Вот теперь и побеседуем неспешно.

— Спасибо, Ваше Величество, — сказал я с глубокой благодарностью в голосе. — За доверие и честь!.. Со своей стороны позвольте внести в трапезу чуть разнообразия...

Снова Торкилстон и Ордоньес бровью не повели, стальные битые волки, тертые калачи, на столе, к великому изумлению короля, появилась горка тонких ломтиков сыра, кровяные колбаски с горькими травами, а в завершение я создал несколько порций мороженого в простых глиняных вазочках.

— Это паек путешественников, — объяснил я. — Не таскать же в собой в дороге еду, в самом деле?.. Дикость. Отведайте, Ваше Величество, вот этого белоснежного пустячка...

Пока король осторожно пробовал мороженое, мы пожирали мясо, я чувствовал дикий триумф Толкилстона и

Ордоньеса, но пока держатся, не ржут, как довольные ко-ни, поглядывают на меня искоса, а я заговорил извиняю-щимся тоном:

— Ваше Величество, дороги в дальние страны прокла-дывают не мудрецы и великие умы, а вот такие бесшабаш-ные или, как говорят в нашем королевстве, безбашенные удальцы. Потому не ждите от нас умных и хитрых речей, но зато можете рассчитывать на чистые сердца, полные отваги, на крепкие руки, на мужество и честь!

Он всматривался настороженно, но старался удержать все ту же добрую отеческую улыбку, как и положено ко-ролю, в моих словах не только резон, но и опыт поколе-ний, мудрецы чаще всего не покидают даже своей улицы, однако то, что я сказал вот такое, заставляет его искать под моими словами и второй смысл.

Я старался смотреть ему в лицо прямым и открытым взором молодого рыцаря, отважного до дурости, не зря же именно я решился пройти там, где до меня гибли сотни, если не тысячи.

— Гм, — произнес он после паузы, — у нас достаточно великих умов... однако высокой магией владеют только они.

Я широко улыбнулся.

— Вот видите, Ваше Величество, как много у наших королевств общего!.. У нас точно так же. Высокая ма-гия — да, это потрясающе! А вот простая кухонная магия, понятно, другое дело. Так же как охотничья, рыбакская или вообще крестьянская!

Он кивнул, подтверждая, что да, но по лицу я прочел, что у них любая магия высокая, а то и высочайшая, охот-ники и рыбаки ею не владеют. Тем более крестьяне.

Торкилстон смотрел на короля почтительно, но с твердостью во взгляде, как бы тот не нанес урону сэру Ри-чарду, Ордоньес же поглядывал на меня хитро, всем ви-дом подзуживая дожать, у нас, мужчин, соперничество в крови, нечего им хвастаться вестготостью...

— А вообще, — сказал я чисто и открыто, как и положено безбашенному дураку с чистым сердцем, полным отваги и мужества, — мы люди простые... как вы уже, наверное, знаете, я не из Сен-Мари родом. Пришлось открыть принадлежащий мне Тоннель под Великим Хребтом, после чего привел с собой рыцарское войско из дальних северных королевств... Там в обыденности такие чудеса, что, без обид, не снились вашим горациям... А сэр Ордоньес вообще переплыл через океан с далеких южных земель.

Ордоньес кашлянул и вставил с вежливым поклоном:

— Земель его светлости сэра Ричарда. У него там маркизат на самом побережье.

Глаза короля становились все крупнее, Торкилстон загадочно улыбался, словно еще круче и загадочнее, я закончил беспечно:

— Но мы прибыли с миром и предложением дружбы. Взаимовыгодный обмен, торговля... Что-то, обычное для нас, вам покажется диковинкой и будет востребовано, а какие-то ваши вещи примут у нас с восторгом. Ваше Величество получит высокую прибыль с торговых пошлин...

Он задумался, взгляд на мгновение стал отсутствующим, но на лице осталось великое изумление.

— Скажите, — спросил он вдруг без всякой связи с моим предложением, — что случилось у вас с лордом Хорнельдоном?

Я ответил удивленно:

— Ничего! Я с ним даже не знаком.

Он сообщил быстро:

— Весь двор говорит о том, что вы убили одного из его людей! Барон Унгер в бешенстве. Он ворвался ко мне и потребовал разыскать вас и... наказать.

Торкилстон и Ордоньес дергались, готовые встать горой, я взглядом велел сидеть, ответил со всей почтительностью:

— Ваше Величество, весь двор был свидетелем, поединок был честным. У меня даже не было оружия, один из людей барона любезно одолжил мне свой меч.

Он сказал нетерпеливо:

— Знаю. Но за спиной Суллинга, как и всех рыцарей отряда барона, стоит барон. А за спиной барона — сам герцог Хорнельдон! Он не простит...

— Хотя его люди сами виноваты?

Король устало махнул рукой.

— У нас несколько трудная ситуация...

— Тогда Ашворт мне сказал не все, — заметил я.

Часть 3

Глава 1

Ночью Торкилстон и Ордоньес спали без задних ног, набегались, как и Бобик, Торкилстон поздно вечером ухитрился у кого-то выменять орифlamские доспехи на местные, в самом деле у местных класс выделки выше, а подгонка стальных пластин просто изумительная. Заявил гордо, что чувствует себя, словно в добавочной коже, только уже не прошибаемой, а Ордоньес явился за полночь, весь благоухающий женскими притираниями, довольный, сытый и пьяный, заявил, что за сэром Ричардом хоть куда, я смолчал и покивал, будто это я лично водил его к бабам.

Всю ночь за мной гонялся, как за мышью, огромный барон Унгер, а я двигался еле-еле, проснулся в холодном поту и с бешено колотящимся сердцем.

В спальне пусто, Торкилстон и Ордоньес в соседних комнатах, приняты, как лорды, но храпят, как простые мужики.

Заслышав движение, в комнату тихохонько вошли гуськом слуги, окружили со всех сторон.

— Ваша светлость желает одеться?

— Ваша светлость изволит причесаться?

— Вашей светлости угодно сесть вот в это кресло?

— Ваша светлость не изволит ли...

Я дал себя одеть, причесать, опоясать, оглядел

в зеркало. Хорош, крепок, силен и высок, вид достаточно надменный, с легкостью могу даже сделать вызывающим и так ходить целый день, уже умею. Так что, если понадобится, не отступлю и перед бароном, что правая рука не-уязвимого герцога Хорнельдона.

Слуги застыли, так положено, следят за мной только глазами. Я сделал шаг к двери. Створки распахнулись, Ашворт вошел свеженький, сытый и с таким довольным видом, что его можно ставить на въезде в королевство.

— Сэр Ричард, — сказал он приподнято, — Его Величество изволит принять вас после обеда. Его помощники сейчас готовят пакет очень важных документов.

— Для меня?

— Для сотрудничества.

— Хорошо, — сказал я, — рассмотрю очень внимательно. Передайте Его Величеству, что после обеда мы планируем отбыть обратно.

Он ахнул:

— Вы только прибыли!

Я поморщился.

— Сам знаю, как уже говорил, получилось глупо и без подготовки. Не так все надо, я же не мальчишка, а майордом... а это, скажу по секрету, даже в чем-то больше, чем король. Не ахайте, королю достаточно сидеть на троне и надувать щеки, остальное сделают советники и министры, а мне в самом деле надо править... а я вот не утерпел, теперь все скомкано и без должной, как вы сами видите, подготовки.

Он вздохнул.

— Увы, не все делается, как надо.

— У других получается гладко и красиво, — возразил я.

Он развел руками.

— Со стороны так. Но как на самом деле...

Я ответил на поклон, появились Торкилстон и Ор-

доньес, дождались отбытия царедворца, Торкилстон поинтересовался:

— Если нас ждут только после обеда, то не совершил ли нам верховую прогулку уже вокруг города?

Ордоньес буркнул:

— К обеду как раз нагуляем аппетит.

— Согласен, — сказал я.

Как же, аппетит, свежий воздух, хотя на самом деле сердце сжимается от предчувствия недоброй встречи с разъяренным бароном Унгером. И хотя вроде смогу постоять за себя, но все равно гадко и противно в ожидании неприятностей.

Воздух, несмотря на утро, теплый, весь из ароматов экзотичных цветов вперемешку с аппетитными запахами со стороны королевской кухни. Небольшое, но злое и жалящее, как оса, солнце поднимается по небосклону медленно и раздраженно.

Торкилстон посмотрел на небо с неодобрением.

— Дождика бы... А то парит, а все никак.

— Не надо, — сказал Ордоньес.

— Почему? — спросил Торкилстон. — Кратковременный дождь — хорошо.

— Кратковременный, — уточнил Ордоньес, — это дождь, который может промочить тебя до нитки за короткое время.

Конюхи оседлали коней моим спутникам, Зайчика я седлал сам, а Бобик вертелся рядом и подавал советы, как лучше задавить ремнями это копытное.

Выехали через главные ворота, Торкилстон взял на себя выбор дороги, я ехал погруженный в думы, Ашворт порассказывал много за вчерашнюю поездку по городу, нужно все осмыслить и разложить по нужным местам.

Ордоньес сказал с удовольствием:

— Какое мирное королевство! Красивое, уютное...

— Слюнь, — ответил Торкилстон, — это ненадолго.

Ордоньес выкатил глаза.

— Ты чего? У них еще не было войн!..

— Будут, — сообщил Торкилстон мрачно. — Ты не слышал про кланы Тигонвиля, Алансона или Неверры?.. Они окрепли и давно отделились. Никто власти короля не признает.

— В самом деле? — спросил Ордоньес.

Торкилстону послышалась ирония, ответил уже сердито:

— Хуже того, каждый готов начать открытую борьбу за власть. Не знал? Ну да, ты ж только по бабам!

— Нужно и отвлечься от моря, — ответил Ордоньес обидчиво. — Это у тебя бабы всегда под рукой, а мы, моряки...

— А что у тебя с леди Флионной? — поинтересовался Торкилстон. — Вроде бы вчера ты еще с нею ладил...

Ордоньес сказал раздраженно:

— Вчера еще она улыбалась и была такая простая и добрая, сегодня с утра гордая и наглая!.. И только потому, что на голове у нее появилось перо, вырванное из хвоста страуса. Как же должна гордиться эта птица, у которой их много и к тому же собственных!

Торкилстон захочотал, кони свернули с тропки и углубились в рощу, Торкилстон указывал на неизвестные нам деревья с довольно крупными плодами размером с яблоки.

Едва углубились в чащу, услышали жалобные крики, Торкилстон ринулся на шум, Ордоньес выругался и пустил коня следом. Деревья распахнулись, на полянке двое громадных мужиков, с длинными ножами за поясами свирепо лупят третьего, одетого бедно и по-крестьянски. Он вопил, двое гоготали довольно, и хотя могли бы забить быстро насмерть, но явно наслаждались муками жертвы, били в спину, плечи, живот, пару раз смазали по морде...

Торкилстон вылетел на поляну с диким воплем, разбойники вздрогнули и выпрямились, глядя в нашу сторону вытаращенными глазами. Торкилстон соскочил с коня

прямо на плечи ближайшего, тот рухнул под ним, второй шарахнулся в сторону. Торкилстон могучим ударом вмял свою жертву в землю, быстро выдернул у него из-за пояса меч.

Второй вскрикнул, когда Торкилстон едва не достал его кончиком лезвия, отпрыгнул, как заяц, а когда увидел выскочивших нас с Ордоньесом, быстро попятился, развернулся и бросился в чащу.

— И в этом королевстве есть жизнь, — сказал Ордоньес с удовлетворением. — Это обнадеживает.

Он соскочил с коня, присел, разминая ноги, хотя проехали всего ничего. Над нами густая корона могучего дерева, воздух чистый и прозрачный, я тоже прыгнул на землю, забросив повод на седло.

Разбойник не двигается, распластав руки, а тот, кого лупили так зверски, зашевелился и с трудом начал подниматься, но снова упал. Торкилстон заботливо поднял, у того все лицо в крови, сказал подбадривающе:

— Все кончилось. Эти уже не вернутся.

— Часто здесь такое? — спросил я.

Крестьянин что-то пробормотал, распрямился медленно и с болезненным стоном, и вдруг его кулак с неожиданной силой впечатался в скулу Торкилстона. Того отбросило назад, крестьянин повернулся ко мне, в руке блеснул нож. Я дернулся в сторону, но острое лезвие задело плечо, резануло жгучей болью.

Инстинктивно я перехватил его руку, послышался хруст ломаемой кости, и тут же зашуршали со всех сторон кусты. Из-за деревьев выскочили люди, в руках обнаженные мечи, все в кожаных доспехах, усеянных широкими стальными бляшками.

Ордоньес вскрикнул:

— Засада!

— Дерись! — закричал я бешено.

Они налетели со всех сторон, я быстро двигался из стороны в сторону, не давая прицелиться из лука или на-

нести точный удар, а когда навалились все, я уже ощутил, как все замедлилось, а мое тело налилось звериной силой.

Вырвав из чьей-то руки меч, я пользовался им то как щитом, принимая на него удары, то рубил быстро и с нарастающей злостью, что нас обманули так просто.

Справа люто дерется Ордоньес, он сцепил челюсти и, отняв у кого-то кривой меч, рубится быстро и люто, понимая, что все силы нужно выплеснуть сейчас, потом могут уже не понадобиться.

Сэр Торкилстон вскочил, как тигр, разъяренный и униженный, что провели так просто, с мечом в руке и диким воплем напал не по-рыцарски с тыла, рубил нещадно, настоящий воин, а не турнирный боец...

На меня бросился огромный и тяжелый, как бык, мужик в толстых кожаных доспехах. Я не стал принимать удар, а уклонился в сторону, а ему придал скорости. Там послышался тяжелый удар, дуб за моей спиной тряхнуло, щедро посыпались желуди.

— Прекрасно, — прорычал я, — тут как раз свиней набежало.

Один ударил огромным тяжелым молотом, я видел начало замаха и быстро подставил под удар молодца с топором. Молот раздробил ему череп с такой силой, что кровавые брызги разлетелись по всей поляне и красиво, как пурпурная бахрома, повисли на зеленых ветках деревьев.

Пока хозяин оцепенело поднимал молот для второго удара, я быстро ткнул его концом меча, развернулся и снес голову его соседу. Молотобоец застыл, тупо глядя, как из крохотной ранки на его горле тугой струей бьет горячая дымящаяся кровь.

Боковым зрением я увидел занесенный над собой топор, рванул на себя одного, и топор разрубил ему голову. Отступив к стволу дуба, я не только защитил себе спину, но и трижды хватал за шивороты и бил головами в ствол, со звериным наслаждением слыша, как лопаются черепа.

Теперь, когда я разогрелся и ускорился, почти все удары проходят мимо. Я с лютой радостью рубил мечом, бил локтями, рукоятью в зубы, встречал ударами ног, что как копытами сносили и уносили этих крепких мужиков.

Торкилстон закричал:

— Вон он! Там вон прячется! Главный!

Я отразил еще атаку троих, Торкилстон указал на пригород в полусотне шагов, там на дорогом коне под яркой попоной массивный всадник в тяжелом доспехе. Опущенное забрало скрывает лицо, а ниспадающий с плеч и до самой репицы хвоста плащ прячет крупную фигуру.

Он наблюдал холодно и отрешенно, нападающие все еще превосходят нас числом, а мы все больше сбиваемся в кучу, прикрывая друг другу спины. Торкилстон и Ордоньес ранены, всадник удовлетворенно кивнул, хотя не меньше десятка его людей распростерты на траве и больше не встанут.

Я попытался пробиться к нему, на меня бросались особенно яростно, острые клинки то и дело впивались в тело, но раны все мелкие, косвенные, в то время как я был свирепо, во все стороны отлетали отсеченные руки и головы.

Наконец передо мной осталось всего трое. Я нажал, двоих опрокинул, и тут всадник снял с луки седла арбалет. Я стиснул челюсти, следя за каждым движением, голова раскалывается от жара, всего трясет, последнего перед собой я ухватил и сломал шею, и в этот момент всадник вскинул арбалет и выстрелил.

Стальной болт с огромной скоростью и силой пронизывает воздух, идет точно в грудь, я отшатнулся в последний момент и цапнул, изо всех сил сжимая пальцы. В ладони дернулась и застыла горячая смертоносная стрела из стали.

Всадник мгновение смотрел на меня, не веря своим глазам, представляю, как отвисла челюсть и выпутились

глаза, затем бросил арбалет и начал торопливо поворачивать коня.

— Стой, сволочь! — заорал я диким голосом.

Нечеловеческий вопль подстегнул их обоих с конем вместе. Всадник пригнулся, конь с места начал тяжело набирать скорость. Я подхватил валявшийся лук и побежал за ними, а когда понял, что не догоню, дрожащими пальцами наложил стрелу.

— Давай, — прошептал я, — помоги, святой Ариант...
Знаю, что далеко... но...

Тетиву оттянул так, как никогда бы не сумел, но сейчас в ярости боя мышцы трещат и рвутся от натуги, но почти не чувствую боли.

Всадник уходил уже тяжелым галопом, один раз обернулся, я поднял лук и прицелился, он отвернулся, как мне показалось, с торжествующим смехом.

По пальцам щекнуло так, что рассекло кожу до кости. Я взвыл, сунул их в рот, чувствуя солоноватую кровь. Всадник некоторое время никак не реагировал, я почти поверил, что стрела не пробила доспехи, хотя я старался попасть именно в сочленение между кирасой и шлемом, он же пригибался, а в этом случае появляется широкая полоска, не защищенная сталью...

За спиной уже затихает схватка, Торкилстон и Ордоньес уловили перемену и в ярости рубили дико и страшно. Троє противников бросили мечи и упали на колени. Их тут же убили, не слушая вопли о пощаде.

Я снова посмотрел вслед всаднику, он уже наклонился вправо, руки цеплялись за седло, но не удержался. Конь, чувствуя, как опустело седло, проскакал немного и, не ощущив хозяйской руки, остановился, оглядываясь и всхрапывая.

Я оглянулся на своих.

— Сильно ранены?

Торкилстон ответил мужественно:

— У меня пустяки. Но сэр Торкилстон серьезнее...

Я вернулся, возложил на обоих руки, холода не ощущал абсолютно, сила моя не уменьшилась, это самое меньшее.

— Ждите здесь, — крикнул я.

Зайчик наблюдал за мной с недоумением, да и Бобик откровенно забавлялся моим промахом: проще бы снова прыгнуть в седло и быстро догнать убегающего.

Конь рыцаря покосился на меня недоверчиво и отступил на пару шагов, фыркая с предостережением и показывая крупные желтые зубы.

— Мы с тобой одной крови, — заверил я. — Оба лошади... А вот твой хозяин — стервятник.

Всадник еще пытался ползти, ноги его не слушались, стрела поразила какие-то нервы в позвоночнике. Я пинком сшиб шлем, на меня с угрюмой ненавистью взглянуло злое бородатое лицо мужчины средних лет, крепкого, широкого в кости, суровый взгляд, тяжелая нижняя челюсть.

— Кто ты? — спросил я. — Кто тебя послал?

Он угрюмо сплюнул мне под ноги.

— Отважный, — согласился я. — Но ты не на моей стороне. Потому отважный ты или нет, все равно враг. Отвечай добровольно, иначе...

Он спросил хриплым голосом:

— Что?

— Я заставлю сказать все.

Он прохрипел:

— Ничего ты не узнаешь...

— Узнаю, — пообещал я.

Глава 2

Когда Торкилстон и Ордоньес, закончив обшаривать одежду и пояса нападавших, наконец пришли ко мне, я сидел над телом скончавшегося всадника. Труп я накрыл

его же плащом, конь по-прежнему наблюдает за нами с безопасного расстояния, но теперь уже успокоился, время от времени срывает молодые листья с самых зеленых веточек.

— Ого, — сказал Ордоньес пораженно. — Сколько под этой сволочью крови!.. Я думал, от одной стрелы столько не натечет.

Торкилстон взглянул на меня коротко, но промолчал, лишь кивнул на коня.

— Как он? Уж очень хорош.

— Попробуй приманить, — посоветовал я. — Дарю.

— Спасибо, ваша светлость.

— Ты был хорош, — сказал я. — Как и раньше.

Он вытащил из туго набитой сумки одного из нападавших что-то вроде морковки и медленно пошел к коню, часто останавливаясь и приговаривая все ласковые слова, которые знал. Конь слушал недоверчиво, но на морковку поглядывал внимательно.

Ордоньес с недоверием осматривал себя, щупал свежие шрамы. На меня взглянули глаза, полные удивления.

— Что тут за королевство? Все зажило лучше, чем на самой плохой собаке!

— Нравится королевство? — спросил я многозначительно. — Присматривайтесь, присматривайтесь.

Он насторожился.

— Зачем?

— Так... на всякий случай.

Он покачал головой.

— Ну и загребущий вы, сэр Ричард. Что, и это плохо лежит?

Я ответил очень благочестиво:

— Господь создал этот мир и велел нам ухаживать за ним, выпалывать сорняки и делать его лучше. Вот я и того, как верный и последовательный сын церкви... Да ладно вам, Ордоньес! Видно же, что шучу. И с маркграфст-

вом никак не разберусь, а еще и маркизат ждет, там еще пахать и пахать до полного процветания...

Он вздохнул с облегчением.

— Да, это да. Нам всем хочется утереть нос всем в королевстве, кто гнушается нами. И кто отправлял в Черро только преступников.

Бобик понуро сидел возле Зайчика и смотрел на меня с немым укором. Мне стало неловко, пробормотал:

— Я тоже не все делаю, что хочется. Так что не надо эти глазки. Вся жизнь такая: хочется одно, а делается другое. Ладно, теперь беги гуляй.

Он сорвался с места, Торкилстон уже поймал коня, проверил все его сумки, после чего с торжеством пересел на трофеиного, а своего повел в поводу.

Ордоньес на обратном пути орал песни, подбрасывал трофеиный меч и ловко хватал за рукоять. Торкилстон загадочно улыбался.

Бобик по дороге перехватил бросившегося на меня некого вурдалака, удавил и смотрел нерешительно, помня, что я обычно отказываюсь принимать добычу.

— А этого возьму, — сказал я. — Ты молодец.

Он обрадованно подпрыгнул, завизжал счастливо и понесся вокруг все расширяющейся спиралью.

Вурдалака я забросил позади себя на конский круп, так и въехали через ворота. Народ снова ахал, дивился, но разбегались при виде Адского Пса.

На воротах дворца стражники забеспокоились, вытягивали шеи, стараясь рассмотреть мою добычу. Я сжалась и лихим жестом сбросил ее наземь.

— Дарю, — сказал я великолушно. — Посмотрите, что можно из этой зверушки... То ли жаркое, то ли шкуру на сапоги...

Они отскочили и побледнели, но вурдалак оставался недвижим, шея сломана могучими челюстями Бобика. Ордоньес захочотал и первым въехал в ворота.

На аллеях попадались придворные, что смотрели с ве-

ликим неудовольствием, это дорожки для пеших прогулок, но мы все трое деревенщина из захолустья, нам простиительно, морды тупые, только внимательно всматриваемся в лица тех, кто обращает внимание на коня под сэром Торкилстоном.

Внизу у дворца к нам выбежал сэр Ашворд, как всегда, радушный и всем довольный, только в глазах метнулась тревога, когда рассмотрел сэра Торкилстона.

— Сэр Ашворд, — сказал я, — вы как-то странно рассматривали на коня нашего друга... Вам он знаком?

— Да, — ответил он суетливо, — я уже имею честь быть знакомым с благородным сэром Торкилстоном. Вполне достойный человек, смею вас заверить.

Я поморщился.

— Вы поняли, о чём я...

— Конь? — переспросил он, глаза метнулись в сторону, я понял, что старается выиграть время.

— Да, конь, — сказал я.

Он отвел взгляд в сторону.

— Я видел его однажды. Вы правы, под другим всадником.

— А не можете вспомнить, кто был хозяином... этого всадника?

Он взглянул на меня коротко, в глазах промелькнуло нечто, но сразу же отвел их в сторону.

— Гм... не могу припомнить... Да и видел всего один раз... мельком, совсем мельком...

— А может, и не его, — сказал Торкилстон с иронией.

— А может, и не его, — подхватил Ашворд с благодарностью, не заметив насмешки. — Да-да, это было так мельком...

Мы покинули седла, конюхи разобрали поводья и увели, сэр Ашворд сделал галантный приглашающий жест в сторону раскрытых дверей. Мы больше ничего не спрашивали, а он в свою очередь словно бы не заметил, что теперь у нас на поясах мечи.

Ордоньес поднимался по ступенькам настолько серьезный и непривычно задумчивый, что Торкилстон спросил встревоженно:

— Что-то случилось?

— Да... — ответил Ордоньес тяжело.

— Что? Я могу помочь?

— Не знаю, — ответил Ордоньес. — Вопрос очень серьезный.

— Да что тебя мучает?

Ордоньес сказал со вздохом:

— Время обеда... Никак не решу, сейчас нажраться, чтобы ремень лопнул, или же дождаться приема у короля. Как думаешь, кормить будет?

— Наверное, — сказал Торкилстон разочарованно.

— Тогда, может быть, не есть сейчас? У короля вкуснее?

Торкилстон отмахнулся, мы шли через залы, придворных не очень много, стоят обычно группами, перешептываются, все обратили внимание на необычных гостей, мы задрали носы и двигались гордо, как вдруг из соседнего зала вышла группа закованных в железо воинов, впереди взбешенный барон Унгер, весь в черном железе, только шлем за ним несет молодой воин, не сводя с повелителя преданного взора.

Он издали узнал меня, ускорил шаг и взревел так, что под сводами заметалось эхо:

— Ты!.. Посмел!.. Да я тебя...

Я отодвинул в стороны Торкилстона и Ордоньеса, что уже взялись за рукояти мечей.

— Не мешайте. Пусть орет.

Барон надвигался на меня огромный и с выкаченными глазами, губы трясутся от бешенства, я ощущал прилив жгучей ненависти, ненавижу таких, ненавижу с детства, всегда мечтал поквитаться, и пусть это не тот, но все равно такая же сволочь...

Я сказал холодно и надменно:

— Не брызгай слюнями, смерд. А то велю выпороть на конюшне.

Он задохнулся в бешенстве, лицо побагровело. Глаза стали еще больше, не может поверить, что кто-то смеет перечить тому, за чьей спиной маячит грозная фигура герцога Хорнельдона.

— Ты сейчас умрешь!

— Ты дурак, — сказал я так, чтобы услышал он, и, улыбнувшись кротко, добавил: — И говно собачье.

Он завизжал, весь перекосившись, бросился на меня в диком бешенстве. Руки вытянул с намерением ухватить за горло. Лапы огромные. Ухватит — мало не покажется, я шагнул в сторону и дал ему подножку.

Упал с таким грохотом и лязгом, словно обрушился стенобитный таран, там взревел и начал тяжело подниматься. Его воины поспешили образовывали вокруг нас широкий круг.

Я сказал громко:

— Как видите, я не хочу драться. Будьте свидетелями...

Кто-то крикнул с презрением:

— Дерись, трус!

Его поддержали другие голоса:

— Побудь хоть немного мужчиной!

— Не позорься!

Я развел руками.

— Как скажете. Это вы хотели, не я...

Барон поднялся и ринулся, наклонив голову, как выпущенный из катапульты обломок скалы. Я снова быстро шагнул в сторону, а ему дал мощный пинок под зад. Он вломился в своих рыцарей, повалил сразу трех, долго барабанил, как черепахи в железе.

Я лицемерно вздыхал и разводил руками, но внутри уже все кипит от ненависти и жажды бить эту сволочь, бить и снова бить. Наконец они поднялись все четверо, он снова бросился на меня, но уже осторожнее, затормозил передо мной, железный кулак мелькнул у самого ли-

ца. Я уклонился и свирепым ударом разбил ему сперва рот, так что кровь брызнула и на грудь, затем ударили в нос и услышал, как хрустнули хрящи.

Он орал и размахивал огромными кулаками. Каждый удар способен свалить с ног быка, я либо уклонялся, либо принимал вскользь на плечи и локти, двумя нацеленными ударами выбил зубы и с лютой радостью смотрел, как он выплевывает это крошево вместе с кровью.

Он еще кипел яростью, но я видел, как на лице появляется страх и непонимание, как это впервые бьет не он, а посмели бить его?

Я смотрел, как он поднимается с четверенек, на ладонь выхаркивает выбитые зубы, его рыцари угрюмо шумят, их голоса заставили Унгера подняться и снова ринуться в бой. Я следил за ним налитыми кровью глазами, слишком взбешенный, чтобы думать о милосердии и человечности, и когда эта туша с диким ревом понеслась на меня, схватил его за волосы, сжал в кулаке.

Лицо его перекосилось болью, я откинул ему голову назад, чтобы обнажилось беззащитное горло, и прошипел, глядя ему в глаза:

— Ну что, тварь? Это не с беззащитными крестьянами драться? Это не то, что унижать тех, кто страшится твоего сюзерена?

Он хрюпал, даже не стараясь вырваться, лицо залито кровью, но я видел, как ярость уже испарилась, теперь им владеет дикий животный страх. В его глазах я видел, что огромный страшный и непобедимый зверь нависает над беззащитным ягненком и готов вонзить в него зубы.

Из дальнего зала, за которыми покой короля, выбежал взволнованный церемониймейстер и почти бегом заспешил в нашу сторону. Я понял, что сейчас повелят, крикнул громко:

— Да будет, как ты сам хотел!..

Моя ладонь обрушилась ребром на горло барона. Он захрипел. Я тут же выпустил волосы и отступил.

Церемониймейстер прокричал запоздало:

— Его Величество велит прекратить поединок...

Я ответил громко:

— А такое есть в правилах? Этот барон.... Он в самом деле барон?.. Сам настоял, чтобы поединок был насмерть.

Рыцари, сломав круг, подошли к барону, что раскинул руки и смотрит в потолок безжизненными глазами. На меня поглядывают с угрюмой злобой, но никто не решается сказать слова, все видят, как я слежу за ними налитыми кровью глазами и жду только повода, чтобы растерзать еще кого-нибудь.

Ко мне подошли Торкилстон и Ордоньес, загородили своими телами. Ордоньес сказал властно:

— А ну расступитесь! Мы сейчас не в духе.

Торкилстон произнес с издевкой:

— Их всего восемь. Мне одному мало...

Рыцари поспешили и достаточно трусливо расступились, давая нам дорогу, точно не рыцари, а просто здоровые мужики в доспехах.

Мы пошли в сторону отведенных нам покоев, Торкилстон поглядывал на меня искоса, наконец произнес со странной интонацией:

— Вы победили, сэр Ричард. Очень даже... гм...

— Жестоко? — спросил я.

Он отвел взгляд.

— Даже не знаю. Что-то есть не от рыцаря... Какое-то отступление.

— Скажите прямо, — предложил я. — Я повел себя, как простолюдин, верно?.. Самому стыдно, сэр Торкилстон. Чувствую, какой во мне сидит зверь в темноте. В каждом из нас он прячется, самый лютый, хищный и злобный на свете, но другие как-то не выпускают наружу? Мы остаемся людьми только потому, что загоняем его пинками все глубже в нору! Я вот выпустил, стал зверем, потерял людской облик. Мне должно быть ужасно стыдно.

Слуги отворили перед нами двери и закрыли, как

только мы вошли. Я бросился в кресло, Ордоньес посмотрел на Торкилстона, потом на меня.

— Ваша светлость, а вам... это... стыдно?

Я покачал головой.

— Нет.

Он победно посмотрел на Торкилстона, тот нахмурился.

— Вы уверены?

— Да, я уже спрашивал себя, — пояснил я с тоскливым недоумением. — Еще раньше. С пристрастием. Чуть ли не пытал.

Ордоньес довольно улыбался, а Торкилстон спросил беспокоенно:

— Но вы на правой стороне?

— Я всегда так полагал, — сказал я осторожно, подумал и добавил: — И даже сейчас почти уверен.

Глава 3

Спускаясь по лестнице, принцесса Алонсия грациозно держала в правой руке хвост длинного платья, что имеется шлейфом. Их, насколько знаю, учат, как подниматься по ступенькам и спускаться, не путаясь в подоле, что волочится по земле.

Глаза у нее странные, никогда таких не видел: крупные серые и сияющие, будто жемчужины чистейшей воды, только что вынырнувшие из океана. Я смотрел в них и не мог оторвать взгляд, глаза просто светятся, необыкновенные глаза и необыкновенный взгляд, как и сама принцесса необыкновенная. Кроме просто невыносимой красоты, от которой начинает тревожно ныть сердце, как ивовый прутик со снятой корой, у нее не по-женски умный взгляд, гордая походка и отточенные движения человека, который постоянно следит за собой, а это первый признак благородной породы.

За нею, как принято, в двух шагах двигаются одинаковые, как куклы от одного мастера, девушки в роскошных, но строгих платьях, ни на кого не смотрят, красивые и надменные, гордые своим высоким положением.

Я поклонился, стараясь сделать это пограциознее, но с моим ростом и длинными руками получается совсем не так изящно, как у мелких и юрких.

— Ваше Высочество, — произнес я с привычным восторгом, но ощутил, что восторг на редкость ненаигранный, — я счастлив...

Она остановилась и взглянула очень внимательно.

— Чем?

— Что вижу вас, — ответил я искренне. — Теперь мне все будет удаваться, ангелы будут трубить с небес, а птицы петь всю дорогу.

Она поморщилась.

— Если это комплимент, то слишком вычурно. Если же издевка...

Я охнул:

— Издевка? Помилуйте!

Она произнесла тем же ровным голосом:

— Что-то в вас странное, сэр...

— Ричард, — сказал я. — Сэр Ричард!

— ...сэр Ричард. Как будто вы постоянно защищаетесь и в то же время нападаете. С вами что-то случилось? Я имею в виду помимо этого... неприятного столкновения с сэром Питером Суллингом, а затем и бароном Унгером.

Я сказал пристыженно:

— Да вроде ничего. Наверное, я из такого королевства, что как кипящий котел...

— Вы такой один? — спросила она. — Я слышала, что к соседям вторглась неизвестно откуда армия чужаков, все жгут и всех убивают. Это вы ее привели?

Она смотрела прямо, взгляд строг, я чувствовал странное очарование ее красоты и проницательности, никто

так прямо и точно еще не ставил вопросы, что за дивная женщина, и ей всего семнадцать лет...

— Насчет всех, — сказал я уклончиво, — это брехня. Просто мы пришли из мира, где знают разницу между рыбой и удочкой...

Она произнесла настороженно:

— Вроде бы все знают. Или что-то особое?

— Можно человеку дать рыбу, — сказал я, — на пропитание, а можно дать удочку. В первом случае съест и снова попросит, во втором — научится, пусть и с трудом, ловить сам. Находки старинных артефактов сослужили плохую службу. Самые умные стараются их снова заставить работать, даже не понимая принципа действия, вместо того, чтобы придумывать что-то самим. Мы должны давать людям только удочки.

Она сказала с иронией:

— Если натыкаетесь на склад с рыбой, всю выбрасываете?

— Лучше сделать так, — сказал я непреклонно, — чем стать бездумным жруном. Когда ловишь рыбу сам, а не получаешь в подарок, подбираешь тщательно наживку, совершенствуешь крючки, изобретаешь сети, неводы, придумываешь ночной и подледный лов, сперва ловишь с берега, потом создаешь лодки, плоты, катамараны, лайнеры, модифицируешь саму рыбу, чтобы росла крупнее, витаминнее и чтоб сама в сеть лезла...

Она сказала серьезно:

— Вы опасный человек.

— Почему?

— Если готовы отказываться от древних сокровищ... только потому, что надо развивать ремесло самим, то это просто... бесчеловечно!

Я подумал, кивнул.

— Да, конечно. Когда говорят о человеческом, то почему-то всегда имеют в виду самое что ни есть скотское.

Принцесса, я — паладин. Это значит, в человеке буду выжигать все скотское и растить то, что заложил Господь.

Она зябко пожала плечами.

— Вот и выжигайте в себе, — произнесла она враждебно. — А других не трогайте.

— Церковь отвечает за всех, — возразил я. — А небольшим кровопусканием человека спасают от смерти.

Она прошептала в ужасе:

— Я и не знала, сэр, насколько вы чудовищно жестоки!

Я посмотрел на нее рыбьими глазами.

— А вы и сейчас не знаете.

Она надменно вздернула подбородок и пошла через зал, ее камеристки двигались за ней с постными лицами, глядя строго перед собой. Нашего разговора, похоже, в самом деле не слышали, слишком занятые, чтобы блюсти и соответствовать.

До приема у короля остаются, по моим прикидкам, считаные минуты, не сидится в покоях, я оставил друзей и вышел в зал, из группы придворных тут же вычленился сэр Ашворт и поспешил ко мне.

— Сэр, — сказал я с дружеским изумлением, — вы что, караулите меня здесь?

Он поклонился, красиво разводя руки и помахивая кистями, словно рыба плавниками в стоячей воде.

— Его Величество велел заботиться о вас...

— так зашли бы к нам...

— ...но не досаждать.

Я отмахнулся.

— Сэр Ашворт, мы в походе, все мелочи этикета летят к чертям, простите за бранное слово, но в походе и это можно.

Он сказал быстро:

— Кстати, чтобы не забыть. Его Величество в знак до-

верия к вам и вашим спутникам, а также глубокого расположения, велел мне вернуть вам все ваше оружие. Если хотите, принесут, но если будет вам угодно, заберете сами. Все в королевской оружейной на самом почетном месте...

— Лучше сам, — сказал я и пояснил: — Вдруг да удастся спереть что-то получше.

Он ухмыльнулся.

— Верное решение. Там чего только нет...

Он прервал себя на полуслове, в нашу сторону направился очень высокий, с меня ростом, широкий в плечах рыцарь, могучий, выпуклогрудый и с толстыми мускулистыми руками. Он еще издали сверлил меня недобрый взглядом, я вздохнул тоскливо, только бы не это, почему всегда надо в драку, когда же придет эта гребаная политкорректность...

Сэр Ашворд бросил на него быстрый взгляд, опустил голову и тихохонько отступил в сторону.

Рыцарь остановился напротив меня, в глазах удивление, явно не встречал равных себе по стати, но от этого злость в глазах еще отчетливее.

— Мне Алонсия говорила о вас, — отрубил он.

— Алонсия? — повторил я медленно. — Без всяких «Ее Высочество», «принцесса»... вы сразу даете понять, что вы с нею... скажем так... весьма близки?.. Кто вы, сэр Невежда?

Он напрягся, но в лицо бросилась краска.

— Прошу прощения, — произнес он надменно, — но ваша наглость заставила забыть правила учтивости. Я лорд Вильярд Иронфорест, верный подданный короля и личный друг принцессы Алонсии. Вы здесь чужой, но уже заставили заговорить о себе...

— Еще бы, — произнес я мирно, — все-таки из другого королевства.

Он смотрел на меня со смесью удивления и ненавис-

ти, губы стиснуты, а зубы сжаты, отчего крупные желваки красиво и рельефно выступают под кожей.

— Не только этим, — сказал он резким лязгающим голосом. — Два поединка в первый же день!

— Благодарю, — ответил я. — Но чаще всего местные забияки стараются сразу же проверить новичка на вшивость. Если рассчитывали увидеть овцу, им не повезло.

Он почти прорычал:

— Человека с такой репутацией я просил бы держаться подальше от принцессы!

Я пробормотал:

— У вас на нее какие-то права?

— Да, — отрубил он.

— Какие? — поинтересовался я совсем мирно.

Тень замешательства мелькнула в его глазах, но ответил так же резко и грубо:

— Я оберегаю ее от всего, что может ей повредить!

— Я не повредю, — заверил я.

— Я сам определяю, — прорычал он, — что ей вредит, что нет!

Злость колыхнулась на дне моей глубокой и необъятной души, но ответил я все так же спокойно:

— Принцесса уже достаточно взрослая и ходит без нянек. К тому же о ее безопасности заботится охрана. Не говоря уже о родителях...

Он вскинул подбородок, так можно смотреть на меня словно бы сверху вниз с надменностью аристократа на загородившего дорогу пьяного свинопаса.

— Вижу, вы не поняли, что я вам сказал?

Голос его стал угрожающим, я ответил негромко:

— Сэр Вильярд, вы, как я понимаю, первый парень в своей деревне? Я имею в виду Вестготию. Но я из другого королевства...

— И что?

— А то, — ответил я холодно. — Раскроешь пасть еще раз, я тебе, говно, враз рога сшибу.

Он охнул, отшатнулся, глаза расширились. Затем ладонь резко метнулась к рукояти меча.

— Давай, говнюк, — сказал я и опустил ладонь на рукоять трофеиного меча, что теперь у меня всегда на поясе, — пора тебе дать урок, тупая скотина...

Придворные с криками шарагнулись в стороны, начал образовываться круг, однако от дверей донесся громовой голос церемониймейстера:

— Его Величество король Херлуф Сильвервуд!

У распахнутой двери началось бурное шевеление, от нее и через весь зал очищали широкую дорогу, и все старались попасть в первый ряд, чтобы быть замеченными. В дверном проеме появился король со свитой, придворные склонили головы.

Он прошел быстрой деловой походкой, в нашу сторону даже не повел глазом, но я ощутил, что заметил и даже кое-что понял. Иронфорест отдернул ладонь от рукояти меча, словно ожег пальцы, на лице бессильная ярость. Я убрал руку с рукояти меча медленно, всем видом показывая, что не я отказался от поединка, а этот трусливый говнюк, что умеет только разевать поганую пасть.

От другой двери почти бегом подбежали рыцари, ухватили моего противника за руки и плечи. На их лицах свирепая решимость не допустить схватки, он напряг мускулы, но его потащили прочь, как трудолюбивые муравьи толстую гусеницу.

Он с трудом повернул голову и прохрипел через плечо:

— Мы еще встретимся!

— Плыви-плыви, — сказал я, — говно зеленое.

Ашворт подошел бочком-бочком, как глубоководный краб, раскрыл рот, но тут же со стуком захлопнул и спешно отодвинулся, кланяясь кому-то за моей спиной.

Я оглянулся, в нашу сторону быстро идет встревоженная принцесса, за ней едва поспевают фрейлины, привыкшие ходить медленно и чинно.

Я тоже поклонился, злость моментально испарилась,

у принцессы удивительный дар убирать все тревоги одним своим видом.

— Ваше Высочество...

— Сэр Ричард, — ответила музыкальным голосом, но я отчетливо услышал в нем скрытую тревогу, — вы снова с кем-то повздорили?.. Берегитесь, лорд Иронфорест зарубит вас как свинью к празднику.

— Народ здесь приветливый, — сказал я, — но, как мне кажется, далеко не все...

— Иронфорест, — произнесла она как можноней нейтральное, — и... кто еще?

Я пожал плечами.

— Ваше Высочество могли заметить, что вздорящих со мной становится все меньше.

Она рассматривала меня уже с тем спокойствием, что иногда кажется хуже оскорблений.

— Это похвальба или угроза?

— Реальность, — ответил я. — По велению Господа я мог бы родиться мотыльком и летал бы с цветка и цветок, мог бы стать ангелом, тогда бы играл на лютне и даже пел... Но я здесь, в веке железа и крови. Так как я должен вести себя?

Она повела взглядом в сторону захлопнувшейся двери, за которую утащили взбешенного Иронфореста.

— Вы его ненавидите, — произнесла она чересчур ровным голосом.

Я пожал плечами.

— Не слишком велика честь? Не нравится мне весьма, это вернее.

— За что?

— Глуп, — сказал я, — туп, неразвит... Хамовит, давно не получал сдачи. Беспредельно нагл.

Она выслушала, кивнула, голос прозвучал со странной ноткой:

— Я так и думала, что все это скажете. Правда, не

упомянули о самом главном, чем постоянно шпионают придворные...

— Чем же? — поинтересовался я любезно. — Пополните мой словарь, прошу вас!

— Низкое происхождение, — напомнила она. — Вы забыли, он сын плотника и крестьянки.

Я сказал великодушно:

— Ну, в этом порока нет. Все мы от Адама и Евы. Это, как упрекать за цвет глаз, длину рук или раннюю лысину. Это скорее заслуга, если он из простолюдинов сумел стать рыцарем. А вот что хамовитая скотина — это да, это его личная заслуга.

— Он такой же, как и все, — возразила она.

— И что, это его оправдывает?

— Это объясняет.

Я снова пожал плечами.

— Не могу перебить всех хамов на свете, да и не пытаюсь. Но дать по рогам тому, кто хамит лично мне, — мой долг и святая обязанность, как гражданина и патриота... Но мы отвлеклись, милая леди! Мы говорили о вашей улыбке, да?.. Или уже перешли от ланит к персям?

Она слегка покраснела, тут же гордо выпрямилась и чуть откинулась всем корпусом, взгляд стал надменным.

— Полагаю, мы с вами никогда к ним не перейдем. Да и не говорили мы не о ланитах вовсе.

— А о чем? — удивился я. — О чем с вами можно говорить, милая принцесса? Я совершенно не смыслю вязания крючком!

Она смотрела с прежней надменностьюю рожденной в королевском замке.

— Вы не только в этом, — произнесла она холодновато, — как вы сказали. Вы вообще не совсем... насчет взаимоотношений между людьми. А правителям это знать необходимо. Вы не поторопились, завоевывая корону маркграфа?..

— Завоевывая? — переспросил я.

— Ну да, — ответила она. — Судя по вашим методам, вы полкоролевства залили кровью!

— Ага, — буркнул я. — Когда петля на шее, и корону короля примешь, да еще и спасибо скажешь!.. У меня камень с души, когда я понял, что вы только красивая.

Она произнесла замедленно:

— И что, ваша насекомая душа все еще жива?

Я поклонился, она прошла мимо, а следом проплыли фрейлины. На этот раз обе стрельнули в меня любопытными глазками, но тут же сделали строгие лица и с достоинством удалились.

Глава 4

Ашворд тут же приблизился, придворные деликатно подходить не рискнули, но шеи вытянулись у всех, как у гусей, а уши удлинились, словно у темных эльфов в ночном лесу.

— Как вы непочтительно, — упрекнул он мягко. — Принцессу можно понять, она, как и большинство юных девушек, сочувствует бедному рыцарю.

— Бедному? — изумился я. — Да один его панцирь стоит не меньше трех табунов, а за сапоги дадут пару сел!

— Бедному, — пояснил он, — в другом смысле.

— А-а, что дурак? Ну, это я сразу заметил.

Он поморщился.

— Все вы как-то не так понимаете... У сэра Вильярда непростая судьба. Упорно поговаривают, что как две капли воды похож на погибшего в горах брата нынешнего короля, однако знатоки проверили все родословные и установили, что никаким боком не является родственником. И все те, кто намекает наbastardство, — лжецы и выдумщики. Но слухи, как понимаете, на пустом месте не возникают...

Я нахмурился.

— И что, он в самом деле племянник короля?

— Нет, конечно, — ответил Ашворд. — Он сын плотника и крестьянки, однажды приглянулся одному рыцарю, и тот взял в оруженосцы. Через несколько лет юный Вильярд, совершив множество подвигов, заслужил рыцарские шпоры.

— А чего ж тогда слухи?

— А вы как думаете?

Я пожал плечами.

— Простому народу нужны чудеса. Им льстит, что брат короля ночевал у них под крышей и плодилbastardов. А подвиги приписывают именно королевской крови, как будто простолюдин не может сам...

Он посмотрел на меня с удивлением, сказал осторожно:

— Ну, вообще-то... вы правы. Слухи потому и живучи, что людям жаждется необычности. А так он не только силен и отважен, но и расчетлив... хотя когда решение принято — действует решительно и быстро. Король не хочет выдавать за него дочь, слишком велика разница в статусе, однако принцесса ни о чем другом даже слышать не хочет!

— Ух ты!

— Вот-вот, именно «ух ты!».

— Дело зашло так далеко?

Он кивнул.

— Точно. А сам сэр Вильярд распутывает всех прочих женихов одним своим угрюмым видом.

— Каково отношение двора? — спросил я. — Лордов?

— Все предпочли бы на месте жениха более знатного человека, — сообщил он. — Что и понятно. Выдать принцессу за этого весьма незнатного — оскорбить их всех. Домягтежа дело не дойдет, но королю зачем неприятности?

Разговаривая, мы подошли к дверям наших покоеv, их предупредительно распахнули перед нами, там слуги

бесстрастно накрывают стол, Ордоньес и Торкилстон довольно потирают руки.

Ордоньес сказал весело:

— Пока суд да дело, мы тут помыслили насчет обеда, а то Его Величество что-то забыл о нас...

Вслед за нами вошел и выпрямился так, будто собирался достать макушкой потолок, церемониймейстер, вперил взгляд в пространство и мощно провозгласил слушающим там существам:

— Еще Величество король Херлуф Сильвервуд приглашает дорогих гостей из Сен-Мари на малый прием!

Ордоньес вскочил обрадованно, но посмотрел на меня и торопливо сел.

— Простите, ваша светлость.

Я выждал чуть, не забывайте, кто все-таки главный, неспешно поднялся и проговорил нейтрально:

— Мы готовы. И благодарим Его Величество за любезное приглашение.

— Следуйте за мной.

Сохраняя торжественно-постные лица, шли через залы, толпа придворных распахивалась, как Красное море перед Моисеем, так и прошли до самых королевских покоев, провожаемые оживленным шушуканьем, шуршанием и оханьем.

Множество горящих свечей создают аромат праздника, все люстры в огне, как я понимаю — для важности: через окна льется достаточно яркий солнечный свет. Столы уже накрыты, гости входят степенно и рассаживаются по заведенному ритуалу каждый на свое место.

Нам указали на стол, где должен сидеть король с королевой, большая честь, Ордоньес и Торкилстон, важные и надутые, приняли как должное, иначе и быть не может, уселись и смотрят перед собой с любезными улыбками.

Здесь, в отличие от Фоссано, Армландии и прочих ко-

ролевств за Хребтом, за столом немало и женщин, где-то одна на пять-шесть мужчин. Невероятно много, почти равнoprавие, хотя, понятно, мужчины допускают такую вольность для собственного удовольствия, а не ради женских амбиций.

Король и королева появились под звуки фанфар, все за столами встали и склонили головы. Венценосная чета уселась, король милостиво наклонил голову, и все дружно сели.

Мы от короля по правую руку, а со стороны королевы их дочь Алонсия, еще несколько знатных и знатнейших дам, за их спинами стоят с неподвижными лицами то ли пышно одетые слуги, то ли вельможи, надо бы узнать, чтобы не опросачиться...

Я заметил, король взглянул в мою сторону несколько озабоченно. Вовсе не так, как хозяин, что старается напихать дорого гостя отборными яствами и напоить до свинского состояния счастья и довольства.

— Сэр Ричард, — произнес он с любезной улыбкой, — как находите наше королевство?

Я ответил любезно:

— Очарован! Хотя и видел не так уж и много, но очарован. Жаль, что дела вынуждают срочно покинуть его пределы.

Он вскинул брови.

— Что случилось?

— Я же прибыл, — напомнил я, — просто не утерпев, как мальчишка. На самом деле надо бы, как принято, хорошо подготовиться и послать большую группу дипломатов, заранее обдумав предложения о торговле и прочих делах. Но у меня была свободная неделя... до начала войны, вот и слупил...

— Жалеете? — спросил он.

— Нет, — ответил я живо, — жалею, что сумбурно, без правильной подготовки. А так — я счастлив воспользоваться вашим гостеприимством.

Он задумался, на челе появились глубокие складки.

— М-да, — произнес он, — я немало узнал о вас за прошедший день... но еще больше надеялся узнать за будущие. Надо будет обдумать...

Королева милостиво улыбалась и посматривала на меня теплым материнским взором. Король повернул голову в сторону женской половины, за спиной дочери висится мощная фигура Боудеррии, лицо грозное, как у туши на закате, плечи разведены и слегка напряжены, так что хорошо видны все мышцы, рельефные, сухие, натренированные.

— Боудеррия, — сказал король громко. — Оставь на минутку свое место, здесь никто принцессу не тронет...

Она подошла, зыркнула на меня хмуро.

— Да, Ваше Величество.

Он сказал приподнято:

— Станцуй для нас!

Рядом со мной Торкилстон пробормотал ошарашенно:

— Это чудовище еще и танцует?.. Представляю... Мой конь тоже танцует...

Королева улыбнулась несколько ехидно и почти пропела ласково:

— Ваше Величество, тогда, может быть, лучше пригласить коня сэра...

— Торкилстона, — подсказал Торкилстон.

— Да-да, простите, благородный сэр. Мы живем в такой изоляции...

Король, не слушая нас, смотрел на Боудеррию с тем удовольствием, которое может быть только напускным, а мысли его, как я уловил, далеко от этого стола и даже зала.

Боудеррия медленно сделала шаг по ступенькам в зал, еще не танец, но уже шаг от бедра, покачивает грудью, еще ступенька, бедра пошли в сторону, медленно и в нужном ритме качнулись в противоположную.

Музыка зазвучала громче, резкая, дикая и возбуждающая. Боудеррия сделала третий шаг, уже танец, руки подняли вверх, движения убыстряются, еще три ступеньки, и уже в зале, гордая и надменная, как императрица варваров. Руки, ноги и все тело двигаются в незнакомом ритме, демонстрируя попутно гибкие плотные мускулы, налитые силой плечи, тонкий стан и гладкость бедер, что переходят в длинные ноги, красиво облепленные четко прорисованными группами мышц.

Торкилстон смотрел завороженно, как и Ордоньес, остальные иногда переговариваются, но тоже не отрывают блестящих глаз от пляшущей воительницы. Ее движения все ускорялись, я понял, что это лишь наполовину танец, а наполовину демонстрация силы, ловкости и боевых приемов, все завязано в такой красивый узел, что я лишь смотрел и любовался таким непривычным даже для меня зрелищем, а про остальных и говорить нечего, стоит лишь взглянуть на задрапированных с головы до ног анемичных женщин.

Внезапно она выхватила мечи, блеск сотен свечей заиграл на лезвиях, неуловимо быстро взметнула их вверх, и тут же вокруг нее образовалась стена из блестящей стали. В зале ахнули, она с невероятной скоростью и ловкостью ставила веерную защиту, а затем неуловимо быстро наносила сквозь нее удар, моментально поворачивалась, отскакивала, парировала, в то же время это все еще танец, хотя даже я не назвал бы его женственным.

Лица некоторых мужчин слегка помрачнели, у других исчезли улыбки. Ход мысли каждого понятен, я сам сразу же примерил к себе: смогу ли пробить эту защиту, все-таки это не просто женщина с мечом, руки Боудеррии крепки, удар средней силы она парирует и тут же нанесет ответный...

Торкилстон прошептал завороженно:

— Что за женщина...

Он передернул плечами.

— Такая женщина, — спросил я, — и не нравится?

— Нравится, — ответил он, — как хороший конь или меч, выкованный мастером. Не променяю же кроткую Амелию на дикого коня?

— Вообще-то да, — согласился я. — Хотя, конечно, смотря какой меч, какой конь...

Он не ответил, шуточки мои бывают слишком грубо-ваты даже для мужчин, перебарщаю, стараясь вписаться в грубый мужской мир, следил за ней блестящими глазами и притопывал в такт убыстряющейся музыке.

Ордоньес тоже не отрывал взгляда, как и большинство мужчин в зале, лицо раскраснелось, а на лбу выступили мелкие капельки, словно это он сам пляшет в таком неистовом темпе.

— Хорошо быть королем, — сказал он, не отрывая взгляда от танцующей, — кого угодно можно заставить...

Король услышал, сказал наставительно:

— Королевская власть теряет все свое очарование, если ею не злоупотреблять.

— Но злоупотребляющих могут, — сказал Ордоньес независимо, — того... удалить от трона. И не всегда под белы ручки.

Король кивнул, лицо спокойное.

— Власть многим нехороша, кто спорит? Хороша только одним — честью и славою, да и то лишь, если это власть лучшего над хорошими и величайшего над величими. А кто думает не о достоинстве, а только о своей безопасности, пусть пасет овец, лошадей и коров, а не людей. Как вы, сэр Ричард?

— Полностью согласен с вами, Ваше Величество, — отрапортовал я.

Боудеррия прекратила танец, это словно послужило сигналом: двери в зал распахнулись с трех сторон, пошли гуськом слуги с широкими подносами на вытянутых руках, останавливались перед каждым гостем за столом, тот

указывал пальчиком, и яства перекочевывали на его блюдо.

Я с изумлением рассмотрел рядом с ножом и ложкой странное и нелепое существо, которое назвал бы перво-вилкой, она показалась мне кистеперой рыбой, что вылезла на берег, пока что жалкая и нелепая, но это пока что.

Я уже встречал в этом мире подобные вилки. В замке барона Галантлара. Те вилки были больше похожи на маленькие двухзубые вилы... И, как мне рассказывали, были привезены с Юга. Эта же вилка, похоже, чисто местное изобретение. Размерами и формой она напоминала саперную лопатку. Здесь за основу взяли ложку, но с зазубринами на переднем крае. Я, как и все, привык считать, что ложка — это ложка, а вилка — вилка, два совершенно разных инструмента, как дети разных отцов. Оказывается же, вилка — это получившая высшее образование ложка. Остальные ложки так и остались простонародными ложками, а эта сперва робко так это отрастила коротенькие зубки на переднем крае, потом осмелела и слегка удлинила их, присмотрелась, не бьют пока, потихоньку да помаденьку укорачивала площадь собственно ложки, а зубы вытягивала на захваченное место...

Завоевав позиции и укрепившись, уже не ложка, а самая настоящая вилка продолжала в азарте совершенствоваться, утончаться, учиться новому, пока в конце концов не приобрела утонченные формы современных для моего аристократического срединного: для десерта, для рыбы, для фруктов, в то время как ложки так и остались ложками, ну как бы простолюдинов Средневековья переодели в костюмы современных рабочих, но функция осталась та же: бери больше — бросай дальше.

Королева смотрела на меня с победной улыбкой, король снисходительно улыбнулся.

— Не видели таких?

— Нет, Ваше Величество, — признался я совершенно искренне. — Впервые такое чудо зрю!

— Очень удобное чудо, — сказал король. — Попробуйте!

Я покосился на остальных, никто не прикасается к приборам, я посмотрел на королеву, она поняла, кисло улыбнулась и, взяв двумя пальцами вишенку, отправила в рот. Я ухватил нож, отрезал от запеченной туши хороший ломоть, придерживая вилкой, перенес на свою тарелку, запах обалденный, слюнки текут, принялся разделять ножом и, кое-как накалывая этой чудовищной вилкой, отправлять в рот.

Я не понял, почему король и королева бросают на меня непонимающие взгляды, а потом и сами начали переглядываться в неком недоумении. Но мясо оказалось великолепным, я к этому времени уже проголодался и пожирал все с великим аппетитом.

Король поинтересовался со странным выражением:

— Дорогой Ричард, где вы обучились таким манерам?

Я застыл, быстро посмотрел на свои локти, на руки: в правой нож, в левой вилка, отрезаю порции не такие уж и маленькие, но и не великанские, меру вроде бы выдерживаю.

— Простите, Ваше Величество, — сказал я осторожно, — но я вышел из дальних пограничных земель, мы столичным манерам не обучены...

Он воскликнул:

— Да нет, все наоборот!.. вы так умело и ловко управляетесь с этими предметами, что даже самые изысканные щеголи так не смогут. Как вы держите эту...

— Вилку, — подсказала королева.

— Да-да, вилку, странное название, не правда ли? Вы так ловко ею, что я даже не знаю, ну просто очень ловко. У нас герцог Энтийский, на что уж щеголь, но так и не научился, все еще ложкой, ложкой...

Я кивнул, отрезал еще ломоть мяса, наколол и отправил в рот. Король и королева смотрели неотрывно.

Королева сказала язвительно:

— Он тайком брал уроки у нашего церемониймейстера!

Король посмотрел на меня с интересом.

— Правда?

— Если Ее Величеству так угодно, — сказал я, — то пусть и так.

Король покачал головой:

— Нет, мне нужна правдивая информация. Если вы в самом деле брали уроки у нашего церемониймейстера, почему я никак не могу поверить, то это в корне меняет дело.

— Почему?

— Это значит, что вы уж очень хотите мне понравиться, — пояснил король назидательно. — А зачем — вопрос!

Я посыпал отрезанный ломоть острыми травами, сложил вдвое, отправил в рот. Король следил за мной внимательно.

— Желание понравиться, — сказал я, — естественное желание. Конечно же, Ваше Величество, я хочу понравиться вам и Ее Величеству. Но так же, прошу меня извинить, хочу нравиться вашим придворным, солдатам, крестьянам, слугам, стражникам на воротах и даже собаке у входа, у нее слишком уж длинные зубы.

Он подумал, кивнул.

— Мудрый ответ. На удивление взвешенный. Удивляюсь, при каком дворе вас воспитывали. Вот уж не думал, что где-то еще независимо от нас придумали эти... как их...

— Вилки, — терпеливо подсказала королева.

— Да-да, вилки, — сказал он. — Обращаетесь вы с ними просто виртуозно. Даже, если бы брали уроки у нашего церемониймейстера, все равно не сумели бы с такой ловкостью, уж я-то понимаю... Вы как будто обучались этому с детства!

Я коротко улыбнулся, что не укрылось от короля, а королева просто позеленела.

— Я угадал, — воскликнул король. — Я угадал!.. Рассказывайте, сэр Ричард, где?

Я ответил медленно:

— Сожалею, Ваше Величество, но я не могу этого сказать.

— Но почему? Я настаиваю.

Я ответил мягко, но так, чтобы он ощутил в моем голосе твердость:

— Ваше Величество, увы, Господь не удостоил меня счастья родиться вашим подданным.

Глава 5

Он стукнул кулаком по столу, посуда подпрыгнула, а кувшин упал на пол, но я успел подхватить на полпути и с бесстрастным видом поставил на место.

Король, моментально взяв себя в руки, покачал головой.

— Сэр Ричард, как можно быть таким... быстрым? Странно, у вас все движения умелого бойца! Но такие люди, как все мы знаем, тем более не умеют вести себя за столом..

Я отмахнулся.

— Ах, Ваше Величество, ну какие пустяки эти нож и вилка!.. Любой может научиться. А во всем остальном я обыкновенный увалень.

Королева сидела злая и надутая, как сова, король взглянул на нее искоса, улыбнулся.

— Вы просто не замечаете, сэр Ричард, что во всем сложнейшем придворном этикете вы не ошиблись ни разу. Более того, все ваши движения утонченные настолько, что сегодня же на ужине многие будут пробовать себя вести так же. Посмотрите, как за вами следят сотни глаз!..

Это будет забавно, когда начнут опрокидывать блюда, пытаясь двигаться с вашим изяществом.

Сэр Ашворд приблизился к королю и сказал, не глядя на меня:

— Возможно, Ваше Величество восхочет расспросить доблестного сэра Ричарда о придворных обычаях его королевства? Разумеется, не спрашивая, где оно находится и как называется.

Король подумал, взглянул на меня с новым интересом.

— Что скажете, сэр Ричард?.. Каковы особенности придворного этикета у вашего короля?

Я отмахнулся.

— У вас лучше, Ваше Величество. Намного проще. У нас слишком сложный ритуал. Одних вилок пять или шесть штук! Одни для мяса, другие для рыбы, третьи для сыра, а есть еще для фруктов и еще какой-то хрени... И все разные.

Королева ахнула, затем застыла, я уже видел, как в ее мозгу бешено крутятся колесики, да и церемониймейстер замер, смотрит на меня строго, подозревает каверзу. Этот вводить дополнительные вилки не станет, население должно сперва привыкнуть к виду этой странной штуки вообще.

Король сказал задумчиво:

— Из какого же вы королевства, сэр Ричард?

— Из маленького, — ответил я. — Совсем маленького. Просто крошечного. Так, болотце...

Сэр Ашворд проговорил над ухом короля, глаза его сверлили меня, как два бурава:

— Кстати, о болотце. Среди магов ходят слухи о неких скрытых королевствах. Именно над болотом Серой Ночи всегда туман, слыхали? Там вот говорят, что однажды через него пустился один крестьянин, не пожелавший спать ну обходить. Не утонул, а попал в странное королевство, дивно богатое, могучее, где дороги выложены золотом,

платья простолюдинок шиты серебром и жемчугом... Он прожил там месяц, но что-то нашкодил, его собирались наказать, он снова бросился в болото и сумел выйти в тот же день и час, что и попал туда, на прежнем месте!.. Его рассказы сочли выдумкой, но маги обнаружили в старых книгах, что за триста лет до него еще кто-то побывал там и оставил описание дивного места, очень уж... совпадающее.

Голос его журчал спокойно, король кивал, едва не засыпая, я продолжал нарезать мясо аккуратными ломтиками, теперь вижу, что действительно только у меня так получается, остальные сопят и кромсаю тушу так неумело, как будто у них болезнь Генкца, даже элегантные дамы смотрят на мои руки с удивлением, однако в сытом мозгу наконец щелкнуло, я ощутил трепет во внутренностях. Скрытые королевства? Иные измерения?.. Или нечто иное?

Король посмотрел на меня, как он верно полагал, пронизывающим взором, но на самом деле все мы уже осоловели от сырной еды, морды у всех сытые, даже изящные женщины на глазах растолстели, оплыли, стали ниже ростом, зато раздались вширь. И, что очень огорчительно, подурнели, если в эстетическом смысле, хотя для щупальца и тисканья такие пышечки в самый раз.

— Вы из скрытого королевства?

— Ваше Величество, — ответил я. — Не спрашивайте, и я не совру.

Он засмеялся, хоть и несколько принужденно:

— Хороший ответ! Честный. Достойный воина. Сэр Ричард, насколько верно служите своему королю?.. Я, как вы понимаете, не имею в виду правителя Сен-Мари, который от вас куда-то скрылся... Нет-нет, я неверно задал вопрос, насколько вы обязаны служить своему сюзерену? Я имею в виду, что если подворачивается возможность проявить себя на более достойном поприще? Обязаны ли вассальной присягой...

Я покачал головой, уже давно я вассал короля Барба-

россы чисто формально, что понимает и сам Барбаросса, а так я сам по себе, что не столько радует, сколько тревожит.

— Я практически свободен, Ваше Величество.

Он повторил с недоумением:

— Практически... это как?

— Я свободен от всех вассальных клятв, — объяснил я, — но я добровольно принял на себя ношу паладина. Потому я, как истинный рыцарь, всегда на защите христианских ценностей. Ну, вы понимаете, обязан бдить, защищать церковь, женщин, детей и сирот. И никогда не встану на сторону тех, кто побуждает меня нарушать мой обет.

Он слушал с некоторым удивлением, королева сидит надутая, как жаба на осушеном болоте, зато принцесса прислушивается со всем вниманием. Даже Боудеррия за ее спиной слушает, хотя на ее лице выражение: ври-ври, мы и не таких видели...

Наконец он откинулся на спинку кресла, довольный и беспечный, властелин дома, где все хорошо и все поют.

— Это просто великолепно!.. — произнес он с чувством. — В наших краях люди с такими убеждениями? Погодите вы в самом деле человек из самых что ни есть скрытых королевств, но с явными достоинствами. Сэр Ричард, в силу того, что вы... не спорю, защищая свою жизнь... сразили в благородном поединке барона Унгера, там сейчас образовалась дыра. Дело в том, что он не успел оставить наследников, и я вправе передать его владения другому хозяину, который в состоянии будет править железной рукой и удержать вольничу мелких подвластных ему семейств...

Я уловил, как напряглось лицо сэра Ашторна, да и сам король произнес это чересчур легко, словно речь о совереннейшем пустяке, но я уже достаточно и весьма крепко получал по голове, инстинкт заставил насторожиться.

— Барон Унгер, — пробормотал я, — правая рука герцога Хорнельдона... Не так ли?

Король усмехнулся.

— Сэр Ричард, я вправе не только жаловать владения, но даже отнимать их. Я, а не герцог. Так что решаем только мы с вами. Дело в том, что у барона хозяйство достаточно... лакомое. Обширное и богатое, имею в виду. Сейчас его могут попытаться захватить соседние бароны. Пока был жив барон Унгер, в том краю соблюдалось хоть и хилое, но равновесие. Но сейчас там такое будет твориться... вы виноваты, сэр Ричард!

Я наклонил голову.

— Да, Ваше Величество.

Он взглянул с удивлением.

— Что «да»?

— Понимаю.

— Понимаете? — переспросил он с сомнением. — Что вы понимаете?

— Что в тех землях образовался вакуум власти. Однако я никак не могу принять на себя ту ношу.

Они переглянулись, король покачал головой, в глазах озабоченное выражение.

— Вы быстры, сэр Ричард. Гораздо быстрее, чем я думал. Все успели понять, продумать и вот отказываетесь?

Королева сказала в недоумении:

— Дорогой, он даже не понял, что ты предложил!

— Все он понял, — ответил король со вздохом.

Междуд столами прыгали и кувыркались акробаты, жонглер ловко бросал к самому потолку по две тяжелые булавы и ловко хватал за рукояти, затем вдоль столов прошел очень крупный человек с очень свободно одетой девушкой, почти ребенком, она пела чистым невинным голоском о верной любви и рыцаре чести.

Король, как я подметил, все еще над чем-то раздумывал, я видел, как морщился, отбрасывая одну идею за другой, наконец слегка наклонился ко мне.

— Сэр Ричард, мое присутствие вас еще не утомило?

— Что вы, Ваше Величество! Как можно?

Он кивнул.

— Тогда я был бы рад видеть вас у себя вечером. Позуемся вдвоем. Мне кажется, вы не должны вот так уехать, ограничившись ролью обычного путешественника.

Я сказал почтительно:

— Ваше Величество, мы всегда в работе. Думаю, и вы здесь за столом не только развлекаетесь, но и обдумываете весьма и зело важные для королевства задачи.

До ужина я решил не покидать город и даже палац, ограничившись беседами с сэром Ашвордом и придворными, хотя Ашворд и пытался меня отгородить от всех и всего.

— Мы должны содействовать свободному передвижению информации, — возразил я наставительно. — Откровенному, как вот я, доступному, как некоторые ваши женщины, и вообще... это может быть обоюдно выгодно, не так ли?

Он кисло улыбался, что-то у них неладно, иначе с чего бы пытаться установить вокруг нас стену. Другое дело, у меня самого душа уходит в пятки, когда вспоминаю о герцоге Хорнельдоне. Этот барон был поблизости, когда услышал о гибели от моей руки его спесивого воина, а до ушей герцога молва докатится еще не сегодня, но у меня холод в груди, как только подумаю, что придется столкнуться с неуязвимым чудовищем...

— Сэр Ашворд, — сказал я со всей благожелательностью в голосе, — не надо от меня скрывать... ничего. Дело в том, что в этом случае я вообще такое надумаю, что и на голову не налезет, хотя у зайца в лесу налезло. Имидж вашего королевства будет безвозвратно испорчен!

Он смотрел пытливо, я улыбнулся по-свойски, мол, чего скрывать, я же все вижу, это не горошину под напер-

стком прятать, опытному глазу, а у меня ого-го какой, заметны всякие несостыковки.

— Да у нас все благополучно, — произнес он, защищаясь, — просто Его Величество не желает, чтобы вам докучали.

— Ничего, — сказал я, — я человек веселый. Его Величеству что-то грозит?

Он поспешно помотал головой.

— Нет-нет!.. Его власть весьма прочна. В том смысле, что никто не придет с войском и не свергнет. Однако и Его Величество, к великому сожалению, не в состоянии пойти и приступом взять замок обнаглевшего феодала.

— Почему?

Он вздохнул.

— Древние катаклизмы поставили такие преграды... Знаете, как возникали некоторые владения? Какой-нибудь удалец ухитрялся перебраться через ужасающей глубины ущелье, а это сперва суметь спуститься, а потом взобраться на противоположную сторону... а еще втаскивал с собой женщину... у нас полно легенд о сбежавших влюбленных!.. и вот они уже и заселяли своим потомством земли, порой весьма обширные. Кто впоследствии именовал себя бароном, кто графом, да можно хоть королем, понимаете? Добраться и наказать нет никакой возможности!

— И что, — поинтересовался я, — в полной изоляции?

Он пожал плечами.

— Почему? За сотню лет всегда можно прорубить ступеньки или вбить в отвесную скалу стальные колья, протянуть веревку. Но это, как понимаете, не дорога для армии! Спуск, как и подъем, очень тяжел, хотя там своего обычно поднимают в корзине. Потому все королевство, можно сказать, живет мирно, хотя и находится, как ни смешно, в одной постоянной и непрерывной войне.

— Понятно, — сказал я задумчиво. — В таких случаях

лучше действуют диверсионные отряды. И конечно, шпионы... На кого работаете, сэр Ашворд?

Он вздрогнул, натянуто улыбнулся.

— Ну и шуточки у вас... А я чуть было не проговорился, что шпион королевства Сен-Мари!

— Не врите, — сказал я строго, — я вас посыпал не сюда. Значит, феодалы поставили крепости в таких труднодоступных для штурма и даже осады местах, что нечего и пытаться... гм... Понятно. А все деревни крестьян, что расползаются по всем свободным землям, обычно защищены не так уж надежно. Можно грабить, можно жечь, людей можно уводить и селить у себя, если хорошие ремесленники...

— Увы, это так.

— Ослабляя экономику противника, — сказал я, — подрываете и основу его военной мощи.

Он кивнул.

— Вы хорошо все формулируете. Родились среди таких войн? Иногда удается ослабить настолько, что и захват самого замка удается...

— Ого.

— И сразу начинается движение по всему королевству, — объяснил он. — Сотрясаются основы, когда какой-то род усиливается. У тех появляются амбиции, аппетиты, претензии, требования... как к королю, так и к соседям.

— Словом, война полыхает еще злее?

— А что, есть где-то иначе?

Я развел руками.

— Еще нет, но уже набирает мощь сила, что остановит все войны.

— Какая?

Я вздохнул.

— Уверен, узнаете. Не обрадуетесь, конечно. Жизнь станет труднее, но достойнее. Ладно, если вы не против, я все-таки схожу, пока есть время, сейчас в королевскую оружейную.

Глава 6

Ашворд сопровождал меня и рассказывал, чей меч на стене и чья булава, но я заскучал быстро, старинное оружие выглядит убого, а если и было усилено какими-то печатями и стигмами, то все давно выдохлось и выветрилось.

Я закинул широкую перевязь с мечом через плечо, лук перебросил за спину, застегнул кожаный пояс, где у меня в кармашках золотые монеты на всякий случай и драгоценные камни, ничего не украдено, молодцы. Или просто не нашли...

Когда вернулись в зал, к нам подошел скромно и незаметно одетый придворный, склонил голову в учтивом поклоне.

— Сэр Ричард, Его Величество просит вас пожаловать к нему в личный кабинет.

Ашворд вскинул брови, тоже отметив иную формулировку приглашения, я ответил в той же тональности:

— С благодарностью принимаю приглашение Его Величества.

Мы прошли через два зала под устремленными взглядами любопытных, сразу же пошло шушуканье, шелест дорогих одежд.

На этот раз дверь распахнули в небольшой уютный кабинет, обставленный едва ли не шикарнее, чем тронный зал, но с тем вкусом, что выдает великого мастера.

Король в глубоком кресле просматривал бумаги, я поклонился с порога:

— Ваше Величество...

— Ваша светлость, — ответил он, а после паузы добавил: — Садитесь, где вам удобнее. Разговор пойдет о несколько неожиданном и весьма щекотливом деле, потому чувствуйте себя как можно свободнее...

Я сел напротив и чуть наискосок, это как бы деловая и в то же время наполовину неофициальная беседа с глазу

на глаз. Он отложил бумаги, уж не знаю, в самом ли деле читал, так можно и держать нужную паузу или выгадывать какие-то другие стратегические мелочи.

— Сэр Ричард, — проговорил он доверительно, — вы свалились в королевство, словно с неба упали, подобно свергнутому ангелу. Хотя и приплыли, как рассказывал Жакерд, на корабле... кстати, невероятно огромном, у пиратов, по слухам, таких нет.

Я молчал с самым внимательнейшим лицом, слушал и всем видом показывал, что буду в основном внимать его мудрости, а сам стану вякать как можно реже.

— По рассказам, — продолжил он, — как ваших спутников, так и... других источников, вы сумели молниеносно захватить целое королевство! Правите в нем единолично, как подобает военному вождю... Так ведь?

Он замолчал, я вынужденно кивнул.

— Да, Ваше Величество. Но это временная мера, Ваше Величество. Как только наладим нормальную жизнь, чтобы шла без нашего подталкивания, военное положение будет снято.

Он сказал задумчиво:

— Военное положение... гм... странно, что вы стараетесь не сохранить его, а намерены отказаться.

— При военном, — обронил я осторожно, — пахать должен я, а так остальные будут работать, а я только стричь налоги.

— Мудро, — сказал он с некоторым удивлением. — Это мечта всякого государя, если он государь, а не просто удачливый полководец. А вы, похоже, именно государь...

— Ваше Величество! — запротестовал я.

Он слабо улыбнулся.

— Ну, пусть из теста государей. Я намеревался к вам поприсматриваться, люди в моем возрасте становятся крайне осторожными и осмотрительными, но вы смешали все мои планы заявлением, что завтра отбываете обратно.

— Что делать, — сказал я, — обязанности.

Он вздохнул.

— Ладно, тогда пропустим длительное присматривание... перейдем сразу к делу. Я повертел так и эдак и теперь понимаю, как ваше положение можно легализовать.

— Это хорошая идея, — сказал я осторожно. — Насчет легализовать. Однако...

Он сделал отметающий жест, я послушно умолк.

— Как это сделать? — спросил он медленно, словно все еще раздумывал и подбирал нужные слова. — Да самым традиционным способом... Традиция тем хороша, что все ее чтут и никто не спорит. Вы уже видели мою дочь Алонсию?

Я поклонился.

— Видел и долго оставался нем от восторга.

Он вздохнул, на лицо набежала тень.

— Это моя единственная дочь. Был еще сын, но погиб в дальних походах на земли кобольдов. У меня нет наследника... Как вы уже догадываетесь... ведь догадываетесь?

Я поклонился, пряча взгляд.

— Даже не смею, Ваше Величество.

Он кивнул.

— Ваша скромность похвальна. Как и догадливость, я вижу, схватываете на лету.

— Орел на лету всех ловит, — заметил я скромно, — а ворона и сидячего не поймает.

Он вздохнул.

— Да, это так. Словом, тщательно все взвесив и обсудив сегодня с советниками, я принял решение отдать свою драгоценность вам в жены. За Алонсией ходит целый хвост знатных юношей из благородных семей, но мне нужен тот, кто удержит власть в королевстве. Вы — такой человек.

Я помолчал, в голове тысячи мыслей стучат копытами, ржут и просятся на волю, такие же быстрые и не слишком умные.

— Все-таки несколько неожиданно, — признался я. —

Но я благодарен за такое льстящее мне предложение. И, если честно, хотел бы переговорить на эту тему с вашей дочерью. Я из такой страны, где мнение выдаваемых замуж дочерей спрашивают обязательно.

Удивление мелькнуло в его глазах, но смолчал, наклонил голову. Я не заметил, чтобы он подал какой-то знак, однако приоткрылась дверь, заглянул личный секретарь и произнес внушительно:

— Ваше Величество, вам нужно отдохнуть перед разговором с лордами из земель Брунеберга.

Я поднялся, поклонился.

— Ваше Величество...

— Ваша светлость, — ответил он усталым шепотом. — Кстати, я вижу, вам уже передали мое разрешение взять свое оружие...

— Спасибо, Ваше Величество!

Нагретые солнцем плиты площади вокруг дворца политы холодной водой, но воздух теплый и влажный, насквозь пропитанный ароматами цветов и зелени. Солнце опустилось, в небе догорает закат, тучи лиловеют по краям, а в середине черны, как грех.

Я огляделся, даже Бобик прибегает взглянуть на меня и проверить, цел ли, не желаю ли куда отправиться, и тут же исчезает, надо так много увидеть, исследовать, понюхать, тоже исследователь в своем роде.

По аллеям прогуливается праздный народ, что-то вроде светского раута, раскланиваются, слышу фривольные шуточки...

Принцесса Алонсия, как я правильно высчитал, в это время в саду, я даже ухитрился отыскать именно ту аллею, где она шла в глубокой задумчивости. За нею две молодёнькие девушки, по натуре вроде бы смешливые, но сейчас глазки опущены, выглядят смущенными, а на меня посмотрели почти враждебно.

Я поклонился и внимательно посмотрел в ее чудесные глаза.

— Ваше Высочество... как догадываюсь, ваш отец уже сказал вам о том предложении, что сделал мне.

Она не отвела взор, только щеки чуть-чуть заалели.

— Что ж, вас судьба многим обделила, но не догадливостью.

— Спасибо, Ваше Высочество, — сказал я. — Должен сразу сообщить вам, что я согласия не дал, а пообещал сперва поинтересоваться у вас.

Она кивнула.

— Что ж, интересуйтесь.

— Ваше Высочество, — сказал я, — мне достаточно важно, как относитесь к этой ситуации вы сами.

Она прямо посмотрела мне в глаза. Я примирительно улыбнулся, хотел отвесить еще один поклон, но решил, что уже и так чересчур наперепоклонялся. Нельзя, чтобы вежливость принимали за слабость.

— Сэр Ричард, — произнесла она спокойно, без всякой вражды или холодности, — дело в том, что вы мне совсем не нравитесь.

— Кажусь отвратительным?

Она поморщилась.

— Зачем в такой плоскости? Вы не отвратительны, сами знаете. И это ваше кокетство... не совсем по-мужски. Вы интересны и даже приятны в общении, загадочны и романтичны, однако...

— Что?

— Вы не тот человек, — закончила она, — которого я хотела бы видеть мужем.

Я развел руками.

— Если честно, принцесса Алонсия, я тоже не хотел бы еще жениться. Не имею в виду вас, а вообще... Ну, нравится мне быть холостым и неженатым, что делать. А жениться — это другой уровень, к которому я, честно говоря, еще не готов. Однако, мне кажется, на самом деле

все мы не готовы, но все-таки женимся... Мои лорды давно подталкивают меня к женитьбе, им нужен наследник. Я упирался до тех пор, пока не увидел вас...

Она сказала чуточку язвительно:

— А что, в королевстве Сен-Мари у короля нет дочери?

— Как-то не задумывался, — признался я. — Я вообще тамошнего короля знаю мало. Он слишком быстро... удалился.

— Чтобы с вами не общаться?

— Совершенно верно. Чтобы не общаться. Бросил столицу, дворец, подданных, гарем... ну, не совсем гарем, это у меня такие шутки солдатские, но спальню бросил, а туда по привычке ломятся всякие... Но не королевские дочери, увы. Однако ваш отец, очень мудрый государь, кстати, предложил мне скрепить союз настоящим браком. Наверное, вам не надо рассказывать про династические союзы? Вам с детства внушали, чтобы потом не было для вас шоком, что только простолюдины женятся по своей воле, то есть по любви, а дети королей сочетаются браком строго в интересах королевства.

На ее прекрасное лицо набежала тень, губы стиснулись.

— Строго в интересах... Сэр Ричард, я не уверена, что этот брак будет в интересах королевства. Во всяком случае, я постараюсь переубедить отца.

Я развел руками и поклонился.

— Попробуйте. Но вы сами должны увидеть, что я все-таки получше кандидатура, чем все ваши лорды. Я начал, скажу честно, с простого рыцаря, но быстро обрастил воинами, замками и титулами, а к моменту вторжения через Великий Хребет в Сен-Мари могущественные лорды подняли меня на щит и провозгласили гроссграфом!.. Как вы понимаете, не сдуру или по пьяни. Во мне увидели силу и увидели вождя. Под моим скромным руководством вторглись в Сен-Мари, изгнали варваров и захватили ко-

ролевство с такой легкостью, словно это детская площадка!.. Простите, что бахвалюсь, а я все-таки бахвалюсь, но именно потому ваш отец и впечатлен.

— Что вы бахвал?

— Нет, что мне есть чем бахвалиться.

Она помолчала, взгляд ее становился все печальнее. Я не сводил с нее глаз, наконец она произнесла слабо:

— Все-таки я поговорю с отцом.

— Алонсия, — сказал я убеждающее, — простите, что называю вас по имени... в браке со мной будет намного легче, чем с любым другим лордом. Я не стану стеснять вашу свободу! В конце концов, это только сделка. Взаимовыгодная. В некоторой изоляции вы будете лишь короткий период, он понадобится для зачатия наследника. Это обычная практика, лорды хотят быть уверены, что ребенок от меня. Я дальше уеду искать на свою спину приключений, а вы можете заниматься чем хотите... вплоть до любовных утех с конюхами.

Она взглянула удивленно.

— Что?

— Полная свобода, — повторил я. — Ваши ограничения касаются только части нашей сделки. А в вашу личную жизнь вмешиваться не буду. Я понимаю, вам и так приходится идти на жертву.

Она продолжала смотреть с великим удивлением.

— Вы очень странный человек, — произнесла она дрогнувшим голосом, — ваша светлость...

Я поклонился.

— Я еще и хороший человек, милая Алонсия. Но это видно не сразу. Ваша жизнь будет лучше и свободнее, чем у тех, кто выходит по любви... Хотя есть ли такие в высшем свете? Любовь уходит, супруги начинают грызться... а мы не будем! У нас просто не будет для этого причин.

Она прошептала:

— У каждого своя жизнь?

— Да, — ответил я. — Вы очень независимый человек,

принцесса, не отрицайте! И не терпите над собой ничьей власти, так ведь?..

— Вы подметили верно.

— Власть мужа, знаете ли, самая деспотическая.

Она наклонила голову.

— Я... подумаю над вашими словами.

Фрейлины сдвинулись с места, едва она сделала шаг, и так синхронно удалились в направлении дворца.

Глава 7

Я посмотрел ей вслед и перешел на другую аллею, мысли побарабхтались в тине и начали выдавать вообще-то не свойственную моей здоровой натуре хрень, типа того, что чистым, честным и благородным до мозга костей может быть только простой рыцарь.

В худшем случае его ударят в спину враги, к которым доверчиво повернулся, рассчитывая на их порядочность. Если же ударят в спину меня, то рухну не только я, но рассыплется и придавит многих вся машина, которую я взвалил на плечи.

Потому, как теперь убежден, политик не может быть паладином... в том, первоначальном значении, как понимает простой народ. Политик — это все тот же идеалист, полный благородных идеалов, однако реально видит, из какого дерьяма приходится строить светлое здание лучшего в мире государства, потому в отличие от простого рыцаря не страшится замараться, придушить врага втихую, дать более сильному противнику подножку, ударить в спину, воспользоваться подлой хитростью, недостойной благородного человека высоких идеалов...

Женитьбу без любви можно приравнять к этим приемам, недостойным благородного человека высоких идеалов, но я с каждой ступенькой вверх отдаляюсь от этих идеалов.

И вообще, возможно ли паладинство на уровне политика? Возможно ли строить высокое общество низкими методами?.. Все годы мне твердили, что это нельзя, это недостойно, это просто невозможно...

Но... разве не так общество поднималось из дикого темного времени пещер до технологических высот?

Громкий стук тяжелых сапог прервал интеллигентские размышизмы, я поднял голову, ко мне почти бегут Ашворд и Торкилстон.

Торкилстон сказал с ходу:

- Поздравляю, ваша светлость!
- С чем? — спросил я.

Он кивнул на потупившегося Ашворда.

— Да вот он говорит, что вы планируете взять принцессу Алонсию в жены!

Я испуганно огляделся.

— Тихо-тихо! Это пока что государственная тайна.

— Но вы-то не отказались? — спросил Торкилстон с надеждой. — Это ж какая удача, два королевства можно слить воедино!

Я покачал головой, Ашворд сразу же виновато заулыбался, когда я вперил в него вопрошающий взор.

— Сэр Ашворд, вы не просто доверенное лицо короля, вы лучше других знаете о положении дел в королевстве. Ответствуйте, как на Страшном суде, как если бы на моем месте был ангел с горящим мечом, где здесь ловушка?

Он вздрогнул, пробормотал:

— Сэр Ричард, какая ловушка? Я вас не понимаю!

— Прекрасно понимаете, — возразил я неумолимо. — Хорошо, если вам запрещено выдавать такие тайны, давайте я буду высказывать свои предположения, а вы поправьте, если уйду в сторону. Хорошо?

Он кивнул.

— Как скажете, сэр Ричард.

— Итак, — сказал я, — на принцессу Алонсию пре-

тендуют двое. Сэр Вильярд Иронфорест и герцог Хорнельдон. Оба свирепые и могучие воины. Сэр Вильярд еще под стол пешком ходил, когда герцог наметил себе принцессу Алонсию. Она тоже была еще в колыбели. Его притязания никто не смел оспаривать, пока не появился этот Вильярд, молодой, сильный и амбициозный.

Торкилстон переводил ошеломленный взгляд с меня на Ашворда и обратно, наконец и сам рассердился, опустил ладонь на рукоять меча и тут же отдернул.

Ашворд кисло улыбнулся.

— Вы несколько сгущаете краски.

— Ага, — сказал я обрадованно, — значит, иду по верной тропе, хоть ее и протоптали свиньи, а не люди. Король обрадовался возможности сделать меня третьим претендентом, не так ли? Женюсь или не женюсь — в данном случае это неважно. Главное, чтобы появилась третья величина. Темная лошадка! Это я о себе, если еще не поняли...

Судя по лицу Ашворда, он понял все прекрасно, но сэр Торкилстон все-таки с удивлением осмотрел с головы до ног в поисках пышного хвоста и гривы.

— Я полагаю, — произнес Ашворд в землю, — Его Величество был глубоко прав, предпочитая вас тем двум...

— Ну да, потому что не претендую? Потому что у меня там, за Хребтом, пожар полыхает вовсю?.. А самое главное, о нем забудут, будем биться рогами, как тупые бараны, друг с другом?

Ашворд переступил с ноги на ногу, развел руками в беспомощном жесте.

— Сэр Ричард, вы же сами правитель, должны понимать, что не все так просто в политике, как кажется остальным...

Я сказал зло:

— Знаю. И вот что скажу еще. Знаете ли, почему медведи без ушей и хвостов?.. Когда их впервые тащили за уши к меду, все уши оборвали! А потом от меда оттаскива-

ли — хвосты поотрывали. Так вот у меня к принцессе свой интерес. И чем больше я думаю от этом... предложении, тем больше склоняюсь его принять. Более того, теперь я уже не отступлю!

Торкилстон смотрел с гордостью, слова мои звучат гордо изывающе, как и положено, Ашворд все мялся, наконец пробормотал:

— Вообще-то вы правы, сэр Ричард. Вы лучшее из трех зол. Вильярд Иронфорест плох уже тем, что слишком уж низкого происхождения, двор не примет. Герцог Хорнельдон принадлежит к могучему клану, у него везде могущественная родня, сам он несметно богат и могущественен. Но он и сам устал ждать короны, и его вассалы подбивают пойти и сесть на трон.

— Значит, — сказал я, — Его Величество справедливо опасается, что едва герцог женится на принцессе, он тут же смеет короля с престола, а корону возложит на свою голову.

— Совершенно верно.

Я поинтересовался:

— А в отношении меня таких опасений нет?

Он покачал головой.

— Не будем брать во внимание ваши нравственные принципы, они могут измениться. Но у вас сложное положение с той стороны Рога Сатаны: тяжелая война с варварами, соперничество с королем, непонятные и сложные реформы... Вам просто не до того, чтобы пытаться захватить власть и здесь. К тому же герцог свой, а вы — чужак. Вас никто не поддержит. Вы — огромная сила, но вы безопасная сила.

— Спасибо за откровенность, — процедил я сквозь зубы.

— Сэр Ричард, вы меня поймете, когда ваш гнев пройдет.

— Я и не гневаюсь, — ответил я. — Политика! Везде политика, а с нею я начинаю уживаться.

Он сказал примирительно:

— Я бы тоже занялся политикой, но в ней совсем нет женщин. Думаю, сэр Торкилстон меня поймет.

— Мужчин тоже маловато, — ответил я.

Он улыбнулся, принимая шутку, отвесил глубокий поклон с помахиванием шляпой и, подхватив Торкилстона под руку, почти силой уволок его с собой.

Дурной пример заразителен, я с удовольствием перебрался на другую аллею прямо через цветущую клумбу, очень уж роскошная, зараза, но там едва сделал пару шагов, как увидел почти бегущего в мою сторону сэра Вильярда. Огромный, надменный, он сейчас выглядел взбешенным носорогом, но едва увидел меня, нехорошо улыбнулся и странно успокоился, что меня встревожило гораздо больше.

— Вот вы где, сэр Наглец, — проговорил он с удовлетворением. — Принцесса сумела сбить с вас спесь?

— Мы с принцессой поговорили весьма мило, — ответил я нагло. — Мне кажется, мы с нею даже подружимся.

Он посмотрел на меня с надменностью прирожденного лорда, у которого позади с полсотни благородных предков, а еще с полдюжины справа и слева.

— Мне кажется, — сказал он холодно, — вы врете.

— Что именно? — спросил я.

— Все, — ответил он тем же ледяным тоном. — Вы простой проходимец, а корчите из себя лорда. По вам видно, что лордов вы и близко не видели.

Я осмотрел его с головы до ног.

— Мне кажется, — сказал я, — вы снова наряваетесь, чрезмерно любезный сэр.

Он изумился:

— Я?

— Вы, — сказал я, — и серьезно наряваетесь.

Он покачал головой, в голосе прозвучал откровенный сарказм:

— Ничуть. Разве я посмею задеть гостя, которого с таким почетом принимает сам король? Я могу лишь защищать свою честь и достоинство, если этот гость меня оскорбит. Этого права не может отнять даже король.

— Ага, — сказал я, — значит, я в роли гадкого любимчика Его Величества, которого нельзя трогать?

Он сказал с презрением:

— Абсолютно точно. Заметьте, это вы сказали. Я только согласился с вашей оценкой.

— Прекрасно, — сказал я, внутри закипает, злость рвется из всех щелей, но я все еще улыбался, хотя моя улыбка все больше превращается в волчий оскал. — Значит, вы, сэр Ничтожество, можете только защищать свою честь, которой у вас вообще-то нет? И может быть, вы даже не знаете, что такого же идиота, как и вы, вчера унесли с раскроенной головой? Даже двух идиотов?

— Они в самом деле идиоты, — согласился он. — И никчемные воины, что больше пыжились, чем... но сейчас вы увидите, что значит встретить настоящего...

Его меч со зловещим свистом покинул ножны. Я успел увидеть сверкающую синеватую сталь, руны у рукояти, блеск на острие, мой меч покинул ножны почти так же быстро. Кровь ударила в голову, Вильярд встал в позицию и не двигался, я вспомнил, что не может затевать ссору с гостем короля, но вправе дать сдачи, и сам быстро пошел к нему, двигая мечом из стороны в сторону.

Наши мечи сшиблись в воздухе, раздался хрустальный звон, брызнули искры. И почти сразу на аллее показались бегущие в нашу сторону люди, впереди сэр Ашворт, за ним Торкилстон и Ордорньес.

Ашворт размахивал руками и орал диким голосом:

— Прекратить немедленно!.. Прекратить! Именем короля!.. Кто не уберет меч, будет объявлен бунтовщиком и казнен на месте!

Вильярд зыркнул на меня ненавидяще.

— Сэр Хвастун, — процедил он сквозь зубы, — на этот

раз ваша дешевая шкура уцелела. Но я ее все-таки сдеру... попозже.

Он сунул меч в ножны. Ашворд и Торкилстон, набекав, цепко ухватили его за руки и плечи. Вильярд дернулся раз, совсем слабо, и опомнился, только прожигал меня ненавидящим взглядом.

Я убрал меч с ним синхронно, злость разъедает внутренности, как кислота, давно меня так никто не оскорблял, но выпрямился и смотрел на всех с высоты высокомерно и нагло, как благородный человек.

Ашворд вскрикнул:

— Сэр Ричард!

— Ничего страшного, — сказал я, — это мы с сэром... как его там... ну, что-то квакающее, показывали друг другу новые приемы. Все-таки разные королевства, разные трюки...

Ашворд недовольно хрюкнул, но кивнул, принимая такую слаживающую ложь. Вильярда увеличили его друзья, как я понимаю, он лишь однажды обернулся и послал в мою сторону взгляд, полный такой жгучей ненависти, что я поежился, а когда мы вчетвером возвращались по аллее к дворцу, поинтересовался осторожненько:

— В самом деле так уж хорошо?

Ашворд посмотрел на меня исподлобья.

— Вы правда не знаете?.. Ну да, откуда? Вы же с той стороны Хребта, где дикие люди. Так вот, это вас наверняка заинтересует больше всего: он еще не знал поражения в поединках.

Я пожал плечами.

— Слыхал, ну и что?

— Как что?

— Меня это не остановит, как догадываетесь.

Он кивнул.

— Понимаю. Но все же постараитесь избегать... да, избегать. Вы отныне жених принцессы Алонсии, а это, как понимаете, весьма завышает ваш статус.

— Повышает, — поправил я.

— Простите, — сказал он поспешно, — оговорился. Конечно же, повышает. Удивительно, улавливаете такие тонкости.

— В работе королей нет мелочей, — ответил я с надлежащей скромностью. — Кстати, я еще не жених принцессы.

Он выпучил глаза.

— Но вы же не откажетесь?

— Теперь уже нет. Этот дурак меня убедил лучше вас всех.

— Тогда жених!

Глава 8

Торкилстон и Ордоньес ликовали и бурно поздравляли меня. Ордоньес даже про женщин забыл, что, по его словам, весьма доступны и легки на амуры, наперебой восхвалял принцессу Алонсию, Торкилстон только вздыхал и смотрел на меня тревожно.

Ордоньес заметил с ноткой зависти:

— Вовремя вы подвернулись, сэр Ричард! Завидую, вас всегда ведет туда, где добыча!.. Пойдемте вместе грабить на море?

Я пожал плечами.

— Мне больше нравится грабить караваны. Даже коровы, если быть точным.

— Да, коровы — это не то, что караваны, — сказал он знающе. — Только о них и слышно... Но вам повезло, признайтесь. Это все равно, что на захваченном рыбаком суденышке обнаружить перевозимое золото короля...

— Да, — признался я, — не совсем то, что я ожидал найти у соседей.

— Женитьба для всех нас всегда внезапная, — сказал он со смехом. — Порхал-порхал свободно, а потом р-р-

раз!.. и крылышки подрезали. Но и у женатых жизнь тоже есть, правда, сэр Ричард!

Сэр Торкилстон буркнул:

— Разве это жизнь?.. Это уже старость. Даже если женился в молодости. С другой стороны, сэр Ричард, вы женитесь не столько на принцессе Алонсии, а на целом королевстве!.. В подобном случае на жен даже не смотрят. Можно на дикой свинье жениться.

Я улыбнулся бодро, хотя на душе пантеры скребутся, хлопнул его по плечу.

— Идите, развлекайтесь! В любом случае сегодня-завтра должны отправиться в обратный путь.

В зал зашла группа богато, но безвкусно одетых людей, мне показалось, что держатся робко и неуверенно, а на них, в свою очередь, смотрели с неприязнью, будто это перемазанные навозом крестьяне.

Горожане, догадался я, незнатные. Еще в тени, но уже чувствуют свою растущую мощь, хотя пока открыто не проявляют.

Один отделился от группы и направился навстречу Торкилстону и Ордоньесу, перехватив их на полдороге к выходу.

— Простите, — сказал он с глубоким поклоном, — я старшина торговой гильдии Ден Гантер. Мне нужен прибывший из-за Хребта на большом корабле сэр Ричард. Или еще первый помощник... сэр Орбернес... нет, Оссернес... словом, что-то шипящее. Он мне очень нужен.

Сэр Ордоньес проворчал с неохотой:

— Ну, это я.

Тот обрадовался:

— Вы и есть сэр Ричард?

— Нет, конечно, — проворчал сэр Ордоньес раздраженно.

— А кто вы?

— Сэр Что-то Шипящее.

Он вздохнул.

— Ладно, это тоже хорошо. Мы слышали, у вас большой корабль.

— Есть такое, — согласился Ордоньес.

— Не согласились бы вы...

Он деликатно взял Ордоньеса под локоток и отвел в сторону. Ордоньес, судя по его лицу, выслушивал деловое предложение с интересом и явным удовольствием.

Я снова вышел в сад, вельможи уже не просто таращат на меня глаза, уподобившись простолюдинам, но и буквально стягиваются со всех сторон, словно железные опилки к магниту.

Алонсия идет по аллее гордо и красиво, длинное платье струится по ее телу, как вода по отполированному мрамору, длинный подол волочится по земле, легкий и полу-прозрачный, как легкая дымка.

Я вежливо поклонился, она дико стрельнула в меня огнем глаз и выпалила с ходу:

— Вам лучше отказаться от меня, сэр Ричард!

Я вскинул брови, губы растянули в примирительную улыбку.

— А где «драсте, сэр Ричард»?

— Вы делаете ошибку, — сказала она резко.

— Напротив, — ответил я негромко и увереннее, — я все просчитал... Таких богатых залежей руды нет ни в одном королевстве. Можно такое производство развернуть!

Она задохнулась от возмущения, нежное лицо пошло алыми пятнами, в надменном голосе четко прорезалась нотка страха:

— Вы не получите меня, сэр Ричард!

Я развел руками в вежливом поклоне.

— Да, обычно не получаю того, что хочу. Но получаю то, что мне нужно.

Она вскинула гордо голову и пошла мимо, обращая на меня не больше внимания, чем на столбик, который

собаки используют для передачи друг другу феромоновых сообщений.

Фрейлины прошествовали такие же гордые, с задранными носиками, но на меня поглядывали с любопытством и призывающими улыбались. Замыкала шествие Боудеррия, эффектная, блестящая выпуклыми мускулами, с украшенной золотыми нитями перевязью, двумя ножами за не по-женски расшитым жемчугом кожаным поясом.

— Привет, — ответил я на ее полный злобы и подозрительности взгляд, — я тебя тоже люблю так же трепетно и нежно.

Когда и она ушла, я опустил голову и потащился по аллее, раздираемый сомнениями. Принуждать женщину к браку с нелюбимым — гнусно, но вряд ли герцог Хорнельдон будет с нею мягче или ласковее меня.

К тому же я достаточно самоуверен, чтобы предположить, что через какое-то время после свадьбы поймет мою глубокую и противоречивую натуру, ахнет и влюбится так, что мне самому придется отбиваться от ее признаний и сиропных нежностей.

В окна врывается солнечный свет, но в помещении горят свечи, здесь слуги и стражи в одеждах из желтой ткани, много украшений из золота, и весь зал выглядит, как залитый рассеянным в воздухе золотом. Я выпроводил их, закрыл дверь и, придвинув стул к окну, принял созерцать гуляющих придворных.

Одежда — лучший индикатор времени, а по ней я бы сказал, что здесь прошли еще дальше, чем в Сен-Мари. И не только в области столового этикета, хотя вилки — это да, круто, здесь продвинутость чувствуется даже в архитектуре...

За спиной ощущалось чье-то присутствие, но опасности нет, и я продолжал бездумно смотреть в окно. Боудеррия остановилась надо мной, оперлась о раму окна и тоже

посмотрела во двор. Я вскинул голову, некоторое время смотрел, не понимая, что вижу, наконец сказал недовольно:

— Бодлерия, убери ногу.

Она фыркнула:

— Как смешно... Понятно, почему принцесса в вашу сторону даже смотреть не хочет.

Я пожал плечами.

— Разве это важно?

— А что важно? — полюбопытствовала она.

— Когда смотрят друг на друга, — сказал я безапелляционно, — это блажь. Любовь, это когда оба смотрят в одном направлении.

Она посмотрела на меня с интересом.

— Интересно. Когда армия перед боем смотрит одна на другую, там все преисполнены друг к другу любви по уши?

— Ага, — согласился я. — Все на свете делается во имя любви, как я слыхал.

Она сказала мрачно:

— Я бы тоже не советовала вам посягать на принцессу.

— Ты ее охраняешь, — возразил я, — это понятно. Но рано или поздно она все равно выйдет замуж. И охранять будет муж. Или ты думаешь, герцог Хорнельдон оставит тебя возле нее?

По ее лицу пробежала тень, глаза сверкнули недобро.

— Я так далеко не заглядываю. Но принцесса сейчас несчастлива, и мое сердце обливается кровью.

Я сказал откровенно:

— Знаешь ли, я настолько же неудачлив в личных делах, насколько успешен в военных. Или не военных, но... захваты замков и крепостей мне даются намного легче, чем женских сердец. Я даже целое королевство захватил с легкостью, а вот... гм...

Она сказала с насмешливым сочувствием:

— Вы как будто еще не знаете, что женское сердце покорить труднее?

— Чувствую, — ответил я. — Потому даже не пытаюсь... теперь.

Она смерила меня откровенно оценивающим взглядом. Сейчас, когда точно знает, что я маркграф и знатный лорд, и знает, что я знаю, что она знает, то вынужденно смиряет голос, время от времени наклоняет голову, имитируя поклоны, и обращается как бы почтительно на «вы», что мне все вообще-то до сгоревшей свечи.

— Я слышала, — поинтересовалась она сделано безразлично, — вы с легкостью справились сперва с тем напыщенным петухом Питером Суллингсом, а потом и с его покровителем, бароном Унгером? Жаль, я не видела.

— Ничего интересного, — заверил я.

— Как это? Она выглядели сильными воинами.

— Выглядеть и быть, — напомнил я, — не одно и то же.

Она сказала насмешливо:

— В ваших интересах превозносить их силу и отвагу. Тогда ваша победа значимее.

— Ерундовые бойцы, — повторил я. — Но рот у этого Суллинга был шире, чем у голодной вороны. Каркал долго, оскорблял меня, как мог. Я со всем прискорбием вынужден был закрыть ему пасть. Иначе, как ты понимаешь, потерял бы лицо.

— Вы как будто извиняетесь, — заметила она.

— Извиняюсь, — ответил я с неловкостью. — Я, не поверишь, стараюсь добрым словом со всей кротостью...

— Да это все заметили, — сообщила она. — Вы долго терпели, это все говорят. Даже решили, что струсили... А потом со всей кротостью наотмашь. Вы в самом деле настолько хороши с мечом?

Я внимательно посмотрел на нее.

— Ты все подводишь к тому, чтобы я позволил тебе проверить?

— Жажду, — призналась она.

Я покачал головой.

— Забудь. С самками не дерусь.

Она поморщилась.

— Странно...

— Что?

— Когда я вас увидела в первый раз, мне показалось, что вы вовсе не удивлены, что я с оружием и в мужской одежде.

Я пожал плечами.

— Понимаешь, в моем далеком королевстве, откуда я родом, женщины пользуются всеми правами, что и мужчины. Конечно, и обязанностями тоже, что им, понятно, не очень хочется. Да, они могут служить в войсках, даже командовать, хотя это случается редко.

Она смотрела во все глаза, но взгляд мой был прям и честен. Наконец она в изумлении покачала головой.

— Невероятно... Так почему вы отказываетесь попробовать себя в схватке со мной?

— Потому что, — ответил я, — мы здесь, а не там. И я живу по этим правилам. Здесь самки не дерутся.

— Но я дерусь, — отрезала она.

— То ты...

Она спросила с нажимом:

— А что я? Чудовище?.. Злобная медведица?

Я засмеялся.

— Да, что-то есть, есть... И от чудовища, и от медведицы, что даже как-то ндравится. Но ты права, признаю, а я не прав в своем свинячьем шовинизме. Я должен относиться к тебе, как к человеку. А человеку, в смысле, мужчине, я вряд ли отказал бы...

Она смотрела исподлобья и все еще с недоверием.

— Значит...

Я огляделся по сторонам.

— Закрой дверь, чтобы не помешали. А то будто следят, всякий раз бегут с воплями. А потом, если у тебя меч

не игрушечный, то можешь достать из ножен... если не оробеешь.

Она широко улыбнулась.

— Спасибо!

Закрыв плотно двери, меч на обратном пути не достала, а выдернула так быстро, что мгновение назад был еще весь в ножнах, а теперь заблистал в руке красиво и грозно.

Лицо ее осветилось свирепой радостью.

— Ну, держись, красавчик!

Не зная, чего ждать от удивительной женщины, я звонил, как мог, метаболизм, стало жарко, а в лицо бросилась кровь, но теперь я соображал и двигался быстрее, меч Боудерри обрушивается то справа, то слева, она закручивала финты, пыталась бить быстро и жестоко, но, не сумев пробить защиту, сама до предела ускорила темп, снова рубила справа и слева, старалась поймать на обманные удары, а я следил внимательно, особенно коварные выпады направляет мне в живот, умеет бить, как шпагой, что с тяжелым мечом непросто, но именно благодаря его тяжести я всякий раз успевал либо отводить лезвие в сторону, либо чуть сдвигаться сам, так что ее меч скользил мимо, не задевая даже камзол.

Она разогрелась так, что вся засияла от пота, красивое мускулистое тело стало еще более рельефным и выставочным. Дыхание идет хрипло и учащенно, даже движения начали замедляться, а на лице впервые появилось озабоченное выражение.

— Дорогая, — сказал я, — ты слишком высоко поднимашь лезвие при замахе.

— И... что? — прохрипела она.

— Я мог бы трижды поразить в твою волосатую подмышку. Очень волосатую...

Она сцепила зубы и попробовала потеснить меня, на этот раз я не стал пятиться, отбивал удары, а когда она провалилась при слишком сильном выпаде, шлепнул мечом плащмя по ее оттопыренной заднице.

Ее лицо перекосилось в ярости.

— А вот за это я тебя убью!

— Если бы могла, — напомнил я, — ты бы уже сделала. Думаешь, я не понял, что дерешься всерьез?

Она отступила на шаг, глаза горят злостью, наконец опустила меч и оперлась, уткнув острие в землю. Грудь вздымается бурно, капли пота стекают по лицу.

— И ты... — сказала она хриплым прерывающимся голосом, — все-таки... дрался...

— А почему бы и нет?

— Дрался, — повторила она чужим голосом, — не всерьез?

— Как я мог? — сказал я галантно. — Меня очаровали твои волосатые подмышки!

Она поморщилась, ненависть в глазах мелькнула лишь на миг, исчезла, оставив усталость и то выражение, когда человек еще не сломлен, но признает поражение.

— Ты... — сказала она, все еще успокаивая дыхание, — в самом деле... великий воин.

Я покачал головой.

— Уже нет.

— Что случилось?

— Стал политиком, — объяснил я. — Политики всегда загребают жар чужими руками, а на смерть отправляют других. Смерть для меня уже не убийство, а так... статистика.

Она переспросила тупо:

— Статистика?

— Да, — подтвердил я. — Это когда убиваешь не одного, а хотя бы пару тысяч. А лучше пару десятков тысяч. Это да, мои масштабы. Скоро буду считать сотнями тысяч, вот это мое светлое будущее!

Она смотрела с отвращением, потом во взгляде появилось сомнение, мужчины всегда в той или иной мере издеваются над женщинами, ибо чувствуют свою ущерб-

ность и нуждаются в постоянном подтверждении собственного превосходства.

Я сказал дружески:

— Мужчины после такой сшибки обычно идут вместе пить. Но ты не пьешь?

Она посмотрела хмуро.

— Правда?

— Мне так показалось, — признался я. — У тебя такое одухотворенное лицо и такие волосатые подмышки...

— Я пью, — ответила она с вызовом. — Хоть и не так, как вы, грязные свиньи.

— А как? — спросил я. — Каким местом?

— Я не упиваюсь, — пояснила она раздраженно.

— Прекрасно, — сказал я с облегчением. — Не придется тащить тебя пьяную в казарму. Ты живешь в казарме?

— У меня своя большая и красивая комната во дворце.

— И большая кровать? — спросил я.

Она посмотрела со всей надменностью.

— Большая. Но тебе в ней не валяться.

— Да я и не мечтал, — сказал я поспешно и содрогнулся: — Но тебя же надо, пьяную, уложить куда-то... раздеть...

Она фыркнула.

— Мечтай-мечтай. Но вообще-то не откажусь от чаши вина. Одной, не больше.

— Больше и не дам, — сообщил я. — Тебе какую, с ведро?

— С ведро, — согласилась она. — А тебе с корыто?

Я засмеялся и дружески обнял ее на плечи. Она дернулась, но стерпела, в моем жесте нет ничего от мужских щупающих лап, просто рядом приятель, с которым хорошо проводим время. И к которому обращаться на «вы» было бы грубоостью.

Глава 9

В таверне дым коромыслом от подгоревшего мяса, пахнет жареным луком, народ за столами буйный и голосистый, где-то спорят, где-то поют, и все пьют, как кони, трое суток скакавшие по жаркой пустыне.

Боудеррия согнала двух, занявших чистый стол у окна, тяжело уселась, помахала рукой трактирщику.

— Мне... сам знаешь чего. И моему спутнику.

Трактирщик угодливо поклонился, но смотрел не на нее, а с большой опаской на меня.

— Да, конечно... Но это же... человек из-за Рога?

Боудеррия буркнула:

— Видишь, все говорят только о вас. А по мне так, подумаешь, цацы... Хотя да, если там и другие так владеют мечом...

— Нет, — признался я скромно. — Я лучший в обоих королевствах.

— От скромности не умрешь, — проворчала она.

Перед нами поставили две миски с горячей гречневой кашей, жареной бараниной и кувшин с вином. Хозяин лично принес, вытирая на ходу чистым полотенцем, две медные чаши.

Я сказал дружески:

— Просвети меня, что здесь происходит. В королевстве, в столице, во дворце. Король здесь хороший, но он говорит то, что надо говорить, такие же у него и придворные. Ты тоже, понятно, не скажешь чистую правду, но я могу сравнить взгляды с разных точек и постараться понять, как оно на самом деле.

Некоторое время она в самом деле добросовестно просвещала, и, как я понял, не врала. Есть такие простые люди, говорят правду не от убеждений, а от простоты и цельности характера. Их мир устойчив, эти люди востребованы, они надежные друзья, но своим доверием так просто не бросаются.

— Тебе еще, — предостерегла она в конце, — придется столкнуться с герцогом Хорнельдоном. Думаю, весть о гибели Суллинга и Унгера уже достигла его владений. И хотя он не очень любит покидать свой замок...

— Почему? — спросил я быстро. — Чего-то боится?

Она посмотрела насмешливо.

— Ищешь уязвимые места? Нет, просто... ленив. Любит поесть, выпить, поспать. Зело дороден. Но оружием владеет неплохо. Скоро будет здесь. Он просто обязан отыскать тебя и покарать за гибель своих людей.

Дрожь прошла по моему телу, я пробормотал:

— Судя по твоему описанию, он достаточно разумный человек. И без лишних амбиций, что так мешают всем нам жить. Я надеюсь ему объяснить, что его люди сами виноваты.

Она поморщилась.

— С луны упал? Он это и сам знает, это же его люди. Это все знают. Но они свои, понял? Он просто обязан отомстить. Иначе сам будет покрыт позором.

Я залпом осушил половину чаши, вино приятной холлодной струей охладило горталь, а в желудке потяжелело.

— Ладно, — сказал я и со стуком поставил чашу на столешницу. — Бог не выдаст, свинья не съест. Будем решать проблемы по мере их появления из-за угла в чистом поле..

Она покачала головой, синие глаза смотрели с любопытством.

— У вас за морем много таких? Интересно вот так сидеть за столом с будущим покойником. Завтра он умрет, но по своей дурости даже не чешется.

— А что я должен делать?

Она ответила быстро:

— Удирать!

— Вот так просто?

— Да, — отрезала она. — Ты не будешь покрыт позором, потому что здесь тебя никто не знает... да и не осу-

дят, зная, с кем тебе пришлось бы скрестить мечи. А в своем королевстве ты вряд ли будешь рассказывать, что удрал, спасая шкуру.

Я подумал, кивнул.

— Ты права, никто не узнает. Но как насчет меня?

Хороший правитель никогда не откладывает на завтра то, что может заставить других сделать сегодня. Пока Ордоньес вместо желаемого волочения за местными ледями заключал торговые договора на перевозку ценных и особо ценных товаров морским путем, я получил от Ашворда карты Вестготии и внимательно изучал сильные и слабые места королевства.

Правда, расположение войск интересует мало, самые эффективные меры захвата и покорения — торговые. Королевство исключительно богато запасами руд, есть выходы асфальта, что указывает на близкую к поверхности нефть, в таких местах ткни лопатой — ударит нефтяной фонтан, так что для будущего развития региона эти земли весьма и даже очень весьма.

А хороший хозяин должен быть рачительным и хозяйственным. Как вот я.

Торкилстон не вошел, а ворвался, словно ураган, лицо раскрасневшееся, как пион.

— Сэр Ричард!.. — вскричал он. — Ко двору только что прибыл герцог Хорнильдон!

Я вздрогнул, тело оцепенело, словно очутился голым в проруби. В голове суматошные мысли, а чувство обреченности заполонило сперва внутренности, потом грудь.

— Что ж он, — вырвалось у меня само собой, — так рано?

— Говорят, — пояснил он, — так взбешен, что загнал троих лошадей, но нигде не останавливался ни на час.

— Взбешен?

— Да, пышет яростью. Ох, простите, сэр Ричард...

Я пробормотал:

— Да ладно, ты передал все в точности. И настроение герцога, и вообще все... Эх, я так хотел отбыть до него.

— Да, — согласился он, — пусть бы кусал локти. Так даже интереснее!

— Я тоже так думаю, — сказал я. — Еще как интереснее. Даже не представляешь.

— Что делать будете, сэр Ричард?

Мне было понятно, что делать: спрятаться в скорлупку и трястись мелкой дрожью в надежде, что там не найдут, но человек — лживое животное, я посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Как что? Сейчас уберу карты и выйду взглянуть на этого... заговоренного, как его обзывают.

Он сказал деловито:

— Говорят, он в самом деле. Были уdalьцы, что проверяли. На их могилках и трава уже не растет.

Я в самом деле убрал в стол карты, поднялся, стараясь, несмотря на холодный ужас во внутренностях, выглядеть спокойным и беспечным, сказал же, что все мы — брехуны, так вот не просто брехуны, а самые дурные брехуны, обманываем не только других, но стараемся надуть и себя.

Герцог прибыл с большой свитой, все почти в таких же устрашающих доспехах, как и люди барона Унгера, они тоже здесь, мрачные и озлобленные, пока не видно, чтобы их возглавил новый вожак.

Когда я тихохонько вошел в большой зал, что служит приемной, народу великое множество, ну это как всегда, слышится сдержаный говор, но прибавилась большая группа людей в латах, так резко отличающихся от придворных в мягкой праздничной одежде.

Сам герцог окружен вельможами, что пышностью одежд и обилием золотых цепей превосходят даже завсегдатаев королевского двора. Высок, дороден, в талии шире, чем в плечах, лицо круглое, щеки начинают обвисать,

подбородок, как у ребенка, что знатоками трактуется как признак слабой воли.

Он показался мне больше озабоченным возможностями хорошо поесть, выпить, поспать да потискать толстых и веселых баб, чем заниматься политикой и завоеваниями.

— Если правда, — сказал я тихонько Торкилстону, — что говорят о его неуязвимости, он просто добряк. Другой бы, обнаглев, залил королевство кровью.

— Осторожный, — шепнул Торкилстон. — На рожон не лезет. Да ему и так было хорошо...

— Было?

— Да.

— А что изменилось?

— Вы, — ответил он едва слышно.

— О, Господи, что я за лишняя такая душа на свете, всем мешаю?

— Само собой разумелось, — пояснил он, — принцессы Алонсия, достигнув соответствующего возраста, достанется ему в жены. И тогда он без всяких кровопролитий станет королем. Старый король либо умрет, либо передаст ему власть добровольно...

Я подумал, кивнул.

— С точки зрения государственности, это самый разумный шаг. У такого никто не решится отнимать власть, а он сам не будет выглядеть узурпатором. Мудро.

Торкилстон поморщился.

— Это не от мудрости. Он достаточно ленив, это его лорды постоянно подбивают воспользоваться своими преимуществами. Сами они при новом короле надеются занять места повыше, чем у них сейчас. По их мнению, он должен был сразу прийти в королевский дворец, убить короля и занять трон по праву сильного. Не знаю, скоро ли поддался бы на жиму, но тут явились вы и, как брошенный булыжник, всколыхнули этот лягушачий пруд.

Я посмотрел по сторонам.

— Не хотелось бы мне сталкиваться с этим бугаем. Он и без неуязвимости хорош, а тут еще это заклятие...

— Тогда вам нужно отказаться от руки принцессы, — сказал он. — До этого герцог только ждал ее совершеннолетия. Но сейчас и совершеннолетие, и... вы, мой дорогой сюзерен.

Я сказал невесело:

— Еще и убийство двух его людей.

— Боюсь, — согласился он, — уже поздно отказываться даже от руки принцессы.

— Считаете, не простит гибели вассалов?

— Даже если бы простили, — ответил он, — остальные заставят мстить. Каждый ставит себя на место убитого... понятно, хотел бы сурового отмщения.

На нас начали оглядываться, меня да не узнать, придворные попятались во все стороны с такой поспешностью, что оттаптывали один другому ноги.

Я выдавил улыбку и, чтобы не показалось слишком умным, будто прятался, сам сделал пару шагов вперед, Торкилстон идет справа, как привязанный, я остановился, мирно беседуя с ним, причем сам не помнил, что говорю дрожащими губами и что он отвечает.

Герцогу шепнули нечто, он резко повернулся, огромный, как скала в доспехах, голова как валун, маленькие глазки уставились на меня со злобной недоверчивостью лесного кабана, вожака стаи.

Торкилстон шепнул:

— Ваш звездный час, сэр Ричард!.. А я вас пока оставлю, чтобы не делились славой с кем попало.

— Отарасконился уже, — сказал я вдогонку.

Герцог пошел в мою сторону тяжелыми бухающими шагами, так шагал бы разве что горный огр, удерживая на плечах средних размеров скалу.

Во мне заныли не только внутренности, но и зубы. Я старался держать лицо спокойным и радушным, но все мышцы слушались очень неохотно.

Он остановился передо мной, широко расставив ноги и уперев руки в бока. Грубое мясистое лицо начало наливаться дурной кровью, наконец приняло буряковый цвет.

— Так это и есть, — сказал он, ни к кому не обращаясь в отдельности, — тот самый чужак, что явился, как презренный пират, с моря... предательски убил одного из моих людей, а потом и барона Унгера, о которых я скорблю, как сюзерен и как человек?

— Сэр, — сказал я примирительно, — все было не совсем так... Кстати, свидетелей множество...

Он повысил голос:

— Это и есть тот, кто за все заплатит?

— Сэр, — сказал я снова, голос мой жалко дрогнул, — все видели, что я только защищался. Ваши отважные люди слегка переборшили. Мне оставалось либо умереть, либо защищать свою шкуру...

Он взревел:

— Теперь твою шкуру сниму я!

Он медленно потащил из богато инкрустированных ножен меч с лезвием из синеватой стали. Рукоять широка, с захватами для чужого лезвия, очень хороший и дорогой меч, но герцогу даже не нужно уметь им особенно пользоваться, неуязвимый всегда сумеет нанести смертельный удар...

Буду драться, мелькнула мысль, пока не увижу, как на нем заживает, как на собаке. Или вообще раны не появляются. И тогда брошу все и сбегу...

Но какая-то частичка в мозгу холодно и бесстрастно напоминала, что на самом деле останусь и буду драться, такой вот дурак, а правильнее было бы как раз удрать...

Ему принесли щит, он надменно протянул в их сторону руку и, пока щит надевали и закрепляли у локтя, смотрел на меня немигающе и грозно, хотя у меня и так все заледенело в предчувствии гибели.

— Вы делаете ошибку, — проговорил я жалко, — мы все могли бы уладить миром...

Мне принесли щит, я едва успел сунуть руку под ремни, как герцог шагнул вперед и нанес удар сильный и достаточно быстрый для его роста и размеров. Я уклонился, хоть и с трудом, но контратаковать не успел, его меч постоянно сверкал у меня перед глазами, мои руки теперь вздрагивали от частых ударов, я медленно пятился по кругу, а герцог свирепел все больше, рот оскалился, показывая желтые, наполовину изъеденные зубы.

Если раньше он просто делал то, что положено и чего от него ждут, то теперь в самом деле жаждет крови, жаждет видеть меня с разрубленной головой или с распоротым животом, дамы и на это зрелище смотрят с удовольствием, ведь человек в луже крови ничуть не отличается от зарезанной свиньи или коровы, которых забивают на мясо под их окнами ежедневно...

Я уловил удачный момент, лезвие моего меча проскользнуло сквозь его защиту, на плече звякнул металл, лезвие ударило в место сочленения. Герцог дернулся, лицо застыло на миг, я не поверил, но в глазах мелькнула боль.

Взревев, он двинулся на меня, как гора, продолжая наносить удары, а когда я замешкался, пытаясь осмыслить то, что случилось, с такой силой шарахнул меня щитом, что я упал на спину, инстинкт заставил перевернуться через голову и торопливо закрыться щитом.

Тяжелый удар обрушился, как громовая молния. Меня потрясло всего, я с трудом поднялся и отступил на два шага, а затем перешел в контратаку, отбил два его удара, отрубил краешек щита, а следующий удар обрушил на его левое плечо.

Металлическая пластина противно взвизгнула, но тяжелое лезвие разрубило ее. Герцог вскрикнул, лицо в самом деле перекосилось от боли, и с новой яростью ринулся на меня.

Быстрая регенерация, понял я. А это не совсем то, что

неуязвимый. Я такой же, но неуязвимым меня не назовешь...

Быстрый взгляд на застывшие лица снова сбил с мыслей. Я принимал удары на щит, быстро двигая им и подставляя под лезвие меча, что-то вокруг неладно. Если у герцога всего лишь быстрое заживление ран, пусть даже моментальнейшее, то соратники должны это знать...

...а значит, у них не должно быть этого ошеломленного выражения на одинаковых лицах с отвисшими челюстями.

Я остановился, всем видом показывая, что дальше отступать не буду, контратаковал, с силой нанес косой удар сверху, доспехи отозвались звоном и снопом искр, а герцог вскрикнул от боли.

Отскочив с вытянутым мечом, где на кончике алая кровь, я уставился на плечо противника, откуда из узкой щели потекла кровь. В зале зашумели, затем снова воцарилась мертвая тишина.

Я прорычал:

— Говорил же, лучше решить мирно...

Он прокричал в ярости:

— Я убью тебя, чужак!.. А потом убью всех твоих людей! И сегодня же я возьму трон и принцессу!.. А твой труп повешу на городской стене, чтобы все вороны насытились...

Я сцепил зубы, страх испарился полностью, мышцы вздуваются от жажды боя, ноги сами бросили меня на встречу, а меч со страшной силой обрушился на его щит, рука заныла от боли, но щит раскололся пополам, а герцог закричал, как дикий зверь: лезвие прорубило сталь на локте и почти перерубило руку.

Он выдержал еще несколько моих бешеных ударов, затем зашатался, я с силой ударил его щитом в грудь, он рухнул навзничь с таким грохотом, что зазвенели стекла в окнах, а пламя свечи испуганно замигало.

Я отшвырнул щит, быстро шагнул к поверженному. Он попытался встать, но раненая рука подломилась, со

стоном рухнул на спину, но попытался все-таки подняться с помощью другой руки, в которой меч.

Тяжело дыша, я наступил ногой ему на грудь, пригвоздив к полу, и замахнулся мечом.

За спиной послышался крик. Принцесса растолкала рыцарей и ворвалась в круг с негодующим криком:

— Сэр Ричард!

Я спросил зло:

— Что?

— Будьте милосердны к павшему!

— Эту тварь, — прошипел я сквозь зубы, — никто оплакивать не будет.

Она вскрикнула в негодовании:

— Вы не сможете вот так хладнокровно убить лежачего!

— Правда? — удивился я.

Глава 10

Лезвие меча с хрустом, как в прогнивший пень, вошло в его череп, раскроив до нижней челюсти. Я выпустил разогретую моими пальцами рукоять, поднялся и старательно отряхивал ладони, чтобы никто не видел, как трясутся руки.

Алонсия с ужасом смотрела на истекающее кровью тело герцога. Я отвернулся и деревянными шагами, контролируя каждое движение, подошел к Торкилстону и Ордоньесу.

У Ордоньеса глаза стали размером с блюдца.

— Я верил в вас, ваша светлость, — воскликнул он жарко, — хотя и сейчас не понимаю... как?

Торилстон добавил с испугом:

— Так был он заговорен или нет?

Я повернулся к потрясенным вассалам герцога, они все еще, как потрясенные гибелью главного барана овцы,

смотрели тупо на подтекающий кровью труп их вожака и не знали, что делать.

— Он был заговорен, — сказал я громко, — но только не от меня. Чаша его преступлений переполнилась! Господь позволил его покарать, так что заговоренность перешла отныне ко мне. Думаю, вам стоит принести присягу верности новому сюзерену... во избежание, как вы догадываетесь. В интересах Его Величества Херлуфа Сильвервуда не допускать передела власти, сепаратизма и прочих болезней королевства.

Я оглядел их мрачным взглядом, они переглядывались и снова смотрели на меня. Я улыбнулся как можно более зловеще и медленно протянул руку к рукояти меча. Тот все еще торчит, как вбитый кол в сердце вампира, из массивного черепа герцога. Красные струйки все еще бегут, медленно иссякая, из-под лезвия из метеоритного железа, занесенного с дальних звездных миров, и растекаются широкой лужей по узорным мраморным плитам.

Один из рыцарей тяжело качнулся, сделал шаг вперед и преклонил колено:

— Сэр Ричард, мы чтили герцога, как человека, наделенного великим даром. Но я уверен, что вы, как великий и безжалостный воин, сумеете повести нас к настоящим победам и свершениям. Я, барон Гедвиг Уроншид, клянусь вам в верности, и пусть Господь покарает меня, если нарушу свою вассальную клятву!

Я кивнул, ответил правильным голосом:

— Благодарю вас, барон Гедвиг!.. Принимаю вашу клятву и, в свою очередь, клянусь защищать вас и ваши интересы везде, где понадобится. У сильного сюзерена должны быть сильные лорды.

Последняя фраза не входит в ритуальную формулу, я сказал это для колеблющихся, дескать, под моей защитой им будет надежнее, чем под крылом герцога, которому, кстати, я обрубил не только крылья, но и раздробил голову.

Барон поднялся с колен и со сдержанной улыбкой отступил, не забыв еще раз поклониться. Лед тронулся, а все понимают, что сюзерен не забудет, кто принес присягу первым.

Следом преклонил колено поджарый мужчина в кирасе поверх бархатного кафана, кожаные штаны из толстой кожи с мелкими вставками из блестящей стали, а сапоги высокие, укрепленные металлическими полосками.

— Граф Гатер фон Мерзенгард, — произнес он грубым голосом. — Клянусь в верности, обязуюсь выполнять все повеления вашей светлости. Да покарает меня Господь, если дерзновенно осмелюсь нарушить клятву!

— Встаньте, граф, — сказал я. — Подтверждаю ваше право владеть своими землями и замками, обязуюсь защищать ваши интересы перед вашими соседями, королем и самим императором Германом Третим, милостиво подарившим мне богатое маркграфство в соседнем королевстве Сен-Мари.

Все насторожились, имя императора, как догадываясь, здесь либо незнакомо, либо никто не предполагает, что кто-то может к нему обратиться из такого забытого Господом королевства.

Дальше пошло уже упорядоченнее: сперва принесли присягу еще два графа, затем бароны, а в конце я принял присягу двух виконтов и простых бannерных рыцарей.

Краем глаза я видел суету за окружающей нас стеной рыцарей, носятся как слуги, так и придворные, трижды мелькнула шапка Ашворда, принцессу Алонсию увеличили, а павшего герцога переложили на его расшитый золотом плащ и торжественно унесли.

Последнего из присягающих рыцарей я ударил по плечу и сказал громко:

— Встаньте, сэр Брюонон!.. Господь сказал, последние будут первыми. Помните о его словах и храните в сердце, пусть наполняют вас мужеством и верой в светлое буду-

щее, как свое, так и всего многострадального человечества!

Он вскочил с сияющими глазами, молодой и еще честный, уже мой с потрохами, сказал прерывающимся голосом:

— Клянусь!.. Я счастлив, что у нас наконец-то вождь, который поведет нас!

Я отечески улыбнулся, а рыцаря деликатно ухватили сзади за пояс и утащили в плотный строй.

— Дорогие друзья, — произнес я с чувством. — А мы все друзья, и как братья во Христе, и как принадлежащие к одному закрытому для простолюдинов, женщин, детей и животных ордену благородных рыцарей, на которых держится мир!.. Я обещаю вам мир и процветание, а для желающих проявить свое воинское искусство — возможность немедленного участия в священной войне против диких и кровожадных варваров, осмелившихся захватить часть принадлежащего мне маркграфства, пожалованного самим императором!.. Кстати, там богатые земли, я обещаю разделить их вместе с живущими там крестьянами между соратниками, что выступят со мной в этой священной войне. Часть войск уже выступила в поход, так что желающие успеть могут седлать коней! Два корабля адмирала Ордоньеса смогут перевести вас достаточно быстро...

Я оглянулся на Ордоньеса и Торкилстона, оба как застывшие статуи с раскрытыми для жертвоприношений ртами, никак не придут в себя от стремительного развития событий.

Ордоньес стряхнул с себя оцепенение и сказал почти нейшим голосом:

— Ваша светлость, полагаю, третий корабль сможет на время прервать ремонт и тоже перевозить войска на таком коротком расстоянии.

Я кивнул.

— Отлично. Да, это для нового перехода через океан необходим полный ремонт, так что все желающие воин-

ской славы — поторопитесь. Мы скоро отываем! Подробности у адмирала.

Я кивнул в сторону Ордоньеса, его тут же окружили с вопросами, я осторожно выбрался из толпы. Меня окружила новая свита, многочисленная и грозная, после минутного раздумья я направил стопы и даже пошел ими в сторону королевских покоев.

Церемониймейстер доложил обо мне, но я не стал ждать позволения войти, я просто шагнул в кабинет и успел увидеть короля в кресле за столом с огромной чернильницей, перьями в золотом стаканчике и кучей бумаг, и сэра Ашворда, что склонился над ним и что-то бурно втолковывал в королевские уши, комментируя бурной жестикуляцией.

Увидев меня, король с непривычной суетливостью поднялся из кресла, бледный и с тревожными глазами.

— Сэр Ричард!

— Ваше Величество, — произнес я почтительно. — Как вижу, новости вы уже знаете.

Он всматривался в меня с тревогой.

— Как... вам это удалось?

Я отмахнулся с аристократической небрежностью.

— Ваше Величество, эти мелочи, достойные смакования простолюдинов, однако мы, как правители, должны смотреть в изменившееся будущее. Не так ли?

Он потерянно кивнул.

— Да, так... прошу вас, присядьте. У меня от таких новостей голова кругом, а в ногах слабость.

Ашворд стоял неподвижно, явно надеясь, что примем его за раскрашенный столб или барельеф стены.

Я сел, кивнул в его сторону.

— Сэр Ашворд, наверное, видел и то, что произошло после весьма запоздалого успокоения грешной души герцога.

Ашворд сдвинулся, кашлянул, осторожно поклонился, пугливо распределяя его между мной и Его Величеством.

— Да... частично, — ответил он колеблющимся голосом. — Я успел рассказать Его Величеству, что, к его великому облегчению, исчезла смертоносная угроза со стороны герцога Хорнельдона...

Король покачал головой.

— До сих пор не могу поверить.

— Почему?

— Он же в самом деле был неуязвимым! Это проверено многими безумцами.

Я ответил загадочно:

— Молодец против овец, а против молодца сам овца. Но это неважно, Ваше Величество. Надо смотреть вперед, а не назад, как обычно делают простые люди. А впереди у нас сплошное процветание, ибо я человек мирный, на ваш трон не посягну ни в жисть, вы мне предлагали баронство Унгера, дабы за его богатое хозяйство не началась грызня между соседями. Я понимаю, Ваше Величество, что вы уже тогда хотели меня использовать...

Он вскрикнул оскорбленно:

— Сэр Ричард!

— ...и столкнуть с герцогом Хорнельдоном, — продолжал я неумолимо. — Все-таки я темная лошадка, чем нечистый не шутит, когда Бог спит? Потому я выполнил то, к чему вы меня подталкивали, но только на более приемлемом для меня уровне. Я человек масштабов, Ваше Величество. Взяв на себя тяжесть власти герцога, я принял присягу его лордов... Сэр Ашворд об этом уже рассказал?

Ашворд затряс головой так, что, будь он бульдогом, во все стороны полетели бы слюни.

— Я только собирался...

— Медленно запрягаете, — мягко пожурил я. — При-

дется мне огорошить Его Величество лично. И даже мес-тами ошеломить.

Король сказал слабо:

— Уже огорошили...

— Правда? — изумился я. — Ах да, я уже брякнул. Это моя вина, всегда разбрякиваю раньше времени. В общем, Ваше Величество, вакуум власти, которого вы так опасаетесь, существовал всего пару минут. Проблема решена быстро и круто. Самые горластые смутьяны будут отправлены на кораблях в Сен-Мари, где примут участие в священной войне за Бога, короля и веру.

Он спросил недоверчиво:

— Как вы сумеете отправить? Их не выманить из горных гнезд!

Я посмотрел на него с покровительственной улыбкой.

— Ваше Величество, отбою не будет от добровольцев сражаться за Бога и Ваше Величество! Корабли устанут перевозить отсюда войска на ту сторону. Как видите, я ваши проблемы решаю, так сказать, комплексно. Все одним взмахом от бедра. Давайте так же решительно решим и мои... хотя это не проблемы, а просто насущные задачи.

Они переглянулись с Ашвордом, тот сказал быстро:

— С позволения Его Величества я берусь организовать вашу свадьбу с принцессой Алонсией в самые ближайшие дни...

— Лучше сегодня, — сказал я кротко. — Хорошо, завтра. Нам не надо оповещать государей соседних стран, все равно не прибудут, а лорды многих земель уже здесь. Да и кроме того... просто сошлитесь на мою удивительную скромность. Врожденную и приобретенную.

Они переглянулись снова, Ашворд подавал королю отчетливые знаки, тот покачал головой.

— Нет-нет, дорогой сэр Ашворд, наш удивительный гость снял с наших плеч такую неотвратимую угрозу, что я даже не знаю... Последние годы каждое утро просыпался с мыслью: не будет ли этот день последним?

Ашворд поспешил поддакнуть:

— Да-да, а потом мы поняли, что Хорнельдон просто все возьмет в день совершеннолетия принцессы. Вместе с нею! И столько народу, вы не поверите, начало переметываться от Его Величества ко двору герцога...

— Стыд, — сказал я с отвращением, — стыд всему цивилизованному миру Средневековья! Словно общечеловеки какие-то... Стыд и срам. Ничего, мы все выправим. Даже, если придется перегнуть в другую сторону. Итак, сэр Ашворд, действуйте. В темпе. У нас не так много времени. Я уже должен отправляться на лучшее в мире занятие для мужчин, на войну!.. А вы что подумали?

Я захочат, грубо и мужественно, они оба втянули головы в плечи. Я поднялся, преувеличенно почтительно отвесил поклон.

— Ваше Величество... сэр Ашворд... Горько вас покидать, но эти дела просто душу выматывают!

Торкилстон и Ордоньес ждут в зале, все еще окруженные толпой, отвечают на расспросы. Я издали помахал рукой, Торкилстон сказал громко:

— Мы скоро вернемся!

Я подчеркнуто дружески обнял обоих за плечи, пусть видят, что это в самом деле мои доверенные люди, да и надо как-то красиво уйти со сцены, а то могу испортить какой-то глупостью, это я умею, дурости у меня удаются лучше всего.

— Какой вы, — проговорил Торкилстон тихо, — у меня голова кругом...

— Вы его не видели в Черро, — хвастливо сказал Ордоньес. — Вот там бы в самом деле так бы завертелась, что открутилась бы к чертям собачьим.

Торкилстон покосился по сторонам и спросил совсем тихо:

— Сэр Ричард... а когда вы решили драться... вы зна-

ли, что против вашего меча его заговоренность ничего не значит?

Я запнулся с ответом. Ответить «нет», как и было на самом деле, это подтвердить свою непокобелимую рыцарственность, но уронить имидж прожженного политика, который сам не утонет и своему делу не даст утонуть, а если ответить «да», это не только соврать — пустяки, сбреши легко и без угрызений совести, но это поставить под сомнения свою доблесть и безумство храбрых.

— Бросьте ломать голову, — ответил я с некоторой задержкой. — Лучше отпразднуйте победу, она и ваша тоже. А я пойду ломать голову над массой новых проблем...

Ордоньес кивнул, он уже адмирал и понимает, а Торкилстон спросил наивно:

— Теперь-то каких? Все разрешилось!

— Все только начинается, — ответил я со вздохом. — Вот какие новости: по-быстрому проводим церемонию венчания с принцессой, не люблю многозначительные пышности, затем хватаем ее в охапку и мчимся к кораблю... Нет-нет, никакого криминала, я все объяснил королю. Все понимает, у мужчин всегда есть что-то выше, чем женщины. Те же крики мертвцевов, ржание, звон металла на поле брани и стук булав по костяным головам.

— Еще бы не понимал, — буркнул Торкилстон. — Вы спасли ему трон и голову.

— Вот-вот, — сказал я. — Потому он и соглашается на все мои условия. Тем более, не чрезмерные. Владения герцога, как уже поняли, переходят под мой контроль. Мера вынужденная, только я смогу своей ужаснувшей всех победой удержать его вассалов в повиновении. Все поняли? Такова моя позиция. Возвращайтесь, объясняйте, заключайте торговые договоры, налаживайте культурные и прочие бесполезные связи. С Богом!

Отправив обратно почти силой, я вышел в сад, надо вернуться в свои покой и еще раз посмотреть данные по королевству, что собрал Ашворт. Кроме так заинтересо-

вавших меня залежей руд, здесь еще и промышленность развита не в пример лучше, чем в Сен-Мари...

Внутри все поет и скачет, организм наконец-то поверили, что угроза неминуемой гибели миновала, едва не заставил меня идти вприпрыжку через залы, как же здорово избегнуть нависающей все дни беды, как хорошо жить, рот так и старается растянуться до ушей, я изо всех сил хмурил брови и старался выглядеть невозмутимым государственным деятелем, у которого все схвачено и все под контролем.

По аллеям все так же неторопливо и степенно прохаживаются придворные, одинаковые, как шикарно наряженные куклы, но если раньше просто посматривали в мою сторону со жгучим любопытством, то сейчас на бледных лицах застыл ужас, а ногами двигают, словно им кто-то их переставляет.

Глава 11

Ломая кусты, в мою сторону проломился огромный Вильярд, пронесся по клумбе и встал на аллее, загораживая мне дорогу. Лицо полыхает яростью и решимостью, в глазах злое отчаяние, челюсти стиснуты, а желваки массивные и красиво рельефные.

— И что? — спросил я с интересом. — Пришли поздравить меня со свадьбой?

Он прохрипел:

— Никогда... никогда она не будет вашей невестой!

— Уже, — ответил я. — А скоро станет и женой. Как только Ашворд отыщет архиепископа... но я согласен и на простого епископа. Даже на деревенского попика, мне без разницы.

Он сказал лютно:

— Я вам ее не отдам!

— А я что, — спросил я с удивлением, — должен спра-

шивать у вас разрешения? Знаете ли, любезный... У меня были колебания насчет женитьбы, но сейчас, когда смотрю на вас, понимаю разумность этого шага. И принцесса не будет с вами мучиться, когда узнает вас ближе, и мне будет приятно видеть ваше перекошенное мурло. И эту восхитительную ненависть в ваших свинячьих глазках.

Он прошипел, как разъяренная змея:

— Никогда... понимаете, никогда она не будет вашей!

— Вы это уже говорили, — напомнил я. — Повторяется. Скудный запас слов? Ну это и понятно, у дураков это обычная проблема.

— Я вам ее не уступлю!

— Правда? — спросил я с интересом. — Скажите это мне завтра, хорошо?

Он проговорил сдавленным голосом:

— А что завтра?

— Состоится свадьба, — сказал я любезно. — И неважно, все ли гости успеют надеть лучшие платья.

Он охнулся:

— Так скоро? Это не по правилам!

Я развел руками.

— Правила устанавливает сильный. У меня дела в моем королевстве, я увожу принцессу с собой. А знакомиться и притираться друг к другу будем уже там. У меня. А что, для вас новость, что жена должна покидать дом отца и следовать в дом мужа?

Он молчал, онемев, мне даже стало жаль этого дурака, все его мечты стать королем или хотя бы отцом короля рухнули с моим появлением.

— Утри слезки, — посоветовал я издевательски, — и подбери сопельки. Здесь еще немало женщин, всех не увезем, корабль маловат. Женишься на дочери герцога или графа. Для тебя и это выгодный рост. В общем, живи!

Я захочтал и прошел как мимо толстого дерева, чутье подсказывает, что не ударит в спину, а сзади раздалось лютое:

— Берегитесь...

Я оглянулся, он стоит на прежнем месте и смотрит с лютой ненавистью. Лицо начало дергаться, в уголке рта вроде бы пена, берсерк прямо, но мы на виду, нас хоть и не слышно, но видно, и он заставил себя убрать пальцы с рукояти меча, но по глазам видно, что мысленно со мной проделал, как расчленил, помочился на труп и попинал отрубленную голову.

— Мечтать не вредно, — сказал я. — И пока еще не запрещено. Потом, конечно, запрещу. Вам одному запрещу. Я гуманист, знаете ли. Местами. Иногда пятнами, иногда целыми полосками.

Он прохрипел:

— Я вас... уничтожу...

— Мечтай-мечтай, — сказал я и пошел дальше, уже не оборачиваясь.

Сэр Ашворд переступил порог тихий и вроде бы ставший ниже ростом, совсем такая серая мышь, хоть и в кричаще цветном платье, поклонился с порога.

— Ваша светлость...

— Сэр Ашворд, — ответил я таким же приветствием.

Он проговорил нерешительно:

— Вы увозите принцессу, это понятно. И будет она жить там в вашем доме, что несомненно и никем не оспаривается. Но Его Величеству, как и всем нам, его советникам, крайне желательно знать ваши дальнейшие планы. Мы ведь понимаем, что с появлением таких огромных кораблей время пиратского засилья миновало, а вместе с ним ушла и вся эпоха изоляции.

Я ответил осторожно:

— Это несомненно. Но какие планы вам желательно узнать? Вряд ли вас интересуют такие мелочи, как война в Гандерстейме...

Он поспешно поклонился.

— В самую точку, ваша светлость!

— Так что именно?

Он проговорил осторожно:

— Нас интересует наши взаимоотношения между королевствами. Его Величество страстно жаждет жить в мире, но прекрасно понимает, что мира не бывает, бывает только перемирие. И желательно знать ваши дальнейшие планы и намерения...

Он смешался, умолк, хотя, может быть, намеренно, в политике игра в простака тоже приносит сочные плоды.

Я помолчал в затруднении, не зная, как ответить, чтобы не обидеть короля, и в то же время очень не хотелось лгать, вздохнул.

— Сэр Ашворд, в моих весьма удаленных отсюда краях существовала великая и могучая Османская империя... Всей мощи достигла благодаря разумной политике. В частности, как только умирал султан, так у них именовался император, и власть брал в руки его сын, он тут же всегда казнил всех своих братьев. И их бывало по тридцать-пятьдесят человек, так как там тетравленд введен не на время, как у нас, а навсегда.

Ашворд посерезнел.

— Какое зверство!

Я пожал плечами.

— Я же говорю, это была именно разумная политика. Убив всех братьев, император предотвращал борьбу за трон и всеобщую гражданскую войну еще в зародыше. В то время как в соседних королевствах это было привычным явлением, среди осман гражданская война давилась в зародыше.

Он пробормотал:

— Да, но... таким зверским методом...

— У султана был выбор, — пояснил я, — смерть всех братьев или же смерть тысяч и тысяч подданных, сгоревшие и разрушенные города, убитые поселяне, вырубленные сады, засыпанные колодцы, потравленные поля...

Он поежился.

— Ну... это если умом. Но все равно, это звери какие-то! Хоть и правы.

— Нам этот путь кажется правильным, — согласился я, — но слишком бесчеловечным. И потому обрекаем себя на бесконечные войны за трон, потому что... потому что человеку заняться больше нечем! У нас нет цели!.. Как только переходим из стадии выживания в стадию довольства, тут же ищем повод, куда выплеснуть силу.

— И что, нет другого пути?

— Есть, — ответил я.

— Какой?

Я посмотрел в его взволнованное лицо.

— Сэр Ашворт, этот путь вызывает насмешки и считается как бы не совсем достойным для мужчин, а мужчина — это бычий взгляд исподлобья, готовность подраться по любому поводу, желание всегда настоять на своем и вбить в землю по ноздри всякого, кто не согласен с его мнением...

— ...по поводу прелестей принцессы Алонсии, — закончил он со вздохом. — Как я понял, вы говорите не о ней?

— Нет.

— Но, простите, какая сила может прекратить войны? Ее не существует!

— Это в вашем королевстве не существует, — возразил я. — Что-то я не увидел возле короля ни одного священника! Как можно?

Он скривился.

— Честно говоря, как всякий образованный человек, не люблю верующих. Это всегда либо очень ограниченные люди, либо фанатики.

— Значит, — сказал я безжалостно, — вы еще недостаточно образованный. Высокообразованные люди знают, что в своей вере люди обычно куда ближе к истине, чем самые длительные и точные изыскания... Но это от-

влеченный разговор, а мы с вами люди деловые и ценим время. Потому скажу прямо в лоб: только церковь может дать сверхцель, ради которой стоит оставить такие мелкие и детские дела, как войны, интриги, схватки за трон. Если власть церкви будет сильна, королевства между собой воевать уже не смогут. Мы все топаем в одной команде к великой цели!

Он вздохнул.

— Для меня это слишком сложно. Я же хочу простоты и ясности.

— Простота в том, — пояснил я, — что церковь рано и поздно снова придет в королевство. И на этот раз навсегда. Как уже пришла в Сен-Мари. Я только надеюсь, что здесь ее начнут восстанавливать сами. И что никогда не наступит день, когда здесь вынужденно высадится грозное войско крестоносцев.

Он охнул.

— Неужели такое возможно?

— Увидите, — ответил я. — Кнутом или пряником, но Вестготия войдет в Царство Небесное на земле. И будет всем щасте.

Ашворт вздохнул, осторожно поднялся.

— С вашего позволения я пойду передам Его Величеству ваши... взгляды на будущее наших отношений.

— Передайте заодно мои самые искренние уверения в дружбе и почтения к Его Величеству, — сказал он.

Он ответил так же любезно:

— Это я сделаю с величайшим удовольствием!

Дверь за ним закрылась, я несколько мгновений смотрел в нее тупо, перебирая разговор и прикидывая, не перевернут ли мои слова как-то иначе, все ведь можно понять не так, что большинство и делает...

Из каменной стены справа от двери вышел пышно одетый господин в широкополой шляпе с пером, лицо веселое, черные усы торчком, весело улыбнулся во весь рот, сверкнув белыми зубами.

— Отличная работа, сэр Ричард!

— Это не работа, — возразил я автоматически.

— А что?

Он прошелся по комнате, бодро взмахнул полой плаща и лихо уселся в свободное кресло.

— Творчество, — пояснил я. — Вдохновение!.. Порыв. Вам это знакомо?

Он захохотался весело и вкусно.

— Еще бы! За что и полетел вниз вверх тормашками. Творить мог только Он, а мы так, исполнители Его воли.

Я тупо рассматривал его, такого довольного, сияющего, в наимоднейшем костюме, с торчащими в стороны усами. Кончики залихватски вздернуты, вид самый что ни есть бретерский, один вид вызывает желание вызвать на дуэль.

Толстый ковер не примялся под дорогими сапогами из тонко выделанной кожи, а сам он все так же не отбрасывает тени.

— Чем вы так довольны, сэр Сатана? — спросил я с подозрением. — Где я сглупил?

Он развел руками, глаза смеются все так же весело и задорно.

— Ну зачем же так? Я здесь с самыми искренними поздравлениями. Вы сделали правильный выбор! Жениться нужно... гм... правильно.

Я ответил сварливо:

— И что, раз вы одобрили, я должен немедленно отказаться? Не дождется.

Он развел руками, глаза смеются, лицо просто излучает веселье и хорошее настроение.

— Ну зачем же вам ориентироваться на меня? Так и запутаетесь. Или я вас запутаю. На белое скажу «белое», а вы, чтобы не идти со мной в ногу, скажете «черное»... ха-ха!

— Не дождется, — повторил я. — У меня свой путь от сперматозоида до императора.

Он захохотал.

— Я вас люблю, сэр Ричард!.. Вы хоть и противитесь, как любой бунтующий против родителей ребенок, но вы с таким энтузиазмом и умением начали железную дорогу, как вы ее называете, что даже я впечатлен... Это именно то, что так нужно этому миру.

— Ага, — сказал я угрюмо, — ага. Но не для того, для чего вы думаете.

— А для чего? — спросил он.

— Для всего, — огрызнулся я. — Для хорошего и плохого, но хорошего раскочегарим намного больше! И нечего, да. Не будет по-вашему.

Он выставил перед собой ладони, мне почудилось очень знакомое, потом вспомнил, что в последнее время сам так часто делаю.

— Ради всего вам ценного! — возразил он. — Пусть будет по-вашему! Потом увидите, что это и по-моему.

— А вот и не будет, — сказал я. — Будет по-моему.

Он расхохотался.

— Я целиком «за». Первый сад создал Бог, а первый город — Каин! И все больше вижу городов, где не то, что садов, деревьев нет! Так что вам трудно будет сделать железную дорогу орудием церкви. Даже если будете возить по ней одних священников.

— Сделаю, — сказал я упрямо.

— Сомневаюсь, — ответил он. — Последнее время я все чаще склоняюсь к мысли, что людям нужно не избавляться от сомнений, их не так уж много, а, напротив, учиться сомневаться.

Я поморщился.

— Зачем?

— Важно, — сказал он наставительно, — приучить свой разум к сомнению, а сердце к терпимости. Терпимость к чужому мнению и к чужим религиям — критерий разностороннего человека...

— Ага, — сказал я саркастически, — разносторонний, это в котором и от Бога, и от Змея?.. Спасибо. Так, гля-

дишь, терпимость приведет к признанию содомии, исключению гомосексуализма из грехов против природы человека...

Он поморщился.

— Ну, это было бы слишком.

Я запнулся, посмотрел на него с недоверием. Он тут же насторожился, повернулся ко мне всем корпусом и даже чуть наклонился вперед.

— Что, — переспросил я, — в самом деле не планируете со временем узаконить содомию? Браки мужчин с мужчинами?

Он коротко усмехнулся.

— Даже браки? Нет, но в качестве развлечения... почему нет? И пусть все ханжи передохнут от возмущения, но такое на тайных оргиях я поддерживал и буду поддерживать.

— Круто, — проговорил я ошарашенно, — ну да, ну да... либо вы почувствуете вкус...

— Либо?

— Либо, — закончил я, — человек сумеет пойти еще дальше, чем вы полагали. Господи, ну что мы за свиньи?

Он запнулся на полуслове, брови поднялись в великом изумлении.

— Сэр Ричард, у вас и шуточки... Хотя вообще-то главное правило в жизни: никаких правил нет.

Я проговорил:

— Да это звучит... хлестко.

Он довольно улыбнулся.

— Люблю образность.

— Образность, — пробормотал я, — это сила. Для простых человечков всегда важнее хлесткость, образность, яркость... а верно утверждение или нет — дело десятое. Стоит поразить дурака оригинальным сравнением, примет, как руководство к жизни.

— В этом я хорош, — признался он с настолько

скромным видом, что паче любой гордыни. — Людям нужны простые и запоминающиеся ориентиры.

Я пробормотал:

— Но даже у животных есть правила. Иначе как бы ужились в стае? А мы еще те звери... Наше спасение как раз в правилах. И чем человек выше, умнее и сложнее, тем правил больше. Меньше всего у преступающего их. Преступника.

Он сказал с широкой улыбкой:

— Можно называть таких людей преступниками, а можно — бунтарями, революционерами, непокорными душами, свободными людьми. Все зависит от того, по какую вы сторону баррикады.

— Тоже красиво, — согласился я. — Мы все в детстве мечтаем освободиться от власти родителей, потому и бунтуем против всего на свете: устоев, морали, законов, моды, власти... Потому малолетних придурков с вот такими соплями весьма легко ловить на идею бунта и революции. Но я хоть молод...

— ... зато старые книги читал, — закончил он. — Видите, я помню ваши хлесткие фразы. Тоже пользуетесь!

— Но я пользуюсь не для разрушения, — напомнил я. — Ни один еще бунтарь или революционер ничего не создал. Что, не так? Только умели ломать, разрушать, убивать и жечь. Потому хотя бунт и мне по нутру, еще как по нутру... оно в вашей власти, верно?.. но умом я над нутром и половыми позывами. Достаточно мощными, надо сказать.

Он кивнул.

— Да, меня впечатлило, как вы удержались, а ведь могли бы тащить в постель лучших красавиц королевства!.. За что еще больше зауважал вас.

Я пожал плечами.

— За такую малость?

— Это не малость, — возразил он. — Это просто и примитивно, как вы говорите, но не малость. Карьера

многих очень достойных и мудрых мужей рушилась в одноточье, когда поддавались подобным порывам. Вы правы, сказав как-то, что где Сатана не сумеет, туда женщину пошлет... Женщина — самый простой и надежный способ сорвать человека. Мне такие, если честно, не слишком интересны. Это, как вы говорите, простолюдины... Неважно, герцоги или принцы — все равно простолюдины по духу. А вы да, аристократ, вас голыми ногами не возьмешь. Потому я с такой охотой общаюсь с вами. Каждый умный человек, признает он это или нет, — на моей стороне. Да здравствует разум, да скроется тьма!.. Парадоксально, но тьма сейчас на победившей стороне. Церковь — это тьма. Религия — тьма. А мое имя — Люцифер, что значит...

— Сияющий, — перебил я, — источающий свет, светоносный... и так далее. Это, конечно, парадокс, но тьма тоже может сиять. Я имею в виду призывным светом. И на свет тьмы всегда слетались и будут слетаться мириады безголовых мотыльков, будь они простолюдины или принцы...

Он пробормотал:

— Свет тьмы... гм... достаточно образно. Спасибо, я постараюсь использовать это в спорах. В общем, сэр Ричард, я появился на пару минут, чтобы совершенно искренне... можете поверить!.. поздравить вас с женитьбой. Это правильный и своевременный шаг. Да вы и сами это прекрасно знаете. Было время, когда вы своим мечом пробивали дорогу в жизни, потом настал период, когда прорубывались мечами и копьями армии, а сейчас третий уровень... да-да, когда уже и армии мало что могут. Возышения достигают династическими браками... Хорошо-хорошо, исчезаю!.. Но я и незримо продолжаю вами восторгаться, сэр Ричард!

Он не стал подниматься из кресла и уходить в стену, просто с милой улыбкой на приветливом лице приподнял

шляпу и быстро растаял, как всегда оставив легкий запах смолы и серы, что, конечно, шуточка для посвященных.

Я угрюмо смотрел вслед. Все верно, если Сатана похвалил, то я должен бы тут же отказаться, но он хитро упомянул возможность двойной петли, так что если в самом деле буду ориентироваться только на то, что он сказал, ошибку сделаю скорее.

Нет уж, нет уж, ничто меня не остановит. Ни на море, ни на суше. Только я чувствую в принцессе Алонсии странную мощь, она сама еще не знает своих возможностей, но я чувствую и всеми фибрами понимаю, что именно такая может быть мне даже настоящей женой, а не просто супругой или династической королевой.

Пусть не сразу, пусть сперва через отчуждение, непонимание или даже ссоры... но мы найдем общий язык.

Глава 12

Поздно вечером воздух посвежел, небо и далекие горы окрасились в лиловые тона, солнце опустилось за край земли, мир медленно начал терять краски, как мотылек, с крыльев которого стирают пыльцу.

Издалека донесся крик сторожа, я слов не разобрал, но смысл понятен, мол, в Багдаде все спокойно, спите, набирайтесь сил для завтрашнего трудового дня.

Завтра, пронеслась яркая, как сгорающий в атмосфере метеорит, мысль. Завтра после короткой церемонии венчания беру принцессу и — на корабль! Оставляю ее во дворце, пусть обживается, а сам догоняю на Зайчике уже выступившие из Брабанта войска.

Все получится тютелька-в-тютельку, как у лилипутов, успею в последний момент перед первым же сражением. Граф Ришар вздохнет с облегчением. Он столько выиграл битв, что уже, подобно Юлию Цезарю, стал осторожнее вступать в бои. Чем больше за ним побед, рассуждает он

резонно, тем меньше следует полагаться на случай, так как никакая победа не принесет ему столько, сколько может отнять одно поражение.

— Эй там в коридоре, — сказал я, — всем музыкантам заткнуться. Мое сиятельство изволит спать в тишине.

Музыка испуганно умолкла, я подумал, что зря обидел музыкантов, играют и негромко, и тягучие мелодии, умело нагоняющие сон, но ладно уж, если нет на свете справедливости, то нет ее и для музыкантов.

В сон провалился, несмотря на возбужденно стучащее сердце, довольно быстро, сразу понесло через странный лес с голыми, причудливо изогнутыми ветвями, потом понял, что мчусь внутри исполинского глаза, стараясь не задеть кровеносные сосуды, а когда красный цвет сменился режуще белым, я сообразил, что кувыркаюсь в чудовищном мире беспорядочно переплетенных люминесцентных ламп.

Утром, еще не поднимая веки, я ощутил нечто знакомое, привычный гул голосов, когда все стараются говорить тихо, но такой шепот будит почище храпа пьяной женщины, а когда приоткрыл один глаз, чуть не рассмеялся.

В комнате с десяток вельмож, кто сидит, кто стоит, кто-то прогуливается, стараясь делать это бесшумно, это счастливцы, допущенные к туалету наиболее знатных лиц королевства.

Быстро же расходятся новости, мелькнула мысль. Впрочем, наверняка глашатаи успели раstrубить везде и всюду...

Мне помогли одеться, причесали, обули, причем усердствовали не слуги, а очень даже знатные люди, если я правильно умею читать все эти прибамбасы на одежде в мире, где еще не придумали знаки различия.

Я поблагодарил всех, заверил, что мы еще наломаем дров, постарался быть дружелюбным и простецким, очень уж многие хотят услышать, как прошел утренний туалет

знатного гостя, что победил самого герцога Хорнельдона и теперь владеет его домайном, а еще который явно претендует на трон короля Херлуфа Сильвервуда.

Из коридора шагнули Торкилстон и Ордоньес, оба свеженькие, хотя Ордоньес выглядит несколько помятым, что и понятно, все восполняет пропущенные на море дни с женщинами.

— Я готов, — заверил я, — готов!.. Сэр Торкилстон, проверьте, чтобы кони у нас были самые лучшие. В смысле быстрые, а не с самыми пышными султанами и королевскими попонами.

Он сказал бодро:

— Еще и в запас возьмем!

— Это лишнее, — обронил Ордоньес, — Его Величество уже велел отборной королевской охране сопровождать нас до самого берега. А еще туда еще вчера выехало десятка два дюжих рыцарей. Говорят, вы их пригласили поучаствовать в войне!

— Было дело, — подтвердил я. — Я же везде беру по-немногу, как вы понимаете...

Он кивнул.

— Понимаю. Я тоже граблю не всегда так уж в лоб.

Дверь распахнулась, церемониймейстер вдвинулся, как большой корабль в узкую бухту, с одного взгляда удостоверился, что здесь уже готовы, проревел в пространство:

— Его Величество Херлуф Сильвервуд приглашает сэра Ричарда в свои покой!

Херлуф Сильвервуд встретил нас в пурпурной королевской мантии, подбитой горностаевым мехом, им разрешают подбивать только королям и принцам, на голове корона, только что в растопыренных мне навстречу руках нет скипетра и державы.

Он обнял меня, как уже члена семьи, королева рядом,

чопорная и с поджатыми губами, все боится уронить себя, но она, как я понял, еще больше короля рада отдать дочь не в руки ужасного герцога Хорнельдона, а человеку, у которого своих проблем выше крыши и который потому им не опасен.

Тихохонько вошел Ашворт, кругломордый и румянный, улыбка сытая и довольная, такими и должны быть или хотя бы выглядеть гости, молодец, поклонился, перехватив мой внимательный взгляд.

— Мои поздравления, ваша светлость!

Ордоньес шепнул мне:

— Не забудьте сказать невесте: «Я люблю тебя, дорогая! Я буду любить тебя и в печали, и в радости до самой свадьбы!»

— Идите вы, — сказал я. — Я человек простой, могу и в самом деле такое брякнуть. А когда тебя женим, хитрюга?

Он отмахнулся.

— Не люблю я ходить на свадьбы. И на свою не пойду. Слишком уж это темное и непонятное... Правильно ли поступили двое, поженившись, нельзя понять даже на их серебряной свадьбе. Вон посмотрите на короля, сияет! А почему? Свадьба делает мужчину счастливым только в одном случае — если это свадьба его дочери.

Он поклонился королю.

— Ваше величество, кольца готовы? Нужно два, одно наденут на палец Алонсии, другое она проденет в нос жениха.

Король довольно захохотал, дружески хлопнул его по плечу.

— Не отнекивайтесь, все равно и вас женим. У нас столько девушек из знатных семей на выданье! А вы такая загадочная натура, человек из-за океана, с таинственного Юга... Ну что там Алонсия, готова?

Королева сказала жеманно:

— Женщины всегда опаздывают, дорогой!

Он ответил со смешком:

— Это к мужу может опаздывать. Но не к отцу.

Ордоньес шепнул мне весело:

— Это правильно, что вы наконец-то вместо серой рубашки надели белую. Теперь будет кому стирать...

Двери распахнулись так резко, что ударились о стены. Вбежала, буквально влетела, как спасающаяся от стаи волков лань, трепещущая девушка в длинном развевающемся, как крылья жар-птицы, платье.

Я узнал одну из фрейлин, что постоянно сопровождала принцессу Алонсию. Нежное лицо в красных пятнах, нос покраснел и распух, в глазах слезы, она бросилась к королевской чете с криком:

— Это ужасно!

Херлуф ухватил ее за плечи, она прижалась к нему и спрятала лицо на его груди. Королева в недоумении посмотрела на ее затылок и спросила у Ашворда:

— Разве мое новое платье настолько плохо?

Тот произнес сквозь зубы, но с вымученной улыбкой:

— Ваше Величество, поверьте, иногда люди думают не только о вас...

— Дикари, — произнесла она надменно. — Я все-таки королева!.. Перестань реветь, Фирнилия! Что случилось? Пальчик прищемила?

Фрейлина вскинула заплаканное лицо, нос стал размером с крупную редиску, слезы продолжали катиться по щекам.

— Мы сегодня утром, — вскрикнула она плачуще, — как обычно, пришли в спальню Ее Высочества...

Она всхлипнула, ее тело затряслось в рыданиях. Я ощущал неладное, хотел подойти и повернуть ее лицом к себе, все-таки теперь я не совсем посторонний, но король прикрикнул строго первым:

— Перестань реветь! Говори, что стряслось?

Фрейлина вскрикнула:

— Мы пришли... а ее нет!

— Кого? — спросил король глупо.

Я ощутил холод в сердце, сделал быстрый шаг вперед и опустил ладонь на ее хрупкое плечо.

— Успокойтесь, леди. Вы ведь дворянка, не так ли?

Она всхлипнула и с достоинством выпрямилась.

— Да, милорд.

— Вы зашли в спальню принцессы, — сказал я, — а там... не оказалось самой принцессы?

— Да, — ответила она тихо, слезы все еще бегут из ее глаз, крупные и чистые, как родниковая вода, а глаза стали испуганнее, чем у трепетной лани перед стаей лютого зверя. — Принцессы уже не было! Окно открыто, спущена веревка из связанных простыней.

Королева патетически ахнула, я подумал, что жалеет изорванные на ленты простыни, король смертельно побледнел, пошатнулся и схватился за сердце.

— Моя девочка, — прошептал он. — Ее похитили... Ее похитили?

Фрейлина посмотрела испуганно.

— Нет. За ней приходил лорд Вильярд. Это он влез к ней в спальню по сброшенной веревке из простынь, уговорил бежать. В кладовке мы нашли связанную няньку. Она рассказала, что лорд Вильярд хотел остаться и сразиться с вами, но принцесса в слезах умоляла его не делать этого. Человек, который сумел убить герцога, убьет и его, а она этого не перенесет. И Вильярд уступил ей, хотя и сказал с горечью, что его имя теперь будет покрыто позором, как презренного труса.

Ордоньес сказал с сочувствием:

— Любовь пересилила... Молодец. Я бы так не смог.

— И я, — согласился Торкилстон. — Это же все пальцем тыкать будут! Ему конец. Как рыцарю, конечно. Может быть, торговлей ему заняться?

— Или стать менялой...

Король обессиленно рухнул в кресло, к нему бросился на помощь Ашворд, королева завыла в голос совсем не

по-королевы, стыдно так распускаться, Ашворд дрожал и оглядывался на меня умоляюще.

Торкилстон покачал головой.

— Нехорошо, — сказал он осуждающе. — За всю жизнь женщина должна покинуть дом трижды. Когда ее крестят, когда выдают замуж и когда хоронят. Она поступила не по правилам.

Ордоньес пробурчал независимо:

— Женщины не виноваты в том, что иногда отказываются подчиняться правилам. Эти правила сочинили мы, мужчины. Если помните, безо всякого участия женщин.

— Много ты понимаешь, — сказал Торкилстон.

— Много, — возразил Ордоньес. — Я знаю о браке все, потому холостяк.

Я подошел к окну, в саду среди деревьев высится высокий дворец, похожий на башню, где почти на вершине жила принцесса. Чтобы спуститься с такой высоты, нужно либо быть очень храброй, либо совсем отчаяться.

В груди стало пусто и холодно. Торкилстон подошел как-то неуклюже, помялся, в глазах плещется, едва не выливаясь через край, море глубокого сочувствия.

— Сэр Ричард, вы прямо с лица спали. Нехорошо.

Я пробормотал:

— Да ничего.... Просто все так неожиданно.

— Это для нас, — возразил он. — Если женщина любит хама, то он непременно непризнанный гений, избранная душа, если дурака — то это особо умный по-своему, если вора — то родители плохо воспитали, а он сам не виноват...

Ордоньес подошел со спины, легонько коснулся, не приятельски, а как вассал поддерживает сюзерена в трудном положении.

— У них, — сказал он ворчливо, — у всех особенное косоглазие! Не видят того, что есть, не ценят то, что само в руки плывет, зато... я ж говорил, им подавай от яблони апельсины!

— Любовь зла, — сказал Торкилстон и посмотрел на меня с сочувствием, — так что полюбят и нас.

— Кто-нибудь и как-нибудь, — уточнил Ордоньес. — И чем-нибудь.

Из своего угла Ашворд заговорил несмело:

— Действия женщин похожи на скачки блох, та же решительность и непоследовательность. Что предпримите, сэр Ричард?

Я сказал зло:

— Нет сомнения, сбежала с ним добровольно. Что я должен сделать, по-вашему мнению?

За дверью послышался шум, стражи почти втолкнули маленького потрепанного человека в одежде старшего слуги. Он поспешно упал на колени.

— Ваше Величество, дозвольте слово молвить!

Король простонал:

— Говори...

— Я Джон Маклейн, — сказал слуга торопливо, — я нечаянно... совершенно нечаянно подслушал разговор сэра Вильярда с вашим магом Дресскером. Маг говорил ему, что уже все рассказал, чего же еще, но сэр Вильярд настаивал, что на этот раз ему нужны подробности, так как в совершеннейшем отчаянии собирается идти за Камнем Яшмовой Молнии. Маг начал его отговаривать, тогда сэр Вильярд напомнил, что, по преданию, Камень могут найти только впятером, и чтоб там был маг, великий воин, а также трое лиц королевской крови. Сейчас, дескать, уже есть воин, маг, принцесса... а двоих королевской крови могут отыскать по дороге!

Король вздрогнул, поежился, я спросил грубо:

— А маг Дресскер на месте?

— Нет, — ответил слуга, его мелко тряслось. — Я как увидел, что его нет, так сразу и кинулся сюда...

Теперь все смотрели на меня, я почему-то выгляжу человеком, готовым принимать быстрые и верные реше-

ния, но внешность обманчива, я сейчас не только туплю, а теперь в голове вообще каша.

— Здорово же их прижало, — промямлило что-то во мне. моим голосом, — если решились на такое...

Торкилстон сказал негромко:

— Бывает, что прижатые к стене как раз и совершают великие дела.

— Бывает, — согласился я. — Но если Камень хотя бы вполовину так силен, как о нем говорят, очень тревожно, если попадет в руки... гм... отчаявшегося.

Ордоньес бухнул мощно, словно метнул из катапульты огромный камень в стену замка:

— У них же нет шансов!.. Я слышал, надо пройти через Ночную Заводь, а ее еще никто не прошел, победить огненных горгулий, грокхов, герзенов, огнедышащего дракона, каменных големов, железных скарабеев... и это еще не все. Там много такого, чего я просто не запомнил.

Ашворт сказал торопливо:

— Ужасно в любом случае! Кто бы ни добрался до этого Камня Яшмовой Молнии, он обретет такую силу, что сможет испепелить целое королевство! Правда, другие мудрецы говорят, что достигший его откроет двери в мир демонов, оттуда придет великое Зло и уничтожит весь мир...

Я пробормотал:

— Где-то я это уже слышал... И не раз... А так это, раз сто или двести.

Ашворт посмотрел с великим уважением.

— Значит, вы очень знающий человек, — произнес он, — и великий воин. И знаете, что делать.

Я поморщился.

— Да знаю, все знают! Вот только не люблю идти по протоптанному. Сам куда угодно пропотчу, у меня такие копыта... Неужели этот дурак ринулся за такой вещью?

Он кивнул.

— Он достаточно безрассуден и доверчив. Кроме того,

что здесь его ждет? Погибнуть в пути или в схватке за этот Камень не так ужасно, как смотреть на ваше венчание с принцессой Алонсией. Он выбрал сегодня ночь смерть со славой вместо долгого и мучительного умирания от злости и поражения.

— Да, — согласился я, — лучше уж так, чем... Нет, я просто не знаю! Нам возвращаться нужно немедленно. У меня там начинается великий военный поход, я готовил его долго и тщательно. Все меня ждут.

Ордоньес хмуро улыбался, но его улыбка напомнила мне момент перед абордажем пиратского судна.

— Ваша светлость, — произнес он подозрительно мирно, — а ведь в погоне за этим Камнем даже вы обломаете зубы!

— Знаю, — огрызнулся я. — Потом, я не дурак, как вы знаете, вовсе не ринусь догонять того дурака. Умный в гору не пойдёт!

Забытый нами король проговорил слабым голосом:

— А что еще сказано в пророчестве?

Мы переглянулись, я о Камне Яшмовой Молнии слышал только краем уха от самого же Дрессера, Ашворт ответил неуверенно:

— Там сказано столько... и такое, что за последние пару столетий никто уже и не пытался к нему подойти.

Ордоньес спросил недоверчиво:

— Так уж никто?

Ашворт пожал плечами.

— Всякие бродяги и разбойники не в счет. Сколько их где гибнет — никто не знает. Но короли давно перестали посыпать хорошо подготовленные и оснащенные отряды. Почти никто не вернулся, кроме двух-трех случайно уцелевших калек. Потом еще пытались добраться лучшие из лучших воины, кто в одиночку, кто с товарищами, но тоже... неудачно.

Король сказал слабо:

— В пророчестве сказано, что врата Сумрачного Гро-

та, где хранится Камень Яшмовой Молнии, откроются только чистым душам. А взять в руки может только тот, кто... уж и не знаю, кем должен быть!

Торкилстон с задумчивым видом загибал пальцы.

— Меня больше занимает, — обронил он, — что иначе как группе в пять человек нечего и пытаться. Это что же, там надо пройти такое место, где оценивают по весу?.. Нет или не только, раз такие требования к составу. Подумать только, трое королевской крови! Да ни в жисть сразу троих не выгнать в долгую дорогу, где не будет сотни слуг, вытирающих им носы...

Король поморщился.

— Не судите по сплетням. Там сказано, насколько я помню, трое не только королевской крови, но и должны быть прямыми наследниками! Так что Камня им не достичь, но вот что моя дочь с ними...

Я глубоко вздохнул, успокаивая бешено стучащее сердце. Надо идти. Надо действовать. Надо жить. Рыба, которая в каждом червяке видит крючок, долго не проживет. А я еще та рыба.

— Кажется, — проговорил я, повышая голос, — мне увильнуть не удастся. А раз так, надо действовать быстро... у них форы в несколько часов. Но даже, если убежали сразу в начале ночи, не могли уйти слишком далеко. Сам Вильярд мог бы, но если с ним слабая принцесса и престарелый маг...

Притихшая фрейлина робко подала голос:

— С ними и Боудеррия. Она никогда не оставит Ее Высочество.

— Боудеррия будет тащить мага, — возразил я, — а принцессу Вильярд. Это ускорит их продвижение, однако у нас и вовсе не будет на руках такой обузы. Мы сможем догнать если не сегодня к вечеру, то завтра уже точно.

Ашворт заметил:

— Вы бы один да, у вас весьма своеобычный, как я подозреваю, конь... Но ваши благородные спутники?

— Я могу и один, — ответил я.

Он покачал головой.

— Вы думаете только о Вильярде. Да-да, я знаю, Боддеррия проиграла вам в поединке. Но выстоите ли против двоих?

Я ответил резко:

— Рискну.

— Это говорит лишь о вашей отваге, — сказал он предостерегающе. — Но забываете о Дрессере. Он очень сильный маг. Очень. Для него обрушить на вас скалу... только пальцем шевельнуть.

Я осекся. Да, магия на меня не действует, но Ашворт, сам того не желая, угодил в самую точку. Когда обрушится не магия, а заурядная скала, от меня останется мокрое пятно.

— И все-таки я рискну их догнать. А то с этим пророчеством мне, выходит, лучше вообще с места не двигаться!

— И не шевелиться, — сказал Ордоньес.

— Да и не дышать, — добавил Торкилстон негодующе. — На всякий случай.

Я опять пожал плечами.

— Но они же отправились? Вильярд — воин, признаю, в жилах принцессы королевская кровь... хотя я всегда считал, что она течет не в жилах, а в венах, но откуда трое наследников престола? Нелепость.

Ордоньес сказал задумчиво:

— Не стоит так уж... по-державному. Что мы знаем про остальных спутников принцессы?

— Если наследники, — спросил я, — какого... ангела ей служит Боддеррия?

— Возможно, — сказал Ордоньес, — сами не знают, кто они?.. Сэр Ричард, так что все-таки будем делать?

Я вскинул голову и выпятил нижнюю челюсть, стараясь смотреть прямым бараньим взглядом.

— Что и делали, — ответил я сильным голосом, не терпящим возражений. — Что нам пророчества? Мы христиане или кто?

Глава 13

Мы спешно собирались в дорогу, а Торкилстон глубокомысленно рассуждал, что вообще-то любая дочь для отца — клад напрасный, и не спит он из-за нее ночами. Когда мала, боится, что соблазнят, в юности — что станет распутничать, когда подрастет — что не выйдет замуж, когда выйдет замуж — что останется бездетной, когда состанится — что займется колдовством. Потому вот Херлуф так обрадовался, сбывая ее в надежные руки...

— Вильярд хороший, — сказал Ордоньес с объективностью опытного дуэлянта, — поступил так, как должен поступать мужчина.

— Я тоже поступлю, — сказал я зло, — как должен поступать мужчина. Сперва попинаю его срубленную голову, а потом прочту над его трупом заупокойную, как добрый христианин. И прощу его со всей кротостью от всего чистого и незапятнанного сердца.

— Да, — согласился Торкилстон с недоброй улыбкой. — Это по-нашему.

— По-христиански, — уточнил Ордоньес, что о христианстве услышал только по эту сторону океана в Тарасконе.

Он затянул мешок потуже, деловито взвесил на руке. Даже крепкого и выносливого коня перегружать не стоит, к тому же нам важнее скорость, а не запасы на месяц.

Ордоньес вообще всего лишь надел поверх роскошного камзола кирасу, прицепил наколенники и наручники, а еще взял шлем, заявив, что остальное ему без надобности, он не рыцарь, а чем выше защита, тем хуже маневренность.

Я взял лук Арианта, карликовый арбалет, меч все тот же из метеоритного железа, доспехи после недолгого колебания сложил в мешок, надену перед сражениями, Ордоньес прав, маневренность в них не та, что в рубашечке...

Они оба поглядывали на меня с таким сочувствием и даже состраданием, что я сказал деловито:

— В Вестготии очень хорошо развита выплавка железа, заметили? Даже стали. Легко поставить на промышленную основу!.. Здесь это не делается, потому что нет большого спроса, но его можем обеспечить мы, в Сен-Мари!

Торкилстон спросил со скептицизмом:

— А как доставлять? Ордоньес замается возить...

Я ответил с раздражением:

— Да хоть сбрасывать с Края! Это неважно. Железо не разобьется насмерть. Даже кости себе не переломает. Нет, я не могу отказаться от Вестготии. Особенно от ее развитых технологий...

Торкилстон посмотрел на меня внимательно.

— Ох, сэр Ричард! Скажите уж прямо, что вас задело на самом деле.

— Что?

— А что приходится отказываться от женщины!

Я отмахнулся.

— Подумаешь. Всего лишь.

— Нет уж, — возразил он, — не поверю. От женщин так легко не отказываются. Самолюбие потом всю жизнь грызть будет. Железо железом, а принцессу отдавать не хотите. Даже если самому не шибко нужна. Одно дело — отдать, другое — когда отнимают.

Я сказал раздраженно:

— Если бы можно было отдать одно, а удержать другое, я бы отдал принцессу!.. Но, увы, Вильярд, если возьмет ее, то зацепает и все рудники. Потому либо все отдать, либо все удерживать...

Распахнулась дверь, вошли, чеканя шаг, могучего сложения воины и встали по обе стороны, а следом почти вбежал Ашворт, расстроенный и очень озабоченный.

Когда он увидел наши мешки, брови его взлетели вверх.

— Ох... вы еще не знаете?

Торкилстон и Ордоньес напряглись, чувствуя недобroe, я спросил почти враждебно:

— Что?

Он подошел к окну, поманил нас к себе.

— Видите во-о-он там высокую гору? Даже очень высокую. Она практически отвесная. Оттуда спущена длинная лестница, но ваш конь по ней вряд ли заберется... Но даже если бы смог, оборвал бы сразу веревки. И так можно взбираться только по одному.

Торкилстон сказал быстро:

— Я не взберусь!.. Это вот этот дикарь привык по вантам бегать, как обезьяна, а я человек солидный и серьезный...

— Таких поднимают в корзине, — успокоил Ашворд. — Но по одному, конечно. Бывает, конечно, веревка рвется от собственной тяжести... Но ее меняют после каждого десяти человек.

Торкилстон промычал:

— Вы успокаивать умеете.

— Это первый такой подъем, — сказал Ашворд безжалостно. — Будут еще... Мы привыкли, но для вас, как догадываюсь по вашим радостным лицам, все в новинку, да?

С нами до ближайшего подъема отправился большой отряд лучших из лучших воинов королевства, весьма гордых доверенной им честью. Я увидел среди них лорда Моргана Гrimмельсдэна из клана Горных Рыцарей, он принес мне присягу далеко не последним, хотя и не первым, но чувствуется, что слово его крепкое, как и тот двуручник, который он одолжил мне для схватки с его соратником Питером Суллингом.

Спустившись от столицы в долину, некоторое время двигались вдоль широкой мелководной реки. Прекрасно мчаться по плесу, когда вода растекается чуть ли не на

мили; но едва-едва скрывает конские копыта. Несемся по мелководью, серебряные брызги во все стороны, душа ликует, кричит...

...во всяком случае у всех так, хотя честный Гrimмельсден явно переживает за сюзерена, это же по зор, невеста убежала буквально из-под венца, да еще Торкилстон и Ордоньес всматриваются в грозно вырастающую стену с тревогой и отвращением. До нее еще мчаться и мчаться, но уже, проклятая, закрывает третью неба.

Над головами заворчали, мы удивленно подняли головы. Небо быстро темнеет, тучи наползают с севера и закрывают сверкающую синеву. В темных недрах тяжело загремело, загрохотало, начали сверкать короткие злые молнии.

Сэр Ордоньес, для которого все это одно сплошное и веселое приключение, заорал приподнято:

— Пусть сверкает сильнее! Зато дорогу не потеряем!

Я оставил сэра Гrimмельсдэна во главе отряда, а сам то и дело пропускал всех мимо себя, пересчитывая, как овец. В небе грохочет все чаще, мощнее, от тяжелых ударов вздрагивает земля, а молнии оставляют странные слепящие снимки с застывшими деревьями и людьми.

Издали донесся свирепый вой, я ощущил, как кровь стынет в жилах: если это волки, то не мельче медведей, но медведи стаями не бегают, а тут разом ответило еще с полдюжины голосов. Так охотники обозначают свои места.

— Быстрее, — прокричал Гrimмельсден. — Мы должны успеть выскочить из этой долины!

Торкилстон вскричал жалобно:

— Это же рядом со столицей! Неужели тут все так запущено?

В затянутом тучами небе образовалось нечто похожее на водоворот. Облака начали вытягиваться по кругу, увлекаемые неведомой силой, стали похожими на спиральную галактику, даже шаровое утолщение на месте, затем рас

сосалось, оставив после себя пугающую черную дыру. В ней мрачно заблистали холодные звезды, а у меня мороз пошел по коже в ожидании неприятностей.

Странные тучи врашивались все быстрее, дыра расширялась, я вскрикнул быстро:

— В укрытие! Вон в тот лес!

Сэр Гrimмельсэн крикнул обеспокоенно:

— Но... зачем? Кто за нами гонится?

Не отвечая, я пригнулся к шее Зайчика и пустил в галоп. За спиной застучали копыта, лес приближался быстро, я почти распластался, сверху пронеслись суковатые ветви, справа и слева замелькали высокие деревья с толстыми стволами.

Остановив коня, я огляделся. Рыцари вламываются следом, ветви разлетаются в стороны, словно за мной ломится бригада разъяренных дровосеков. Один из рыцарей держится за голову, а из-под наплечника другого торчит обломленная ветка, размером с оглоблю.

Сэр Торкилстон вскрикнул стонущим голосом:

— Сэр Ричард, чего мы испугались?

Остальные смотрели на меня с тем же вопросом в глазах, но у них он читался правильно: не чего мы испугались, а чего вы испугались.

— Не знаю, — ответил я нервно, — испугался и все тут!.. Боязливый я, значит. Не люблю такое. Не к добру. Насмотрелся на всяких похитителей. А еще больше наслушался самих похищенно-возвращенных... Ладно, давайте на всякий случай проедем через лес. Это даже лучше: сократим дорогу...

Рыцари посматривали с сомнением, дорогу сократим, но пока будем пробираться через пни, колоды и упавшие деревья, потеряем времени намного больше.

— Ведите, сэр Ричард, — сказал Гrimмельсэн.

Я повернул Зайчика, и в это время сэр Гrimмельсэн сказал слегка обеспокоенно:

— А где сэр Удоднайт?

Все снова остановили коней, начали осматриваться. Один из воинов, явно умелый следопыт, проехал чуть по нашим следам и покрутил головой:

— Его вообще не было с нами.

— Да отпечатки затоптали! — возразил кто-то с пылом.

Следопыт покрутил головой.

— Он был задним.

Все зашумели, начали разворачивать коней, я сказал невесело:

— Мы не найдем его там. Разве что коня...

— Откуда знаете? — спросил Гrimмельсдэн настороженно.

Я пожал плечами.

— Да так... Не слышал ни разу, чтобы коней забирали.

Вернемся, посмотрим.

Один из немолодых рыцарей, хорошо экипированный и с прекрасным оружием, но явно самый осторожный в отряде, сказал стеснительно:

— Только потихоньку, хорошо? Чтобы и нас нечистая сила не утащила.

Деревья расступились, мы остановили коней на опушке, и с этого места все ясно. Чистое поле, не видно ни сэра Удоднайта, ни его коня, а в небе разорванные облака с трудом стараются вернуться в прежнее беспечное состояние божиих овечек.

Сэр Ордоньес посмотрел на меня с сочувствием.

— Сэр Ричард, а здесь нечистая сила лютует больше, чем у вас.

— Даже коня забрали в ад, — пробормотал Торкилстон. — Неслыханно! Конь при чем?

Все переговаривались обеспокоенно, я сказал твердо:

— Перестаньте, мы же рыцари! И чего решили, что в ад?.. Не земля же разверзлась, а небо! Скорее уж в рай...

Сэр Гrimмельсдэн хмыкнул:

— Сэра Уоднайта в рай? Вы так шутите?.. Ах да, вы его совсем не знали!

— Да и коня, — сказал Торкилстон рассудительно. — Конь, конечно, благородное животное, но в рай берут только собак за их верность и преданность. Про коней что-то не слышал.

Я сказал с прежней твердостью:

— Мы уже теряли боевых друзей в боях и походах. Укрепитесь духом, сеньоры! Вы забыли про третью сторону. Кроме рая и ада есть еще колдуны и всякие маги. У кого-то, возможно, есть летающий очень высоко замок. У него нет достаточной мощи, чтобы захватить здесь хотя бы деревеньку, но может вот так разбойничать, как грязный бродяга. Ничего, дорогие друзья, когда-то доберемся и до таких! А о душе сэра Уоднайта не спешите молиться. Скорее всего, она еще у него в теле. Возможно, магу в облаках грустно сидеть за столом в одиночестве, вот и призвал доблестного рыцаря, чтобы угостить хорошим вином!

Их лица посветлели, всем нравится думать, что боевой товарищ цел, это снимает с них часть вины, что не уберегли, что сами уцелели, а друг исчез.

Сэр Гrimмельсден наконец сказал бодро:

— Сэр Ричард, если вы не против... продолжим?

— И во весь опор, — подтвердил я.

Бобик самозабвенно рыскал по зарослям, торопливо давил оленей, кабанов, ловил гусей, вытаскивал рыбу из озер и ручьев, я пожалел Торкилстона и Ордоньеса, указал на сэра Гrimмельсдэна. Тот сперва оцепенел от ужаса, когда Адский Пес с красными горящими глазами начал тыкать ему в руки оленя, я посоветовал не обижать собачку, Гrimмельсден робко взял и тем самым вlip. Бобик носился по новым для себя землям, тут все чуточку иное, ловил, давил и приносил в таком диком темпе, что вскоре бедный рыцарь весь оказался обвешан добычей.

Я посоветовал передать соратникам, он тут же велел снять с него все это добро, однако Адский Пес ликующе приносил ему то нечто вроде кабана с крыльями, то огромную рыбу с золотыми перьями и зубами длиной в палец, то исполинского крота с такой густой шерстью, что невозможно прощупать кожу.

Тропка превратилась в дорогу, а когда ее пересекла под прямым углом другая, мы увидели просторный двухэтажный дом, широкий двор с крепкой оградой.

Сэр Гриммельсден спросил обеспокоенно:

— Остановимся на полчаса? А то наши кони падут раньше, чем доберемся до стены. Я уж и не знаю, что это у вас под седлом, не вспотело и даже не запыхалось...

— У меня конь, — ответил я с достоинством. — А что у вас, не знаю... Где-то, говорят, даже на улитках ездят.

— А что, — спросил он, — у вас все кони такие?

— Почему все? — удивился я. — Есть и побыстрее. Это просто конь как конь.

Они двинулись к воротам, Зайчик и следом за ним Бобик с легкостью и большим запасом перепрыгнули высокий забор. Я набросил повод на крюк коновязи, рыцари торопливо въезжали в ворота, кони в самом деле в мыле, бока раздуваются тяжело.

Чтобы не запалились, их быстро повели по двору вдоль забора, а мы, чьи кони в руках конюхов, вошли в дом.

Торкилстон зычно заорал с порога:

— Трактирщик!

Из кухни грузно вышел высокий и поперек себя шире могучий мужик с лоснящейся мордой. От него пахнуло жаром кухни и натопленных печей, а половицы постанывали и прогибались под его тушей.

— Да, ваша милость?

— Мне вина, — проревел Торкилстон, — тебе веревку!

— Ах, ваша милость, — возразил трактирщик, ничуть

не испугавшись, — никакая веревка меня не выдержит!
Что изволите?

— Ладно, — рыкнул Торкилстон, — не мечом же тебя бить по толстой заднице... Тащи на стол вино и вообще все, что у тебя есть лучшее на кухне и в кладовке.

Трактирщик не сдвинулся с места, Торкилстон грозно нахмурился, однако я бросил на стол золотую монету.

— Поторопись, — велел я. — Не будем в обиде, если принесешь не ты, а ребята помоложе и пошустрие.

Рыцари с шумом вваливались в помещение, устало рассаживались, сразу хватали кубки и чаши с вином. Оруженосцам и слугам налили пива, наши столы быстро заставили жареным мясом, сыром и овощами.

Все насыщались быстро, даже торопливо, смотрят виновато, это же понятно, что любая задержка дает лишний шанс Вильярду и его отряду выскользнути из наших лап.

Еще не допили вино, как Гrimмельсден поднялся из-за стола.

— Заканчиваем! Выходим!.. Опоздавших не ждать!

И снова мчались на усталых конях, дорога пошла вниз все круче и круче, кони тяжело и очень неохотно спускались по склону, приседали на крупы, храпели и дико вращали глазами. Торкилстон, жалея своего буланого, соскочил и шел рядом, держа его за повод и успокаивая.

Внизу зеленая долина и, главное, ровная, как стол. Кони всхрапывали и, дрожа всем телом, съезжали на усталых ногах. Сэр Гrimмельсден уговаривал своего коня еще чуть потерпеть, а там, видишь, дорогой, уже скоро отдыши...

Стена вырастала, пока совсем не закрыла впереди небо. Чтобы увидеть его, приходилось задирать голову, но и к такой стене ехали еще несколько миль, она все укрупнялась деталями, пока наконец не приблизились к подножию.

Сэр Гrimмельсден вскрикнул с досадой:

— Не успели! Вон видите?

У подножия каменной стены трое взмыленных коней потряхивают гривами, бока блестят, в нашу сторону посмотрели дикими глазами.

— Они успели, — горько заметил Торкилстон. — А вот мы...

— Что теперь? — спросил Ордоньес деловито и беспечно, я посмотрел на него с неодобрением, все хаханьки, видит только веселое приключение...

— Не знаю, — ответил сэр Гrimмельсден. — Только два варианта. Либо вернуться, либо последовать дальше.

— А куда дальше?

Он указал на стену.

— Вверх.

Торкилстон зябко передернул плечами, голос его потерял все краски:

— Я уже знаю, что скажет наш вождь.

Я спрыгнул на землю, Бобик вертелся вокруг, махал хвостом и обещал передушить всех зверей на мили вокруг, только не отправляйте его обратно. Зайчик смотрел добрыми грустными глазами, понимает, у этой стены расстаемся снова.

Я обнял его за голову и поцеловал в бархатные ноздри.

— Это ненадолго, — сказал я горячо. — Правда, правда!.. Жди.

Бобик напрыгнул и повалил, этого зверя пришлось ласкать дальше, чесать за ушами и трепать по холке.

Сэр Гrimмельсден передал коней оруженосцам, лицо виноватое, ему с отрядом велено возвращаться, сказал коротко:

— Пойдемте. Вон там лестница.

Шагах в полусотне от нас в стену вбиты толстые стальные клинья, наверняка длинные, если судить по расплющенным шляпкам, на них металлические кольца, система веревок, а еще несколько тонких канатов свисает до самой земли.

Торкилстон присвистнул, на земле корзина из прутьев

ев, выглядит не очень надежной, а веревки так и вовсе. Посмотрел на Ордоньеса с вопросом в глазах.

— Ты как?

— Я наверх, — ответил тот уверенно. — А в корзине или хоть так полезу, но я не пропущу такого приключения! Видать, не знаешь сэра Ричарда, с ним обязательно во что-то интересное вляпнешься!

— Это я не знаю? — возразил Торкилстон. — Я с ним уже вляпывался! Едва шкуру унес...

Ордоньес спросил с оптимизмом:

— Правда, здорово?

Торкилстон вздохнул и полез в корзину.

— Что теперь, — спросил он. — Подергать за веревку?

— Ни в коем случае, — вскрикнул сэр Гrimмельсдэн. — И без этого может оборваться!

— Вы хорошо успокаиваете, — нервно сказал Торкилстон. — Надежно так это. По-мужски.

Он присел, вцепился в края и плотно зажмурился. Ордоньес сказал одобрительно:

— А он не трус. Первый полез.

Сэр Гrimмельсдэн кивнул и уточнил:

— Да, конечно. Но страшнее всего последнему.

Корзина ползла вверх медленно, иногда останавливалась, мне показалось, что Торкилстон что-то привязывает к кольям, мимо которых поднимается, но чаще я видел только дно, что уменьшается вместе с самой корзиной.

Наконец она доползла до края, так вроде углубление, исчезла на время, а затем появилась и заскользила вниз уже быстро.

— Теперь я, — сказал Ордоньес, улыбнулся и пояснил: — Наш благородный друг сэр Гrimмельсдэн говорит, что подъема больше всего пугается последний.

— Не дождешься, — ответил я.

Его подняли так же благополучно, как и Торкилстона, но когда я влез в это ветхое сооружение и два каната начали со скрипом поднимать меня, я сразу вспомнил, что вешу намного больше Торкилстона и Ордоньеса, к то-

му же у меня в мешке доспехи, вот почему корзина уже начинает разваливаться... уже почти развалилась... вот трещит, а там расходится по швам...

Я обливался холодным потом снова и снова, а подъем казался бесконечным. Когда все нервы перегорели и наступило тупое равнодушие, сродни покорности судьбе, корзина доползла до самого верха, въехала в грубо пробруленную канаву.

Четверо рабочих мерно крутят рукояти гигантского колеса, а Торкилстон и Ордоньес почтительно ухватили меня за локти, помогая вылезти из корзины.

— Ваша светлость, — спросил Ордоньес живо, — как вам подъем?

Я зевнул.

— Так долго... чуть не заснул.

Ордоньес повернулся к Торкилстону.

— Я же говорил, с сэром Ричардом не соскучимся.

— Это я говорил, — возразил Торкилстон сварливо.

Я дал рабочим золотую монету.

— В какую сторону пошли высокий красивый рыцарь с высокой женщиной-воином, принцесса Алонсия и старик?

На меня уставились тупенько, самый смышеный переспросил в недоумении:

— Как, в какую? Тут только одна дорога. Дальше, говорят, будут еще, но мы их не видели.

— Прекрасно, — сказал я бодро. — У вас есть шанс догнать! Сэр Торкилстон, не спите! Мешок за спину, предстоит марш-бросок.

Глава 14

Королевство находится выше Сен-Мари чуть ли не на милю, да еще эта ступенька. Я всерьез ожидал проблемы с дыханием, как будто на Эвересте, однако вроде бы все

нормально, даже Торкилстон, хоть и чистый теперь горожанин, не захекался, хотя побагровел от долгого бега и взмок так, словно попал под дождь.

Я перешел на шаг, сказал хрипло:

— Даже если сейчас догоним... в таком виде нас и воробы заключают... Помедленнее, кони, помедленнее...

Торкилстон с великим облегчением перешел на шаг. Дорога здесь достаточно протоптанная, словно по лестнице народ снует вверх-вниз, как муравьи, деревья вытянулись вдоль нее, как стражи, высокие и с устремленными к небу ветвями. Некоторые так стремились коснуться туч, что ветки у них только на самой вершинке, раскидисты разве что оливы, кудрявые, пышные, покрытые серой пылью.

Из крупнозернистого песка проступают изъеденные временем мраморные ступени, когда-то здесь явно были прекрасные величественные здания, вон обломки сиенистовых колонн, остатки роскошного павильона, неведомые зодчие воздвигли нечто полукруглое и прекрасное с глубокими нишами для статуй богов и героев, но теперь ни статуй, ни павильонов, только изгрызенный фундамент с остатками стен...

Торкилстон, что старался всюду идти впереди, как бы взяв на себя роль телохранителя, остановился с испуганным воплем:

— Осторожно!

Но сам он не двигался, только меч выдернул и держит наготове. Мы подбежали с Ордоньесом, дальше каменные руины забрызганы кровью, я увидел тело крылатой твари, такими изображают демонов, однако это существо из плоти и крови.

Голова рассечена надвое, из груди торчит длинная стрела с пером черного лебедя в расщепе.

Ордоньес прошел вперед и закричал довольно:

— Сэр Ричард! Здесь еще две!

Одна тварь, размером с цербера и зачатками крыльев,

распростерлась на ступеньках, вторая, еще крупнее и уродливее, растянулась во всю длину на выщербленных плитах пола.

Ордоньес с трудом перевернул ее на спину. В груди обломки двух стрел, три жуткие раны на груди, череп треснул от удара молота или тяжелой дубины.

— Кто-то дрался храбро, — сказал он с уважением. — Все раны спереди.

— Это значит, — возразил я, — и эти твари дрались храбро!

— Но их победили, — заметил он. — Здесь прошел не простой воин.

Торкилстон сидел на корточках и кончиками пальцев осторожно прикасался к земле.

— Их пришло пятеро, — обронил он негромко. — Мужчина, две женщины, старик и... что-то странное... Я бы сказал, что к ним присоединился... гм... гном.

Ордоньес нахмурился.

— А он откуда взялся?

— Думаю, — предположил Торкилстон, — откуда и мы. Да, точно гном... Ага, вот еще следы. Как будто мужские, но это женщина...

Я вздохнул.

— Всегда избегал таких компаний, не люблю затертых решений, но здесь классика: воин, принцесса, маг и гном.

— А еще Боудеррия, — добавил Ордоньес.

— Да, — согласился я. — А еще Боудеррия. Она, значит, спутник главного героя. Сильная, тупая, преданная, погибнет в последней схватке, защищая принцессу или этого Вильярда.

Ордоньес сказал хмуро:

— Вообще-то должны погибнуть все, кроме главного и принцессы. Так всегда делается...

Торкилстон смотрел то на меня, то на Ордоньеса, на конец завопил возмущенно:

— Что вы мелете? Все должны погибнуть, кроме нас! А то что получается? Если они выживут, то погибнем мы?

Я кивнул.

— Так записано в Книге Судеб. Но мы христиане, если еще помните.

Торкилстон вздохнул.

— С вами забудешь!

— Даже я запомнил, — сказал Ордоньес и передернул плечами, словно ему за шиворот упала ледяная сосулька.

— Мы за языческое наследие, — закончил я, — как обезьяны с дерева. Или, как сказано в Библии, как кроткие голуби в полете. Пошли, у нас мало времени.

Дальше небольшой пустырь, угадывается некий двор вельможи, остатки каменного забора, непонятные руины, то ли остатки стены, то ли выдавленная из недр земли скала с удивительно гладкой поверхностью.

Я все ускорял шаг, сердце стучит громко и тревожно. Если догоняют, то нас могут заметить первыми, тогда из засады легко перебить нас, как куропаток, если же они оторвались от нас, то непонятно, как это сделали. Запас в несколько часов — это да, но нас трое здоровых мужчин, а там еще и старик с нежной принцессой. Да еще и гном, которые тоже не элитные бегуны, если я понимаю, что такое гномы.

Торкилстон, морщась, разглядывал следы, вскинул руку.

— Стойте!.. Вот здесь они повернули и пошли... пошли... да... пошли вон в ту сторону...

Я переспросил:

— Точно? Но разве к Сумрачному Гrotu идти не прямо?

Торкилстон кивнул.

— Да, прямо.

— Так почему же?

— Не знаю. Может быть, впереди болото? Нет, не похоже. Зыбучие пески?.. Что-то непонятное?

Я поколебался, сказал после паузы:

— Если срежем малость, у нас реальный шанс догнать их сегодня. А иначе придется ночевать, вон солнце идет к закату.

Торкилстон, еще сильнее морщась, проговорил стонуще:

— Нет, лучше прямо.

— Ордоньес?

Ордоньес удивился:

— Ваше светлость, вы должны принимать решения сами, а не спрашивать наши советы! Мало ли что мы хотим.

— А может, — ответил я, — мне нужно знать ваше мнение, чтобы поступить наоборот?.. Ладно, пошли.

Мы постоянно перешагивали через обломки малых колонн, обходили большие, изъеденные временем так, что уже походят на окаменевшие чудовища. Ноги то скользили по уцелевшим мраморным плитам, отполированным до блеска, то спотыкались о торчащие остатки некогда прекрасных статуй, это угадывается по уцелевшим обломкам, а я, как Кьюые, способен по сохранившемуся пальцу понять красоту и величие скульптуры.

Ордоньес шагает достаточно бодро, хотя уже облачился в кирасу и даже надел железный шлем, еще раньше нацепил на руки и ноги стальные защитные пластины, а вот сэр Торкилстон постанывает, шатается, лицо стало бледным.

Я хотел поинтересоваться, не заболел ли, как вдруг совсем неподалеку раздался глубокий вздох, словно зевнула гора, земля дрогнула, за соседним гребнем чувствуется движение, будто некое чудовище размером с дворец устраивается в норе.

Ордоньес первым взбежал, крадучись, присел, я видел, как он вздрогнул и пригнулся голову. Не дожидаясь сигнала от него, я быстро подобрался к нему, осторожно выглянул.

Совсем близко, в полусотне шагов, блаженно дремлет, опустив тяжелые веки и подложив голову на прогретый солнцем песок, самый исполнинский дракон, каких я только видел. Массивный, покрытый толстой костяной броней, крылья стянуты горбом на спину, голова размечром с тушу быка, но кажется маленькой в сравнении с собственным туловищем.

— Вот это ящерица, — прошептал Ордоньес, — я таких даже над морем не видел...

— Понятно, — сказал я нервно, — почему след ушел так резко в сторону. Если он проснется и поднимет голову, а шея у него длиннее, чем ствол дерева, то увидит все вокруг, как ни прячся...

Ордоньес помахал рукой, Торкилстон, сильно хромая и пошатываясь, приблизился к нам, бледный и со страшальческими глазами.

Я указал за камни.

— Посмотрите, какой красавец нежится на солнышке. Все звери любят вот так поваляться...

Торкилстон посмотрел, поморщился и отодвинулся.

— Ну что, — спросил я шепотом, — что скажете? Как вам дракон?

Он огрызнулся:

— Какой, к черту, дракон?.. Вы мудрый человек, оказывается, сэр Ричард!

— Я такой, — согласился я несколько настороженно, — только сейчас уразумели?

— Только сейчас, — ответил он стонущим голосом. — А я тогда, дурак, согласился на те модные сапоги с узкими носками!..

— Ага, — сказал я несколько обалдело, — ну да, это я по великой мудрости отказался, а как же, ну да. Потерпите чуть, потом можно босиком...

Он прошипел оскорбленно:

— Рыцарь и — босиком? Сэр Ричард!

Я выставил перед собой ладони.

— Это во мне провякало милосердие, сэр Торкилстон. Не обращайте внимания, как мы, мужчины, вообще-то и не обращаем. Оно приходит с возрастом, а мы пока только за справедливость! И в задницу всякое милосердие, страдание, сочувствие, политкорректность...

Он переспросил с недоумением:

— А что такое... политкорректность?

— Так называется страх, — объяснил я, — получить в морду, чуть-чуть прикрытым рассуждениями о гуманизме и братстве.

Потихоньку отползли, а потом еще с полмили шли, пригибаясь и разговаривая шепотом, пока Ордоньес, что теперь шел впереди, не вскрикнул обеспокоенно.

Остатки малого храма, вот даже плита жертвенного камня, дальше провал, словно по земле провели исполинским плугом, выворачивая пласти земли, способные накрыть дома, там груды отесанных камней, а здесь все залито кровью; и... трупы трех гигантских медведей, если медведи могут быть такой величины. Даже полярные выглядели бы рядом медвежатами.

Двое убиты острой сталью, на третьем не осталось шерсти, а шкура сожжена так, что кое-где обуглилась. Ордоньес сразу же поковырял ножом, пахнет жареным мясом, в трещине обнажилась испеченная плоть.

Торкилстон с недоверием смотрел, как соратник вырезает сочный кус, наконец обнажил меч, оба вырубили по куску и сразу же зачавкали, а Торкилстон, не переставая жевать, встал на четвереньки и пошел так, рассматривая следы.

Я сказал брезгливо:

— Вы что, голодные?

Торкилстон сказал обиженно:

— Сэр Ричард, это же гракхи!

Я осведомился:

— И что?

— Если поесть их мяса, то мужская сила возрастает впятеро!

— И где будете тратить? — осведомился я. — Разве что ночью к вам кто-то придет. Солнце вон уже садится...

Торкилстон вздохнул. Поднялся.

— Вы поступили мудро, сэр Ричард, — заявил он.

— В чем? — спросил я. — Вы говорите, говорите!.. Я знаю, что мудрый, но послушать лишний раз всегда приятно.

— Вы пустили сэра Вильярда вперед, — объяснил он. — Иначе с чудовищами пришлось бы драться нам. А так он всех поубивает, тратит силы...

Я сказал хмуро:

— Но он может первым и схватить Камень Яшмовой Молнии. Тогда туши свет, мир кончится.

Торкилстон побледнел, посерезнел, а Ордоньес даже выронил кусок мяса в пепел от костра, тут же поднял, отряхнул.

Торкилстон проговорил дрогнувшим голосом:

— Надо их нагнать.

— Они ослабели от схваток, — сказал Ордоньес. — Смотрите, это их кровь!.. У медведей и цвет другой, и не такая липкая...

— Да и не медведи это вовсе, — определил наконец Торкилстон. — Я понял... Это грегверты, они очень похожи на гракхов, но это не гракхи.

Ордоньес спросил нетерпеливо:

— А что такое грегверты?

— Лягушки, — объяснил Торкилстон. — Только большие и волосатые.

Ордоньес снова выронил мясо и уставился на Торкилстона выпученными глазами.

Солнце опустилось за дальнюю гору, но мир еще оставался чистым и прозрачным, наполненным незримым светом, руины резче обозначили сколы и грани, тени стали глубже, таинственнее, а то и вовсе пугающими.

В небе еще полыхает закат, библейская мощь зарева, тяжелое золото туч, застывших в небе до утра, но воздух быстро теряет солнечный зной, ночь обещает быть прохладной.

— Не успели, — сказал я с досадой. — Ладно, не стоит биться головой о камни... Они тоже ночью не сойдут с места. Нужно только встать с рассветом. Потому никаких рассказов о былых приключениях, ложимся и спим.

Торкилстон простонал:

— Я уже падаю... и сплю...

Ордоньес сказал деловито:

— А я сперва обеспечу костер.

Я покачал головой.

— Разве у тебя не пояс Ягецция?

Он слегка смущился.

— Уже знаете? Я как раз его имел в виду.

Он снял пояс, повернул два кольца и положил его между нами на камни. От пояса пошел яркий оранжевый свет, чистый и ясный, словно светит крохотное солнце.

— Никакой зверь не подойдет, — сказал он. — Я проверял не раз.

— Тогда спи, — велел я.

— А вы, ваша светлость?

— Немного посижу, — ответил я. — Потом тоже лягу.

Глава 15

Умные учатся с первой попытки, но я потратил половину ночи, стараясь превратиться в большого и ужасного дракона. Когда не получилось, я попробовал разные формы, размеры, пока в конце концов не заказал себе, совершенно измучившись, стать летающей тварью с себя размером.

Получилось тоже с трудом, долго и мучительно, но все-таки получилось. Я поспешил взлетел, пока соратни-

ки спят, с моим зрением смогу обнаружить беглецов с высоты, пошел в ту сторону, куда, как указал Торкилстон, ведут следы, долго летел, пока не понял, что так далеко они уйти не могли, вернулся, начал ходить кругами, всматриваясь до рези в птеродактильных глазах.

Два неприятных открытия: первое, не могу превращаться в большого и сильного дракона! Хорошо, что удастся хотя бы в мелкого. Но, догадываюсь, если переплыть океан, потеряется и эта способность к метаморфозе. Пожале, в самом деле все эти возможности вроде... язычества, что ли. В Греции, скажем, были одни боги и одни возможности, в Скандинавии — другие, а Пернатый Змей Аксолотль мог быть только в Ацтекии, а за ее пределами то ли рассыплется в пыль, то ли скорее всего превратится в безобидную лягушку, каких много.

И только святость паладина везде одинакова, потому что Зевс создал одну Элладу, а Господь создал весь белый свет. Это, конечно, грубое и неверное объяснение, но зато объясняющее, почему в каждом регионе свои волшества, но зато данное Господом работает везде одинаково, не снижая магии.

Второе открытие, что маг сумел укрыть беглецов от моего взора. Вряд ли он укрывал именно от меня, я не льщу себе такой мыслью, а скорее всего просто накрыл магическим щитом всю команду от любых людей и зверей, что могли бы помешать их сну.

Когда Ордоньес зашевелился и открыл глаза, я сидел уже в той же глуповатой позе мыслителя, бездумно пятившись в землю перед собой.

— Ваша светлость, — спросил он с ехидцей, — вы что же, без перинки никак?

— Умею спать в запас, — пояснил я. — Такова сущность паладина, воина церкви.

Что это у меня не от церкви, да и не запас, уточнять не стал, мелочи. Важнее, что снова начинаем погоню, и снова между нами все та же дистанция.

— Сколько до Сумрачного Грота? — спросил я.

Торкилстон ответил сонно:

— Тroe суток... Доброе утро. Что, уже утро? Я ж только глаза прикрыл!

— Надо спать с открытыми, — сварливо сказал Ордоньес.

Эти двое помнили, что умею создавать еду, да еще какую, потому запасов с собой не взяли, чем весьма удивили лорда Моргана Гrimмельсдэна и его рыцарей. Торкилстон туманно объяснил, что настоящие мужчины питаются тем, что бьют на ходу, Гrimмельсдэн осторожно заметил, что могут попадаться только песчаные ящерицы, Торкилстон заверил бодро, не моргнув глазом, что настоящие мужчины не смотрят, что едят.

И вот сейчас они пожирали деликатнейшее мясо, тонко нарезанные сыры, хрустели изумительно приготовленным хлебом с пахнущей травами корочкой, и в самом деле даже не смотрели, что едят, а блестящими глазами всматривались в пропасть из утреннего тумана остав каменной башни, архитектура странная, еще не встречал шестиугольных, к тому же вытянутых клином.

За башней нежный алый рассвет, а справа и слева, пока еще на приличном расстоянии друг от друга, поднимаются угрюмые стены ущелья.

Ордоньес, прекрасно чувствуя мое нетерпение, бодро вскочил, потянулся и гаркнул весело:

— Готов, ваша светлость! Какие приказания?

Он явно наслаждается приключением, в новинку вот так на суще, интересно-то как, а вот Торкилстон поднялся со стоном, хотя перед сном изрезал ножом дорогие сапоги, выставив наружу истертые в кровь пальцы.

— Готов...

Голос звучал обреченно, словно готов лечь в гроб и

закрыть глаза. Я поправил лук за плечами, закинул мешок за спину и поднялся.

— Вперед.

Башню миновали спокойно, Торкилстон оживился было и уговаривал заглянуть, в таких иногда можно найти старинные вещи, находят даже мощнейшие амулеты, но я был неумолим, прошли мимо, и тут из стены, изрезанной щелями, выметнулись красные тела с огромными крыльями.

Поднялся неистовый крик, Торкилстон и Ордоньес выхватили мечи, а в моих руках оказался лук.

Гарпии, только крупнее, и еще почему-то красные, таких еще не видел. Раньше приходилось отбиваться от серых, иногда почти черных, всегда неопрятных, с противными визгливыми голосами, а эти словно только что вынырнули из кровавого заката: пурпурные, яркие, стремительные, в каждом движении легкость и уверенность хищника.

Они пронеслись над нашими головами на высоте, растопырив крылья, планируя, что значит, начнут снижаться, а сейчас пока выбирают, кому на кого броситься...

— Да их тут десятки! — прорычал Ордоньес.

Я наложил на тетиву стрелу и быстро выстрелил, тут же схватил вторую, третью. Гарпии продолжали визжать страшно и отвратительно, мороз по коже, даже не услышали вопли своих раненых сотоварищей, я успел поразить шесть штук, когда они наконец ринулись в крутое пике.

Ордоньес и Торкилстон видели, как стрелы бьют насмерть, потому не встали спина к спине, чтобы драться насмерть, а хладнокровно маневрировали. Гарпии то и дело промахивались, две с такой силой ударились о землю, что остались там трепыхаться, как куры с отрубленными головами.

Я выронил лук, когда на меня ринулись сразу две, отпрыгнул, крутнулся и ударил мечом. Лезвие дернулось

в руках, словно наткнулось на толстое полено. Гарпия страшно вскрикнула, шея переломилась, из раны плеснула оранжевая кровь, а голова бессильно повисла. Вторая лишь зацепила когтями за плечо и хрюнула о твердую землю с такой силой, что затрещали тонкие кости.

Справа от меня Торкилстон поспешил отпрыгнуть в самый последний момент, гарпия, промахнувшись, ударила в землю. Когтистые лапы со скрежетом рвали сухую землю. Крылья рукокрылого, отметил я, по спине идет шипастый гребень, напоминающий латы, надо бить только в пузо...

Я дрался уже с третьей, но видел, как Торкилстон наступил на голову гарпии и сильным ударом отрубил голову. Моя гарпия умело зависла в воздухе, виртуозно работая крыльями, орала и пыталась достать меня длинными когтями. Я замахивался мечом, она поспешила отдергивала лапы и даже взлетала выше, но тут же бросалась снова.

Наконец я сделал вид, что споткнулся и падаю. Она с победным визгом устремилась сверху, уже нацелившись в шею, я поспешил выбросил обеими руками острье меча навстречу, действуя, как копьем.

Руки болезненно тряхнуло, но гарпия насадила себя на клинок, визжала и суматошно била крыльями. Я рывком стряхнул ее и бросился на помощь к Ордоньесу, его свалили две твари и со скрежетом царапали когтями по уже не блестящему панцирю.

Я рассек одной хребет, вторая повернулась ко мне, и я в лихом замахе снес ей голову. Кровь из шеи хлынула Ордоньесу прямо на шлем, заливая щель забрала. Слышно было, как он кашляет и ругается. Я сразил еще одну и кинулся к Торкилстону, он встал спиной к стене и умело отбивался сразу от трех тварей.

Одну убил я, другую Торкилстон, третья поспешила взвиться в воздух. Я торопливо схватил лук, наложил стрелу.

Он прохрипел, задыхаясь:

— Не успеваете...

Я спустил тетиву, пальцы ожгло болью, а высоко в небе удаляющаяся красная тварь подпрыгнула в воздухе. К нам донесся душераздирающий крик, часто и беспорядочно забили крылья. Гарпия начала заваливаться к земле.

От удара о землю взметнулась пыль, словно с высокой горы рухнул валун. Гарпия разбросала крылья, ярко-красные на краях и с багровостью ближе к туловищу, когти на крыльях, как ножи, лапы мускулистые, с хищно загнутыми когтями.

Торкилстон, сильно хромая, подошел и с бессильной злостью пнул с такой силой, что должна бы улететь за пределы поляны, но вместо этого охнула и заскакал на одной ноге, хватаясь за ушибленное место.

— Из чего же эта тварь...

Ордоньес подошел, лицо стало угрюмым, сказал тревожно:

— Могу сказать, откуда.

— Ну так скажи!

— Из ада, — ответил Ордоньес с хмурой гордостью. — В самом деле. Смотри, остывает...

Пурпурные крылья стали багровыми, затемнели, слышалось пощелкивание, наконец гарпия стала серой, крылья застыли. Торкилстон нагнулся и попытался согнуть, но гарпия выглядит отлитой из металла, потом сухо хрустнуло, крыло отломилось, словно сосулька.

Торкилстон сердито сплюнул под ноги.

— Даже жаркое из такой не получится. Для чего и живут, непонятно!

Ордоньес проворчал:

— Какие гадкие твари... У меня от одного визга стыла кровь.

— У меня тоже, — сказал Торкилстон. — Никакого жуткого рева не пугаюсь, но когда визжат так противно...

— Вы женаты, сэр Торкилстон?

— Увы, да.

— Я вам искренне соболезную.

Я посмотрел с сочувствием на обоих, у меня крылья еще не подрезаны, сказал с достоинством:

— Все, кто визжит, в родне с демонами. Кто слышал, чтобы лев визжал? Или тур?.. Даже медведь, что вон у вас на гербе?

— Ну знаете ли, — сказал сэр Торкилстон недовольно, — иногда визг бывает такой, что... даже льстящий...

Ордоньес изумился:

— Это как?

— Женщина визжит, — пояснил Торкилстон, — увидев мышь или лягушку, а нам смешно! А вот когда на тебя самого визжат, это да, это уже гарпия, а не жена... Что скажете, сэр Ричард?

— Пойдемте, — ответил я нетерпеливо.

Стены очень медленно, но сужались. Мы сделали не больше двух сотен шагов, Торкилстон присвистнул изумленно. Остановился, ожидая нас.

Впереди между разбросанными валунами, а кое-где и на них, пламенеют застывшие тела красных гарпий, уже остывшие, окаменевшие, мертвее некуда.

Ордоньес прошелся между каменными фигурами, у двух мощными пинками с хрустом сбил головы.

— Тут прошли не ротозеи, — сказал он задумчиво. — Совсем не ротозеи. Мы отбились от десятка, а эти перебили целую стаю!

— Здесь не меньше полусотни, — согласился Торкилстон. — Не представляю, если бы все бросились в нашу сторону...

Ордоньес хитро посмотрел на меня.

— Кто-то верно сказал, наш сюзерен поступает хитро...

Я сказал сварливо:

— Ладно, пойдемте. Дух можно перевести и на ходу. Еще лучше — на бегу.

— Как? — изумился Торкилстон.

Не отвечая, я шел вперед быстро, временами переходя на бег. Стена справа придвигнулась ближе, я мазнул взглядом по участку, где поверхность выровнена до блеска, меня передернуло само по себе, отчетливо видны грубо вырубленные знаки.

Торкилстон внимательно посмотрел на меня, снова перевел взгляд на эти черты и резы.

— Знакомо? У вас такое лицо...

— Уже видел такие, — сказал я нехотя.

Он спросил жадно:

— Где?

— Далеко, — ответил я. — Но главное, часто. Просто в глазах рябит.

— А что это?

Я ответил глубокомысленно:

— Руны, что еще?

— А что там?

— Под такими, — объяснил я скучающе, — всегда заперт какой-нибудь древний и очень могучий демон, что вот-вот вырвется и уничтожит мир. Таких масса, под каждым камнем по самому могучему и самому древнему, запертым там тоже древними богами, которые теперь куда-то делись. Нет фантазии у наших предшественников.

— Или просто было некогда, — предположил Ордоньес. — Быстремко запечатали в такое место и пошли дальше.

— Мы тоже останавливаться не будем, — напомнил я. — Пусть сидит. Долгое заточение способствует.

— Чему?

Я пожал плечами.

— Человек мудреет. Или даже мудреет. Со временем. Пересматривает взгляды... В смысле, систему ценностей. Начинает понимать, что насилием ничего не сделаешь и не добьешься, с тоски начинает пить и благопо-

лучно помирает. Руки судей чисты, никакой вроде бы высшей меры.

Торкилстон забежал вперед и долго всматривался в следы, а когда поднял голову, на лице была тревога.

— Ничего не понимаю, — сказал он растерянно. — Следы говорят, что они опережают нас на сутки!.. Уже не догнать... До святилища осталось не больше двух дней!

— Для них?

— Для нас, — сказал он потерянным голосом. — А им всего лишь сутки!

Я торопливо огляделся, нельзя признаваться, что пал духом, но этого Вильярда не останавливают ни красные гарпии, ни чудовищные гракхи и даже не замедляют. Более того, он проносится через их земли, как огненный вихрь, а мы и по расчищенной от чудовищ земле не в состоянии его догнать, позор всем нам...

Все смотрят с ожиданием, вот прямо щас решу все их проблемы, а заодно и наши, я слготнул ком в горле и проговорил с неуверенностью:

— Мы все время шли за ними, обходя Землю Мертвых... А если ринуться напрямик?

Торилстон вскрикнул:

— Мы погибнем!

— Точно? — переспросил я. — Но и путь в обход считался гибельным, но Вильярд со своими людьми и слабой принцессой все-таки сумели?.. Сколько мы выиграем?

Он покачал головой.

— Ничего.

— Почему?

— Мы погибнем, — повторил он.

— А если бы не погибли? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Выиграли бы день-полтора.

Я спросил быстро:

— Значит, пришли бы к Сумрачному Гроту либо сразу за Вильярдом, либо с ним разом?

Он нехотя кивнул.

— Да, но это в случае, если вообще пройдем и пройдем быстро. Но, сэр Ричард, этой дорогой никто не ходил вообще!

— Наверняка ходили, — поправил я, — иначе откуда известно, что непроходима?.. Кто-то из уцелевших успел убежать, вернуться и рассказать. Однако, сэр Торкилстон, мир так устроен, человек постоянно набирает все больше мозги. Ранее непроходимые земли становятся проходимыми. И когда все земли и острова будут открыты, начнем жадно искать, куда бы еще... Вы не поверите сейчас, но будут пройдены все пустыни, все болота, все моря, люди заберутся на Эверест и поставят шатер на Северном полюсе... Ладно, это меня занесло, давайте все-таки решим: совершим ли подвиг, впервые пройдя Землю Мертвых? Или оставим всю славу нашим потомкам?

Они переглядывались, Торкилстон кривился, Ордоньес смотрел очень пристально, Торкилстон скрестил руки на груди и покачал головой, но заговорил первым как раз Ордоньес:

— Я видел, что натворил сэр Ричард по ту сторону океана... Потому я готов рискнуть и пойду с ним.

Сверяясь с картой, мы прошли до конца ущелья, а дальше я повернулся в закрашенную черной краской область, где зловеще проступают жуткие слова «Земля Мертвых».

— Торопимся, торопимся, — приговаривал я. — И вернуться давно надо... и с пустыми руками как-то не так...

Торкилстон сказал угрюмо:

— Да хорошо бы только с пустыми. Я начинаю верить, что этот неистовый вояка сумеет совершить то, что пока не смогли за сотни лет.

Ордоньес переспросил:

— А что такое особое в том Гроте?

Торкилстон отмахнулся.

— Лучше не спрашивайте. Там какой-то особый камень, в нем такая мощь, что может испепелить весь мир. Такое вообще не должно попадать на землю.

Глава 16

Бездонный, бесплодный и безрадостный дол впереди, земля черная, но не чернозем, а словно покрыта сухим безжизненным пеплом. Страна, дочерна спаленная не то солнцем за грехи, не то чем-то особо яростным.

Слева поднялись дюны из черного уплотненного пепла, торчит жесткий кустарник, но когда Торкилстон тронул веточку, та с хрустом обломилась и рассыпалась в пыль. От всего дикого простора веет ужасом и безнадежностью, словно уже опустились в ад.

Справа высокие черные утесы торчат, словно из моря застывшей нефти, но земля если не покрыта пеплом, то изрезана трещинами.

Внезапно цепочка на шее сэра Торкилстона резконатянулась, указывая острым концом амулета на ближайший утес. Руки Торкилстона ухватились за внезапно засиявший камешек, лицо побагровело, мы не успели ахнуть, как его неудержимо потянуло к каменной стене.

Он ударился всем телом, уперся руками, а когда с силой оттолкнулся, сверкающий камешек исчез. Цепочка свободно болтается на груди, звенья на кончиках светятся красным. В стене утеса быстро разрастается свечение, выпячивается уродливый горб, словно безобразная опухоль, затем расплылась по камню, и там пропал барельеф человеческой фигуры.

Мы выхватили мечи, а каменный человек с усилием повернулся в камне. В нашу сторону взглянули незрячие глаза, лицо крупное, нечеловеческое, словно неведомый скульптор выпячивал одни характерные черты за счет других.

Я сказал нервно:

— Ну? Что скажешь?

Он прогрохотал гулко:

— Вы можете пройти.

Медленно переступая каменными ступнями, он отодвинулся, а за его спиной открылся темный ход с грубым сводом. Судя по своду, ход идет вниз достаточно круто.

Я поколебался, Торкилстон и Ордоньес отступили, выставив перед собой бесполезные мечи. Каменный страж не двигался.

— Наверное, — сказал я, — стоит рискнуть... Глупо, конечно, но, с другой стороны, мы безнадежно опоздали. А здесь то ли хитрый ход, как еще больше сократить дорогу... вдруг да не придется драться на Земле Мертвых?.. то ли что-то такое, что не обязательно снесет нам головы.

Ордоньес сказал бодро:

— Ваша светлость, я за вами пойду везде! Вас кинь в воду, вынырнете с во-о-от такой рыбиной в зубах!

Торкилстон поморщился, явно хотел предложить отказаться, но против двоих не попрешь, кивнул.

— Я с вами.

Не колеблясь больше, я шагнул в темный ход, пальцы привычно извлекли из воздуха шарик света. За моей спиной топали так же осторожно, живности не чувствуется, надо только смотреть под ноги.

Так прошли с полчаса, все это время ход медленно, но неуклонно вел вниз. Я беспокоился не меньше осторожного Торкилстона, но вожак не должен выказывать сомнений, я шел подчеркнуто бодро, шутил, пусть неуклюже и натянуто, но когда впереди выросла сплошная стена, умолк, чтобы не выказать панику.

Тупик, абсолютный тупик, а если возвращаться тем же путем обратно, то усталые ноги откажутся подчиняться на полдороге, если не раньше.

Торкилстон проговорил устало:

— Хорошо, что есть тупики. Можно остановиться, оглянуться.

Ордоньес проронил с надеждой:

— Что будем делать, ваша светлость?

— Нельзя стоять на месте, — пробормотал я, — надо идти искать новые тупики!

— Легкие пути ведут в тупик, — сказал он. — Хотя иногда выход и есть тупик.

Я сказал наигранно твердо, хотя чувствовал себя не тверже медузы:

— Не бывает тупиков. Бывают непробитые тоннели.

Они помолчали, наблюдая, как я всматриваюсь в стену из толстых гранитных плит, на каждой грубо высечен знак. Я с трудом разобрал изображение человечка, ящерицы и вроде бы птицы. Сэр Торкилстон, как человек более близкий к природе, еще увидел жука, рысь, буйвола и аиста. Для меня это только поцарапанные плиты, зато Ордоньес оказался кладезем флоры и фауны: назвал еще с десяток, а на мои ящерицу и птицу сказал авторитетно, что это муравей и лист клена.

— Зачем они это? — спросил Торкилстон.

— Чтобы потомки ломали головы, — ответил я. — Интеллектуальная головоломка. Игры разума, так сказать. Хорошо хоть души не играют...

— Чтобы клад достался умным, — предположил Ордоньес.

— А как достанется им?

— Дураки постучат лбами и уйдут, а умные откроют и выгребут все золото. Как думаете, сэр Ричард?

Я пожал плечами.

— Не думаю, что предки были столь благородны и заботились о повышении интеллектуального потенциала потомков.

— А что тогда?

— Скорее всего, — предположил я, — секретная ком-

бинация передавалась от отца с сыну, а от того — к внуку...

Сэр Торкилстон сказал уныло:

— Тогда лучше и не пытаться.

А Ордоньес сказал с надеждой:

— Я все еще верю в его светлость. Может быть, он попытается прочесть?

— Попытаюсь, — ответил я скромно.

Сэр Торкилстон спросил с удивлением:

— Вы знаете древний язык?

Я пожал плечами.

— Мир двигается к усложнению, сэр Торкилстон. Чем глыбже заглянем в прошлое, тем проще там жили, думали, говорили и даже вязались. Простому человеку не понять сложного, а вот нам, высокоцивилизованным, что даже сморкаться умеем двумя пальцами, нетрудно понять тех простых и даже примитивных существ... ага, вот тут связь... здесь чувствуется аллюзия... ну да, это же...

Мои ладони с силой надавили на одну из плит. Она чуть дрогнула, но не сдвинулась с места, зато с другой стороны загрохотало. Вся стена со скрежетом поползла к нам, уплотняя воздух в тоннеле.

Оба выхватили мечи, сэр Торкилстон вскрикнул:

— Сэр Ричард, вы прочли задом наперед?

— Хорошая мысль, — сказал я торопливо. — Есть же дикие народы, что вообще пишут сверху вниз или справа налево...

Стена ползла тяжелая, как айсберг, под ней скрежещет и потрескивает, словно сработала в первый раз и еще не превратила в песок мелкие камешки, оставленные под нею ленивыми строителями.

— Сэр Ричард, — вскричал Торкилстон. — Поступите!

— Да я тоже, — пробормотал я, — в некоторой степени заинтересован...

Оба подбежали к стене и уперлись руками, плечами.

Краем глаза я видел, как подошвы скользят, лица соратников побагровели, у сэра Торкилстона глаза лезут на лоб, а у Ордоньеса жилы вздулись на лбу и висках, толстые, как мускулы поэтов.

— Сэр Ричард!

— Ага, — сказал я, — вроде бы понял...

Стена теснила и теснила, наконец мы все трое оказались зажаты в узком колодце. Начало трещать железо панцирей, но я отыскал взглядом и кое-как надавил свободной кистью руки на нужный камень. Стена с неудовольствием застыла. Слышалось хриплое дыхание, в груди сэра Торкилстона сипит, как в порванных мехах кузнецкого горна, на лицах страх и недоверие.

Ордоньес прохрипел:

— Признайтесь, ваша светлость...

— В чем?

— Нарочито тянули до последнего мгновения? Чтоб интереснее?

— Вы как в воду глядели, — ответил я. — Разве не ради таких мгновений сошли на берег?

Загрохотало в дальнем конце, опустилась плита, блеснул оранжевый свет горящего масляного светильника. В обрамлении каменных стен появился узкий ход, а в самом конце виднеется проем освещенного помещения.

Сэр Торкилстон сказал нервно:

— Я туда не пойду!

— Что случилось? — спросил я.

— Низко, — отрезал он.

— И что? — спросил я. — Пригнется.

Он прошипел:

— Я? Благородный человек, рыцарь?.. Комендант города Тараксона?.. Я везде привык ходить с гордо поднятой головой, сэр Ричард!.. А здесь вообще придется на четвереньках!..

Ордоньес вздохнул и сказал тяжело:

— Сэр Торкилстон прав. Это унизительно. Я все-таки

адмирал и граф вашей милостью. Мне тоже туда как-то неприлично даже.

— Надо бы встать на четвереньки, — пояснил мне Торкилстон. — Но я рыцарь, сэр! А вами возведен на такую высоту, что теперь моя рыцарская честь не позволяет творить такие постыдные вещи.

Я стиснул челюсти. В моем срединном революция стала возможной потому, что в атаку офицеры красиво и гордо шли в полный рост впереди наступающих войск, стыдясь пригибаться или передвигаться перебежками. Их убивали в первых же боях, на смену присылали совсем не обученных из училищ. Эти необученные, но гордые, блю-дя честь, тоже старались в первую очередь быть красивы-ми и достойными. В конце концов вечно недовольных простолюдинов сдерживать оказалось некому...

— Вы прекрасно сказали, сэр Торкилстон, — ответил я с чувством. — И вы, благородный граф Ордоньес, адми-рал великого флота маркизата Черро. Да, это возвыщенно и прекрасно!.. Но я должен напомнить, что даже рыцари не выше Господа. Он нарочно создал эту нору с низким сводом, чтобы мы выказали ему смиренение, ибо он — наш Сюзрен и Повелитель!

Они торопливо перекрестились, я посмотрел на них строго и, вытащив из-за пазухи крестик на цепочке, при-ложился к нему губами, а затем встал на четвереньки и полез по норе.

Через полсотни шагов ползком ход расширился, а за-тем вышли в просторную комнату, явно не пещеру, на стенах и низком потолке видны следы зубила, все с облег-чением расправили спины и осмотрелись.

Комната не выглядит жилой, но остатки шкур, мно-жество костей подсказывают, что гости бывали часто.

Торкилстон пощупал рукоять меча и поправил пере-вязь, чтобы оружие оказалось в нужный момент под ладо-нью, а не за спиной. Ордоньес осматривался с некоторым

безразличием, что пугает и льстит одновременно, очень уж верит в мою везучесть,

— Что дальше, сэр Ричард?

— Нам вообще не так уж и далеко, — сказал я. — До сумрачного Грота не больше двадцати-сорока миль. Мы срезали даже больший крюк, чем рассчитывали. Вся задача в том, как подняться.

Ордоньес спросил:

— А если сумрачный Грот под землей?

Я покачал головой.

— Нет, во всех легендах он на поверхности. Там даже деревья упоминаются. Будем искать выход.

Ордоньес повторил бодро:

— Нет тупиков, есть непробитые тоннели!

— Совершенно верно, граф.

Торкилстон покосился на пирата. Ах да, он еще и граф, вздохнул и пошел ощупывать стену.

Он продвинулся почти до угла, как под его ногами зашаталась плита. Он замахал руками, стараясь удержать равновесие.

Я закричал бешено:

— Прыгай!

Он открыл рот для вопроса, но плита рухнула в черноту, я прыгнул вперед и в падении успел перехватить его за руку. Потная кисть выскользывает, как скользкая рыба, тело в стальных доспехах тянет в бездну, плита исчезла, и даже не стукнуло, не грюкнуло, не плеснуло. Плита все еще падает, а сэр Торкилстон вот-вот отправится ее догонять...

Ордоньес упал плашмя рядом с краем, его пальцы как крюком ухватили сэра Торкилстона за воротник. Глаза полезли на лоб, на гладком полу зацепиться не удавалось, его тело медленно сползло к краю, он безуспешно пытался зацепиться сапогами хоть за что-то.

— Ты... — прохрипел он, — чего так нажрался...

— Я человек с весом, — ответил с натугой Торкил-

стон. — Вам меня не поднять, сэр Ричард, и вы, благородный... гм... граф. Оставьте...

— Нет уж... — ответил я. — Верность сюзерену работает в обе стороны...

Но зацепиться не удавалось, а тяжесть тащит с такой силой, что сползание ускоряется. У меня мелькнула безумная мысль попытаться превратиться в птеродактиля, и хотя тяжелого рыцаря не подниму, то хотя бы смягчу наше падение...

— Господи, сэр Ричард!

Ордоньес внезапно исчез из поля зрения, мое сползание ускорилось, затем сильные руки уцепились в мои ноги, потащили, а когда из пропасти показались мои плечи, ухватили за них, а минуту спустя цапнули за руку сэра Торкилстона.

Вскоре все трое сидели над пропастью, тяжело дыша и стараясь не смотреть в бездну.

— Вообще-то, — сказал я, — нам как раз туда и спускаться. Теперь сэр Торкилстон обидится, что помешали его быстрому спуску.

— Очень быстрому, — согласился Торкилстон и зябко передернул плечами. — До сих пор трясет.

— И легкому, — добавил Ордоньес. — Как сокол-сапсан, что на лету уток бьет... Нам в самом деле туда?

— Другого пути нет, — ответил я. — Разве что назад.

Торкилстон, бледный и все еще вздрагивающий, старался не смотреть в сторону провала, Ордоньес же лег на живот и долго всматривался через край. Я направил туда шарик света и велел опускаться как можно ниже.

Видно было, как быстро тает отсвет на стенке, Ордоньес воскликнул довольно:

— Там не совсем пропасть! Можно сказать, что это как бы желоб. И не такой уж и крутой.

— Спускаемся, — сказал я.

— Как? — спросил он. — Просто попрыгаем?

— Свяжем пояса, — решил я. — Если там в самом деле не так уж и глубоко по вертикали.

Несмотря на протесты Торкилстона, решили все-таки спускаться, но пояса не выдержали, узел развязался, и мы заскользили вниз, безуспешно хватаясь за стены.

Нас вынесло в просторную пещеру, Торкилстон с проклятиями шлепнулся, как лягушка, и остался распостертым. Еще не веря, что все кончилось, а он еще почтум-то жив, Ордоньес начал похматывать, смешно ему, видите ли, я быстро огляделся, в груди прокатился нехороший холодок.

Снова тупик, перед нами стена, множество грубо на века вырезанных значков, даже на тысячелетия, что там века. Я быстро просмотрел их все, на всякий случай пробормотал:

— Во имя Отца, Сына и Святого Духа!

Торкилстон и Ордоньес смотрели на меня во все глаза, стена остается немой, Ордоньес сказал с ехидцей:

— На той стороне, вероятно, туговаты на ухо.

Торкилстон возразил:

— Сэр Ричард произнес святые слова скороговоркой, будто стыдится этих высоких слов! А надо с должным почтением.

Ордоньес удивился:

— Господу так уж важны оттенки нашего голоса?

Торкилстон указал на меня.

— Спросите у его светлости.

Ордоньес повернулся ко мне, я отмахнулся.

— Господь вообще нас не слушает, если уж честно. Все молитвы для нас самих... а еще друг для друга. И произносить должны с почтением не потому, что это важно для Господа, а потому что важно для строителей храма, в который входим.

Ордоньес вздохнул.

— Вы всегда хорошо объясняете, святой отец... прощите, ваша светлость. А не мог бы сэр Торкилстон произ-

нести эти слова должным образом? Он такой серьезный, у него все получается лучше. Даже это, как сокол-сапсан...

Торкилстон, не обращая внимания на злую шуточку, покачал головой.

— Нет. Произносить должен старший.

— Неужели стена различает титулы?

— Вряд ли, — ответил он осторожно, — но святые камни обычно определяют самого сильного духом в любой группе. Бывало, король не мог открыть зачарованный проход, но тот распахивался перед одним из его рыцарей.

Не вслушиваясь в их пикировку, я внимательно и строго смотрел на испещренную сатанинскими знаками, а как же иначе, стену. Да пошли они все лесом! В этом мире церковь рулит, а их волю исполняют инквизиторы и паладины...

— Во имя Отца и Сына, — сказал я резко и повелиительно, — и Святого Духа!.. Повелеваю признать силу более могущественную, чем твои демоны, покориться ей и отворить перед нами скрытый от посторонних глаз проход!

По стене пробежала странная рябь, будто струится вода, и снова стала застывшим камнем, нерушимым и монолитным.

— Во имя Господа, — сказал я, возвысив голос. — Да расточатся врази Его! Да бежит от лица Его ненавидящий Его!.. Разверзлись, повелеваю именем сотворившего весь мир!

По стене сверху вниз прошла изломанная трещина, похожая на корень причудливого растения. Торкилстон отпрыгнул подальше, треск зловещий, будто камни начинают перетирать друг друга в попытке вывалиться из стены.

— Во имя Творца! — крикнул я. — Покорись!

Раздался сухой треск, стена рухнула, рассыпаясь на множество крупных и мелких камней. Шарик света мгновительно осветил на той стороне широкий проход, ведущий вдаль и... вниз.

Торкилстон застонал, я перебрался через груду камней, Ордоньес сказал за спиной бодро:

— По крайней мере, не стоим. Ненавижу штиль!

Я шел осторожно, стены тоннеля выглядят едва не отполированными, а это обязывает к особой осторожности. Когда слишком хорошо сделано, это нехорошо. Подозрительно.

— Вот здесь, — сказал я, — надо прыгнуть.

— Надеюсь, — пробурчал сэр Торкилстон, — не слишком далеко?

— Не думаю, — сказал я, — что строители были необыкновенными прыгунами. Просто вон та плита с цветочком чем-то нехороша. Ну не нравится она мне! Утолщение спинного мозга предостерегает всерьез.

Ордоньес сказал беспечно:

— Давайте, я первым! А на какую прыгать?

— Первым я, — сказал я. — А вы смотрите на мои задние ноги. И вообще ступайте след в след. Мы как волки на боевом задании.

Торкилстон сказал с опаской:

— Нет, вы прыгаете... слишком опасно. Можете перескочить и нужную плиту. А вот из меня прыгун неважный. Если перепрыгну, вы оба сможете...

Глава 17

Его шатало, а язык от усталости заплетался. Я снял с него мешок с доспехами, Ордоньес кивнул понимающе и приготовился поддерживать Торкилстона, если тот свалится.

— Что вы делаете? — спросил Торкилстон с вялым достоинством.

— Уравниваю длину прыжка, — объяснил я. — Готовы? Тогда следуйте за сюзереном.

Я прыгнул без разгона, холодок страха пахнул снизу,

когда подозрительная плита проносилась подо мной, звучно ударился на той стороне подошвами и оглянулся с такой торопливостью, что чуть не свихнулся. Ордоньес скакнул следом, как горный козел, а Торкилстон отошел к противоположной стене, разогнался...

...чересчур, как оказалось, в последний момент нога поскользнулась, он не прыгнул, а почти проехал по всем плитам, и сразу же тяжело загрохотало, а свет странно померк.

Торкилстон даже не смог оглянуться, лежит, распластавшись и тяжело дыша, как выброшенный на берег кит.

Ордоньес закричал:

— Потолок!

Вся каменная масса потолка пошла вниз. Я быстро взглянул на стены, все четыре на месте, хотя для нас вообще-то нет разницы, но уже то, что не пошли сближаться, говорит о соблюдении каких-то законов мироздания.

— Бегом! — крикнул я.

Торкилстон устало простонал:

— Я даже с поля боя никогда не бежал!

— Я приказываю! — закричал я так, как никогда ни на кого не орал. — Это не бегство!

Он спросил надменно, не делая попыток подняться:

— А что?

— Заманиваем врага, — рявкнул я. — А потом убьем!

И ограбим!

Ордоньес подхватил его под руку и поволок за собой. Я бежал впереди, улавливая их топот в грохоте каменных плит, тоннель кажется бесконечным, но теперь то, что по-прежнему ведет под уклоном вниз, как, оказывается, хорошо и удобно...

Мы выскочили, пригибаясь, в небольшой зал, не столько зал, а как бы вздутие в длиннющей кишке тоннеля. Мой головы коснулась холодная каменная плита, я ощущал, какая немыслимая тяжесть в ней, согнулся и выкатился в продолжение тоннеля, там свод неподвижен.

Сэр Торкилстон упал на колени и остановился.

— Я не поползу на четвереньках! — заявил он негодующее. — Я и на колени никогда раньше...

Мы с Ордоньесом ухватили его и вытащили к себе как раз за секунду до того, как исполинская плита потолка прижалась к полу.

Потом был сплошной кошмар, на описание которого у летописцев ушло бы не меньше трёх томов, но я по-мужски буду краток: были еще пещеры, а в них обнаруживались жуткие порождения подземелий, с одними дрались, от других удирали, хотя для сэра Торкилстона это был воинский маневр по заманиванию противника.

В конце концов мы собрали за собой погоню из всех параллельных пещер и ходов, что где-то да соединялись, мчались со всех ног, сэр Торкилстон хрюпал, как загнанный жеребец, с Ордоньеса срывались клочья желтой пены. Сзади грохотало, первыми за нами гнались исполинские жуки-скарабеи, их с хрустом давили падающие плиты, стены сдвигались, потолки привычно опускались...

...впереди забрезжил странный свет, пот заливал мне глаза, я сам хрюпал и стонал, ноги подкашиваются, и вдруг в грудь ворвался свежий цветочный воздух, жар обрушился на голову и плечи, а глаза едва не ослепли от яркого света.

Под ногами хрустнули сочные стебли, я торопливо оглянулся. Из узкой расщелины в вознесенной до небес великанской стене выскочили, шатаясь, Ордоньес и Торкилстон.

За нами выметнулся гейзер желтой пыли, снизу поднялась каменная плита и закрыла вход с такой ювелирной точностью, что не просунуть и волоска... Пыль быстро осела, и даже я, не отводящий взгляд от тайного входа, уже не смог бы сказать, где он находится.

Оба повалились на траву, Ордоньес захватил зеленые стебли в пригоршни и, сорвав, поднес к лицу. На лице

счастье, неожиданно разразился хриплым каркающим смехом.

— Я думал... выйдем в преисподней!

Я сказал замученно:

— Такое здесь королевство. При землетрясении одни участки поднимались чуть ли не до небес, другие опускались... Эта долина, думаю, на уровне нашего Сен-Мари.

Торкилстон с трудом перевалился на спину, грудь вздымается бурно и с хрипами. Небосвод темно-синий, на западе уже в пурпуре, облачные горы окрасились торжественно-алым. Солнце, огромное и распухшее, медленно сползает по вогнутому небосводу к темному краю земли.

Ордоньес проворчал сиплым голосом:

— Слюньюте. Боюсь, и сейчас еще меняются местами. Хотя бы раз в сто лет.

— Сто лет, — сказал Торкилстон стонуще, — пусть даже каждый год...

Я торопливо осматривался, в сотне ярдов от нас роскошная роща олив, таких огромных и величественных, что просто библейские кроны, словно этот угол мира сохранился с тех допотопных времен, когда все было больше, прекраснее и чище.

В роще виднеется массивная скала размером с двухэтажный дом, черная, блестящая, словно только что родилась, изломы камня сверкают, не тронутые дождями и ветром, мое ухо уловило легкий плеск, словно широкая струя воды падает с небольшой высоты в бассейн...

— Если это не Сумрачный Гrot, — проговорил я сдавленным голосом, — то я и не знаю...

Ордоньес спросил, не поднимаясь:

— А на карте?

— Карта молчит, — сказал я, — а что она хрюкнет, если тут еще никто не мусорил...

Торкилстон промычал в землю:

— Добейте. Дальше ни шагу.

Ордоньес сказал сочувствующе:

— Вы правы, благородный друг. Давайте вашу мизерикордию. Вас куда, в глотку, сердце или пониже, чтоб прочувствовали?

Торкилстон буркнул:

— Ну и шуточки у вас, граф... Вы в самом деле граф?

— Еще какой, — ответил Ордоньес гордо, — разве не видно по стати? Мы с вами прошли по дорогам, по которым сэр Ричард каждое утро перед завтраком гуляет!

Торкилстон передернулся с головы до ног.

— Не хотел бы пойти по тем дорогам, по которым он после обеда и перед ужином...

Я прислушался, сказал резко:

— Тихо! Вон там вороны взлетели...

Они послушно затихли. Минуты тянулись, как густой клей, наконец из-за рощи показались пятеро усталых до крайности людей. Вспугнутые вороны со злобным карканьем покружились над их головами и начали снова опускаться на ветви. Я с изумлением узнал Вильярда и Боудеррию, оба поддерживают старого мага Дрексера и Алонсию. Замыкает шествие очень приземистый мужик, поперек себя шире, в доспехах с головы до ног и в роскошной рыжей бороде, выпущенной на бочкообразную грудь. Топает с гигантским топором через плечо, с уверенным и очень хозяйственным видом.

Я сравнил взглядом его рост с Вильярдом, понятно, это и есть пятый участник их группы, гном, которого встретили где-то по дороге.

— Видите? — спросил я. — Прут к Грату! Значит, еще не взяли Камень Яшмовой Молнии!

Торкилстон сказал сипло:

— Нам их не обогнать.

Ордоньес проворчал:

— Похоже на то. Однако хотя бы попытаемся.

— Как?

Я сказал быстро:

— Не высовывайтесь. Они измучены, но к Грату так

близко, что никуда от них не денется. И не побегут сейчас, пока нас не видят. Сейчас будут огибать рощу, а выждите, копите силы. Как только повернутся к нам спинами, бегите изо всех сил! Но без воплей, понятно.

— На цыпочках, — сказал Ордоньес. — Ага, тихо-тихо, как летучие рыбы.

— И так же быстро, — сказал я. — Во-о-от... Отдохнули? Теперь пора!

Торкилстон проговорил отчаянным голосом:

— Да уж наотдыхался на всю жизнь...

Я старался не сильно обгонять обоих, им останавливать гнома и Боддеррию, пока схвачусь насмерть с Вильярдом, иначе та же Боддеррия или даже принцесса ринется в грот и первой ухватит Камень Яшмовой Молнии.

Торкилстон сопит и дышит с хрипами, Ордоньес сильно похудел за время нашего путешествия, но глаза горят лихорадочным весельем. Оба грузно топают при беге, однако в группе Вильярда никто еще не услышал, у самих хрипят легкие, а ноги волокутся по земле, почти не отрывая от нее подошв.

— Еще чуть, — прошипел я тихо. — Догоняем! Готовьтесь к схватке. Сэр Торкилстон, где ваш арбалет?

— Уже взведен, — ответил он сипло.

— Берите в руки.

Вильярд идет в группе первым, его закрывают спинами Боддеррия и принцесса, он начал ускорять шаг, стремясь поскорее войти в Грот, до него уже сотня шагов, семьдесят, пятьдесят, тридцать, двадцать...

Я выхватил лук Арианта и быстро наложил стрелу. Еще три быстрых шага, опережая Торкилстона и Ордоньеса, я заорал страшным голосом:

— Всем стоять!.. Кто шелохнется — убиваем на месте!

Они начали останавливаться медленно и не сразу, словно мой свирепый вопль пробивался к ним сквозь грохот крови в ушах и шум в голове.

Торкилстон и Ордоньес догнали меня, встали по бо-

кам и даже чуть впереди. Торкилстон поднял арбалет к плечу, а Ордоньес с недоброй улыбкой подбросил и ловко поймал за рукоять длинный нож с узким лезвием.

Вильярд обернулся, измученный, глаза ввалились, щеки и глаза запали, скулы торчат, словно из песка кости доисторических животных, но рот упрямо сжат, а рука медленно потащила из ножен меч. Доспехи помяты, погнуты, с плеч сорваны стальные пластины, на блестящем панцире глубокие следы алмазных когтей, две сквозные пробоины и несколько вмятин, словно болты из арбалетов так и не сумели просадить стальные листы насеквоздь.

Боудеррия выглядит получше, ей не пришлось тащить на себе доспехи, но у нее справа на руке полумертвая принцесса Алонсия, на другой — такой же измотанный Дреслер. Маг, похоже, выложился, к счастью для нас, в защитную магию, всю или почти всю дорогу укрывая от свирепого зверя, но сам Вильярд держится по-мужски, принимал все удары на себя, даже я не могу сказать, что трусил или прятался за чужими спинами.

На меня все пятеро уставились злобно и беспомощно. Гном сразу же взял в обе руки топор и принял боевую стойку. Он оказался к нам ближе всех и готовился вступить в драку первым.

— Только эльфа недостает, — сказал я.

Гном услышал, поморщился, словно хватил уксуса, а сэр Торкилстон пробормотал:

— Гномы и эльфы не терпят друг друга. Если говорят, что где-то видели в одной команде, — брехня. Наглая брехня.

Я сказал громко:

— Вот что, ребята!.. У меня в руках особенный лук... вы о нем не слыхали, но могу поразить стрелой муху на лету. Или жука на во-о-о-он том камне. Вы его не видите, а я вижу. Мой друг сэр Торкилстон держит вас на прицеле арбалета, а граф Ордоньес, хоть и граф, но умеет бросать ножи, как никто другой... У вас нет шансов.

Вильярд прорычал:

— Есть!..

Я сказал громко:

— Сэр Торкилстон, перестаньте целиться в этого дурака. Ему жизнь не дорога. Возьмите на прицел принцессу. И как только этот меднолобый сдвинется, стреляйте. Насмерть.

Торкилстон послушно выбрал указанную мишень, хотя вряд ли выстрелит в женщину. Вильярд проследил взглядом за его руками, побледнел.

— Но это, — вскрикнул он срывающимся голосом, — подло!

— Это результативно, — возразил я. — Мы сделаем проще. Вы и я сразимся за тот Яшмовый Камень. Кто победит, тот и завладеет. А команда побежденного сложит оружие. Согласны?

Его измученное лицо вспыхнуло радостью, но голос прозвучал настороженно:

— Слишком хорошие для нас условия. Где подвох?

— Без подвоха, — заверил я. — Просто я сохранил больше сил. А вы, признаю, расчистили нам половину дороги. Даже больше. Благодаря вам мы прошли, как на прогулке. Итак?

Он повернулся к своим. Несмотря на крайнюю усталость, голос прозвучал мощно и достаточно уверенно:

— Никто не вмешивается и даже не притрагивается к оружию! Если буду побежден, чего Господь не допустит, сложите оружие и покоритесь его воле.

Все четверо его спутников смотрели на меня с бессильной ненавистью, но каждый кивнул. Боудеррия сунула мечи в ножны и уперла руки в крутые бока, а гном поставил топор рукоятью вверх на землю у ног, а пальцы застянули за неширокий ремень. Чародей лишь наклонил голову и сел на землю, ставши похожим на серый придорожный камень.

Я бросил красноречивый взгляд на принцессу. Блед-

ная, с вытянувшимся лицом, она смотрела на Вильярда отчаянными глазами и жалко прижимала руки к груди.

— Бой, — сказал он хрипло.

Я пошел навстречу, он тоже сделал несколько осторожных шагов. Оба следим друг за другом настороженно, теперь понимаю, с воином какого класса столкнулся, это герой, он тоже смотрит на меня совсем не так, как там, в столице.

Мечи сшиблись в воздухе, и хотя оба ударили вполсицы, однако по моим рукам пробежала болезненная дрожь, у Вильярда осталась сила двух-трех человек, но и его лицо изменилось, а в глазах метнулось удивление.

Я видел боковым зрением, как Торкилстон повел арбалетом и заставил Дрессера повернуться к нам спиной, вдруг да колданет на остатке сил, остальные не двигаются, на лицах жадное ожидание и отчаянная надежда.

Вильярд дышит тяжело, но пошел в атаку, начал бить сильно и часто. У меня заныли руки, но сцепил зубы и старался дышать ровно, пусть сбивает себе дыхание, пусть выкладывается. Я даже начал отступать и делать вид, что почти сломлен, но Вильярд не клюнул, держит стойку на широко расставленных ногах, не проваливается при ударе, прирожденный боец, чутьем угадывает ловушки и подвохи. Такие рождаются редко, самые сложные противники для любого, я начал искать пути, как поймать на ложный удар, он сделал вид, что клюнул, я сунулся вперед для удара, и острие его меча со скрежетом прорубило мне плечо, ожгло, как раскаленным железом.

Торкилстон горестно вскрикнул, мой наплечник окрасился кровью. Я сделал вид, что изнемогаю, крови еще больше должно выплыть под стальную скорлупу, начал закатывать глаза и пошатываться, чем Вильярд мгновенно воспользовался, а я снова проворонил, заигравшись: второй удар снес стальной налокотник и рассек кожу.

Рана мелкая, но сердце стучит часто, кровь гонит с силой, и она брызнула мощно и победно.

Боудеррия довольно вскрикнула:

— Добей его, Вильярд!

Я отступил, пошатываясь, кровь уже не течет, но кто об этом догадывается, пусть думают, что вот-вот сомлею от слабости. Вильярд наконец-то отбросил осторожность и бросился добивать.

Сам он устал уже так, что его шатает, как тростинку на ветру, а меч поднимает с таким трудом, словно это ствол столетнего дуба. Я сделал еще два неверных шага назад, Вильярд двигался за мной, как приклеенный, я остановился и, парировав удар его меча, с силой ударил в голову.

Раздался короткий резкий звон, Вильярд пошатнулся, колени подломились. Расколотый шлем слетел с головы, светлые волосы окрасились кровью.

Под горестный вскрик его команды он упал на бок, медленно и безвольно перевернулся на спину. Я наступил коленом ему на грудь, острие меча приставил к судорожно дергающемуся кадыку.

— Сда...ешь...ся?

Он прохрипел, глядя на меня безумными глазами:

— Лучше... в аду, чем...

Я задержал меч, посмотрел на застывшую Боудеррию, гнома и чародея. Принцесса смотрит отчаянными глазами, лицо белее мела. Думаю, был бы у нее нож, сейчас бы приложила лезвие к горлу или к сердцу.

Я медленно опустил меч. Я, конечно, не просто «ваша светлость», я в самом деле на светлой стороне, хоть и в темных крапинках, а то и в полосках, но мы все грешны, без этого пока не прожить, однако очень похоже, что эти пятеро на еще более светлой, чем я. А борьба за Камень Яшмовой Молнии смахивает на борьбу Добра с Добром.

— Вставай, — сказал я и протянул ему руку. — Ты хорошо, гад, сражался...

Все еще не веря, он с трудом поднял тяжелую руку. Я крепко ухватил за пальцы и рывком поднял закованную

в железо тушу на ноги и придержал, чтобы он не рухнул снова. Его все еще бросало из стороны в сторону, а глаза то и дело начинали смотреть в разные стороны или вовсе закатывались под верхние веки.

Сэр Торкилстон выразительно повел арбалетом в сторону остальных. Гном сердито сплюнул под ноги и пинком опрокинул топор. Боудеррия вытащила оба меча и швырнула на землю. Торкилстон суетливо подобрал их оружие, у чародея выхватил из рук посох и поспешно отпрыгнул.

Ордоньес широко и счастливо улыбался. Я прошел мимо потерпевших поражение, из Грота пахнуло спасительной прохладой. Ручей широкой зеркальной полосой льется сверху из щели и падает в небольшой бассейн.

Я осторожно вошел в воду, холоднющая, как хорошо, но нигде никакого особого Камня не видно...

Прислушавшись к чутью, я протянул руку в зеркальную струю. Холодная вода чуть пригнула руку приятной тяжестью, и в открывшемся окошке я увидел сияющий желтым, как осколок солнца, камень размером с куриное яйцо, с гладкими краями, словно струи воды обтачивают его тысячи лет.

Пальцы сомкнулись с некоторой дрожью, вдруг да шарахнет чем, но лишь холодный и достаточно тяжелый камень, словно из свинца или золота.

Я сунул в кармашек на поясе, повернулся и вышел в мир солнечного света. Вильярд обнимает прижавшуюся к нему принцессу, Боудеррия быстро и горячо убеждает в чем-то мага, только гном стоит с самым невозмутимым видом, засунув пальцы за ремень.

Все поняли по моему виду, что Камень у меня. Вильярд и его группа помрачнели, а Торкилстон, на глазах оживая, спросил бодро:

— Перекусим и в обратный путь?

— Только перекус назовем пиром, — ответил я и повернулся к противникам: — Сэр Вильярд, принцесса

Алонсия, Боудеррия, господин Дрескер и глубокоуважаемый герой из племени гномов, имени вашего пока не знаю, но догадываюсь насчет вашей королевской крови, нам лучше сесть за общий стол... ну, пусть это вот место и будет столом... перекусим, как говорит сэр Торкилстон, но это он просто пугает, никого перекусывать не будем...

Сэр Торкилстон в самом деле вытащил из мешка щедро пополняемые мною запасы. Гном уважительно покачал головой, когда на свет появились ломти жареного мяса, сыра, связка кровяных колбасок и краюха свежего хлеба. Он единственный, кто выглядит невозмутимым, на остальных лежит печать жестокого поражения и полного крушения всех надежд.

Ордоньес достал бурдюк с вином, сделал глоток и сунул кожаный мешок гному. Тот, не чинясь, отпил побольше, чем глоток, намного больше, с удовлетворением вздохнул и передал Боудеррии. Она приняла безучастно, во взгляде на меня я прочел бессильную ненависть, смешанную с удивлением. Отпила ритуально, не больше, сунула в руки Алонсии, но принцесса тут же поспешила передала Вильярду.

Он с тяжелым вздохом припал к горлышку и пил жадно, словно погибающий от жажды бедуин, наконец с невольным вздохом удовлетворения передал Ордоньесу.

Торкилстон нарезал хлеба и сыра, разложил ломтями мясо, выглядит так, словно только что прожарено, но Вильярд и его команда протягивали руки с осторожностью, словно кто-то вот-вот ударит палкой по пальцам.

— Вам теперь не укрыться от гнева короля, — сказал я. — Херлуф Сильвервуд... правитель. Он живет, как правитель, и поступает, как правитель. И все от него ждут правильных поступков, основанных на старых и не очень-то хороших обычаях. Вы нарушили все его планы, он просто вынужден будет вас жестоко покарать, иначе о нем будут говорить, что самодур и не уважает предков.

Вильярд сказал хмуро:

— Полагаете, мы об этом не знали?..

— И пошли на такое?

Он твердо посмотрел мне в глаза.

— Вы уже знаете, мы с Алонсией любим друг друга.

Я кивнул.

— Понятно, живете одним днем, о последствиях не думали. Но король вас не оставит. При всей симпатии к вам обоим вынужден будет отдать приказ, ради торжества справедливости для всех, отыскать и казнить. Да вы лучше меня знаете нравы и законы королевства.

Алонсия побледнела, крепко ухватилась за руку Вильярда, но на меня смотрела твердо и с вызовом.

— Могут и не отыскать, — пробормотал он.

— Отыщут, — пообещал я. — Неужели вы так плохо представляете возможности королей? Вроде бы уже лорд... Кроме армии платных и добровольных помощников, к их услугам еще и древняя чертовщина... Ладно, время дорого, могу предложить вариант получше, чем прятаться всю жизнь в норах. Вас перевезут на корабле адмирала Ордоньеса в обход левого отрога Хребта в Сен-Мари. Я дарую вам в управление обширные и плодородные земли. Это в моем маркграфстве. Там сейчас племя мергелей, весьма воинственное, что плохо, но и хорошо. Под вашей крепкой рукой, я вспоминаю ее с содроганием, скажу честно, станут не только хорошими работниками, но и дадут прекрасных воинов в вашу дружину. Укрепления придется строить самому, а также кое-что переиначить, но это уже частности, увидите на месте. Даже тяжкий труд на благо своей семьи лучше, чем увидеть свою голову на плахе...

Он дернулся, посмотрел на меня неверяще, но быстро взял себя в руки и застыл, только складки на лбу двигались, вот-вот сшибутся, как пластины земной коры.

Принцесса смотрела на меня исподлобья, лицо оставалось бледным и безжизненным.

— А что со мной?

Я оглядел ее внимательно.

— А вы, ваше высочество, как сами думаете?

Она опустила взгляд.

— Я уже ничего не думаю. Мы потерпели поражение, все теперь в вашей власти. К тому же и Камень Яшмовой Молнии у вас...

Я покачал головой.

— Поражение потерпели те, кто остался дома. Вы же выступили в трудный поход, терпели лишения, пробирались по болотам, сражались в лесах и подземельях, сумели пройти земли, где никто не проходил. В любом случае чему-то научились, что-то поняли... Считайте, сэр Вильярд уже получил очень неплохой надел земли, уверяю вас!

Она прошептала, не поднимая взгляда:

— Это я понимаю... Но что насчет меня? Какова моя судьба?

Я покал плечами.

— Отказавшись следовать воле родителей, вы сами выбрали свою судьбу. К сожалению, ничего не могу сказать вам хорошего. Из-за того, что убежали из дворца и пошли скитаться с этим... гм... сэром Вильярдом, вы для меня потеряли ценность как невеста. И ваш отец меня поймет и не осудит. Это значит, вольны следовать за сэром Вильярдом... если он изволит вас взять, вольны вообще идти на все четыре стороны!

Она подняла на меня взгляд, в глазах зажглись звезды, лицо быстро преображалось, становясь прекрасным.

— Вы... не шутите? Ох, не шутите так жестоко!

Я покачал головой.

— Какие шутки?.. Я на вас не претендую. Более того, отказываюсь. Кусайте теперь локти... Если сэр Вильярд еще не передумал вас брать с собой...

Она посмотрела на Вильярда. Тот вздрогнул, вскинул голову, быстро посмотрел на меня, перевел взгляд на нее.

— Принцесса, я прошу вас стать моей женой!

— Ох, Вильярд! — воскликнула она счастливо.

Они повернулись ко мне все еще с настороженно-

стью, Алонсия пугливо прижимается к Вильярду, а Бодеррия, маг и гном смотрят молча, еще не все переварили.

Я развел руками.

— Принцесса Алонсия не захотела счастья быть моей женой... что ж, эту ночь проведу с Бодеррией, а утром со своими людьми покину это место. У нас еще много срочных дел.

Все в удивлении смотрели на Бодеррию. Она сперва в великом удивлении округлила глаза, потом насмешливо поморщилась.

— Сэр Ричард, — произнесла она ясным ледяным голосом, — скорее небо рухнет, чем я приду к вам в постель!

В небесах догорают последние угли вселенского костра, на земле уже глубокая тень. Я поднялся, пожелал всем спокойной ночи, все-таки настороженность остается, втроем отошли на сотню шагов к самой могучей оливе, там раскидистые тяжелые ветви опускаются почти до земли, образуя вокруг ствола роскошный и просторный шатер.

Ордоньес сразу начал ломать ветки и готовить постель, не на голой же земле спать, Торкилстон спросил с сочувствием:

— Признайтесь, сэр Ричард, сильно шарахнуло?

Я посмотрел в его полные сочувствия глаза.

— Вы о поединке или... принцессе? Не поверите... но в данный политический момент меня прет от великого облегчения. Что-то слишком далеко зашли мои государственные интересы. Чуть было не женился на чужой мне женщине... Это вообще-то насилие... да хрен с нею, не жалко, но себя? Конечно, теряю быстрый способ хапнуть... но быстрый не всегда лучший.

Он переспросил неверяще:

— То есть, делая вот такую кислую морду, на самом деле рад-радехонек?

— Нет, — признался я, — если совсем уж честно, то

задело, вы правы. И сильно. Но все к лучшему, понимаете? Я не получил то, к чему стремился, но получил то, что мне надо.

Он кивнул.

— Ладно, мы с Ордоньесом отойдем и присмотримся пока. Хоть те и признали вашу власть, но... лучше побывать на страже. Да и места незнакомые, кто знает, что тут вылезет? Да еще ночью?

— Разумно, — согласился я.

Он ушел, я сел на груду веток и, сотворив шарик света, вытащил из мешка карту Гандерсгейма. Рыцарское войско уже вышло из Брабанта и начинает вторжение в мою марку. Надеюсь, первые дни пройдут без военных действий, наступление должно идти медленно и с обязательным закреплением на захваченных землях, так что я еще не совсем опоздал...

Посыкались шаги, ветви раздвинулись, как полог шатра. Лицо Бондеррии в слабом свете не рассмотреть, глаза таинственно мерцают, а голос прозвучал с прежним вызовом:

— Там небо рухнуло, а вы чем заняты?

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	41
Глава 5	58
Глава 6	71
Глава 7	81
Глава 8	89
Глава 9	99
Глава 10	106
Глава 11	116
Глава 12	123
Глава 13	135
Глава 14	146
Глава 15	153

ЧАСТЬ 2

Глава 1	192
Глава 2	204
Глава 3	215
Глава 4	226
Глава 5	235
Глава 6	243
Глава 7	252
Глава 8	259
Глава 9	267
Глава 10	278

Глава 11	287
Глава 12	297
Глава 13	305
Глава 14	312
Глава 15	322
Глава 16	327
Глава 17	335

ЧАСТЬ 3

Глава 1	346
Глава 2	354
Глава 3	362
Глава 4	371
Глава 5	381
Глава 6	389
Глава 7	396
Глава 8	403
Глава 9	413
Глава 10	422
Глава 11	431
Глава 12	442
Глава 13	454
Глава 14	465
Глава 15	473
Глава 16	483
Глава 17	493

Литературно-художественное издание
БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Гай Юлий Орловский
РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — КОНУНГ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариakov*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *И. Ковалева*

Корректор *Л. Баскакова*

В оформлении переплета использован рисунок *В. Коробейникова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 12.04.2010.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,88.
Тираж 65 000 экз. Заказ 4002279

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ISBN 978-5-699-42249-4

9 785699 422494 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksмо-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksмо-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
international@eksмо-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vipzakaz@eksмо.ru**

**Оптовая торговля бумагио-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksмо-sale.ru, сайт: www.kanc-eksмо.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрэзерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Ставки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. За.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ISBN 978-5-699-42249-4

9 785699 422494 >

Фрич@рд

Длинные Руки —

конунг

